

СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

Научный журнал

2024

№ 4

**Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 54966 от 08.08.2013)**

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 94047

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии

Учредитель – Томский государственный университет

Главный редактор

Функ Дмитрий Анатольевич, Московский государственный лингвистический университет, Россия

Редакционная коллегия:

Соколовский Сергей Валерьевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия – заместитель главного редактора

Зайцева Ольга Викторовна, Томский государственный университет, Россия – заместитель главного редактора

Хазанов Анатолий Михайлович, университет Висконсин-Мэдисон, США
Нам Ираида Владимировна, Томский государственный университет, Россия
Швайцер Петер, университет г. Вена, Австрия

Трубина Елена Германовна, Уральский федеральный университет, Россия

Редакторы отдела рецензий:

Басов Александр Сергеевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Ковальский Святослав Олегович, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Редакционный совет:

Балзер Марджори Мандельштам, Джорджтаунский университет, США

Бич Хуберт, университет г. Уппсала, Швеция

Бирталан Агнеш, университет им. Лоранда Этвеша, Венгрия

де Грааф Тьеерд, университет г. Гронинген, Нидерланды

Грант Брюс, университет Нью-Йорка, США

Дериглазова Лариса Валериевна, Томский государственный университет, Россия

Дыбо Анна Владимировна, Институт языкознания РАН, Россия

Дятлов Виктор Иннокентьевич, Иркутский государственный университет, Россия

Завьялов Владимир Игоревич, Институт археологии РАН, Россия

Зиновьев Василий Павлович, Томский государственный университет, Россия

Крадин Николай Николаевич, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Россия

Лбова Людмила Валентиновна, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия

Миськова Елена Вячеславовна, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Степанов Шарль, Практическая Школа Высших Исследований, Франция

Харусь Ольга Анатольевна, Томский государственный университет, Россия

Хлыновская-Рокхилл Елена Владимировна, Кембриджский университет, Великобритания, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Секретарь: *Альбина Глуценко (Рассказчикова)*, Томский государственный университет, Россия

Переводчик: *Даниил Уигет*, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет.

E-mail: shrjournal@mail.tsu.ru. Сайт журнала: www.journals.tsu.ru/siberia

Издательство: Издательство Томского государственного университета.

Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75

Сайт: <http://publish.tsu.ru>

E-mail: rio.tsu@mail.ru

Founder – Tomsk State University

Editor-in-Chief

Funk, Dmitriy, Moscow State Linguistic University, Russia

Editorial Board:

Sokolovskiy, Sergey, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia – Associate Editor

Zaytseva, Olga, Tomsk State University, Russia – Associate Editor

Hazanov, Anatoliy, University of Wisconsin-Madison, USA

Nam, Iraida, Tomsk State University, Russia

Schweitzer, Peter, University of Vienna, Austria

Trubina, Elena, Ural Federal University, Russia

Book Review Editors:

Basov, Aleksandr, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Kovalskiy, Svyatoslav, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Editorial Advisory Board:

Balzer, Marjorie Mandelstam, Georgetown University, USA

Beach, Hubert, Uppsala University, Sweden

Birtalan, Agnes, Eotvos Lorand University, Hungary

de Graaf, Tjeerd, Groningen University, the Netherlands

Grant, Bruce, University of New York, USA

Deriglazova, Larisa, Tomsk State University, Russia

Dybo, Anna, The Institute of Linguistics, RAS, Russia

Dyatlov, Viktor, Irkutsk State University, Russia

Zavyalov, Vladimir, Institute of Archaeology RAS, Russia

Zinoviev, Vasiliy, Tomsk State University, Russia

Kradin, Nikolay, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS, Russia

Lbova, Lyudmila, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russia

Miskova, Elena, Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Russia

Stépanoff Charles, Ecole Pratique des Hautes Etudes, France

Kharus, Olga, Tomsk State University, Russia

Khlinovskaya Rockhill, Elena, University of Cambridge, UK,
Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Secretary *Albina Glushchenko (Rasskazchikova)*, Tomsk State University, Russia

Translator *Daniel Wiget*, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ АНТРОПОЛОГИИ

Ковальский С.О., Басов А.С. Северное поле в советской этнографии: московские экспедиции на Таймыр во второй половине XX в.	6
Новикова Н.И. Антропологизация права (на примере законов о коренных малочисленных народах Севера)	59

АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ В АКАДЕМИЧЕСКОМ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Стручкова Н.А., Пестерева К.А., Слепцова А.А. Антропологическое направление в научно-образовательной деятельности исторического факультета СВФУ имени М.К. Аммосова	78
--	----

АРХЕОЛОГО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Зайцева О.В., Вавулин М.В., Водясов Е.В. Увидеть невидимое: цифровая реконструкция и выявление новых рисунков грота Акбауыр	100
Василевский А.А., Васильев С.В., Боруцкая С.Б., Пашенцев П.А., Можяев А.В., Лейбова Н.А., Галеев Р.М. Погребальный обряд и антропология айну Южного Сахалина по материалам некрополя Нового времени Кузнецово 1	113

MISCELLANEA

Шкунов В.Н. Сибирь и Государство Йеттишар: эволюция внешнеторговых связей	141
Петров А.Ю. Кругосветные экспедиции из Санкт-Петербурга в первой половине XIX в.: финансово-хозяйственный аспект	160
Белякова Е.М. Обмен и долг у короваев Новой Гвинеи: этнография одного конфликта	181
Колесник А.С. Музыкальное прошлое как часть культурного наследия североанглийских рабочих городов: пример Салфорда	212

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Sokolovskiy S.V. Recent Books on Digital Research Methodology for Social Scientists: An Overview	230
Функ Д.А. Сценарии будущего в антропологической оптике	240

CONTENTS

HISTORY AND THEORY OF ANTHROPOLOGY

Kovalskii S.O., Basov A.S. The Northern Field in Soviet Ethnography: Moscow-based Expeditions to the Taimyr Peninsula in the Second Half of the 20th cent.	6
Novikova N.I. Anthropologization of Law (On the Example of Laws on Small Indigenous Peoples of the North)	59

ANTHROPOLOGY AND ETHNOLOGY IN ACADEMIA AND EDUCATION

Struchkova N.A., Pestereva K.A., Sleptsova A.A. Anthropological Research in the Scientific and Educational Activities at the Faculty of History of the Ammosov North-Eastern Federal University	78
--	----

ARCHAEOLOGICAL AND ANTHROPOLOGICAL STUDIES

Zaitceva O.V., Vavulin M.V., Vodyasov E.V. Seeing the Invisible: Digital Reconstruction and Identification of New Drawings of the Akbauyr Grotto	100
Vasilevski A.A., Vasilyev S.V., Borutskaya S.B., Pashentsev P.A., Mozhaev A.V., Leibova N.A., Galeev R.M. Funeral Rite and Anthropology of the Ainu of Southern Sakhalin Based on Materials from the Necropolis of the New Time Kuznetsovo 1	113

MISCELLANEA

Shkunov V.N. Siberia and the State of Yettishar: The Evolution of Foreign Trade Relations	141
Petrov A.Yu. Round-The-World Voyages From St. Petersburg In the First Half of the 19th Century: Financial and Economic Aspects	160
Belyakova E.M. Exchange and Debt among the Korowai of New Guinea: Ethnography of One Conflict	181
Kolesnik A.S. Musical Past as Cultural Heritage in North English Working Towns: The Case of Salford	212

REVIEWS

Sokolovskiy S.V. Recent Books on Digital Research Methodology for Social Scientists: An Overview	230
Funk D.A. Scenarios for the Future in Anthropological Optics	240

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ АНТРОПОЛОГИИ

Научная статья
УДК 394; 001.891.55
doi: 10.17223/2312461X/46/1

Северное поле в советской этнографии: московские экспедиции на Таймыр во второй половине XX в.

Святослав Олегович Ковальский¹
Александр Сергеевич Басов²

^{1, 2} *Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
Москва, Россия*

¹ *sokovalsky@iea.ras.ru*

² *a.basov@iea.ras.ru*

Аннотация. В статье исследуются параметры полевой работы, проводившейся на Таймыре сотрудниками сектора Севера Института этнографии АН СССР. На основе анализа архивных материалов и публикаций реконструируются особенности таймырских экспедиций, включая их организационные рамки, сроки и географический охват. Конкретные связи полевых практик и текстов прослеживаются на примере работ В.И. Васильева. Авторы показывают, как краткосрочный и маршрутный характер большинства экспедиций зависел от теоретической структуры послевоенной советской этнографии, сочетавшей «анучинскую программу» естественной истории человека и марксистский историзм. Эта методологическая база определила фокус на изучении народов в целом (а не отдельных локальных групп), необходимость широкого географического охвата и комбинирование различных типов источников. Авторы демонстрируют отличие данного подхода от довоенной ленинградской этнографической школы с её установкой на длительное стационарное изучение.

Ключевые слова: советская этнография, полевая работа, Северная экспедиция Института этнографии, сектор Севера Института этнографии, В.И. Васильев, Таймыр, методология этнографических исследований, Д.Н. Анучин, историзм, коренные народы Севера

Благодарности: статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-328). Авторы выражают благодарность начальнику отдела архива ИЭА РАН В.В. Слисковой за помощь в подборе архивных дел; С.С. Алымову и И.В. Кузнецову за обсуждение черновика статьи; заведующей отделом Севера и Сибири ИЭА РАН Е.А. Пивневой, а также сотрудникам отдела Е.П. Батяновой и А.А. Сириной за поддержку наших начинаний в области истории этнографической науки; М.А. Мочаловой и А.А. Пушкину за совместную работу с таймырскими материалами, приведшими к обсуждаемым в статье вопросам; М.Г. Кучинскому и В.С. Михайловой за консультации по работе над картами.

Для цитирования: Ковальский С.О., Басов А.С. Северное поле в советской этнографии: московские экспедиции на Таймыр во второй половине XX в. // Сибирские исторические исследования. 2024. № 4. С. 6–58. doi: 10.17223/2312461X/46/1

Original article

doi: 10.17223/2312461X/46/1

The Northern Field in Soviet Ethnography: Moscow-based Expeditions to the Taimyr Peninsula in the Second Half of the 20th cent.

Sviatoslav O. Kovalskii¹, Aleksandr S. Basov²

*^{1, 2} Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation*

¹ sokovalsky@jea.ras.ru

² a.basov@jea.ras.ru

Abstract. The article examines the organization of ethnographic fieldwork conducted in the Taimyr Peninsula by the researchers of the Department of the North of the Institute of Ethnography of the Academy of Sciences of the USSR. Drawing on the analysis of archival materials and publications, the features of Taimyr expeditions are reconstructed, including their institutional framework, terms and geographical coverage. Specific connections between field practices and texts are traced through the example of V.I. Vasiliev's works. The authors show how the short-term and itinerant nature of most expeditions and the theoretical structure of postwar Soviet ethnography, which combined the “Anuchin program” of human natural history and Marxist historicism, correspond. This methodological framework determined the focus on the study of peoples as a whole (rather than individual local groups), the need for broad geographical coverage, and the combination of different types of sources. The authors demonstrate the difference between this approach and the pre-war Leningrad ethnographic school with its emphasis on long-term stationary studies.

Keywords: Soviet ethnography, fieldwork, the Northern Expedition of the Institute of Ethnography, the Department of the North, V.I. Vasiliev, Taimyr Peninsula, methodology of ethnographic research, D.N. Anuchin, historicism, indigenous peoples of the North

Acknowledgements: The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-328). The authors express their gratitude to V.V. Sliskova, the head of the Archives Department at the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, for assistance in selecting archival materials; to S.S. Alymov and I.V. Kuznetsov for discussing the draft article; to E.A. Pivneva, the head of the Department of the North at the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, as well as to department staff members E.P. Batyanova and A.A. Sirina for supporting our initiatives in the history of ethnography; to M.A. Mochalova and A.A. Pushin for joint work with Taimyr materials that raised the questions discussed in the article; to M.G. Kuchinsky and V.S. Mikhailova for consultations on working with maps.

For citation: Kovalskii, S.O. & Basov. A.S. (2024) The Northern Field in Soviet Ethnography: Moscow-based Expeditions to the Taimyr Peninsula in the Second Half of the 20th cent. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 6–58. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/46/1

Введение

Пожалуй, каждому аспиранту, обучавшемуся по специальности 07.00.07 «Этнография, этнология и антропология» (думается, это справедливо и для новой номенклатуры 5.6.4), приходилось слышать на обсуждении тем диссертационных исследований вопрос о наличии полевого опыта и при скептическом отношении коллег к предложенной теме благожелательное напутствие «поле подскажет». Эта формула выражает установку на знакомство с «полем» как на ключевой критерий антропологической (в отечественной традиции – этнологической/этнографической) квалификации¹. За скобками при этом нередко остается общее понимание предмета знакомства, а также возможность и условия этого знакомства. Вместе с тем это вопросы не праздные. Идея поля – складывающийся в ходе профессиональной социализации набор неявных представлений о том, что может считаться приемлемым, «хорошим» этнографическим полем, – как показали А. Гупта и Дж. Фергюсон на примере американской и британской антропологии, будучи оставлена за рамками рефлексии, накладывает существенные ограничения на изучение целых регионов и тематических областей, сужая в том числе и методический репертуар науки (Гупта, Фергюсон 2013). При этом, продолжают они свою мысль, полноценное обсуждение вопросов настоящего и будущего дисциплины невозможно без такой рефлексии: во-первых, поле есть основной способ отличать антропологию от смежных наук и невозможно обсуждать границы и предмет дисциплины, не обсуждая существо полевой работы; во-вторых, такое обсуждение необходимо для снятия несоответствия «между проблемами, возникающими в подвижном, меняющемся и глобализирующемся мире, с одной стороны, и теми ресурсами, которые предоставляет метод, изначально разработанный для исследования предположительно небольших обществ – с другой» (5).

Можно указать на сходное положение дел с рефлексией идеи “поля” и в российской антропологии (ср.: Соколовский 2009, 2011). Вместе с тем, есть и лежащее на поверхности важное отличие: в то время как в англо-американской антропологии длительное локализованное поле перестает считаться само собой разумеющейся нормой и получает распространение так называемая полилокальная этнография (Marcus 1995), в постсоветской этнологии «полевая работа в общине или группе продолжительностью не менее годового цикла» (Тишков 1992: 10–11) провозглашается нормой, на которую следует ориентироваться. Последнее, по всей видимости, является продолжением позднесоветской реакции на прежние советские каноны этнографической науки (Elfimov 2012: 97–98).

Между тем установить, каковы были эти каноны – что считалось хорошо выполненной полевой работой и почему, – оказывается не так просто. Казалось бы, такое представление должен давать «Свод этнографических понятий и терминов» – своего рода энциклопедия советской этнографии. Однако из наиболее релевантной статьи – «Полевой этнографии» за авторством С.И. Вайнштейна (1988b) – можно понять, какое разнообразие действий можно совершать в поле, но нельзя понять, как нужно эти действия сочетать и в каком объеме. Помимо определения собственно полевой этнографии – «исследования, ведущиеся среди живых народов с целью сбора первоначальных этнографических данных об отдельных структурных компонентах традиционно-бытовой культуры и их функционировании как определенной системы» (Вайнштейн 1988b: 205), – в статье упоминаются непосредственное наблюдение, опрос, анкетирование, интервью, картографирование, вводятся понятия выборки, стационарных и экспедиционных исследований, провозглашается (но не объясняется) связь задач и методов полевой этнографии с общими принципами марксистской науки. При этом статья помещена в раздел «Методы», что можно рассматривать в качестве свидетельства того, что дискурс о «поле» в советской этнографии разворачивался в первую очередь в рамках дискуссий о методе.

Корпус советской методической литературы, однако, невелик. В библиографии трудов Института этнографии (ИЭ) Академии наук СССР за 1900–1962 гг. в соответствующем разделе (Библиография 1967: 27–28) насчитывается всего семь публикаций, посвященных методике полевой работы, из которых четыре – разные варианты двух текстов. Остальные представляют собой программы/вопросники или посвящены другим вопросам этнографической методологии. Вплоть до 1985 г. подавляющая часть методической литературы (по крайней мере, производимой ИЭ) была тематически ограниченной: типичная публикация называлась «К методике полевого изучения <название темы>» (см.: Библиография 2008; Библиография 2011). Наиболее общей оказалась дискуссия о методах полевого исследования «современности» и «традиционной культуры», состоявшаяся в 1985–1986 гг. на страницах «Советской этнографии» и добавившая к обсуждаемому корпусу две статьи и реплики к ним (Вайнштейн 1985, 1986; Обсуждение 1985а; Обсуждение 1985b; Шмелева 1985, 1986). Дискуссионный характер этих текстов не позволяет опираться на них как на программные или хотя бы обзорные.

Показательно, что за весь советский период было опубликовано всего два пособия по методам полевой работы (Arzyutov, Kan 2017: 62)². Ограниченность доступной методической литературы в советской этнографии, по всей видимости, компенсировалась неформальной передачей полевых знаний и умений. Так, участница дискуссии 1985 г. М.Н. Шмелева отмечала: «Накопленный многими поколениями этнографов большой

опыт ведения собирательской работы передается, к сожалению, главным образом “из рук в руки”, “из уст в уста”» (Шмелева 1986: 61). Об этом же пишут Д. Арзютов и С. Кан, ссылаясь на беседы с коллегами: «...подготовка к полю осуществлялась в виде устного общения внутри [научной] школы или же через участие в больших коллективных экспедициях» (Arzyutov, Kan 2017: 62).

Непосредственное обращение к советской этнографической литературе, которое будет здесь представлено, обнаружило, что при всей щедрости в описании сторон «народной» жизни этнографы весьма скупы в освещении собственной полевой жизни (ср.: Титорский 2010). В опубликованных текстах не сообщались сведения о методах полевой работы. Как правило, даже изложения ее параметров были ограничены весьма приблизительными сведениями о сроках и маршрутах. Указание конкретных дат было редкостью, а представление экспедиционных маршрутов зачастую сводилось к указанию административных (районов или советов) и хозяйственных единиц (колхозов, совхозов, промхозов). Иногда авторы и вовсе ограничивались лаконичным «поездка к <этноним>». Рассуждения о том, что делать и что делается в поле, публиковались в отрыве от результатов полевых исследований и представляли собой самостоятельный корпус текстов, упоминавшийся выше. Наконец, в исключительно редкой публикации к этнографии прилагался такой важный для советской научной школы исследовательский инструмент, как «программа» полевой работы³.

Одновременно с этим нет обобщающих историко-научных работ о полевых исследованиях в советской этнографии в целом. Существующая литература дает лишь фрагментарное представление, даже несмотря на наличие весьма обстоятельных исследований конкретных полевых работ (см., например: Алымов 2010, 2013), главным образом из-за своей разнородности: хронологической, географической и жанровой – от исследований полевой деятельности конкретного этнографа в раннесоветский период на Охотском побережье по архивным материалам до граничащих с публицистикой мемуарных очерков об участии в международных междисциплинарных полевых проектах 1980-х гг. в Закавказье (ср., например: Гурвич 1968 и Очерки экспедиционного быта... 2001). Можно сказать, что «поле» советской этнографии мало представлено не только в теории, но и на практике. Это касается и конкретного поля, которое интересовало нас: имеющаяся историко-научная литература дает некоторое представление лишь о той полевой этнографической работе на Таймыре, которая предшествовала второй половине XX в. (см.: Сулейманов 2012; Данилейко 2013; Хорина 2016; Саввинов 2017), в то время как большая часть экспедиций имела место в послевоенный период. Литература, посвященная советскому этнографическому североведению, скупа на сведения о конкретных послевоенных полевых исследованиях,

лишь в отдельных случаях характеризую их в общем виде (Гурвич 1990; Батьянова 2017), и скорее дает общий политический и интеллектуальный контекст (Schweitzer 2001; Слезкин 2008; Vitebsky, Alekseyev 2015; Funk 2018; Октябрьская, Романова 2020; Головнев, Данилова 2021; Пивнева 2022; Sirina 2023). Те же замечания справедливы в отношении биографической литературы (Васильев, Симченко 1964; Борис 1974; Вайнштейн 1992, 2002; Владимир 1994; Савоскул, Соколова 1995; Батьянова 1996; Симанкова 2003; Не любопытства ради, а познания для... 2011; Громыко 2015; Карлов 2017).

Столкнувшись в нашей профессиональной деятельности с этой ситуацией, мы решили создать соответствующее описание. На опубликованном и архивном материале мы предприняли попытку реконструировать полевую практику советских этнографов-таймыроведов, сфокусировав внимание на этнографических исследованиях сотрудников сектора по изучению социалистического строительства у малых народов Севера / этнографии народов Крайнего Севера (далее – сектор Севера) московской части ИЭ⁴. Далее мы представим основные параметры таймырских полевых исследований сотрудников сектора Севера, а также на примере одного сотрудника – самодиста В.И. Васильева – методологические параметры работы в одном из северных «полей» советской этнографии. Затем мы обсудим полученные нами результаты в контексте исследовательского проекта, предложенного в упомянутой выше работе Гупты и Фергюсона, и выскажем некоторые предположения о том, почему параметры послевоенных этнографических экспедиций на Север были именно такими, исходя из теоретических особенностей советской этнографии.

Параметры таймырских экспедиций⁵

Прежде чем перейти к результатам исследования, кратко опишем его ход. Чтобы установить параметры таймырских экспедиций, мы осуществили: 1) поиск публикаций, содержащих сведения о конкретных полевых этнографических исследованиях, проводившихся на Таймыре (литература биографического, историко-научного и отчетного характера); 2) поиск публикаций этнографов-таймыроведов, основанных на материалах, собранных в ходе полевых этнографических исследований (научные статьи и монографии, посвященные непосредственно народам Таймыра или опирающиеся на собранные в регионе полевые материалы для обсуждения более общих научных проблем); 3) поиск архивного материала по полевым этнографическим исследованиям на Таймыре (официальная документация по организованным сектором Севера полевым исследованиям на Таймыре – отчеты отрядов экспедиций, отдельных со-

трудников или сектора в целом, а также полевые дневники и иногда программы полевой работы находятся в фондах Архива Российской академии наук (АРАН) и научного архива Института этнологии и антропологии РАН (НА ИЭА РАН)). Найденные материалы анализировались на предмет сроков, маршрутов, участников и других деталей полевой работы. Также мы пытались устанавливать связи между исследовательскими текстами и конкретными экспедициями.

Анализ публикаций и архивного материала позволил создать своего рода хронику полевого этнографического изучения Таймыра сектором Севера. Всего в советский период мы выявили примерно 28 экспедиций. Примерность подсчетов обусловлена размытостью, а в отдельных случаях неясностью организационных рамок. Формально большая часть (21) полевых исследований, для которых известны организационные рамки, была проведена в ходе многолетней экспедиции – так называемой Северной⁶. На практике полевые работы отрядов и групп, проводимые в разные годы, представляли собой самостоятельные экспедиции. Вместе с тем есть пример формально обособленных, но фактически взаимоувязанных экспедиций, которые можно рассматривать как одно полевое исследование: речь идет о работах Таймырского отряда Северной экспедиции (Б.О. Долгих, Л.А. Файнберг и Т.Б. Долгих) и Енисейского отряда Комплексной экспедиции (В.А. Туголуков, В.И. Васильев, художник Ю.Б. Иванов) в 1959 г. (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 39. Л. 47–48; Д. 40. Л. 192, 207; Ф. 47. Оп. 5. Д. 1753; см. также: Васильев, Туголуков 1960). С другой стороны, в некоторые годы имели место и, по сути, независимые друг от друга экспедиции в рамках одного отряда, например, поездки В.И. Васильева и Ю.Б. Стракача в 1960 г. (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 47. Л. 25, 30; Васильев 1962: 67); Ю.Б. Симченко, И.М. Золотаревой, а также В.И. Васильева в 1961 г. (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 53. Л. 10, 43); В.В. Лебедева, С.В. Сучкова, а также М.М. Бронштейна в 1986 г. (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 177. Л. 19; Д. 183. Л. 1). Впрочем, не всегда удавалось твердо установить организационные рамки (например, экспедиция Б.О. Долгих 1961 г.), а в одном случае экспедиция, по всей видимости, носила неформальный характер – исследование Ю.Б. Симченко и А.И. Мухлинова в 1968 г., выполненное «сверх плана» (АРАН. Ф. 142. Оп. 10. Д. 828. Л. 34). Другой сложный случай – экспедиция 1963 г. с участием В.И. Васильева, Ю.Б. Симченко, и кинооператора Э.Л. Тимлина (АРАН. Ф. 142. Оп. 10. Д. 257. Л. 5, 31, 43), проводившаяся, с одной стороны, по заданию Комиссии по проблемам Севера⁷, Совета по изучению производительных сил (СОПС) при Госплане СССР и Группы Севера при Совете министров РСФСР⁸, с другой – в рамках Таймырской группы Северной экспедиции⁹. В наших подсчетах количества экспедиций мы учитывали как формально, так и фактически само-

стоятельные полевые работы. Есть вероятность, что не все имевшие место экспедиции сотрудников сектора Севера нашли отражение в проанализированных источниках. На такие мысли нас натолкнула дополнительная работа с личным фондом Б.О. Долгих¹⁰.

Далеко не для всех экспедиций нам удалось установить точные датировки сроков, а для нескольких не удалось установить их вовсе (это касается поездок с участием Ю.Б. Симченко 1964–1965, 1968, 1974 гг.). Тем не менее имеющиеся данные (содержащие иногда названия месяцев, но не точные их числа: «апрель–июль», а иногда и просто указание количества месяцев без их названий: «2 мес.») позволяют судить о предельной, пусть в некоторых случаях и приблизительной, продолжительности полевых исследований (рис. 1).

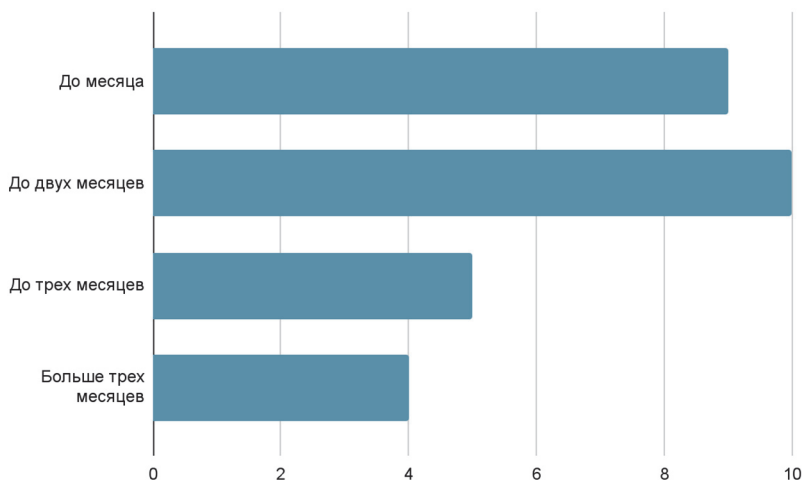

Рис. 1. Продолжительность экспедиций

Учитывая описанные выше ограничения, мы можем утверждать с пометкой «не более чем», что средний срок в поле составлял 63 дня, а медианный – 47 дней. Самая продолжительная экспедиция длилась около семи месяцев – поездка Ю.Б. Симченко в 1961 г. (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 53. Л. 43; Любовец, Симченко 1968: 208–218); самая короткая, проведенная в 1977 г. В.И. Васильевым, художником В.А. Масленниковым и тогда студентом-практикантом А.В. Головневым, – 21 день (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 122. Л. 155–170; Васильев 1979с). При этом к середине 1960-х гг. заметен спад длительности пребывания в поле, после которого она лишь дважды превышала двухмесячный срок – в 1980-е гг. (рис. 2).

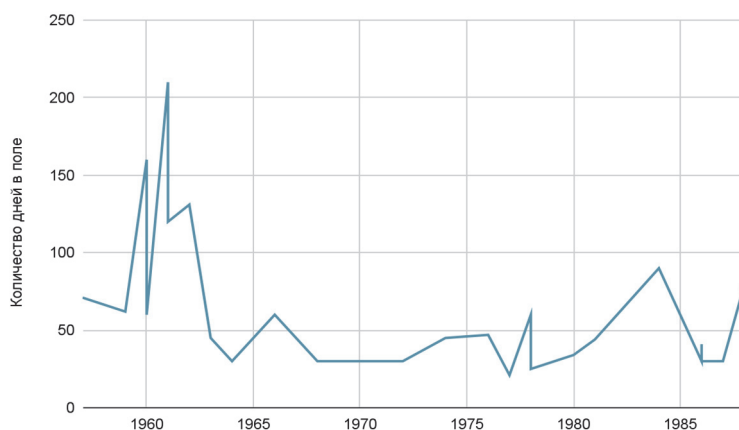

Рис. 2. Динамика продолжительности полевой работы

Сезонность экспедиций, для которых удалось установить сроки, представлена на рис. 3. Из нее видно, что сотрудники Сектора практически не вели полевых работ календарной зимой¹¹ и большая часть экспедиционного времени приходилась на летние месяцы. При этом, однако, стоит учитывать, что климатическая зима на Таймыре длится больше шести месяцев, и октябрь, ноябрь, март, апрель и даже май – это, по сути, зимние месяцы (см.: Средняя Сибирь 1964: 99–104). Более значимым для характеристики рассматриваемой здесь полевой этнографии скорее является то, что сотрудники Сектора, по всей видимости, не заставляли полярной ночи (декабрь – первую половину января) и, соответственно, не наблюдали непосредственно общественной жизни в этот период.

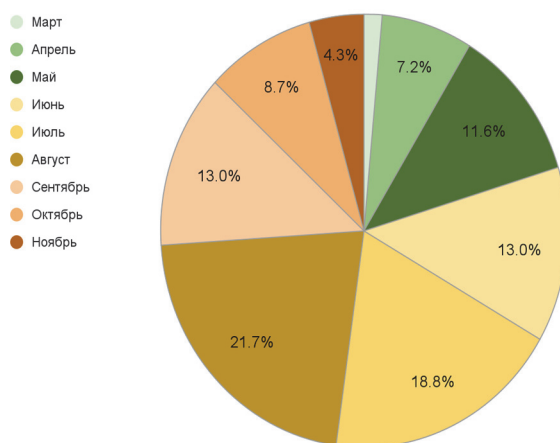

Рис. 3. Сезонность экспедиций

Если пытаться охарактеризовать полевые работы с точки зрения их организации и проведения (см.: Громов 1966: 11–14), то во всех случаях они были экспедиционными, причем, как правило, кратковременными – «от нескольких недель до нескольких месяцев» (12). Лишь отдельные полевые исследования можно назвать долговременными или стационарными экспедициями (например, поездки В.И. Васильева к энцам и поездки Ю.Б. Симченко к авамским и таймырским нганасанам в первой половине 1960-х гг.). По методу сбора полевых этнографических материалов большая часть экспедиций, по всей видимости, представляла собой маршрутные обследования, в некоторых случаях с элементами кустового. К сожалению, проанализированные источники позволяют лишь в отдельных случаях восстановить точные маршруты этих обследований (это касается более ранних экспедиций – 1957 и 1959 гг.). В остальных случаях в нашем распоряжении имеются сведения по посещенным населенным пунктам, районам и/или группам, но не последовательность этих посещений, поэтому далее для характеристики пространственных параметров изучения таймырского «поля» мы будем оперировать единицей «выезд», т.е. посещением отдельного населенного пункта или хозяйства в рамках экспедиции.

Карта на рис. 4 иллюстрирует территориальное распределение исследований сотрудников сектора Севера на Таймыре. На карте отмечены населенные пункты и хозяйственные организации (колхозы, совхозы, госпромхоз)¹², которые посещали в рамках экспедиций сотрудники ИЭ. Их границы дают приблизительное представление об ареалах кочевания людей, связанных с теми или иными поселками.

Также на карте отмечены границы районов Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа в составе РСФСР по состоянию на 1988 г. и границы расформированного в 1964 г. Авамского района, большая часть которого была в итоге отнесена к Дудинскому району. Несмотря на изменения в названиях административно-территориальных единиц, современные их границы приблизительно соответствуют указанным на карте (рис. 4).

Хотя в целом исследования охватывают всю территорию полуострова (Диксонский район, сейчас городское поселение Диксон, мы не принимаем во внимание, поскольку, не будучи территорией расселения коренных народов Таймыра, он почти не интересовал советских этнографов), наиболее «исследованным» является Дудинский район – всего 49 выездов, в то время как в Хатангский совершено 28, в Усть-Енисейский – 23.

В Дудинском районе (сейчас – городское поселение Дудинка) экспедиции чаще всего затрагивали нганасанские, но также и долганские территории центрального Таймыра, связанные с поселками Усть-Авам и Волочанка. Также исследователей интересовали нганасанско-долганские хозяйства, связанные с поселком Новая Хатангского района (сейчас – сельское поселение Хатанга). В этом же районе чаще всего выезды

совершались в Хатангу (ключевой для района транспортный пункт) и долганский поселок Новорыбная.

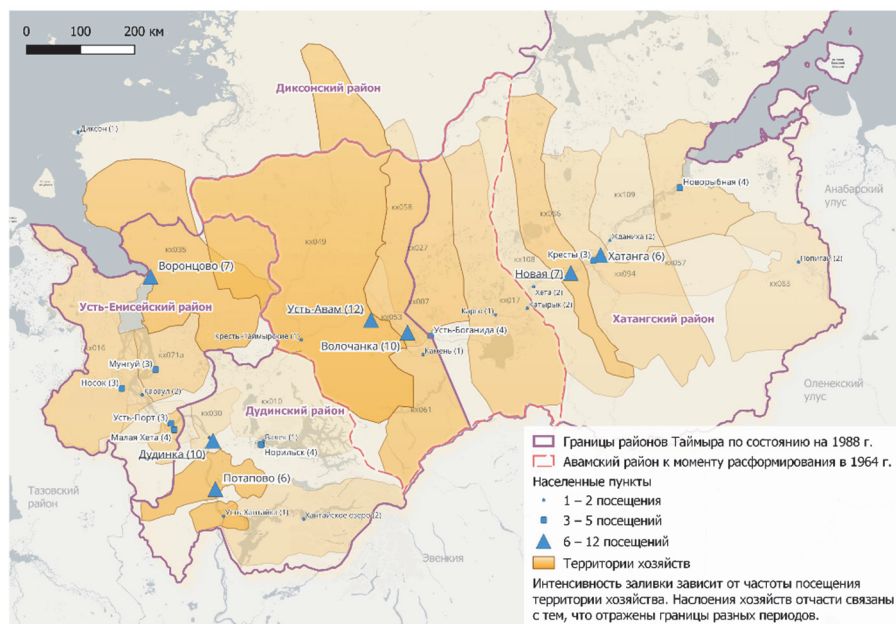

Рис. 4. Экспедиции сотрудников сектора Севера ИЭ АН СССР на Таймыр

Интерес к приенисейским энецко-ненецким территориям сосредоточился на Потопово в Дудинском районе и поселках Воронцово и Малая Хета Усть-Енисейского района (сейчас – сельское поселение Караул).

Отдельно можно отметить Норильск, который московские этнографы посещали четырежды – в 1960, 1962, 1976, 1988 гг. Судя по сохранившимся отчетам, в Норильске исследователей интересовал НИИ сельского хозяйства Крайнего Севера, связанный с Потоповским опытно-производственным хозяйством, а также агрегировавший данные по экономике хозяйств Таймырского национального округа.

Наиболее регулярными участниками (3 и более раз) таймырских экспедиций были этнографы: Б.О. Долгих, В.И. Васильев, Ю.Б. Симченко, В.В. Лебедев, М.М. Бронштейн; хотя бы 2 раза в таймырских экспедициях в рассматриваемый период участвовали также Л.А. Файнберг, М.Я. Жорницкая, А.В. Головнев, Е.А. Оборотова. Сопоставляя данные поездок «регулярных» исследователей Таймыра, можно заметить, что сочетание повторных поездок в регион и маршрутного метода давало в результате полный «охват» исследуемого народа или, во всяком случае, стремилось к такой полноте приблизиться. Так, В.И. Васильев за 43 вы-

езда в 11 таймырских экспедициях практически полностью охватил места проживания ненцев и полностью – энцев; Ю.Б. Симченко за 26 выездов в 10 экспедициях охватил всех нганасан; В.В. Лебедев и М.М. Бронштейн, совершив 20 выездов в 7 экспедициях, охватили 10 из 12 поселков долган. При этом этнографы нередко возвращались в одни и те же места: Ю.Б. Симченко 9 раз посещал Усть-Авам и 7 раз – Волочанку между 1961 и 1976 гг.; В.И. Васильев 6 раз возвращался в Потапово и 5 раз – в Воронцово между 1959 и 1979 гг.; В.В. Лебедев по 3 раза приезжал в Новую и Новорыбную в 1980-е гг.

Далее мы рассмотрим работу одного исследователя, чтобы охарактеризовать методологические параметры поля. Из всех участников таймырских экспедиций, более всего данных о конкретном содержании полевой работы имеется у В.И. Васильева – как в опубликованных источниках, так и в обнаруженных нами архивных. В.И. Васильев – крупнейший специалист по самодийским народам (прежде всего, по ненцам, энцам, селькупам), написал более 150 научных работ (Владимир 1994: 157), в том числе монографию «Проблемы формирования северосамодийских народностей» (Васильев 1979b), защищенную им в качестве докторской диссертации, большие главы о самодийских народах в коллективных монографиях «Общественный строй у народов Северной Сибири» (Общественный 1970: 174–206), «Этногенез народов Севера» (Этногенез 1980: 41–67), «Этническая история народов Севера» (Васильев 1982), «Народы Советского Севера (1960–1980 гг.)» (Народы 1991). Справедливо утверждается, что «[в] основе всех работ Владимира Ивановича лежит добротный, уникальный как полевой, так и архивный материал» (Владимир 1994: 157).

Всего по архивным и опубликованным данным нам известно об 11 экспедициях Васильева на Таймыр. Совокупное время пребывания на Таймыре в рамках этих экспедиций равняется приблизительно 600 дням, более 500 из которых пришлось на 1959–1966 гг. Наиболее продолжительными были экспедиции 1961 (апрель–июль) и 1962 (апрель–август) гг. Наибольшее внимание в своей экспедиционной деятельности на Таймыре Васильев уделял приенисейским колхозам, связанным с поселками Воронцово, Потапово, Малая Хета, Мунгуй, Носок, которые являются местами расселения ненцев и энцев (рис. 5).

Возвращаясь к публикациям, следует указать, что некоторым исключением, сообщаящим сведения о полевой работе, является публикация «Проблемы формирования северосамодийских народностей» (Васильев 1979b). Во введении, опубликованном также в виде статьи в журнале «Советская этнография», Васильев пишет о значимости этнографических данных для рассматриваемых в работе проблем и достаточно подробно описывает методику этнографического опроса, ориентированную на сбор полевых данных, необходимых для реконструкции этнической истории¹³ (Васильев 1979b: 23–26).

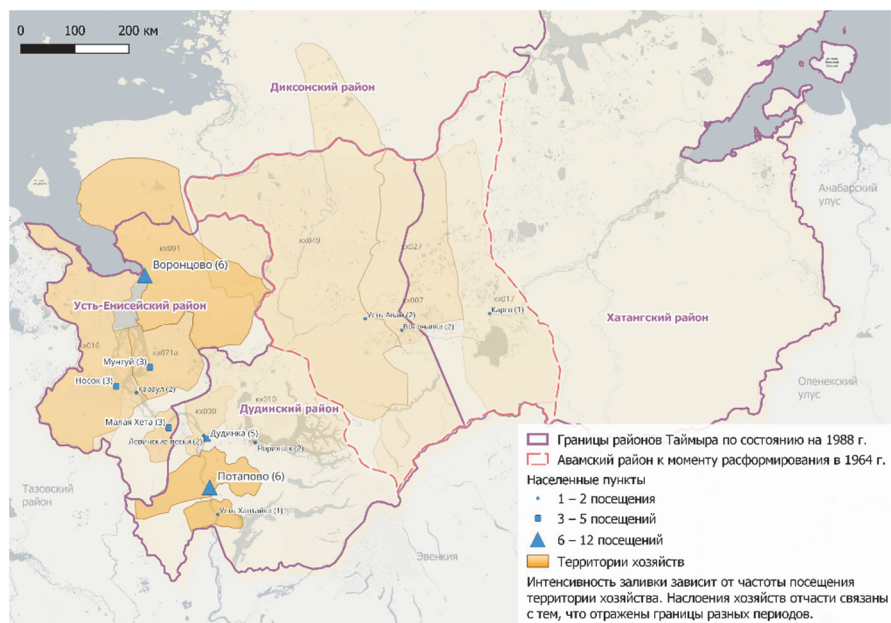

Рис. 5. Экспедиции В.И. Васильева на Таймыр

Суть описываемой Васильевым методики состоит в составлении семейно-кустовых генеалогических схем, которые в ходе работы с информаторами дополняются и уточняются. Исходя из предложенного текста описания, можно предположить, что, по крайней мере, часть его собственной полевой работы включала следующие действия. До выезда проводилось выделение этнических групп в составе исследуемого народа, при этом учитывались диалект или говор, родовой состав, территориальная обособленность, специфика материальной культуры или каких-либо ее элементов и т.д. Затем в окружном или районном центре уточнялось расселение представителей каждой этнической группы, границы ее территории, их соответствие или несоответствие современному административному делению (в разрезе сельских и поселковых советов). Проводилась работа с актами о заключении брака, хранившимися в архивах райзагсов, горзагсов или окрзагсов, как правило, за период с 1920–1921 гг. до года исследования – выписывались сведения о браках представителей изучаемой народности, также собирались сведения о рождениях, браках и смертях из церковных метрических книг, если таковые имелись; на основании собранных сведений составлялись предварительные генеалогические схемы. При работе с информаторами проводился опрос представителей каждой из семейно-родственных единиц, включенных в упомянутые схемы; опрос предполагалось начинать со стар-

шего из ныне живущих представителей. Всего по каждой семейно-родственной единице опрашивались, как правило, два-три человека (как по мужской, так и по женской линиям); опрашиваемому задавались вопросы (как о нем, так и о его родственниках): о родовой принадлежности, месте рождения, переездах, знании языков – родного и языков представителей других этнических групп (Васильев 1979b: 24).

На основании данных, собранных путем опроса, корректировались и дополнялись схемы семейно-родственных единиц. В результате использования такой методики, по мнению Васильева, можно реконструировать семейный состав исследуемого народа и установить картину его расселения на протяжении 75–100 лет, зафиксировать межродовые, внешне-территориальные и межэтнические контакты, оценить некоторые языковые процессы и процессы урбанизации (Васильев 1979b: 24).

В целом, этническая история и этногенез – одна из ключевых тем в исследованиях В.И. Васильева. Второй по значимости темой является этническое «настоящее», описание современного положения и социалистического строительства у изучаемых народов (например, этой теме посвящены публикации: Васильев, Туголуков 1960; Васильев 1963, 1968, 1970, 1979a, 1985, 2006; Васильев, Симченко 1963, 2006, 1971). О том, какие данные и каким образом собирались в рамках этой темы, в опубликованных работах в основном не осваивается. Мы можем дополнить доступные сведения о методологии работы Васильева, используя архивные материалы. Из отчетов экспедиций, проходивших при участии В.И. Васильева (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 39, 40, 47, 53, 59, 117, 122, 133, 177), можно заключить, что, помимо описанного, его деятельность в поле включала также работу с отчетами колхозов; опросы колхозников, в том числе председателей и счетоводов; беседы с представителями различных партийных и хозяйственных органов, включая руководителей работников края и округа; наблюдения за хозяйственной и промысловой деятельностью в колхозных бригадах, за общественной жизнью в поселках, за бытом в домах, балках¹⁴, чумах, за работой интернатов, школ, учреждений здравоохранения и культуры; участие в отдельных элементах промысловой деятельности, в перекочевках; сбор сведений в архивах разных уровней; обработку сведений похозяйственных книг, сбор статистических данных по демографии, образованию, здравоохранению, работе учреждений культуры; сбор семейных, генеалогических преданий, запись образцов фольклора.

Следует отметить, что все рассматриваемые нами таймырские экспедиции на формальном уровне практически всегда проводились с целью исследования, по крайней мере, одной из охарактеризованных методологически на примере Васильева тем: этнического прошлого («этническая история», «этногенез») или этнического настоящего («современное

положение», «современный быт, хозяйство и культура», «преобразование культуры и быта», «реконструкция быта и культуры», «современные этнические процессы»), что соответствует общей характеристике московского североведения в работе Е.А. Пивневой (2021: 785–786). Иногда они дополнялись индивидуальными темами исследователей – например, «Роль производственных традиций в социалистическом строительстве у народов Енисейского Севера» у Ю.Б. Стракача, «Сравнительное изучение народного хореографического искусства коренного населения Сибири» у М.Я. Жорницкой, «Этническое развитие и проблемы формирования обособленных популяций Северной Евразии» у Ю.Б. Симченко.

Связь полевой работы с общими теоретическими установками послевоенной советской этнографии

Предложенная выше реконструкция дает представление о том, какой была северная полевая работа во второй половине XX в. в рамках Северной экспедиции ИЭ (ср.: Гурвич 1990; Батьянова 2017). Собственно, последняя и была основной организационной рамкой проводимых Сектором полевых исследований. Длительность экспедиций крайне редко превышала полгода, в среднем же они продолжались около двух месяцев и носили маршрутный характер. Тематически большая часть экспедиций была посвящена исследованиям этнического настоящего (этнографии современности) и этнического прошлого (исторической этнографии). Часть этнографов ездили на Таймыр достаточно регулярно, стремясь, как правило, охватить ареал определенной этнической группы – лучше всего охвачены более малочисленные энцы и нганасаны, несколько хуже – тундровые ненцы и более восточные группы долган, всего две поездки были совершены к эвенкам В.А. Туголуковым в 1959 и 1960 гг. В территориальном отношении на Таймыре наиболее исследованной является центральная часть (Дудинский район, включающий также авамскую и волочанскую тундры), хотя экспедиции также совершались и в западную (Усть-Енисейский район, сегодня – территория сельского поселения Караул), и в восточную (Хатангский район) части. Большинство населенных пунктов этих территорий посещалось неоднократно, причем часто выезды совершались одними и теми же этнографами. В рамках экспедиций практиковались в равной степени как совместные выезды, так и самостоятельные; нередко участниками помимо этнографов были физические антропологи, кинооператоры, фотографы, художники; к работе в экспедициях (особенно в более поздний период) привлекались аспиранты и студенты.

Теперь, когда мы описали параметры полевой работы, можем предложить некоторые объяснения этим параметрам. В своей работе с англо-американской антропологией А. Гупта и Дж. Фергюсон обращаются к

исследованиям историков антропологии, чтобы сконструировать идею поля исходя из истории формирования дисциплины (Гупта, Фергюсон 2013: 7–11). Они прослеживают становление антропологии как полевой науки в конце XIX – первой трети XX в. в контексте общей трансформации полевых наук, обращают внимание на теоретические предпосылки полевого метода в проекте естественной истории, который предполагает детальное изучение ограниченной территории. На пересечении этой естественно-исторической логики и специфики предмета антропологии складывается основная, как кажется авторам, черта антропологического поля – опространствливание культурных различий, предположение, что положение в географическом пространстве определяет культурную специфику. Это делает антропологию регионально-специализированной наукой: исследование тех или иных культурных особенностей предполагает путешествие в соответствующие географические местности, охват определенного пространства, исследование процессов внутри этого пространства. Отсюда следует набор основных факторов, которые определяют конкретные антропологические поля: интеллектуальные дебаты определяют «теоретическое» членение мира на культурные области через группировку культурных (национальных, этнических, религиозных, языковых, расовых) черт; институциональный контекст того или иного исследователя – финансовые и политические возможности организации поездки на определенную территорию; наконец, институциональный контекст самого «поля» – возможности и условия доступа исследователя (например, пересечение национальных границ, разрешение местных властей).

Итак, А. Гупта и Дж. Фергюсон призывают обращать внимание на теоретические и институциональные факторы, поскольку они определяют идею поля. Последняя, в свою очередь, должна коррелировать с конкретными параметрами полевой работы, объяснение которых нас интересует в данной статье. Сходным образом С.С. Алымов различает культурные и политические факторы, с одной стороны, и аналитический инструментарий исследователя – с другой, которые совокупно определяют «методы, процессы и результаты этнографического поля» (Алымов 2013: 69). Далее мы предложим объяснение описанных выше параметров полевой работы исходя из теоретических факторов. В имеющихся историографических работах данных для анализа институциональных факторов, особенно связанных с условиями и контекстами финансирования полевых этнографических работ, недостаточно – эта область требует дополнительного исследования.

Рассматривая проект послевоенной советской этнографии, как он реализовывался в московской части ИЭ (и даже конкретно в таймырских экспедициях сотрудников Сектора), мы считаем наиболее эвристически

полезным обратить внимание на два «слоя», обнаруживаемых в теоретической структуре этого проекта: «анучинскую программу» естественной истории человека и марксизацию этнографии, связанную с внедрением историзма и ориентацией на специфические исследования современности. Тесно сплетенные, синтезированные в фигуре Сергея Павловича Толстова, заложенные им в подходы и направления работы ИЭ и советской этнографии в целом, именно они, как нам кажется, существенно определяли полевые практики этнографов Сектора.

Истоки послевоенной советской этнографии

Послевоенная советская этнография может быть возведена в ряде своих положений к программе естественной истории человека, предложенной Д.Н. Анучиным – отцом-основателем московской этнографической школы и отечественной этнографии в целом (Штернберг 1926: 7)¹⁵. Эта программа была изложена им в ряде установочных текстов (подробный разбор этих текстов см.: Алымов 2004). Ее цель – проследить развитие и «разветвление» человечества и установить условия этих процессов. Она предполагала синтез по меньшей мере трех наук – физической антропологии, археологии и этнографии – так называемую анучинскую триаду. Этнографии в этой триаде отводилось решение двух задач: 1) монографического исследования народов – всестороннего описания отдельно взятого народа; 2) аналитического исследования фактов народной жизни – сравнительно-исторического анализа происхождения разных элементов культуры (Анучин 2019).

Пожалуй, главным связующим звеном между анучинской программой и проектом советской этнографии выступает С.П. Толстов (Алымов 2019: 7–8). С одной стороны, он был представителем условно третьего поколения московских этнографов – учеником учеников Анучина: Б.С. Жукова, Б.А. Куфтина, В.В. Бунака (Рапопорт, Семенов 2004: 187). С другой стороны, ему принадлежит исключительная роль в организации этнографической науки во время Великой Отечественной войны и в послевоенный период (Алымов 2009). В 1942 г. его назначили директором базировавшегося до того в Ленинграде Института этнографии АН СССР, сотрудники которого были разбросаны между фронтом, блокадой и эвакуацией. Одновременно была учреждена московская часть института. В этих обстоятельствах директорство состояло не столько в руководстве научным коллективом, сколько в его организации. По сути, Толстов единолично создал московскую часть института, объединив в рамках одной организации значительную часть московских этнографов (Рапопорт, Семенов 2004: 196–197). В свете последующего перемещения административного центра института в Москву можно говорить о его

пересборке вокруг людей, так или иначе усвоивших анучинскую программу (помимо Толстова это С.А. Токарев, М.Г. Левин, Н.Н. Чебоксаров и др.).

Именно С.П. Толстов в первый послевоенный год провозгласил оформление «советской школы этнографии» (1946: 8). Хотя в перестройку единство этой школы будет поставлено под сомнение (Вайнштейн, Крюков 1988: 114), современные исследователи склонны все же говорить о ней как о централизованной, причем, в такой степени, что «интересы директора [ИЭ]... превращались в общую исследовательскую программу» (Соколовский 2008: 40). Показательно, что для самого Толстова программными были установки именно Анучина: «Меня... нередко называют историком, археологом, востоковедом и в последнюю очередь этнографом. На деле я именно этнограф... старающийся продолжать развитие анучинского направления в нашей увлекательной, исключительно перспективной науке» (цит. по: Лобачева 1957: 166; см. также Толстов 1947а: 21; Жданко 1997: 70). В этой перспективе советская этнография, по крайней мере «толстовского» периода, предстает в качестве проекта по реализации анучинской программы, пусть и в модифицированном виде.

Сектор Севера был связан с этим проектом сразу на двух уровнях: институционально – будучи организованным именно в московской части и, таким образом, приближенным к его центру, и через личность своего организатора и первого руководителя – Бориса Осиповича Долгих. Последний был из числа тех этнографов, которых Толстов собрал в московскую часть института. Толстова и Долгих связывали особые отношения, не только профессиональные, но и личной взаимопомощи (подробнее см.: Вайнштейн 1992: 123–124). Вместе с тем Долгих, который был на тот момент не вполне московским этнографом¹⁶, имел собственные, независимые от Толстова, связи с московской этнографической школой, будучи сначала вольнослушателем Института антропологии МГУ, а затем некоторое время студентом этнологического факультета МГУ (Вайнштейн 1992: 119, 121). В аспирантуре ИЭ он был секретарем полуофициальной «группы Севера», возглавлявшейся М.Г. Левиным – другим видным представителем московской этнографической школы и заместителем Толстова (Батьянова 2017: 13–14; подробнее о Левине см.: Алексеева, Арутюнов 2004). Можно привести и другие примеры контактов Долгих с людьми, так или иначе испытывших влияние анучинской программы (см., например: Васильев 1976: 145; Решетов 2004; Савоскул 2009: 111–112).

В свете показанных здесь связей между анучинской программой и сектором Севера ключевые параметры таймырских экспедиций – краткосрочность и маршрутность – предстают хотя бы отчасти производными от первой. Ее выполнение предполагало осуществление полевых выездов «по крайней мере на несколько месяцев» (Анучин 2019: 22), что

заметно контрастирует с известными стандартами «этнографического года» ленинградской этнографической школы (От классиков 2014: 258). Если Штернберг и Богораз требовали погружения в изучаемую действительность (263), то московские этнографы стремились в первую очередь к ее охвату. Отличались и сами изучаемые действительности: для первых это были локальные группы, для вторых – народы на всей территории их расселения. Показательно в этом отношении выступление Толстова на Совещании этнографов Москвы и Ленинграда 1929 г. в рамках дискуссии о полевой работе (302–304, 330–331). В нем будущий директор, а тогда еще студент Московского университета в пику Богоразу отстаивает «полевую школу Анучина» (448): «...нельзя ограничиваться изучением отдельных групп того же чукотского или финского народов. Необходимо брать большой маршрут и пересекать территорию, на которой обитает этот народ, это племя, изучать ту конфигурацию, которая имеет место в смежных районах, изучать взаимоотношения этнических групп, то есть то, что называется аккультурацией, и т.д.» (303). Далее, ссылаясь на собственный опыт, он дает характеристику полевой работы, вполне подходящую для большей части описанных нами таймырских экспедиций: «Я исключительно работаю в кратковременных экспедициях, и тем не менее никто из присутствующих, кому знакомы мои работы, не скажет, что они лишены научного значения. Я работал по месяцу, по два и по три, больше не приходилось. Но я из года в год продолжал работать в отдельных, связанных между собой районах, хозяйственно близких между собой. И этот экспедиционный, кратковременный метод оказался наиболее продуктивным» (303).

Описанный спор находится в череде событий «марксизации» советской этнографии. Историография этого вопроса обширна (см., например: Алымов 2006: 27, 29–35, 71–91, 131–162; Алымов 2007: 129–131, 138–140; Алымов 2009; Слезкин 2008: 285–294, 350–351; От классиков 2014; Соловей 2022: 373–438). С точки зрения интересующих нас вопросов наиболее важным теоретическим результатом марксизации является внедрение в проект советской этнографии историзма, т.е. ориентации на реализацию марксистской программы исторического материализма: «...общая линия развития советской этнографии – линия последовательного историзма, линия историко-материалистического объяснения явлений в их движении, развитии, борьбе и качественном преобразовании» (Толстов 1947b: 14; ср. для «бромлеевского периода»: Вайнштейн, Крюков 1988: 114).

Историзм советской этнографии

Кратко суть «историзированной» этнографии можно передать так. Исследуя культуру народа, советский этнограф вскрывает в ней «напла-

ствования различных периодов исторического развития народа... отображения всей сложности его прошлых исторических судеб» (Толстов 1947b: 15). Другими словами, прошлое народа не только сформировало его настоящее, но и представлено в нем – рассматривая, анализируя настоящее, в нем можно (и нужно) видеть работу прошлого, его следы: «...[б]ез внесения последовательного историзма в нашу науку очень трудно правильно оценить то, что мы наблюдаем как полевые этнографы, и то, что мы хотим реконструировать по этим нашим материалам, т.е. то, что было на Севере еще сравнительно недавно» (Долгих 1964: 87). Настоящее и прошлое представляют собой многообразие исторических обстоятельств и соответствующих социальных форм, но этнограф видит в этом многообразии проявление «единых законов прогрессивного исторического развития общества, более сложных, но столь же непреложных, как законы развития природы» (Толстов 1947b: 16). Цель этнографического исследования – раскрытие еще неизвестных сторон «единых законов». В применении к Северу: «...[н]а основе систематизированных, проанализированных и обобщенных фактов наши науки делают выводы о прошлых судьбах человечества, о закономерностях его развития на северной окраине эйкумены» (Долгих 1964: 89). Инструментом, как говорит Толстов, «ключом» к пониманию пестрых процессов, составляющих конкретную культуру, является знание уже раскрытых марксистско-ленинским учением законов.

С.П. Толстову важно было подчеркнуть, что марксистско-ленинские законы истории – это законы прогрессивного развития, т.е. одни общественные формы более развиты, чем другие, и этнограф может (и должен) не только соотносить явления по линии предшествования–следования, но также по линии ценностной, линии отсталого–прогрессивного, негативного–позитивного: «...советский этнограф в общественном укладе и культуре каждого народа видит сложное, противоречивое сочетание борющихся элементов старого, отжившего и отживающего и нового, прогрессивного, рассматривает ее в развитии, в движении. В этом сущность историзма советской этнографии» (Толстов 1947b: 19). Характерно, что эти положения Толстов высказывает, объясняя связь теоретического развития советской этнографии и ее прикладных задач помощи советскому государству и партии «в деле строительства нового, социалистического общества, подъема всех, в том числе недавно самых отсталых народов СССР, на новый, высший этап развития» (19). Историзированная этнография, таким образом, непосредственно – на уровне теоретического ядра – содержит требование практической, прикладной ориентации науки. Вот как это выражает Б.О. Долгих, объясняя на международном конгрессе задачи северной этнографии: «...как отряд интеллигенции, близко соприкасающийся с повседневной жизнью и нуждами ко-

ренных обитателей Севера и обладая специальными знаниями о прошлом и настоящем этих народов, этнографы могут сделать многое для того, чтобы народы Арктики и Субарктики вместе со всем человечеством еще быстрее двигались по пути прогресса» (Долгих 1964: 89).

Подытожим: культура народа существует в развитии; прошлое формирует настоящее и проявляется в нем; исторические процессы происходят закономерно; история прогрессивна, движется от худшего к лучшему; советский этнограф, исследуя настоящее, не только реконструирует прошлое народов, но и помогает их будущему. Далее, как мы уже видели на примерах тем таймырских экспедиций, в самом общем виде можно разделить советскую этнографию на «этнографию прошлого» и этнографию современности (ср.: Вайнштейн 1987: 79). Рассмотрим каждый раздел и связанные с ним особенности – сначала в целом, на нескольких программных текстах, а затем на примерах конкретных исследований, связанных с Таймыром. Цель нашего исследования состоит в том, чтобы выявить теоретические требования к полевой работе – сначала в общем виде, затем в более определенных формулировках конкретных исследований.

Этнография прошлого

В этнографии прошлого можно условно выделить два направления, вполне соответствующих описанной выше анучинской программе: 1) реконструкция истории народов, связанная с этногенезом и этнической историей; 2) реконструкция элементов культуры и культурных комплексов (ср. перечни тем для исследования прошлого: Вайнштейн 1988а: 62; Вайнштейн 1988с: 211–212). Обе линии исследования тесно связаны: «...изучение происхождения и эволюции этнических культур и их компонентов необходимо вести наряду с исследованием генезиса отдельных межэтнических форм народной культуры, так как развитие первых теснейшим образом связано с общими и частными процессами культурогенеза» (Вайнштейн 1987: 82). В самом деле, невозможно устанавливать происхождение элементов культуры народа, определять, в силу каких условий эти элементы сложились в целое «историко-генетического среза» и как они затем видоизменялись, не сопоставляя типологически близкие культурные элементы, относящиеся к культурам разных народов; и невозможно корректно определять характер сходства (конвергентное сходство, заимствование, генетическая связь) между культурными элементами или комплексами разных народов, не установив характер исторической связи между культурами этих народов (см.: Токарев 1949: 24–25; Вайнштейн 1988с: 213–214).

Примером культурногенетического исследования, выполненного с использованием большого количества таймырских полевых материалов,

является монография Б.Ю. Симченко «Культура охотников на оленей Северной Евразии» (1976: 4), цель которой состоит в реконструкции до-оленьеводческого циркумполярного культурного комплекса населения тундровой зоны. Такая реконструкция возможна посредством выявления и сравнительного исследования всех связанных с охотой на дикого оленя элементов культуры (способы добычи; орудия промысла; предметы быта – одежда и жилище; черты общественного устройства – производственный коллектив, экзогамные группы, формы брака; черты мировоззрения), распространенных у современных народов, проживающих в тундровой зоне Евразии: саамов, разных групп ненцев, энцев, нганасан, юкагиров и чукчей. Сопоставление этих элементов друг с другом должно определить степень единообразия культуры охотников на дикого северного оленя, а также установить характер корреляции культурных элементов в материальной и духовной сфере; сравнение элементов тундровой охоты на дикого оленя с аналогами культур народов лесной зоны должно выявить южную границу ее распространения (5). Такая обширная работа не может быть проведена без привлечения самых разных сведений об Арктической и Субарктической зонах Евразии – Симченко оперирует данными археологии, этнографии, лингвистики, фольклористики и антропологии. Характеризуя этнографические данные, он акцентирует внимание на том, что наиболее ценными (и потому продолжительными) были «полевые сборы» среди нганасан, у которых элементы культуры охоты на дикого оленя сохранялись наиболее полно, но также Симченко приводит обширный перечень поездок (ежегодно с 1961 по 1972 г.), охватывающих зону предполагаемого распространения циркумполярной культуры, – кроме нганасан перечислены энцы, юкагиры (и косвенные сведения от них, полученные от русско-устыинцев), эскимосы, чукчи, ненцы, ханты, коми-пермяки (6).

Характерным примером этногенетического исследования, использующего таймырские материалы, является уже упоминавшаяся выше работа В.И. Васильева «Проблемы формирования северосамодийских народностей». Проект Васильева по реконструкции в историко-хронологической последовательности сложения ненецкого и энецкого «этносов» (Васильев 1979b: 3) предполагает комплексное использование различных материалов: лингвистических (в том числе данных этнонимии, топонимии), археологических, антропологических и исторических. Место этнографических данных в этом ряду определяется им следующим образом: для исследования этногенеза значима фиксация материальной и духовной культуры исследуемых общностей, необходимая для последующего сравнения с этнографическими данными по хозяйственно-культурным типам и историко-этнографическим областям. Последнее в случае ненцев и энцев означает, что различные элементы культуры

(типы одежды, виды транспорта, связанные с промыслом обряды и запреты, религиозные особенности) соотносятся с циркумплярным или же южносибирским комплексами и служат для подкрепления тезиса о двухкомпонентном составе «самодийского этнического круга» (16). Также значение имеют фольклорные данные, касающиеся происхождения или родственной связи отдельных родов. В области этнической истории, роль лингвистических, археологических и антропологических материалов снижается, зато возрастает роль исторических источников (статистических материалов, архивных документов, сведений, содержащихся в различных публикациях), роль этнографии несколько меняется. В последней условно выделяются полевые наблюдения и этнографический опрос населения. Методику опроса мы описали выше, он используется для восстановления и уточнения генеалогий и собственно «компонентов» этноса. Значимость полевых наблюдений Васильев отмечает для контактных районов, а именно для фиксации локальных особенностей материальной культуры с вниманием к вопросу о том, имеется ли иноэтническое влияние (22).

Таким образом, в рамках этногенеза и этнической истории этнографические материалы играют вполне определенную роль – в целом, Васильев не отступает от направлений их использования, указанных С.А. Токаревым и Н.Н. Чебоксаровым (Токарев 1949; Токарев, Чебоксаров 1951), а также М.Г. Левиным (1961). Из всего множества возможностей этнографического наблюдения выбираются вполне определенные аспекты, связанные, с одной стороны, с родовой и семейной историей, с другой же стороны, с элементами материальной и духовной культуры – такими, которые позволят в итоге классифицировать и типологизировать исследуемые общности для последующего сравнения и обоснования связей с другими. В обоих случаях требуется кропотливая, многолетняя работа в «этнографическом поле» на территории расселения исследуемого народа (Васильев 1979b: 3), в данном случае двух народов – Васильев упоминает 18 полевых экспедиций, «охвативших практически все основные районы расселения ненцев и энцев» (23).

Этнография современности

В отличие от «этнографии прошлого», которая на всем протяжении послевоенной истории советской этнографии с методологической точки зрения существенно не менялась, этнография современности испытала определенные трансформации и представляет несколько форм. С.С. Алымов выделяет во второй половине XX в. два основных периода исследований настоящего: период конца 1940-х – начала 1960-х гг., связанный с именами С.П. Толстова, П.И. Кушнера, Л.П. Потапова и ори-

ентированный на исследование перехода «от старого к новому» с большим акцентом на торжество нового (например, уровень жизни, положение женщины), включая новую (коммунистическую) сознательность и элементы старого – пережиточные явления, и период 1960–1980-х гг., связанный с именем Ю.Б. Бромлея, с акцентированным вниманием к этнической специфике, которая по мере стандартизации и унификации образа жизни смещается в область «психического» (ценности, установки, нормы поведения) и художественной культуры, ориентированным на исследование этнических процессов, с широким использованием социологических методов (Алымов 2010; ср.: Слезкин 2008: 354–355, 361–364, 388–390; Алымов 2014: 138–143; Соловей 2022: 457–459, 466–468, 492–494; Карлов 2022а: 68–71; Карлов 2022b: 80–82, 87; относительно выделения периодов в советской этнографии см. также: Дивисенко, Винер 2021).

Таким образом, можно условно выделить исследования с большим акцентом на социалистические преобразования, и исследования с большим акцентом на этнические процессы. На другом основании можно также выделить «теоретическое» изучение современности, задачи и подходы которого непосредственно вытекают из описанной выше логики историзма, и «практическое», прикладное использование экспертизы этнографов. «Теоретические» исследования современности в самом общем виде – и в применении к советским народам – предполагают выявление закономерностей исторического процесса на его «текущем» этапе, т.е. в ходе развития народной жизни, движущейся от любых предыдущих стадий к социализму и затем к коммунизму: «...как возникают новые национальные формы культуры и быта, как уступают место новым старые национальные формы, в силу несовместимости их с новыми условиями жизни...» (Потапов 1962: 14), – с учетом того, что все это происходит во взаимодействии с другими культурами и нациями (14). В статье «Этнография» за авторством Ю.В. Бромлея и С.А. Токарева, помещенная во втором выпуске «Свода этнографических понятий и терминов», перечислены следующие проблемы, которые можно отнести к современности: изучение процесса переустройства быта народа, появления новых социалистических, прежде не существовавших форм быта (социалистические преобразования как таковые); изучение пережитков капитализма и докапиталистических отношений – тех, которые тормозят социалистическое развитие и с которыми должна вестись борьба, но также и «позитивных» этнических особенностей, народных традиций в быту, в материальной культуре, которые могут оказаться полезными и требуют сохранения, поощрения, развития; изучение этнических аспектов современной перестройки быта и культуры – собственно, этнических процессов (национальная консолидация в ходе сближения, слияния, ассимиляции – на пути к единому советскому народу) (Бромлей, Токарев

1988: 31; ср. практически идентичный список проблем: Токарев 1958: 9–10; см. также: Толстов, Жданко 1964: 12–13). Таким образом, можно выделить четыре основные проблемы этнографии современности: 1) социалистические новации; 2) негативные пережитки; 3) позитивные пережитки; 4) этнические процессы. Легко заметить, что эти проблемы группируются в выделенный выше тип «социалистические преобразования» (проблемы 1–3) и тип «этнические процессы» (проблема 4).

В упомянутом обзоре исследований современности Л.П. Потапова также есть примеры прикладных вопросов, которые скорее относятся к типу «социалистические преобразования»: планирование снабжения промышленными товарами различных районов СССР; разработка типов современного жилища применительно к национальным традициям населения; вопросы заселения вновь осваиваемых или малонаселенных районов в связи с их промышленным или сельскохозяйственным развитием; вопросы о путях и способах более быстрого экономического и культурного развития малых народностей Сибири и Крайнего Севера; борьба с различными религиозно-бытовыми пережитками, выяснение причин их живучести и мер их преодоления (Потапов 1962: 15). Примером прикладного вопроса, соответствующего теоретическим исследованиям этнических процессов, можно считать межэтнические отношения (ср. описание экспертизы по Нагорному Карабаху в 1963 г. и другие примеры в Rawski 2017: 125–130). Вообще, результаты «практических» исследований современности лучше всего известны по докладным запискам. С.С. Алымов указывает конец 1940-х гг. как время появления этого жанра в практике сотрудников ИЭ (Алымов 2006: 219–220). К. Равски приводит подсчеты по объему «серой» продукции, выпускавшейся ИЭ, – около 20 записок в год с 1945 по 1987 г., и вдвое больше с 1988 г. (в связи с актуализацией национальной тематики) (Rawski 2017: 115). Сектор Севера был подразделением, более всего вовлеченным в создание записок (115). Как не раз указывалось в историографии, это связано с историей образования сектора, с поставленными перед ним и Северной экспедицией задачами, с постоянными связями с Комиссией по проблемам Севера, Госпланом и Совмином РСФСР, наконец, с историей специальных постановлений по Северу (Батьянова 2017, 2022; Калеменева 2018; Пивнева 2019, 2021, 2022; Головнев, Данилова 2021).

Итак, этнография современности была значимой частью работы сотрудников сектора Севера на протяжении всей его истории. На примере текстов, связанных с Таймыром, заметна некоторая специфичность, присущая работе сектора в целом. Во-первых, выделенные выше проблемы исследования современности существуют неравномерно: как правило, тексты, посвященные социалистическим преобразованиям, включают и вопросы, связанные с позитивными пережитками, которые объясняются

адаптацией к определенным условиям жизни на Севере. Негативные пережитки либо не рассматриваются вовсе, либо описываются как уже ушедшие в более или менее отдаленное прошлое (см., например: Файнберг 1959; Сибирский... 1963). Этнические процессы рассматриваются как самостоятельно, так и совместно с социалистическими преобразованиями. Во-вторых, «теоретические» тексты нередко включают элементы практических и наоборот. Статья «Современное самодийское население Таймыра», написанная В.И. Васильевым и Ю.Б. Симченко по материалам полевых исследований 1961–1962 гг., является примером текста о социалистических преобразованиях. Авторы ставят перед собой задачу отразить «существенные изменения, произошедшие за годы советской власти в хозяйстве, быте, культуре, а также в расселении» приенисейских ненцев и авамских нганасан (Васильев, Симченко 1963: 9). В тексте по каждой из групп последовательно представлены данные, соотносящие сельсоветы, колхозы и поселки, с одной стороны, и народы, роды и фамилии – с другой; информация о владении языками, в том числе в смешанных семьях; некоторые особенности колхозных оленеводства, рыболовства, охоты и животноводства – их доходность, выполнение планов, технические новшества, оплата труда; приведены отдельные данные по бюджетам домохозяйств; охарактеризована жизнь в поселках – жилищное строительство, отдельные аспекты работы образовательных, медицинских и культурных учреждений. «Пережитки» также описываются, но скорее мимоходом и как нейтрально-позитивные национальные особенности (например, традиционная одежда и орнаментика или традиционные праздники). В статье также есть указания на отдельные недостатки в социалистическом строительстве (например, красные чумы недостаточно часто выезжают в бригады оленеводов; новые дома не оснащаются мебелью; складские помещения не приспособлены для хранения шкур дикого оленя) и в нескольких случаях сформулированы рекомендации по их исправлению.

В целом, тексты, фокусирующиеся на социалистических преобразованиях, хотя и с вариациями в том, как расставлены акценты, включают следующие элементы: а) изменения в хозяйствовании (способы организации, приемы, техника, доходность) и в быту (бюджеты семей, жилье, инфраструктура, одежда, пища, образование, медицина, «культурное обслуживание», иногда религиозные воззрения), реже – в социальных отношениях (брак, семья, родовые отношения) (Файнберг 1959; Долгих, Файнберг 1960; Сибирский... 1963; Васильев, Симченко, Соколова 1966; Васильев, Симченко 1971; Лебедев, Лопуленко, Симченко 1974; Васильев, Симченко 1976); б) более или менее пространные описания состояния «до» (до революции, до коллективизации), сопровождающиеся историей советизации (Долгих, Файнберг 1960; Сибирский... 1963; Васи-

льев, Симченко 1971); в) выявленные недостатки и рекомендации (Файнберг 1959; Долгих, Файнберг 1960; Сибирский... 1963; Васильев, Симченко, Соколова 1966; Лебедев, Лопуленко, Симченко 1974). Любопытно, что и докладные записки нередко написаны с использованием сходной логики, хотя, как правило, и с существенно большим местом для описания недостатков социалистического строительства и их причин, а также рекомендаций (Долгих, Файнберг 2004; Симченко 2005; Васильев, Симченко 2006; Васильев 2006; Симченко 2006; Жорницкая 2006; Лебедев 2006, 2007а, 2007б, 2007с; Плужников 2007; см. также: Головнев, Данилова 2021).

Что касается полевых сведений, присутствующих в текстах этого типа, то они вполне соответствуют данному выше описанию полевой работы В.И. Васильева по современности. Сходный список приводит и Е.П. Батянова, обобщая работу Северной экспедиции: «Помимо использования традиционных методов включенного наблюдения, интервьюирования производилось изучение документов в статуправлениях, сельсоветах, архивах, загсах. В сельских советах копировались и тщательно анализировались похозяйственные книги... Использовались вопросники, специально подготовленные анкеты. Составлялись картосхемы, осуществлялись фото- и киносъемки» (Батянова 2017: 21–22).

Тексты, посвященные исследованию этнических процессов (Симченко 1970; Васильев 1979а, 1985), устроены несколько иначе по сравнению с текстами о социалистических преобразованиях. Хотя элементы темы этнических отношений встречаются в последних (Долгих, Файнберг 1960; Сибирский... 1963; Лебедев, Лопуленко, Симченко 1974), а иногда обе темы представлены равноценно (Васильев 1970; Лебедев 1987), различия между ними заметны. Хорошим примером является работа В.И. Васильева «Этнические процессы на нижнем Енисее (К вопросу об этнической самобытности современных энцев)» (1979а). Текст посвящен осмыслению некоторых результатов полевой поездки 1977 г., одной из целей которой было «выявление направленности развития и характера контактов между двумя численно различными этносами в условиях относительно замкнутой микросреды на определенном, сравнительно небольшом, хронологически временном отрезке (в данном случае – 15 лет)» (56). В вводной части текста проблема ставится следующим образом: энцы – один из самых небольших народов Советского Союза, несмотря на то что они живут вовсе не изолированно, в тесном, все более интенсивном на протяжении XX в. контакте с ненцами и русскими, – все же «умели сохранить свое этническое лицо и в первую очередь самосознание и язык» (55). Однако, отмечает Васильев, этот вывод справедлив для начала 1960-х гг., когда энцы в последний раз были объектом этнографического изучения. Экспедиция 1977 г. представлена как

целенаправленно организованная для исследования этнических процессов, произошедших в период ненаблюдения, что хорошо сопоставляется с рассуждением З.П. Соколовой: «Я ездила в одни и те же места по два, а то и по три раза с промежутком в 10–15 лет. Это очень полезно, потому что позволяет видеть произошедшие изменения и делать теоретические выводы» (Интервью 2000: 38). В таком подходе свое «полевое выражение» находят принципы историзма: повторные выезды в посещаемые ранее места позволяли наблюдать историческое развитие, этапом которого предстала современность (ср.: Толстов 1947b: 16).

Результаты описанной работы позже были встроены В. Васильевым в более общий текст, посвященный этническим процессам в десяти этноконтактных зонах, опубликованный в сборнике «Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера» (1985). В нем устанавливаются типы этнических контактов: равновесие – брачные взаимоотношения, возможна утрата материальной культуры, сохранение языка и самосознания; сближение – значительный процент смешанных браков, утрата материальной культуры, двуязычие, сохранение самосознания (именно этот вариант характеризует взаимоотношения ненцев и энцев); слияние – перевес смешанных браков перед одноплеменными, утрата материальной культуры, утрата языка, расплывчатое самосознание. Также отмечается общее для проживающего в этноконтактных зонах населения «широкое и быстрое вхождение в его жизнь элементов общесоветской культуры, усвоение и знание людьми всех возрастных категорий русского языка» (89). Из этого примера видно, что данные, использованные для характеристики этнических процессов, существенно пересекаются с теми, которые фигурируют в исследованиях социалистических преобразований: так, Васильев приводит сведения об изменениях, произошедших между 1962–1963 и 1977 гг. в семейном составе энцев (используются данные хозяйственных книг и генеалогических опросов по методике, описанной выше); во владении энецким, ненецким и русским языками; в самосознании (ответ на вопрос о национальности, а также как записаны люди в различных документах); в традиционной материальной культуре (жилище и одежда – что любопытно, подтверждения приводятся столько же из данных расспросов – «смогли назвать только двух женщин [с национальной одеждой]», сколько из наблюдений – «парки... можно было наблюдать») (Васильев 1979a: 56–61). Каждый набор изменений сопровождается более или менее развернутыми «функционалистского» типа объяснениями их причин – например, изменения в материальной культуре связываются с изменением в производственном направлении совхоза (рост значения рыболовства), которое в свою очередь связано с уменьшением поголовья общественных и личных оленей под влиянием как экономических, так и экологических факторов (56–61). Кроме того, все изменения оцениваются относительно «контрольной» группы авамских энцев.

Таким образом, для наблюдения этнических процессов необходимы «повторные» (или, по крайней мере, сопоставимые) данные – для фиксации изменений, а также данные по смежным группам. Тем не менее характер этих данных тот же, что и для типа «социалистические преобразования», причем все использованные данные могут быть получены в достаточно краткие сроки путем расспросов, анализа массовых источников и условно простых наблюдений (есть или нет в определенной группе определенный элемент культуры). Любопытно, что в рамках обоих типов исследования современности сотрудники сектора стремились охватить все северные народы. Это заметно и в особенностях организации Северной экспедиции по плану работы сектора на 1959–1965 гг.: «Ежегодно сотрудники сектора в составе 3–4 отрядов будут выезжать в различные районы Севера, с тем, чтобы в течение указанного срока охватить экспедиционным изучением все 26 малых народов Севера» (цит. по: Батянова 2017: 18; цитируемый план работы см.: АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1124; ср. также Гурвич 1967: 259); и в том, что для каждого типа подготовлена итоговая обобщающая монография по всему Северу: «Новая жизнь народов Севера» (1967) для социалистических преобразований и «Этническое развитие народностей Севера в советский период» (1987) для этнических процессов.

Заключение

Подводя итог проведенному анализу, можно утверждать, что основные параметры полевой работы на Таймыре были обусловлены теоретической структурой послевоенной советской этнографии народов Севера. В этой структуре можно выделить два определяющих «слоя»: анучинскую программу естественной истории человека и марксистский историзм, существующие, впрочем, не раздельно, а в гармоничном единстве. Послевоенная этнография реализовала анучинское требование комплексного подхода с привлечением данных физической антропологии и археологии, а также ориентацию на изучение народов в целом, а не отдельных локальных групп. Последняя предполагала необходимость охвата всей территории расселения народа (и учет всех народов) для сбора сравнительных данных. Развитие этих установок в соединении с принципами марксистского историзма нюансировало задачи и способы исследования «этнографического прошлого» и расширило зону ответственности этнографов специфически ориентированной «этнографией современности».

В рамках обоих выделенных направлений изучения прошлого (этногенетического и культурногенетического) предполагалось комплексное использование разных типов источников, а также широкий географический охват различных групп одного народа или целой совокупности

народов для сравнительного анализа элементов культуры. Парадоксальным образом, историческая глубина требовала географической широты, что, наряду с интенсивным исчезновением компонентов традиционной культуры, оставлявших все более хрупкие следы лишь в памяти старших поколений – «ведь в сущности вся наша многонациональная страна – новостройка!» (Вайнштейн 1985: 57), располагало к предпочтению данных полученных путем опросов (как условно массовых – по анкете, так и в режиме развернутых и регулярных бесед с «ключевыми информантами») и в результате обработки архивных и массовых документальных источников, а не данных, полученных глубоким непрерывным наблюдением и «вживанием» в местное сообщество. Первые представлялись приоритетными для построения историко-этнографических теорий и вместе с тем полезными для практического применения. Такое предпочтение способствовало маршрутности и делало достаточными краткосрочные полевые выезды.

В свою очередь, этнография современности, сфокусированная в случае Таймыра на социалистических преобразованиях и этнических процессах, понятых в исторической логике – в логике фиксации и объяснения изменений в «теоретических» исследованиях и в логике выявления недостатков и разрешения проблем, стоящих на пути изменений в прикладных работах, – такая конфигурация этнографии современности также вполне могла удовлетворяться краткосрочными поездками, требуя, однако, использования самых разных источников иного типа – «экспертных» интервью, отчетов и документации учреждений и предприятий, материалов из архивов и статуправлений и т.д., а в случае с этническими процессами – также повторных поездок (или, во всяком случае, сопоставимых сведений на заданном временном отрезке). И хотя, например, сами по себе социалистические преобразования могут исследоваться выборочно в каждом конкретном месте (колхозе, поселке, районе), но в сочетании с ориентацией на народ в качестве основной аналитической категории эта тема также «работает» на требование пространственного охвата: в полной мере оценить процессы, происходящие с народом, можно, собрав данные по всем (или хотя бы по большинству) входящих в него групп.

Параметры таймырских экспедиций, таким образом, становятся более понятными в свете теоретических оснований метода полевой работы, установившегося в послевоенной советской этнографии. Этот метод представляет собой своеобразное марксизированное развитие анучинской программы, не предполагавшей жестких требований к длительности и способам пребывания в «поле». В этом отношении «анучинскую полевую школу» можно противопоставить норме «этнографического года» Штернберга и Богораза как прагматическую концепцию поля – нормативной.

Описанная нами конфигурация советской этнографии не включает тот тип изучения «религиозно-бытовых пережитков», который С.С. Алымов проанализировал на примере полевой работы Г.П. Снесарева. По-видимому, герои нашей реконструкции, работавшие на Таймыре, находятся на «стандартной» стороне, от которой С.С. Алымов отличает Снесарева: «Характерной особенностью рассмотренных методологических представлений был их отчетливо позитивистский характер. Речь шла о тщательной “фиксации” материала всеми доступными техническими средствами. <...> Поле воспринималось как способ сбора “данных”, а не как диалогическое взаимодействие этнографа с информантами. Снесарев, однако, был одним из немногих, а возможно, единственным, кто в данный период анализировал свой полевой опыт и формулировал задачи полевой работы в терминах понимания точки зрения информанта, а не бесстрастной “фиксации” материала. Поэтому он регулярно настаивал на необходимости стационарных исследований, хотя его собственные “стационары” не превышали по длительности одного-двух месяцев» (Алымов 2013: 78). Анализируя методологические размышления Снесарева, Баилова и советских религиоведов в целом, С.С. Алымов связывает появление стационарных полевых исследований в разных научных традициях с проблемой объяснения «другого», понять поведение и представления которого невозможно, не затратив много сил и времени на «вживание» в быт изучаемой группы (ср. Громов 1966: 13–14), и предполагает, что в контексте советской послевоенной этнографии в роли такого другого «мог выступать главным образом верующий (и тем более верующий мусульманин или старообрядец), странным образом выпадавший из социалистической действительности» (Алымов 2013: 79).

Описанные нами теоретические проекты по большей части не требовали понимания другого в описанном смысле (и не приводили к созданию стационаров). Впрочем, и на Таймыре сложились в определенный момент условия для стационара, точнее, для «полустационара»: «В ходе работы наметились две формы экспедиционных исследований: единовременные обследования больших областей или районов и полустационарное долговременное изучение отдельных народов или этнических групп. Так, в течение ряда лет, почти ежегодно, сотрудники сектора совершают выезды на Таймыр для углубленного изучения изменений в быту одного из самых отсталых и примитивных в прошлом народов Севера – нганасан, такие исследования проводятся среди кетов» (Гурвич 1967: 260). Можно предположить, что поскольку Симченко выделял нганасан в качестве эталонной культуры для реконструкции комплекса охотников на дикого оленя и поскольку одной из его провозглашенных задач был анализ корреляции явлений материальной и духовной куль-

туры, т.е., по существу, «понимание другого», постольку этот «полустационар» оказался востребован. В целом же марксизированная анучинская этнография вполне удовлетворяется краткосрочными маршрутными экспедициями, которые, по описанию Г.Г. Громова, более всего «пригодны для исследования тех сторон народной культуры, изучение которых не требует обязательного длительного пребывания на месте. Так, за сравнительно короткий срок можно собрать достаточно полные сведения о жилище, одежде, утвари, пище и о многих других явлениях и сторонах культуры и быта. Широко используются кратковременные экспедиции и для... уточнения границ распространения тех или иных явлений» (Громов 1966: 12).

Итак, в нашей статье мы рассмотрели теоретические факторы послевоенной полевой практики на примере таймырских экспедиций сектора Севера ИЭ. Это позволило нам подступиться к проблеме идеи поля в советской этнографии и наметить некоторые контуры этой идеи в послевоенный период в противопоставлении с довоенными концепциями ленинградской этнографической школы. За рамками этой статьи остались институциональные факторы полевой работы, формирующие идею поля в не меньшей степени, чем теоретические (хотя и менее заметным образом). В частности, может оказаться, что условия финансирования академической науки (а не теоретические особенности этнографии) послужили причиной того состояния полевых исследований, реакцией на которое стала позднесоветская переоценка сложившихся к тому моменту практик (см., например: Зоя Петровна Соколова... 2000: 32). Эта переоценка, как отмечалось во введении, сыграла важную роль в формировании современных представлений о поле в российской антропологии – установки на то, что оно должно быть длительным и локализованным. Дальнейшая разработка вопроса условно вненаучных обстоятельств советской полевой работы позволит не только лучше понять советские практики, но и в более полной мере осмыслить сегодняшнюю идею поля и ответить на, возможно, напрашивающийся вопрос: не следуем ли мы невольно в своей практике теоретическим установкам и нормам, которые не разделяем, и не находимся ли в плену структурных ограничений, которых сегодня уже нет?

Примечания

¹ Пожалуй, первым, кто отметил существование «фриторики поля» в отечественной традиции был С.В. Соколовский (Размышления 1996: 7).

² Одним из этих пособий была «Методика этнографических экспедиций» этнографару-систа Г.Г. Громова (1966), подготовленная на основе курса лекций для студентов кафедры этнографии исторического факультета МГУ. Здесь уместно сослаться на личный опыт выпускника этой кафедры (под уже современным названием – «кафедра этнологии»). Вплоть до начала 2010-х гг. «методичка Громова» оставалась основным и, в сущности, единственным «учебником» в рамках курса, посвященного полевой работе.

³ Ср. примеры такого типа программ в подборке (Вопросники 2002). В выпусках «Советской этнографии» с 1931 по 1991 г. нами обнаружено только три публикации с текстами программ (Воробьев 1951; Васильева, Пименов, Христолюбова 1970; Арутюнян 1972).

⁴ Сектор Севера был организован в 1955 г. в соответствии с Постановлением Президиума АН СССР от 10 декабря 1954 г. «Об усилении научно-исследовательских работ по Советскому Северу» (АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 180. Л. 210). Имеющая хождение в литературе датировка постановления десятым февраля (см.: Батянова 2017: 14; Пивнева 2022: 124), по всей видимости, является результатом опечатки. В 1986 г. сектор был преобразован в «Отдел этнографии народов Крайнего Севера и Сибири» (Батянова 2017: 38; Зоя Петровна Соколова... 2000: 32; Пивнева 2022: 124). Поскольку в большую часть рассматриваемого периода подразделение московских североведов находилось в статусе сектора, в тексте мы будем использовать именно этот термин.

⁵ Более подробное описание Таймырских экспедиций, включая полный перечень экспедиций, а также программу одной из поездок, мы приводим в отдельной публикации (Ковальский, Басов, в печати).

⁶ Северная экспедиция была организована в 1956 г. (Гурвич 1967: 258). До 1965 г. она возглавлялась заведующим сектором Б.О. Долгих. В последующие годы вплоть до формального прекращения ее существования в постсоветское время руководить экспедицией продолжили заведующие сектором И.С. Гурвич (до 1987 г.) и З.П. Соколова (до 1991 г.) (Батянова 2017: 26, 37). По сообщению А.А. Сириной, название экспедиции является аллюзией на Великую Северную экспедицию XVIII в. (Sirina 2023: 595).

⁷ Комиссия по проблемам Севера была создана при Президиуме АН СССР 28 мая 1954 г. по Постановлению «Об организации научных исследований в районах Советского Севера» (АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 170. Л. 181; Шапалин 1967: 250). А.А. Сулейманов и Е.А. Калеменева ошибаются, когда относят создание комиссии к концу года (Сулейманов 2017: 161; Калеменева 2018: 188) – в конце года Постановление Президиума АН СССР утвердило положение о комиссии и ее состав (АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 180. Л. 211). В 1958 г. комиссия была передана в состав СОПС АН СССР, который в свою очередь был в 1960 г. переведен в Госэкономсовет – Госплан СССР. В 1962 г. комиссия получила статус междомоственной (Шапалин 1967: 253; Батянова 2017: 37; Калеменева 2018: 195).

⁸ Группа Севера при Совете министров РСФСР была организована в 1962 г. для реализации Постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР от 16 марта 1957 г. «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера» (Гурвич 1971: 35; Зибарев 1976: 213; подробнее см.: Интервью 2000: 47; Слезкин 2008: 383–384). Позже – в 1971 г. – она была преобразована в отдел. Сообщение А.В. Головнева и Е.Н. Даниловой (2021: 133) о формировании отдела Севера при Совете министров РСФСР в 1954–1955 гг. представляется ошибочным. Они ссылаются на упоминавшееся в примечании № 4 Постановление Президиума АН СССР, однако у последнего не могло быть полномочий по созданию какой бы то ни было структуры в правительстве Советской России. Вместо этого в документе речь идет об утверждении положения упоминавшейся Комиссии по проблемам Севера, к тому моменту существовавшей несколько месяцев. Должно быть, в сообщении подразумевалась именно эта комиссия, а не отдел.

⁹ По сообщению Е.П. Батяновой (2017: 37), задачи Северной экспедиции определялись Междомоственной комиссией по проблемам Севера, однако конкретные выражения этой связи в организации отдельно взятых полевых исследований остаются неясными.

¹⁰ К нему мы обратились, в частности, чтобы проверить сведения из опубликованных источников о проведении Б.О. Долгих полевых исследований в 1960 г. (Гурвич 1967: 259; Мифологические 1976: 16), которым не нашлось подтверждения в отобранных нами типах архивных источников. Возможно, имела место опечатка или ошибка, и правильной датой является 1961 г., тем более что в одном из источников используется полевой материал 1961 г. (Мифологические 1976: 313), а в научном архиве ИЭА РАН (в описи личного фонда и картотеке) не удалось обнаружить сколь-нибудь надежных указаний на проведение Б.О. Долгих полевых исследований в 1960 г.

¹¹ Возможное исключение – экспедиция Ю.Б. Симченко, В.И. Васильева и фотографа А.А. Линденберга 1964–1965 гг. в составе бригады ЦК ВЛКСМ (АРАН. Ф. 142. Оп. 10. Д. 593. Л. 24–25), проходившая с сентября по январь. Маршрут этой экспедиции был исключительно протяженным и включал помимо Таймыра Чукотку, Северную Якутию, Ямал, Ненецкий округ и Мурманскую область, есть вероятность, что зимние месяцы пришлись на эти «поля».

¹² Картографические материалы, отмечающие размещение населенных пунктов и границы хозяйственных организаций, были подготовлены в рамках проекта «История расселения коренных малочисленных народов Таймыра на территориях размещения Норильского горно-металлургического комбината и сопутствующей инфраструктуры в 1920–1980-е годы», выполненного Институтом этнологии и антропологии РАН по заказу Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество». Работа по сбору и обработке материалов велась группой исследователей (А.С. Басов, С.О. Ковальский, М.А. Мочалова, А.А. Пушин, М.Д. Устинова, под рук. Д.А. Функа; работу с картами осуществил Б.В. Никитин) в 2022–2023 гг.

¹³ Васильев считает важным разграничивать этногенез и этническую историю. Под этногенезом он понимает «процесс исторического формирования этноса или, иными словами, его сложение из разнородных (разноязычных, разнорасовых) этнических компонентов», при этом этническими компонентами выступают родовые, родо-племенные группы; под этнической историей – «период исторического развития этноса, начиная с заключительной стадии его формирования до любого заданного хронологического отрезка, включая современное нам время» (Васильев 1979b: 4–7).

¹⁴ Балок – нартенный чум, тип передвижного жилища; включает каркас, обтянутый покрывком (оленьи шкуры, ткань), поставленный на нарту (см.: Историко-этнографический атлас Сибири 1961: 14; про особенности таймырских балков см.: Долгих, Файнберг 1960: 38–39).

¹⁵ Т.Д. Соловей, указывая на то, что Анучина можно рассматривать в качестве «основополагающей личности» для отечественной этнографии, утверждает, что, несмотря на это, его «никогда не называли» «создателем русской этнографии» (Соловей 2022: 167). Вместе с тем в указанном сочинении Л.Я. Штернберг прямо называет Анучина «основоположником русской этнографии».

¹⁶ Так, описывая свое знакомство с Долгих, С.А. Токарев называет его «красноярским этнографом» (1995: 175).

Список источников

- «Не любопытства ради, а познания для...»: К 75-летию Юрия Борисовича Симченко / под ред. Н.А. Дубовой, Ю.Н. Квашнина. М.: Старый сад, 2011.
- Алексеева Т.И., Арутюнов М.Г. Максим Григорьевич Левин: ученый, учитель, человек // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / отв. ред. В.А. Тишков, Д.Д. Тумаркин. М.: Наука, 2004. С. 331–357.
- Альмов С.С. Дмитрий Николаевич Анучин: «Естественная история человека в обширном смысле этого слова» // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / отв. ред. В.А. Тишков, Д.Д. Тумаркин. М.: Наука, 2004. С. 7–48.
- Альмов С.С. Г.П. Снесарев и полевое изучение «религиозно-бытовых пережитков» // Этнографическое обозрение. 2013. № 6. С. 69–88.
- Альмов С. Космополитизм, марризм и прочие «грехи»: отечественные этнографы и археологи на рубеже 1940–1950-х годов // Новое литературное обозрение. 2009. № 3 (97). С. 7–36.
- Альмов С.С. На пути к «древней истории народов СССР»: малоизвестные страницы научной биографии С.П. Толстова // Этнографическое обозрение. 2007. № 5. С. 125–144.

- Альмов С.С. От редколлегии. Выполненные задачи? (В качестве предисловия к публикации статьи Д.Н. Анучина «О задачах русской этнографии») // Этнографическое обозрение. 2019. № 6. С. 5–10.
- Альмов С.С. П.И. Кушнер и развитие советской этнографии в 1920–1950-е годы. М.: ИЭА, 2006.
- Альмов С. Неслучайное село: советские этнографы и колхозники на пути «от старого к новому» и обратно // Новое литературное обозрение. 2010. № 1 (101). С. 109–129.
- Анучин Д.Н. О задачах русской этнографии [1889 г.] // Этнографическое обозрение. 2019. № 6. С. 11–28.
- Архивы Российской академии наук (РАН). Ф. 142. Оп. 10. Д. 257. Отчет сектора по изучению социалистического строительства у малых народов Севера Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР о работе за 1963 год и индивидуальные отчеты сотрудников.
- РАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1124. План работы сектора народов Крайнего Севера Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР на 1959–1965 гг., изменения и дополнения к нему.
- РАН. Ф. 142. Оп. 10. Д. 593. Отчет сектора по изучению социалистического строительства у малых народов Севера Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР за 1966 год и индивидуальные отчеты сотрудников.
- РАН. Ф. 142. Оп. 10. Д. 828. Отчет сектора по изучению социалистического строительства у малых народов Севера Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР за 1968 г. и индивидуальные отчеты сотрудников.
- РАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 170. Протоколы (подписные) № 19–22 и стенограммы (неправленные) заседаний Президиума Академии наук СССР 1954.
- РАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 180. Протоколы и стенограммы заседаний президиума Академии наук СССР за 26.11.1954–10.12.1954.
- Арутюнян Ю.В. Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР (программа, методика и перспективы исследования) // Советская этнография. 1972. № 3. С. 3–19.
- Батянова Е.П. Памяти Марии Яковлевны Жорницкой // Этнографическое обозрение. 1996. № 2. С. 182–185.
- Батянова Е.П. Северная экспедиция Института этнографии и ее роль в развитии советской школы полевого этнографического североведения // Поле как жизнь: К 60-летию Северной экспедиции ИЭА РАН / отв. ред. и сост. Е.А. Пивнева. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 13–39.
- Батянова Е.П. Борис Осипович Долгих и развитие советской школы полевого этнографического сибиреведения в 1950–1970-е годы // Народы Сибири и Дальнего Востока с древних времен до наших дней : материалы IX Сибирского исторического форума (Красноярск, 14–16 сентября 2022 г.). Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2022. С. 217–221.
- Библиография трудов Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. 1900–1962 / сост. О.В. Бунакова, Р.В. Каменецкая. Л.: Наука, 1967.
- Библиография трудов Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. 1963–1975 / сост. Т.И. Шаскольская, Н.М. Сысоева. СПб.: МАЭ РАН, 2008.
- Библиография трудов Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. 1976–1985 / сост. Т.И. Шаскольская, Н.М. Сысоева, Е.В. Шепелева. СПб.: МАЭ РАН, 2011.
- Бромлей Ю.В., Токарев С.А. Этнография // Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 2: Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М.: Наука, 1988. С. 21–41.
- Вайнштейн С.И. Актуальные вопросы исследования традиционно-бытовых культур народов СССР // Советская этнография. 1985. № 3. С. 51–59.
- Вайнштейн С.И. Борис Осипович Долгих: дни и деяния подвижнической жизни // Этнографическое обозрение. 1992. № 1. С. 119–129.

- Вайнштейн С.И.* Еще раз о полевом исследовании традиционной культуры (ответ участникам дискуссии) // Советская этнография. 1986. № 1. С. 61–68.
- Вайнштейн С.И.* Историческая этнография // Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 2: Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М.: Наука, 1988а. С. 62–63.
- Вайнштейн С.И.* Историческая этнография в структуре этнографической науки // Советская этнография. 1987. № 4. С. 77–82.
- Вайнштейн С.И.* Полевая этнография // Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М.: Наука, 1988б. С. 205–208.
- Вайнштейн С.И.* Сравнительно-исторический метод // Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 2: Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М.: Наука, 1988с. С. 211–216.
- Вайнштейн С.И.* Судьба Бориса Осиповича Долгих – человека, гражданина, ученого // Репрессированные этнографы / сост. Д.Д. Тумаркин. М.: Восточ. литература, 2002. Вып. 1. С. 284–307.
- Вайнштейн С.И., Крюков М.В.* Советская этнографическая школа // Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 2: Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М.: Наука, 1988. С. 114–124.
- Васильев В.И.* Лесные энцы (очерк истории, хозяйства и культуры) // Сибирский этнографический сборник. М.: Изд-во Академии Наук СССР. 1963. Т. V. С. 33–70.
- Васильев В.И.* Ненцы и энцы // Этническая история народов Севера / отв. ред. И.С. Гурвич. М.: Наука, 1982. С. 48–81.
- Васильев В.И.* Ненцы и энцы Таймырского национального округа (очерк хозяйства, быта и этнических процессов, протекающих на Енисейском Севере) // Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера / отв. ред. И.С. Гурчи, Б.О. Долгих. М., 1970. С. 106–163.
- Васильев В.И.* Особенности развития этнических и языковых процессов в этноконтактных зонах Европейского Севера и Северной Сибири (по материалам этнографического обследования северосамодийских народов: ненцев, энцев и нганасан) // Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера / отв. ред. И.С. Гурвич. М.: Наука, 1985. С. 65–93.
- Васильев В.И.* Открытие самодийского мира (история одного научного поиска) // Советская этнография. 1976. № 4. С. 145–156.
- Васильев В.И.* Проблемы формирования северосамодийских народностей. М.: Наука, 1979б.
- Васильев В.И.* Самодийское население низовьев Енисея: Очерки по этнической истории, современному хозяйству и быту: дис. ... канд. ист. наук. М., 1968.
- Васильев В.И.* Система оленеводства лесных энцев и ее происхождение // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. 1962. Вып. 37. С. 67–75.
- Васильев В.И.* Современное хозяйство и быт коренного населения низовьев Енисея. По материалам полевых исследований в Таймырском национальном округе // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1963–1980 годы / под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 119–133.
- Васильев В.И.* Современные этнические процессы в низовьях Енисея // Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук (Москва, 3–10 августа 1964 г.). Т. 10. М., 1979с. С. 340–345.
- Васильев В.И.* Этнические процессы на нижнем Енисее (К вопросу об этнической самобытности современных энцев) // Полевые исследования Института этнографии / отв. ред. С.И. Вайнштейн. 1977. М.: Наука, 1979а. С. 55–62.

- Васильев В.И. Современное хозяйство и быт коренного населения низовьев Енисея. По материалам полевых исследований в Таймырском национальном округе // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1963–1980 годы / под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 119–133.
- Васильев В.И., Симченко Ю.Б. Современное самодийское население Таймыра // Советская этнография. 1963. № 3. С. 9–20.
- Васильев В.И., Симченко Ю.Б. Борис Осипович Долгих (К шестидесятилетию со дня рождения) // Советская этнография. 1964. № 6. С. 151–153.
- Васильев В.И., Симченко Ю.Б. Опыт использования этнических традиций в современном хозяйственном строительстве // Социалистические преобразования жизни народов советского Севера и пути их дальнейшего развития в свете решений XXV съезда КПСС: тезисы докл. и сообщ. всесоюз. науч. конф. / под ред. В.И. Федорова. Якутск: Ин-т яз., литературы и истории, 1976. С. 93–94.
- Васильев В.И., Симченко Ю.Б. Переустройство хозяйства, быта и культуры коренного населения Таймырского национального округа // Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера / отв. ред. И.С. Гурвич. М.: Наука, 1971. С. 245–275.
- Васильев В.И., Симченко Ю.Б. Поездка в Таймырский национальный округ // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1963–1980 годы / под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 7–14.
- Васильев В.И., Симченко Ю.Б., Соколова З.П. Проблемы реконструкции быта малых народов Крайнего Севера // Советская этнография. 1966. № 3. С. 9–22.
- Васильев В.И., Тулолуков В.А. Этнографические исследования на Таймыре в 1959 году // Советская этнография. 1960. № 5. С. 128–141.
- Васильева Э.К., Пименов В.В., Христолюбова Л.С. Современные этнокультурные процессы в Удмуртии (Программа и методика обследования) // Советская этнография. 1970. № 2. С. 57–70.
- Владимир Иванович Васильев (20.04.1936–21.10.1993) // Этнографическое обозрение. 1994. № 4. С. 156–159.
- Вопросники и программы по этноархеологии и этнографии: учеб.-метод. пособие / под ред. С.Ф. Татаурова. Омск: ОмГУ, 2002.
- Воробьев Н.И. Программа для сбора материалов по изучению современного быта колхозной деревни и истории его формирования у народностей Среднего Поволжья // Советская этнография. 1951. № 4. С. 180–198.
- Головнев А.В., Данилова Е.Н. Советская версия этноэкспертизы: докладные записки этнографов-североведов 1950–1990-х гг. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 1 (52). С. 132–143.
- Громов Г. Методика этнографических экспедиций. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966.
- Громыко М.М. Памяти Юрия Борисовича Стракача // Традиции и современность. 2015. № 16. С. 156–160.
- Гупта А., Фергюсон Д. Дисциплина и практика: «поле» как место, метод и локальность в антропологии // Этнографическое обозрение. 2013. № 6. С. 3–44.
- Гурвич И.С. 10 лет деятельности сектора Севера Института этнографии АН СССР // Промысловая фауна Крайнего Севера и ее использование. М.: Наука, 1967. С. 258–261. (Проблемы Севера. Вып. 11).
- Гурвич И.С. Принципы ленинской национальной политики и применение их на Крайнем Севере // Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера / отв. ред. И.С. Гурвич. М.: Наука, 1971. С. 9–49.
- Гурвич И.С. Северная экспедиция Института этнографии АН СССР (исследование вопросов материальной и духовной культуры) // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М., 1990. С. 198–204.
- Гурвич И.С. Этнографическая деятельность М. Г. Левина на Охотском побережье в 1930–1932 гг. (К вопросу о методике ранних советских полевых исследований) // Очерки

- истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М.: Наука, 1968. Вып. 4. С. 110–121.
- Данилейко В.А. К вопросу истории изучения п-ова Таймыр в 1920–30-х гг. XX в // Труды Братского Государственного Университета. Серия: Гуманитарные и социальные проблемы развития регионов Сибири. 2013. Т. 1. С. 185–194.
- Дивисенко К.С., Винер Б.Е. Периодизация советской и постсоветской этнологии на материалах тематики диссертаций (1934–2016) // Мир России. 2021. № 4 (30). С. 156–187.
- Долгих Б.О. Проблемы этнографии и антропологии Арктики // Советская этнография. 1964. № 4. С. 76–90.
- Долгих Б.О., Файнберг Л.А. Таймырские нганасаны / Академия наук СССР // Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера: труды Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия: сборник статей. Т. 56 / под ред. Б.О. Долгих, М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. С. 9–62.
- Долгих Б.О., Файнберг Л.А. О положении коренного населения Авамского района Таймырского национального округа // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1956–1958 годы / под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2004. С. 185–203.
- Жданко Т.А. Этнографические исследования и этнографы Хорезмской экспедиции // Этнографическое обозрение. 1997. № 1. С. 70–85.
- Жорницкая М.Я. Некоторые вопросы современного положения коренного населения Таймырского автономного округа // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1963–1980 годы / под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 373–379.
- Зибарев В.А. Комитет содействия народностям Севера // Вопросы истории. 1976. № 8. С. 213.
- Зоя Петровна Соколова: о времени и о себе / интервью записала и подготовила к печати В.И. Харитоновна // Этнография народов Западной Сибири: К юбилею доктора исторических наук, профессора Зои Петровны Соколовой / отв. ред. Д.А. Функ, А.П. Зенько. М.: ИЭА РАН, 2000. С. 12–35.
- Интервью с З.П. Соколовой на тему «Основные методические проблемы и опыт полевого исследования» / записала Е.В. Миськова // Этнография народов Западной Сибири: К юбилею доктора исторических наук, профессора Зои Петровны Соколовой / отв. ред. Д.А. Функ, А.П. Зенько. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2000. С. 36–48.
- Историко-этнографический атлас Сибири / под ред. М.Г. Левина, Л.П. Потапова. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961.
- Калеменева Е.А. Смена моделей освоения Советского Севера в 1950-е гг.: случай Комиссии по проблемам Севера // Сибирские исторические исследования. 2018. № 2. С. 181–200.
- Карлов В.В. Послевоенный этап развития отечественного народоведения и его концептуальные подходы // Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики / отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2022а. С. 68–78.
- Карлов В.В. Ю.В. Бромлей и позднесоветская этнография // Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики / отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2022б. С. 79–90.
- Карлов В.В. Юрий Борисович Симченко: в поле и вне поля // Поле как жизнь: К 60-летию Северной экспедиции ИЭА РАН / отв. ред. и сост. Е.А. Пивнева. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 61–68.
- Ковальский С.О., Басов А.С. Таймырские экспедиции московских этнографов во второй половине XX в.: опыт исторической реконструкции и картографирования // Народы Севера. Государство. Этничность / отв. ред. Е.А. Пивнева. М.: ИЭА РАН, в печати.
- Лебедев В.В. Изменения в культуре народов Обско-Енисейского Севера // Расы и народы: Современные этнические и расовые проблемы: Ежегодник. 1987. № 17. С. 92–110.

- Лебедев В.В. Некоторые вопросы социально-экономического и культурно-бытового развития коренного населения Хатангского района Таймырского автономного округа // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1981–1984 годы / под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 262–280.
- Лебедев В.В. О современном положении коренного населения Хатангского района Таймырского автономного округа // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1985–1994 годы / под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2007а. С. 9–20.
- Лебедев В.В. Некоторые вопросы современного развития коренного населения Таймырского автономного округа // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1985–1994 годы / под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2007б. С. 48–63.
- Лебедев В.В. Социальное и этническое развитие коренного населения Новорыбинского сельсовета Таймырского автономного округа // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1985–1994 годы / под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2007с. С. 143–148.
- Лебедев В., Лопушко Н., Симченко Ю. Хозяйство, быт и культура коренного населения Авамской тундры по материалам Таймырского отряда Северной экспедиции // Новое в этнографических и антропологических исследованиях (Итоги полевых работ Института этнографии в 1972 году). Ч. 2. М., 1974. С. 32–41.
- Левин М.Г. Этнографические и антропологические материалы как исторический источник. (К методологии изучения истории бесписьменных народов) // Советская этнография. 1961. № 1. С. 20–28.
- Лобачева Н. К юбилею С.П. Толстова // Советская этнография. 1957. № 5. С. 164–166.
- Любовцев В.И., Симченко Ю.Б. Тундра не любит слабых. М.: Мысль, 1968.
- Мифологические сказки и исторические предания нганасан / запись и подго. текстов, введ. и ком. Б.О. Долгих. М.: Глав. ред. восточ. лит., 1976.
- Научный архив Института этнологии и антропологии РАН (НА ИЭА РАН). Ф. 142. Оп. 2. Д. 117. Отчёты о работе экспедиций и отрядов Института в 1976 году. Т. 2.
- НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 122. Отчёты о работе экспедиций и отрядов Института в 1977 году. Т. 1.
- НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 133. Отчёты о работе экспедиций и отрядов Института в 1978 году. Т. 2.
- НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 177. Отчёты о работе экспедиций и отрядов Института в 1986 году. Т. 2.
- НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 39. Отчёты о работе экспедиций и отрядов Института в 1959 году.
- НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 40. Отчёты о работе отрядов Комплексной экспедиции Института в 1959 году (А–Е). Т. 1.
- НА ИЭА РАН. Ф. 47. Оп. 5. Д. 1753. Комплексная экспедиция. Енисейский отряд. Полевой дневник В.И. Васильева № 2. 1959.
- НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 47. Отчёты о работе экспедиций и отрядов Института в 1960 году.
- НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 53. Отчёты о работе экспедиций и отрядов Института в 1961 году.
- НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 59. Отчёты о работе экспедиций и отрядов Института в 1962 году. Т. 2.
- НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 183. Отчёты о работе экспедиций и отрядов Института в 1987 году. Т. 2.
- Народы Советского Севера (1960–1980-е гг.) / отв. ред. И.С. Гурвич, З.П. Соколова. М.: Наука, 1991.
- Новая жизнь народов Севера / под ред. В.И. Васильева, И.С. Гурвича, Ю.Б. Симченко. М.: Наука, 1967.

- Обсуждение статей М.Н. Шмелевой и С.И. Вайнштейна о проблемах полевых исследований / Г.В. Старовойтова и др. // Советская этнография. 1985а. № 4. С. 67–77.
- Обсуждение статей М.Н. Шмелевой и С.И. Вайнштейна о проблемах полевых исследований / В.Р. Арсеньев и др. // Советская этнография. 1985b. № 5. С. 57–69.
- Общественный строй у народов Северной Сибири: XVII – начало XX в. / отв. ред. И.С. Гурвич, Б.О. Долгих. М.: Наука, 1970.
- Октябрьская И.В., Романова Е.Н.* Североведение в истории российской этнографии: от описания народов к конструированию этничности // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2020. № 3 (32). С. 9–20.
- От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) / под ред. Д.В. Арзютов, С.С. Алымов, Д.Дж. Андерсон. СПб.: МАЭ РАН, 2014.
- Очерки экспедиционного быта в Закавказье / отв. ред. В.И. Козлов. М.: Старый сад, 2001.
- Пивнева Е.А.* Североведение в ИЭА РАН: по следам И.С. Гурвича и в ногу со временем. Якутск: Электронное изд-во НБ РС(Я), 2019. С. 25–33.
- Пивнева Е.А.* Советское этнографическое североведение второй половины XX в. в зеркале научного наследия З.П. Соколовой (московская школа) // Вестник угроведения. 2021. № 4 (11). С. 780–788.
- Пивнева Е.А.* Этнографы и малочисленные народы Севера и Сибири в контексте советской этнонациональной политики // Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики / отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2022. С. 90–157.
- Плужников Н.В.* Языковая ситуация в поселке Усть-Авам Таймырского автономного округа // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1985–1994 годы / под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2007. С. 149–152.
- Потанов Л.* Этнографическое изучение социалистической культуры и быта народов СССР // Советская этнография. 1962. № 2. С. 3–19.
- Размышления о судьбах науки / В.В. Карлов и др.; беседовал А.Л. Елфимов // Этнографическое обозрение. 1996. № 5. С. 3–24.
- Рапопорт Ю.А., Семенов Ю.И.* Сергей Павлович Толстов: выдающийся этнограф, археолог, организатор науки // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / отв. ред. В.А. Тишков, Д.Д. Тумаркин. М.: Наука, 2004. С. 184–232.
- Решетов А.М.* Борис Осипович Долгих и ленинградские сибиреведы (к постановке вопроса) // Этнос Сибири. Прошлое. Настоящее. Будущее: материалы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Н.П. Макаров. Красноярск: Краснояр. краевой краевед. музей, 2004. Ч. 1. С. 75–81.
- Саввинов А.И.* «Пять лет в Туруханском крае». Долганы и якуты в исследованиях П.Е. Островских // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2017. № 3 (20). С. 43–52.
- Савоскул С., Соколова З.* Юрий Борисович Симченко // Этнографическое обозрение. 1995. № 5. С. 163–168.
- Савоскул С.С.* Этнограф Красноярского музея – Б.О. Долгих в 1937–1944 гг. // Этнографическое обозрение. 2009. № 1. С. 100–118.
- Сибирский этнографический сборник. Т. V / под ред. Б.О. Долгих. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963.
- Симанкова Л.А.* Ученые-этнографы, работавшие на Таймыре в XX веке // Музейный вестник. Дудинка: Издат. дом «КП плюс», 2003. Вып. 3. С. 4–40.
- Симченко Ю.Б.* Основные черты современных этнических процессов у коренного населения Авамской тундры Таймырского национального округа // Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера / под ред. И.С. Гурвича, Б.О. Долгих. М.: Наука, 1970. С. 164–178.
- Симченко Ю.Б.* Культура охотников на оленей Северной Евразии: Этнографическая реконструкция. М.: Наука, 1976.

- Симченко Ю.Б. Современное хозяйство, быт и культура авамских и таймырских нганасан // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1959–1962 годы / под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2005. С. 273–298.
- Симченко Ю.Б. Нганасаны и долганы Волочанского сельсовета Дудинского района Таймырского национального округа // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1963–1980 годы / под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 229–252.
- Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: Новое лит. обозрение, 2008.
- Соколовский С.В. Российская антропология: цена самобытности // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. М., 2008. Вып. 13. С. 32–62.
- Соколовский С. Российская антропология: иллюзия благополучия // Неприкосновенный запас. 2009. № 1 (63). С. 45–64.
- Соколовский С. В дейтноте: заметки о состоянии российской антропологии // Laboratorium. 2011. № 2. С. 70–89.
- Соловей Т.Д. История российской этнологии в очерках, XVIII – начало XXI вв. М.: Этносфера, 2022.
- Средняя Сибирь / общ. ред. И.П. Герасимова. М.: Наука, 1964. (Природные условия и естественные ресурсы СССР.)
- Сулейманов А.А. Материалы деятельности Комиссии по проблемам Севера как источник по социально-экономическому положению аборигенных этносов Советской Арктики в 50-е гг. XX в. // Вестник угроведения. 2017. № 3 (30). С. 160–167.
- Сулейманов А.А. Экспедиции Академии наук СССР на Азиатский Север в 30-е гг. XX в. // Мир Науки, Культуры, Образования. 2012. № 2 (33). С. 427–431.
- Тишков В.А. Советская этнография: преодоление кризиса // Этнографическое обозрение. 1992. № 1. С. 5–20.
- Токарев С.А. К постановке проблем этногенеза // Советская этнография. 1949. № 3. С. 12–36.
- Токарев С.А., Чебоксаров Н.Н. Методология этногенетических исследований на материале этнографии в свете работ И.В. Сталина по вопросам языкознания // Советская этнография. 1951. № 4. С. 7–26.
- Токарев С.А. Этнография народов СССР: исторические основы быта и культуры. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958.
- Токарев С.А. Из дневников // Благодарим судьбу за встречу с ним: О Сергее Александровиче Токареве – ученом и человеке / под ред. С.Я. Козлова, П.И. Пучкова. М.: Ин-т этнологии и антропологии, 1995. С. 159–304.
- Толстов С.П. Дмитрий Николаевич Анучин – этнограф // Памяти Д.Н. Анучина (1843–1923) / отв. ред. С.П. Толстов. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1947а. С. 18–21.
- Толстов С.П. Советская школа в этнографии // Советская этнография. 1947б. № 4. С. 8–28.
- Толстов С.П. Этнография и современность // Советская этнография. 1946. № 1. С. 3–11.
- Толстов С.П., Жданко Т.А. Пути развития и проблемы советской этнографии // Вопросы истории. 1964. № 7. С. 3–20.
- Туторский А.В. Методы сбора и способы текстуализации полевого материала (на примере Северной экспедиции кафедры этнографии МГУ) // Кафедре этнологии Исторического факультета МГУ – 70 лет: сб. науч. ст. / под ред. А.А. Никишенкова. М.: Изд-во МГУ, 2010. С. 273–293.
- Файнберг Л.А. Хозяйство и культура Таймырских нганасан (По материалам колхоза им. Шмидта Таймыр. нац. округа) // Советская этнография. 1959. № 2. С. 47–60.

- Хорина В.В. Красноярский подотдел Восточно-Сибирского отдела русского географического общества (КОРГО) как центр научного изучения Енисейской губернии // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 9 (174). С. 21–28.
- Шапалин Б.Ф. 10 лет работы Комиссии по проблемам Севера (1954–1964 гг.) // Промысловая фауна Крайнего Севера и ее использование. М.: Наука, 1967. С. 250–257. (Проблемы Севера. Вып. 11.)
- Шмелева М.Н. Некоторые вопросы полевого этнографического исследования современности (ответ участникам дискуссии) // Советская этнография. 1986. № 1. С. 57–61.
- Шмелева М.Н. Полевая работа и изучение современности // Советская этнография. 1985. № 3. С. 43–51.
- Штернберг Л.Я. Д.Н. Анучин как этнограф (скончался 4 июня 1923 г.) (Речь в Академии истории материальной культуры в первую годовщину смерти Д.Н. Анучина) // Этнография. 1926. № 1–2. С. 7–13.
- Этническое развитие народностей Севера в советский период / под ред. И.С. Гурвич. М.: Наука, 1987.
- Этногенез народов Севера / отв. ред. И.С. Гурвич. М.: Наука, 1980.
- Alymov S. Ethnography, Marxism, and Soviet Ideology // *An Empire of Others: Creating Ethnographic Knowledge in Imperial Russia and the USSR* / ed. by R. Cvetkovski & A. Hofmeister. Budapest; New York: Central European University Press, 2014. P. 121–143.
- Arzyutov D.V., Kan S.A. The Concept of the “Field” in Early Soviet Ethnography: A Northern Perspective // *Sibirica*. 2017. Vol. 16, No. 1. P. 31–74.
- Elfimov A. Ethnographic Practices and Methods: Some Predicaments of Russian Anthropology // *Ethnographic Practice in the Present* / ed. by M. Melhuus, J.P. Mitchell, H. Wulff. New York; Oxford: Berghahn Books, 2012. P. 95–106.
- Funk D. Siberia, Anthropology in // *The International Encyclopedia of Anthropology* / ed. by Callan H. Wiley, 2018. P. 1–15.
- Marcus G.E. Ethnography in/of the World System: The Emergence of Multi-sited Ethnography // *Annual Review of Anthropology*. 1995. Vol. 24. P. 95–117.
- Rawski K. A Soviet Think Tank: The Involvement of the Institute of Ethnography in Soviet Policy // *Region: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*. 2017. Vol. 6, No. 1. P. 109–132.
- Schweitzer P.P. Siberia and Anthropology: National Traditions and Transnational Moments in the History of Research: Habilitationsschrift. Wien, 2001.
- Sirina A. A History of Siberian Ethnography // *The Siberian World* / ed. by J.P. Ziker, J. Ferguson, V. Davydov. London; New York: Routledge, 2023. P. 587–606.
- Vitebsky P., Alekseyev A. Siberia // *Annual Review of Anthropology*. 2015. Vol. 44, No. 1. P. 439–455.

References

- "Ne liubopystva radi, a poznaniia dlia..." K 75-letiiu Iurii Borisovicha Simchenko ["Not for curiosity's sake, but for knowledge..." To the 75th anniversary of Yuri Borisovich Simchenko] (2011) / Ed. by N.A. Dubova, Iu.N. Kvashnin. Moscow: Staryi sad.
- Alekseeva T.I., Arutiunov M.G. (2004) Maksim Grigor'evich Levin: uchenyi, uchitel', chelovek [Maksim Grigorievich Levin: scientist, teacher, person]. In: *Vydaiushchiesia otechestvennye etnologi i antropologi 20 veka* [Outstanding Russian ethnologists and anthropologists of the 20th century] / Ed. by V.A. Tishkov, D.D. Tumarkin. Moscow: Nauka, pp. 331–357.
- Alymov S. (2014) Ethnography, Marxism, and Soviet Ideology. In: *An Empire of Others: Creating Ethnographic Knowledge in Imperial Russia and the USSR* / Ed. by R. Cvetkovski, A. Hofmeister. Budapest–New York: Central European University Press, pp. 121–143.

- Alymov S.S. (2004) Dmitrii Nikolaevich Anuchin: "Estestvennaia istoriia cheloveka v obshirnom smysle etogo slova" [Dmitry Nikolaevich Anuchin: "Natural history of man in the broad sense of the word"]. In: *Vydaishchiesia otechestvennye etnologi i antropologi 20 veka* [Outstanding Russian ethnologists and anthropologists of the 20th century] / Ed. by V.A. Tishkov, D.D. Tumarkin. Moscow: Nauka, pp. 7–48.
- Alymov S.S. (2006) *P.I. Kushner i razvitie sovetskoi etnografii v 1920–1950-e gody* [P.I. Kushner and the development of Soviet ethnography in the 1920s–1950s]. Moscow: IEA.
- Alymov S.S. (2007) Na puti k "drevnei istorii narodov SSSR": maloizvestnye stranitsy nauchnoi biografii S.P. Tolstova [On the way to the "ancient history of the peoples of the USSR": little-known pages of S.P. Tolstov's scientific biography]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 5, pp. 125–144.
- Alymov S.S. (2009) Kosmopolitizm, marrizm i prochie "grekhi": otechestvennye etnografy i arkhologii na rubezhe 1940-1950-kh godov [Cosmopolitanism, Marrism and other "sins": Russian ethnographers and archaeologists at the turn of the 1940s–1950s]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 3 (97), pp. 7–36.
- Alymov S.S. (2010) Nesluchainoe selo: sovetskie etnografy i kolkhozniki na puti "ot starogo k novomu" i obratno [Non-accidental village: Soviet ethnographers and collective farmers on the way "from old to new" and back]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 1 (101), pp. 109–129.
- Alymov S.S. (2013) G.P. Snesev i polevoe izuchenie "religiozno-bytovykh perezhitkov" [G.P. Snesev and field study of "religious and everyday survivals"]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 6, pp. 69–88.
- Alymov S.S. (2019) Ot redkollegii. Vypolnennye zadachi? (V kachestve predisloviia k publikatsii stat'i D.N. Anuchina "O zadachakh russkoi etnografii") [From the editorial board. Completed tasks? (As a preface to the publication of D.N. Anuchin's article "On the tasks of Russian ethnography")]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 6, pp. 5–10.
- Anuchin D.N. (2019) O zadachakh russkoi etnografii [1889 g.] [On the tasks of Russian ethnography [1889]]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 6, pp. 11–28.
- Arkhivy Rossiiskoi akademii nauk [ARAN]. F. 142. Op. 10. D. 257. Otchet sektora po izucheniiu sotsialisticheskogo stroitel'stva u malykh narodov Severa Instituta etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaia AN SSSR o rabote za 1963 god i individual'nye otchety sotrudnikov [Report of the sector for the study of socialist construction among the small peoples of the North of the N.N. Miklukho-Maclay Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences for 1963 and individual reports of employees].
- ARAN. F. 142. Op. 10. D. 593. Otchet sektora po izucheniiu sotsialisticheskogo stroitel'stva u malykh narodov Severa Instituta etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaia AN SSSR za 1966 god i individual'nye otchety sotrudnikov [Report of the sector for the study of socialist construction among the small peoples of the North of the N.N. Miklukho-Maclay Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences for 1966 and individual reports of employees].
- ARAN. F. 142. Op. 10. D. 828. Otchet sektora po izucheniiu sotsialisticheskogo stroitel'stva u malykh narodov Severa instituta etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaia AN SSSR za 1968 g. i individual'nye otchety sotrudnikov [Report of the sector for the study of socialist construction among the small peoples of the North of the N.N. Miklukho-Maclay Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences for 1968 and individual reports of employees].
- ARAN. F. 2. Op. 6. D. 170. Protokoly (podpisnye) №№ 19–22 i stenogrammy (nepravlenye) zasedanii Prezidiuma Akademii nauk SSSR 1954 [Protocols (signed) No. 19–22 and transcripts (unedited) of meetings of the Presidium of the USSR Academy of Sciences 1954].

- ARAN. F. 2. Op. 6. D. 180. Protokoly i stenogrammy zasedanii prezidiuma Akademii nauk SSSR za 26.11.1954–10.12.1954 [Protocols and transcripts of meetings of the Presidium of the USSR Academy of Sciences for 26.11.1954–10.12.1954].
- ARAN. F. 142. Op. 1. D. 1124. Plan raboty sektora narodov Krainego Severa Instituta etnografii im. N. N. Miklukho-Maklaia AN SSSR na 1959–1965 gg., izmeneniia i dopolneniia k nemu [Work plan of the Far North Peoples Sector of the N. N. Miklukho-Maclay Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences for 1959–1965, changes and additions to it].
- Arutiunian Iu.V. (1972) Sotsial'no-kul'turnye aspekty razvitiia i sblizheniia natsii v SSSR (programma, metodika i perspektivy issledovaniia) [Socio-cultural aspects of development and convergence of nations in the USSR (program, methodology and research prospects)]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 3, pp. 3–19.
- Arzyutov D.V., Kan S.A. (2017) The Concept of the "Field" in Early Soviet Ethnography: A Northern Perspective. *Sibirica*, vol. 16, no. 1, pp. 31–74.
- Bat'ianova E.P. (1996) Pamiati Marii Iakovlevny Zhornitskoi [In memory of Maria Yakovlevna Zhornitskaya]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 2, pp. 182–185.
- Bat'ianova E.P. (2017) Severnaia ekspeditsiia Instituta etnografii i ee rol' v razvitii sovetskoi shkoly polevogo etnograficheskogo severovedeniia [Northern expedition of the Institute of Ethnography and its role in the development of the Soviet school of field ethnographic Northern studies]. In: *Pole kak zhizn': K 60-letiiu Severnoi ekspeditsii IEA RAN* [Field as life: To the 60th anniversary of the Northern expedition of the IEA RAS] / Ed. by E.A. Pivneva. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 13–39.
- Bat'ianova E.P. (2022) Boris Osipovich Dolgikh i razvitie sovetskoi shkoly polevogo etnograficheskogo sibirevedeniia v 1950–1970-e gody [Boris Osipovich Dolgikh and the development of the Soviet school of field ethnographic Siberian studies in the 1950s–1970s]. In: *Narody Sibiri i Dal'nego Vostoka s drevnikh vremen do nashikh dnei* [Peoples of Siberia and the Far East from ancient times to the present day]. Krasnoarsk: Sib. feder. un-t, pp. 217–221.
- Bibliografiia trudov Instituta etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaia. 1900–1962* [Bibliography of works of the N.N. Miklukho-Maclay Institute of Ethnography. 1900–1962] (1967) / Comp. by O.V. Bunakova, R.V. Kamenetskaia. Leningrad: Nauka.
- Bibliografiia trudov Instituta etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaia. 1963–1975* [Bibliography of works of the N.N. Miklukho-Maclay Institute of Ethnography. 1963–1975] (2008) / Comp. by T.I. Shaskol'skaia, N.M. Sysoeva. St. Petersburg: MAE RAN.
- Bibliografiia trudov Instituta etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaia. 1976–1985* [Bibliography of works of the N.N. Miklukho-Maclay Institute of Ethnography. 1976–1985] (2011) / Comp. by T.I. Shaskol'skaia, N.M. Sysoeva, E.V. Shepeleva. St. Petersburg: MAE RAN.
- Bromlei Iu.V., Tokarev S.A. (1988) Etnografiia [Ethnography]. In: *Svod etnograficheskikh poniatii i terminov. Vyp. 2: Etnografiia i smezhnye distsipliny. Etnograficheskie subdistsipliny. Shkoly i napravleniia. Metody* [Compendium of ethnographic concepts and terms. Issue 2: Ethnography and related disciplines. Ethnographic subdisciplines. Schools and directions. Methods]. Moscow: Nauka, pp. 21–41.
- Danileiko V.A. (2013) K voprosu istorii izucheniia p-ova Taimyr v 1920–30-kh gg. XX v [On the history of studying the Taimyr Peninsula in the 1920s–30s]. *Trudy Bratskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Serii: Gumanitarnye i sotsial'nye problemy razvitiia regionov Sibiri*, vol. 1, pp. 185–194.
- Divisenko K.S., Viner B.E. (2021) Periodizatsiia sovetskoi i postsovetskoi etnologii na materialakh tematiки dissertatsii (1934–2016) [Periodization of Soviet and post-Soviet ethnology based on dissertation topics (1934–2016)]. *Mir Rossii*, no. 4 (30), pp. 156–187.
- Dolgikh B.O. (1964) Problemy etnografii i antropologii Arktiki [Problems of ethnography and anthropology of the Arctic]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 4, pp. 76–90.
- Dolgikh B.O., Fainberg L.A. (1960) Taimyrskie nganasany [Taimyr Nganasans]. In: *Sovremennoe khoziaistvo, kul'tura i byt malykh narodov Severa: Sbornik statei*. Trudy

- Instituta etnografii imeni N.N. Miklukho-Maklaia Novaia seriia Vol. 56 / Ed. by B.O. Dolgikh. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, pp. 9–62.
- Dolgikh B.O., Fainberg L.A. (2004) O polozhenii korennoogo naseleniia Avamskogo raiona Taimyrskogo natsional'nogo okruga [On the situation of the indigenous population of the Avam district of the Taimyr National District]. In: *Etnologicheskaiia ekspertiza: Narody Severa Rossii. 1956–1958 gody* / Ed. by Z.P. Sokolova, E.A. Pivneva. Moscow: IEA RAN, pp. 185–203.
- Elfimov A. (2012) Ethnographic Practices and Methods: Some Predicaments of Russian Anthropology. In: *Ethnographic Practice in the Present* / Ed. by M. Melhuus, J.P. Mitchell, H. Wulff. New York; Oxford: Berghahn Books, pp. 95–106.
- Etnicheskoe razvitiie narodnostei Severa v sovetskii period* [Ethnic development of the peoples of the North in the Soviet period] (1987) / Ed. by I.S. Gurvich. Moscow: Nauka.
- Etnogenez narodov Severa* [Ethnogenesis of the peoples of the North] (1980) / Ed. by I.S. Gurvich. Moscow: Nauka.
- Fainberg L.A. (1959) Khoziaistvo i kul'tura Taimyrskikh nganasan (Po materialam kolkhoza im. Shmidta Taimyr. nats. okruga) [Economy and culture of the Taimyr Nganasans (Based on materials from the Schmidt collective farm of the Taimyr National District)]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 2, pp. 47–60.
- Funk D. (2018) Siberia, Anthropology in. In: *The International Encyclopedia of Anthropology* / Ed. by H. Callan. Wiley, pp. 1–15.
- Golovnev A.V., Danilova E.N. (2021) Sovetskaia versiia etnoekspertizy: dokladnye zapiski etnografov-severovedov 1950–1990-kh gg. [Soviet version of ethno-expertise: memoranda of ethnographers-specialists in Northern studies of the 1950s-1990s]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 1 (52), pp. 132–143.
- Gromov G. (1966) *Metodika etnograficheskikh ekspeditsii* [Methodology of ethnographic expeditions]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Gromyko M.M. (2015) Pamiati Iurii Borisovicha Strakacha [In memory of Yuri Borisovich Strakach]. *Traditsii i sovremennost'*, no. 16, pp. 156–160.
- Gupta A., Ferguson D. (2013) Distiplina i praktika: "pole" kak mesto, metod i lokal'nost' v antropologii [Discipline and practice: "field" as place, method and locality in anthropology]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 6, pp. 3–44.
- Gurvich I.S. (1967) 10 let deiatel'nosti sektora Severa Instituta etnografii AN SSSR [10 years of activity of the North sector of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences]. In: *Promyslovaia fauna Krainego Severa i ee ispol'zovanie*. Moscow: Nauka, pp. 258–261.
- Gurvich I.S. (1968) Etnograficheskaiia deiatel'nost' M.G. Levina na Okhotskom poberezh'e v 1930–1932 gg. (K voprosu o metodike rannikh sovetskikh polevykh issledovaniia) [Ethnographic activity of M.G. Levin on the Okhotsk coast in 1930-1932 (On the methodology of early Soviet field research)]. In: *Ocherki istorii russkoi etnografii, fol'kloristiki i antropologii*. Moscow: Nauka, Issue 4, pp. 110–121.
- Gurvich I.S. (1971) Printsipy leninskoi natsional'noi politiki i primeneniie ikh na Krainem Severe [Principles of Lenin's national policy and their application in the Far North]. In: *Osushchestvleniie leninskoi natsional'noi politiki u narodov Krainego Severa* / Ed. by I.S. Gurvich. Moscow: Nauka, pp. 9–49.
- Gurvich I.S. (1990) Severnaia ekspeditsiia Instituta etnografii AN SSSR (issledovanie voprosov material'noi i dukhovnoi kul'tury) [Northern expedition of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences (study of material and spiritual culture)]. In: *Problemy izucheniia istoriko-kul'turnoi sredy Arktiki*. Moscow, pp. 198–204.
- Interv'iu s Z.P. Sokolovoi na temu "Osnovnye metodicheskie problemy i opyt polevogo issledovaniia" [Interview with Z.P. Sokolova on "Main methodological problems and field research experience"] (2000) / Recorded by E.V. Mis'kova. In: *Etnografiia narodov Zapadnoi Sibiri: K iubileiu doktora istoricheskikh nauk, professora Zoi Petrovny Sokolovoi* / Ed. by D.A. Funk, A.P. Zen'ko. Moscow: IEA RAN, pp. 36–48.

- Istoriko-etnograficheskii atlas Sibiri* [Historical and ethnographic atlas of Siberia] (1961) / Ed. by M.G. Levin and L.P. Potapov. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR.
- Kalmeneva E.A. (2018) Smena modelei osvoeniia Sovetskogo Severa v 1950-e gg.: sluchai Komissii po problemam Severa [Change of development models of the Soviet North in the 1950s: the case of the Commission on Northern Problems]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia – Siberian Historical Research*, no. 2, pp. 181–200.
- Karlov V.V. (2017) Iurii Borisovich Simchenko: v pole i vne polia [Yuri Borisovich Simchenko: in the field and outside the field]. In: *Pole kak zhizn': K 60-letiiu Severnoi ekspeditsii IEA RAN* / Ed. by E.A. Pivneva. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 61–68.
- Karlov V.V. (2022a) Poslevoennyi etap razvitiia otechestvennogo narodovedeniia i ego kontseptual'nye podkhody [Post-war stage of development of Russian ethnology and its conceptual approaches]. In: *Sovetskaia etnografiia v istorii gosudarstvennogo stroitel'stva i natsional'noi politiki* / Ed. by M.Iu. Martynova. Moscow: IEA RAN, pp. 68–78.
- Karlov V.V. (2022b) Iu.V. Bromlei i pozdnesovetskaia etnografiia [Yu.V. Bromley and late Soviet ethnography]. In: *Sovetskaia etnografiia v istorii gosudarstvennogo stroitel'stva i natsional'noi politiki* / Ed. by M.Iu. Martynova. Moscow: IEA RAN, pp. 79–90.
- Khorina V.V. (2016) Krasnoiarskii podotdel Vostochno-Sibirskogo otdela russkogo geograficheskogo obshchestva (KORG) kak tsentr nauchnogo izucheniia Eniseiskoi gubernii [Krasnoyarsk subdivision of the East Siberian Department of the Russian Geographical Society (KORG) as a center for scientific study of the Yenisei province]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 9 (174), pp. 21–28.
- Koval'skii S.O., Basov A.S. (in press) Taimyrskie ekspeditsii moskovskikh etnografov vo vtoroi polovine XX v.: opyt istoricheskoi rekonstruktsii i kartografirovaniia [Taimyr expeditions of Moscow ethnographers in the second half of the 20th century: experience of historical reconstruction and mapping]. In: *Narody Severa. Gosudarstvo. Etnichnost' / Ed. by E.A. Pivneva. Moscow: IEA RAN.*
- Lebedev V., Lopulnko N., Simchenko Iu. (1974) Khoziaistvo, byt i kul'tura korennoho naseleniia Avamskoi tundry po materialam Taimyrskogo otriada Severnoi ekspeditsii [Economy, way of life and culture of the indigenous population of the Avam tundra based on materials from the Taimyr team of the Northern expedition]. In: *Novoe v etnograficheskikh i antropologicheskikh issledovaniiaakh (Itogi polevykh rabot Instituta etnografii v 1972 godu)*. Part 2. Moscow, pp. 32–41.
- Lebedev V.V. (1987) Izmeneniia v kul'ture narodov Obsko-Eniseiskogo Severa [Changes in the culture of the peoples of the Ob-Yenisei North]. *Rasy i narody: Sovremennye etnichskie i rasovye problemy: Ezhegodnik*, no. 17, pp. 92–110.
- Lebedev V.V. (2006) Nekotorye voprosy sotsial'no-ekonomicheskogo i kul'turno-bytovogo razvitiia korennoho naseleniia Khatangskogo raiona Taimyrskogo avtonomnogo okruga [Some issues of socio-economic and cultural development of the indigenous population of the Khatanga district of the Taimyr Autonomous District]. In: *Etnologicheskaiia ekspertiza: Narody Severa Rossii. 1981–1984 gody* / Ed. by Z.P. Sokolova, E.A. Pivneva. Moscow: IEA RAN, pp. 262–280.
- Lebedev V.V. (2007a) O sovremennom polozenii korennoho naseleniia Khatangskogo raiona Taimyrskogo avtonomnogo okruga [On the current situation of the indigenous population of the Khatanga district of the Taimyr Autonomous District]. In: *Etnologicheskaiia ekspertiza: Narody Severa Rossii. 1985–1994 gody* / Ed. by Z.P. Sokolova, E.A. Pivneva. Moscow: IEA RAN, pp. 9–20.
- Lebedev V.V. (2007b) Nekotorye voprosy sovremennogo razvitiia korennoho naseleniia Taimyrskogo avtonomnogo okruga [Some issues of modern development of the indigenous population of the Taimyr Autonomous District]. In: *Etnologicheskaiia ekspertiza: Narody Severa Rossii. 1985–1994 gody* / Ed. by Z.P. Sokolova, E.A. Pivneva. Moscow: IEA RAN, pp. 48–63.

- Lebedev V.V. (2007c) Sotsial'noe i etnicheskoe razvitiia korennogo naseleniia Novorybinskogo sel'soveta Taimyrskogo avtonomnogo okruga [Social and ethnic development of the indigenous population of the Novorybinskiy village council of the Taimyr Autonomous District]. In: *Etnologicheskaiia ekspertiza: Narody Severa Rossii. 1985–1994 gody* / Ed. by Z.P. Sokolova, E.A. Pivneva. Moscow: IEA RAN, pp. 143–148.
- Levin M.G. (1961) Etnograficheskie i antropologicheskie materialy kak istoricheskii istochnik (K metodologii izucheniia istorii bespis'mennykh narodov) [Ethnographic and anthropological materials as a historical source (On the methodology of studying the history of non-literate peoples)]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 1, pp. 20–28.
- Liubovtsev V.I., Simchenko Iu.B. (1968) *Tundra ne liubit slabykh* [Tundra doesn't like the weak]. Moscow: Mysl'.
- Lobacheva N. (1957) K iubileiu S.P. Tolstova [To the anniversary of S.P. Tolstov]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 5, pp. 164–166.
- Marcus G.E. (1995) Ethnography in/of the World System: The Emergence of Multi-sited Ethnography. *Annual Review of Anthropology*, vol. 24, pp. 95–117.
- Mifologicheskie skazki i istoricheskie predaniia nganasan* [Mythological tales and historical legends of the Nganasans] (1976) / Recorded and prepared by B.O. Dolgikh. Moscow: Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury.
- Nauchnyi arkhiv Instituta etnologii i antropologii RAN [Scientific archive of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS]. F. 142. Op. 2. D. 117. Otchety o rabote ekspeditsii i otriadov Instituta v 1976 godu. Tom 2 [Reports on the work of expeditions and teams of the Institute in 1976. Volume 2].
- NA IEA RAN [Scientific archive of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS]. F. 142. Op. 2. D. 122. Otchety o rabote ekspeditsii i otriadov Instituta v 1977 godu. Tom 1 [Reports on the work of expeditions and teams of the Institute in 1977. Volume 1].
- NA IEA RAN. F. 142. Op. 2. D. 39. Otchety o rabote ekspeditsii i otriadov Instituta v 1959 godu [Reports on the work of expeditions and teams of the Institute in 1959].
- NA IEA RAN. F. 142. Op. 2. D. 40. Otchety o rabote otriadov Kompleksnoi ekspeditsii Instituta v 1959 godu (A–E). Tom 1 [Reports on the work of teams of the Complex expedition of the Institute in 1959 (A–E). Volume 1].
- NA IEA RAN. F. 142. Op. 2. D. 47. Otchety o rabote ekspeditsii i otriadov Instituta v 1960 godu [Reports on the work of expeditions and teams of the Institute in 1960].
- NA IEA RAN. F. 142. Op. 2. D. 53. Otchety o rabote ekspeditsii i otriadov Instituta v 1961 godu [Reports on the work of expeditions and teams of the Institute in 1961].
- NA IEA RAN. F. 142. Op. 2. D. 59. Otchety o rabote ekspeditsii i otriadov Instituta v 1962 godu. Tom 2 [Reports on the work of expeditions and teams of the Institute in 1962. Volume 2].
- NA IEA RAN. F. 142. Op. 2. D. 133. Otchety o rabote ekspeditsii i otriadov Instituta v 1978 godu. Tom 2 [Reports on the work of expeditions and teams of the Institute in 1978. Volume 2].
- NA IEA RAN. F. 142. Op. 2. D. 177. Otchety o rabote ekspeditsii i otriadov Instituta v 1986 godu. Tom 2 [Reports on the work of expeditions and teams of the Institute in 1986. Volume 2].
- NA IEA RAN. F. 142. Op. 2. D. 183. Otchety o rabote ekspeditsii i otriadov Instituta v 1987 godu. Tom 2 [Reports on the work of expeditions and teams of the Institute in 1987. Volume 2].
- NA IEA RAN. F. 47. Op. 5. D. 1753. Kompleksnaia ekspeditsiia. Eniseiskii otriad. Polevoi dnevnik V.I. Vasil'eva №2. 1959 [Complex expedition. Yenisei team. Field diary of V.I. Vasiliev No. 2. 1959].
- Narody Sovetskogo Severa (1960–1980-e gg.)* [Peoples of the Soviet North (1960s–1980s)] (1991) / Ed. by I.S. Gurvich, Z.P. Sokolova. Moscow: Nauka.
- Noviaia zhizn' narodov Severa* [New life of the peoples of the North] (1967) / Ed. by V.I. Vasil'ev, I.S. Gurvich, Iu.B. Simchenko. Moscow: Nauka.

- Obshchestvennyi stroi u narodov Severnoi Sibiri: XVII – nachalo XX v.* [Social system of the peoples of Northern Siberia: 17th – early 20th century] (1970) / Ed. by I.S. Gurvich and B.O. Dolgikh. Moscow: Nauka.
- Obsuzhdenie statei M.N. Shmelevoi i S.I. Vainshteina o problemakh polevykh issledovanii [Discussion of articles by M.N. Shmeleva and S.I. Vainshtein on problems of field research] (1985a) / G.V. Starovoitova et al. *Sovetskaia etnografiia*, no. 4, pp. 67–77.
- Obsuzhdenie statei M.N. Shmelevoi i S.I. Vainshteina o problemakh polevykh issledovanii [Discussion of articles by M.N. Shmeleva and S.I. Vainshtein on problems of field research] (1985b) / V.R. Arsen'ev et al. *Sovetskaia etnografiia*, no. 5, pp. 57–69.
- Ocherki ekspeditsionnogo byta v Zakavkaz'e* [Essays on expedition life in Transcaucasia] (2001) / Ed. by V.I. Kozlov. Moscow: Saryi sad.
- Oktiabr'skaia I.V., Romanova E.N. (2020) Severovedenie v istorii rossiiskoi etnografii: ot opisaniia narodov k konstruirovaniu etnichnosti [Northern Studies in the history of Russian ethnography: from describing peoples to constructing ethnicity]. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik*, no. 3 (32), pp. 9–20.
- Ot klassikov k marksizmu: soveshchanie etnografov Moskvy i Leningrada (5–11 apreliia 1929 g.)* [From classics to Marxism: meeting of ethnographers of Moscow and Leningrad (April 5–11, 1929)] (2014) / Ed. by D.V. Arziutov, S.S. Alymov, D.J. Anderson. St. Petersburg: MAE RAN.
- Pivneva E.A. (2019) *Severovedenie v IEA RAN: po sledam I.S. Gurvicha i v nogu so vremenem* [Northern studies in IEA RAS: following I.S. Gurvich and keeping up with the times]. Yakutsk: Elektronnoe izdatel'stvo NB RS(Ia), pp. 25–33.
- Pivneva E.A. (2021) Sovetskoe etnograficheskoe severovedenie vtoroi poloviny XX v. v zerkale nauchnogo naslediiia Z.P. Sokolovoi (moskovskaia shkola) [Soviet ethnographic Northern studies of the second half of the 20th century in the mirror of Z.P. Sokolova's scientific heritage (Moscow school)]. *Vestnik ugrovedeniia*, no. 4 (11), pp. 780–788.
- Pivneva E.A. (2022) Etnografy i malochislennye narody Severa i Sibiri v kontekste sovetskoii etnonatsional'noi politiki [Ethnographers and small-numbered peoples of the North and Siberia in the context of Soviet ethno-national policy]. In: *Sovetskaia etnografiia v istorii gosudarstvennogo stroitel'stva i natsional'noi politiki* / Ed. by M.Iu. Martynova. Moscow: IEA RAN, pp. 90–157.
- Pluzhnikov N.V. (2007) Iazykovaia situatsiia v poselke Ust'-Avam Taimyrskogo avtonomnogo okruga [Language situation in the village of Ust'-Avam of the Taimyr Autonomous District]. In: *Etnologicheskaiia ekspertiza: Narody Severa Rossii. 1985–1994 gody* / Ed. by Z.P. Sokolova, E.A. Pivneva. Moscow: IEA RAN, pp. 149–152.
- Potapov L. (1962) Etnograficheskoe izuchenie sotsialisticheskoi kultury i byta narodov SSSR [Ethnographic study of socialist culture and way of life of the peoples of the USSR]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 2, pp. 3–19.
- Rapoport Iu.A., Semenov Iu.I. (2004) Sergei Pavlovich Tolstov: vydaiushchiisia etnograf, arkhelog, organizator nauki [Sergei Pavlovich Tolstov: outstanding ethnographer, archaeologist, science organizer]. In: *Vydaiushchiesia otechestvennye etnologi i antropologi XX veka* / Ed. by V.A. Tishkov, D.D. Tumarkin. Moscow: Nauka, pp. 184–232.
- Rawski K. (2017) A Soviet Think Tank: The Involvement of the Institute of Ethnography in Soviet Policy. *Region: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*, vol. 6, no. 1, pp. 109–132.
- Razmyshleniia o sud'bakh nauki [Reflections on the fate of science] (1996) / V.V. Karlov et al.; interviewed by A.L. El'fimov. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 5, pp. 3–24.
- Reshetov A.M. (2004) Boris Osipovich Dolgikh i leningradskie sibirevedy (k postanovke voprosa) [Boris Osipovich Dolgikh and Leningrad Siberian scholars (to the formulation of the question)]. In: *Etnosy Sibiri. Proshloe. Nastoiashchee. Budushchee* / Ed. by N.P. Makarov. Krasnoiar'sk: Krasnoiar'skii kraevoi kraevedcheskii muzei, Part 1, pp. 75–81.

- Savoskul S., Sokolova Z. (1995) Iurii Borisovich Simchenko [Yuri Borisovich Simchenko]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 5, pp. 163–168.
- Savoskul S.S. (2009) Etnograf Krasnoiarskogo muzeia – B.O. Dolgikh v 1937–1944 gg. [Ethnographer of the Krasnoyarsk Museum – B.O. Dolgikh in 1937–1944]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 1, pp. 100–118.
- Savvinov A.I. (2017) "Piat' let v Turukhanskom krae". Dolgany i iakuty v issledovaniiax P.E. Ostrovskikh ["Five years in the Turukhansk region". Dolgans and Yakuts in the research of P.E. Ostrovsky]. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik*, no. 3 (20), pp. 43–52.
- Schweitzer P.P. (2001) *Siberia and Anthropology: National Traditions and Transnational Moments in the History of Research*: Habilitationsschrift. Wien.
- Shapalin B.F. (1967) 10 let raboty Komissii po problemam Severa (1954–1964 gg.) [10 years of work of the Commission on Northern Problems (1954–1964)]. In: *Promyslovaia fauna Krainego Severa i ee ispol'zovanie*. Moscow: Nauka, pp. 250–257.
- Shmeleva M.N. (1985) Polevaia rabota i izuchenie sovremennosti [Field work and study of modernity]. *Sovetskaiia etnografiia*, no. 3, pp. 43–51.
- Shmeleva M.N. (1986) Nekotorye voprosy polevogo etnograficheskogo issledovaniia sovremennosti (otvet uchastnikam diskussii) [Some questions of field ethnographic research of modernity (response to discussion participants)]. *Sovetskaiia etnografiia*, no. 1, pp. 57–61.
- Sibirskii etnograficheskii sbornik* [Siberian ethnographic collection] (1963), vol. V / Ed. by B.O. Dolgikh. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akad. Nauk SSSR.
- Simankova L.A. (2003) Uchenye-etnografy, rabotavshie na Taimyre v XX veke [Ethnographers who worked in Taimyr in the 20th century]. *Muzeinyi vestnik*. Dudinka: Izdat. dom "KP plius", Issue 3, pp. 4–40.
- Simchenko Iu.B. (1970) Osnovnye cherty sovremennykh etnicheskikh protsessov u korennoho naseleniia Avamskoi tundry Taimyrskogo natsional'nogo okruga [Main features of modern ethnic processes among the indigenous population of the Avam tundra of the Taimyr National District]. In: *Preobrazovaniia v khoziaistve i kul'ture i etnicheskie protsessy u narodov Severa* / Ed. by I.S. Gurvich, B.O. Dolgikh. Moscow: Nauka, pp. 164–178.
- Simchenko Iu.B. (1976) *Kul'tura okhotnikov na olenei Severnoi Evrazii: Etnograficheskaiia rekonstruktsiia* [Culture of reindeer hunters in Northern Eurasia: Ethnographic reconstruction]. Moscow: Nauka.
- Simchenko Iu.B. (2005) Sovremennoe khoziaistvo, byt i kul'tura avamskikh i taimyrskikh nganasan [Modern economy, way of life and culture of the Avam and Taimyr Nganasans]. In: *Etnologicheskaiia ekspertiza: Narody Severa Rossii. 1959–1962 gody* / Ed. by Z.P. Sokolova, E.A. Pivneva. Moscow: IEA RAN, pp. 273–298.
- Simchenko Iu.B. (2006) Nganasany i dolgany Volochanskogo sel'soveta Dudinskogo raiona Taimyrskogo natsional'nogo okruga [Nganasans and Dolgans of the Volochansky village council of the Dudinka district of the Taimyr National District]. In: *Etnologicheskaiia ekspertiza: Narody Severa Rossii. 1963–1980 gody* / Ed. by Z.P. Sokolova, E.A. Pivneva. Moscow: IEA RAN, pp. 229–252.
- Sirina A. (2023) A History of Siberian Ethnography. In: *The Siberian World* / Ed. by J.P. Ziker, J. Ferguson, V. Davydov. London; New York: Routledge, pp. 587–606.
- Slezkina Yu. (2008) *Arkticheskie zerkala: Rossiia i malye narody Severa* [Arctic mirrors: Russia and the small peoples of the North]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Sokolovskii S.V. (2008) Rossiiskaia antropologiia: tsena samobytnosti [Russian anthropology: the price of identity]. In: *Etnometodologiia: problemy, podkhody, kontseptsii*. Moscow, Issue 13, pp. 32–62.
- Sokolovskii S. (2009) Rossiiskaia antropologiia: illiuziia blagopoluchiia [Russian anthropology: an illusion of well-being]. *Neprikosnovennyi zapas*, no. 1 (63), pp. 45–64.
- Sokolovskii S. (2011) V tseitnote: zametki o sostoianii rossiiskoi antropologii [In time pressure: notes on the state of Russian anthropology]. *Laboratorium*, no. 2, pp. 70–89.

- Solovei T.D. (2022) *Istoriia rossiiskoi etnologii v ocherkakh, XVIII – nachalo XXI vv.* [History of Russian ethnology in essays, 18th - early 21st centuries]. Moscow: Etnosfera.
- Sredniaia Sibir'* [Central Siberia] (1964) / Ed. by I.P. Gerasimov. Moscow: Nauka. (Prirodnye uslovia i estestvennye resursy SSSR).
- Sternberg L.Ia. (1926) D.N. Anuchin kak etnograf (skonchalsya 4 iunia 1923 g.) (Rech' v Akademii istorii material'noi kul'tury v pervuiu godovshchinu smerti D.N. Anuchina) [D.N. Anuchin as ethnographer (died June 4, 1923) (Speech at the Academy of History of Material Culture on the first anniversary of D.N. Anuchin's death)]. *Etnografiia*, no. 1–2, pp. 7–13.
- Suleimanov A.A. (2012) Ekspeditsii Akademii nauk SSSR na Aziatskii Sever v 30-e gg. XX v. [Expeditions of the USSR Academy of Sciences to the Asian North in the 1930s]. *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniia*, no. 2 (33), pp. 427–431.
- Suleimanov A.A. (2017) Materialy deiatel'nosti Komissii po problemam Severa kak istochnik po sotsial'no-ekonomicheskomu polozheniiu aborigennykh etnosov Sovetskoi Arktiki v 50-e gg. XX v. [Materials of the Commission on Northern Problems as a source on the socio-economic situation of aboriginal ethnic groups in the Soviet Arctic in the 1950s]. *Vestnik ugrovedeniia*, no. 3 (30), pp. 160–167.
- Tishkov V.A. (1992) Sovetskaia etnografiia: preodolenie krizisa [Soviet ethnography: overcoming the crisis]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 1, pp. 5–20.
- Tokarev S.A. (1949) K postanovke problem etnogeneza [On the formulation of ethnogenesis problems]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 3, pp. 12–36.
- Tokarev S.A. (1958) *Etnografiia narodov SSSR: istoricheskie osnovy byta i kul'tury* [Ethnography of the peoples of the USSR: historical foundations of way of life and culture]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta.
- Tokarev S.A. (1995) Iz dnevnikov [From diaries]. In: *Blгодарим sud'bu za vstrechu s nim: O Sergee Aleksandroviche Tokareve – uchenom i cheloveke* / Ed. by S.Ia. Kozlov, P.I. Puchkov. Moscow: Institut etnologii i antropologii, pp. 159–304.
- Tokarev S.A., Cheboksarov N.N. (1951) Metodologii etnogeneticheskikh issledovaniia na materiale etnografii v svete rabot I.V. Stalina po voprosam iazykoznaniiia [Methodology of ethnogenetic research based on ethnographic materials in light of I.V. Stalin's works on linguistics]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 4, pp. 7–26.
- Tolstov S.P. (1946) Etnografiia i sovremennost' [Ethnography and modernity]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 1, pp. 3–11.
- Tolstov S.P. (1947a) Dmitrii Nikolaevich Anuchin – etnograf [Dmitry Nikolaevich Anuchin – ethnographer]. In: *Pamiati D.N. Anuchina (1843–1923)* / Ed. by S.P. Tolstov. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 18–21.
- Tolstov S.P. (1947b) Sovetskaia shkola v etnografii [Soviet school in ethnography]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 4, pp. 8–28.
- Tolstov S.P., Zhdanko T.A. (1964) Puti razvitiia i problemy sovetskoi etnografii [Development paths and problems of Soviet ethnography]. *Voprosy istorii*, no. 7, pp. 3–20.
- Tutorskii A.V. (2010) Metody sbora i sposoby tekstualizatsii polevogo materiala (na primere Severnoi ekspeditsii kafedry etnografii MGU) [Methods of collection and ways of textualization of field material (on the example of the Northern expedition of the MSU Department of Ethnography)]. In: *Kafedre etnologii Istoricheskogo fakul'teta MGU – 70 let* / Ed. by A.A. Nikishenkov. Moscow: Izdatel'stvo MGU, pp. 273–293.
- Vainshtein S.I. (1985) Aktual'nye voprosy issledovaniia traditsionno-bytovykh kul'tur narodov SSSR [Current issues in the study of traditional everyday cultures of the peoples of the USSR]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 3, pp. 51–59.
- Vainshtein S.I. (1986) Eshche raz o polevom issledovanii traditsionnoi kul'tury (otvet uchastnikam diskussii) [Once again about field research of traditional culture (response to discussion participants)]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 1, pp. 61–68.
- Vainshtein S.I. (1987) Istoricheskaiia etnografiia v strukture etnograficheskoi nauki [Historical ethnography in the structure of ethnographic science]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 4, pp. 77–82.

- Vainshtein S.I. (1988a) Istoricheskaya etnografiya [Historical ethnography]. In: *Svod etnograficheskikh ponatii i terminov. Vyp. 2: Etnografiya i smezhnye distsipliny. Etnograficheskie subdistsipliny. Shkoly i napravleniya. Metody*. Moscow: Nauka, pp. 62–63.
- Vainshtein S.I. (1988b) Polevaya etnografiya [Field ethnography]. In: *Etnografiya i smezhnye distsipliny. Etnograficheskie subdistsipliny. Shkoly i napravleniya. Metody*. Moscow: Nauka, pp. 205–208.
- Vainshtein S.I. (1988c) Sravnitel'no-istoricheskii metod [Comparative-historical method]. In: *Svod etnograficheskikh ponatii i terminov. Vyp. 2: Etnografiya i smezhnye distsipliny. Etnograficheskie subdistsipliny. Shkoly i napravleniya. Metody*. Moscow: Nauka, pp. 211–216.
- Vainshtein S.I. (1992) Boris Osipovich Dolgikh: dni i deianiia podvizhnicheskoi zhizni [Boris Osipovich Dolgikh: days and deeds of an ascetic life]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 1, pp. 119–129.
- Vainshtein S.I. (2002) Sud'ba Borisa Osipovicha Dolgikh — cheloveka, grazhdanina, uchenogo [The fate of Boris Osipovich Dolgikh — person, citizen, scientist]. In: *Repressirovannye etnografy* [Repressed ethnographers] / Comp. by D.D. Tumarkin. Moscow: Vostochnaya literatura, Issue 1, pp. 284–307.
- Vainshtein S.I., Kriukov M.V. (1988) Sovetskaya etnograficheskaya shkola [Soviet ethnographic school]. In: *Svod etnograficheskikh ponatii i terminov. Vyp. 2: Etnografiya i smezhnye distsipliny. Etnograficheskie subdistsipliny. Shkoly i napravleniya. Metody*. Moscow: Nauka, pp. 114–124.
- Vasil'ev V.I. (1962) Sistema olenevodstva lesnykh entsev i ee proiskhozhdenie [Reindeer herding system of the Forest Enets and its origin]. *Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii AN SSSR*, Issue 37, pp. 67–75.
- Vasil'ev V.I. (1963) Lesnye entsy (oчерk istorii, khoziaistva i kul'tury) [Forest Enets (essay on history, economy and culture)]. In: *Sibirskii etnograficheskii sbornik*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, vol. V, pp. 33–70.
- Vasil'ev V.I. (1968) *Samodiiskoe naselenie nizov'ev Eniseia: Oчерki po etnicheskoi istorii, sovremennomu khoziaistvu i bytu* [Samoyedic population of the lower Yenisei: Essays on ethnic history, modern economy and way of life]. PhD thesis. Moscow.
- Vasil'ev V.I. (1970) Nentsy i entsy Taimyrskogo natsional'nogo okruga (oчерk khoziaistva, byta i etnicheskikh protsessov, protekaiushchikh na Eniseiskom Severe) [Nenets and Enets of the Taimyr National District (essay on economy, way of life and ethnic processes in the Yenisei North)]. In: *Preobrazovaniia v khoziaistve i kul'ture i etnicheskie protsessy u narodov Severa* / Ed. by I.S. Gurchi and B.O. Dolgikh. Moscow, pp. 106–163.
- Vasil'ev V.I. (1976) Otkrytie samodiiskogo mira (istoriia odnogo nauchnogo poiska) [Discovery of the Samoyedic world (history of a scientific search)]. *Sovetskaya etnografiya*, no. 4, pp. 145–156.
- Vasil'ev V.I. (1979a) Etnicheskie protsessy na nizhnem Enisee (K voprosu ob etnicheskoi samobytnosti sovremennykh entsev) [Ethnic processes on the lower Yenisei (On the question of ethnic identity of modern Enets)]. In: *Polevye issledovaniia Instituta etnografii* / Ed. by S.I. Vainshtein. 1977. Moscow: Nauka, pp. 55–62.
- Vasil'ev V.I. (1979b) *Problemy formirovaniia severosamodiiskikh narodnostei* [Problems of formation of Northern Samoyedic peoples]. Moscow: Nauka.
- Vasil'ev V.I. (1979c) Sovremennye etnicheskie protsessy v nizov'akh Eniseia [Modern ethnic processes in the lower Yenisei]. In: *Trudy VII Mezhdunarodnogo kongressa antropologicheskikh i etnograficheskikh nauk* (Moscow, 3–10 August 1964). Vol. 10. Moscow, pp. 340–345.
- Vasil'ev V.I. (1982) Nentsy i entsy [Nenets and Enets]. In: *Etnicheskaya istoriia narodov Severa* [Ethnic history of the peoples of the North] / Ed. by I.S. Gurvich. Moscow: Nauka, pp. 48–81.
- Vasil'ev V.I. (1985) Osobennosti razvitiia etnicheskikh i iazykovykh protsessov v etnokontaktnykh zonakh Evropeiskogo Severa i Severnoi Sibiri (po materialam etnograficheskogo obsledovaniia severosamodiiskikh narodov: nentsev, entsev i nganasan)

- [Features of the development of ethnic and linguistic processes in ethnocontact zones of the European North and Northern Siberia (based on ethnographic survey of Northern Samoyedic peoples: Nenets, Enets and Nganasans)]. In: *Etnokul'turnye protsessy u narodov Sibiri i Severa* / Ed. by I.S. Gurvich. Moscow: Nauka, pp. 65–93.
- Vasil'ev V.I. (2006) Sovremennoe khoziaistvo i byt korenного naseleniia nizov'ev Eniseia. Po materialam polevykh issledovaniu v Taimyrskom natsional'nom okruge [Modern economy and way of life of the indigenous population of the lower Yenisei. Based on field research in the Taimyr National District]. In: *Etnologicheskaiia ekspertiza: Narody Severa Rossii. 1963–1980 gody* / Ed. by Z.P. Sokolova, E.A. Pivneva. Moscow: IEA RAN, pp. 119–133.
- Vasil'ev V.I., Simchenko Iu.B. (1963) Sovremennoe samodiiskoe naselenie Taimyra [Modern Samoyedic population of Taimyr]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 3, pp. 9–20.
- Vasil'ev V.I., Simchenko Iu.B. (1964) Boris Osipovich Dolgikh (K shestidesiatiletiiu so dnia rozhdeniia) [Boris Osipovich Dolgikh (To the sixtieth anniversary of birth)]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 6, pp. 151–153.
- Vasil'ev V.I., Simchenko Iu.B. (1971) Pereustroistvo khoziaistva, byta i kul'tury korenного naseleniia Taimyrskogo natsional'nogo okruga [Reorganization of economy, way of life and culture of the indigenous population of the Taimyr National District]. In: *Osushchestvenenie leninskoi natsional'noi politiki u narodov Krainego Severa* / Ed. by I.S. Gurvich. Moscow: Nauka, pp. 245–275.
- Vasil'ev V.I., Simchenko Iu.B. (1976) Opyt ispol'zovaniia etnicheskikh traditsii v sovremennom khoziaistvennom stroitel'stve [Experience of using ethnic traditions in modern economic construction]. In: *Sotsialisticheskie preobrazovaniia zhizni narodov sovetskogo Severa i puti ikh dal'neishego razvitiia v svete reshenii XXV s"ezda KPSS* / Ed. by V.I. Fedorov. Yakutsk: In-t iaz., literatury i istorii, pp. 93–94.
- Vasil'ev V.I., Simchenko Iu.B. (2006) Poezdka v Taimyrskii natsional'nyi okrug [Trip to the Taimyr National District]. In: *Etnologicheskaiia ekspertiza: Narody Severa Rossii. 1963–1980 gody* / Ed. by Z.P. Sokolova, E.A. Pivneva. Moscow: IEA RAN, pp. 7–14.
- Vasil'ev V.I., Simchenko Iu.B., Sokolova Z.P. (1966) Problemy rekonstruktsii byta malykh narodov Krainego Severa [Problems of reconstructing the way of life of small peoples of the Far North]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 3, pp. 9–22.
- Vasil'ev V.I., Tugolukov V.A. (1960) Etnograficheskie issledovaniia na Taimyre v 1959 godu [Ethnographic research in Taimyr in 1959]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 5, pp. 128–141.
- Vasil'eva E.K., Pimenov V.V., Khristoliubova L.S. (1970) Sovremennye etnokul'turnye protsessy v Udmurtii (Programma i metodika obsledovaniia) [Modern ethnocultural processes in Udmurtia (Survey program and methodology)]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 2, pp. 57–70.
- Vitebsky P., Alekseyev A. (2015) Siberia. *Annual Review of Anthropology*, vol. 44, no. 1, pp. 439–455.
- Vladimir Ivanovich Vasil'ev (20.04.1936–21.10.1993) (1994). *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 4, pp. 156–159.
- Voprosniki i programmy po etnoarkheologii i etnografii: uchebno-metodicheskoe posobie* [Questionnaires and programs on ethnoarchaeology and ethnography: teaching aid] (2002) / Ed. by S.F. Tataurov. Omsk: OmGU.
- Vorob'ev N.I. (1951) Programma dlia sbora materialov po izucheniiu sovremennogo byta kolkhoznoi derevni i istorii ego formirovaniia u narodnostei Srednego Povolzh'ia [Program for collecting materials on the study of modern life in the collective farm village and the history of its formation among the peoples of the Middle Volga region]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 4, pp. 180–198.
- Zhdanko T.A. (1997) Etnograficheskie issledovaniia i etnografy Khorezm'skoi ekspeditsii [Ethnographic research and ethnographers of the Khorezm expedition]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 1, pp. 70–85.
- Zhornitskaia M.Ia. (2006) Nekotorye voprosy sovremennogo polozheniia korenного naseleniia Taimyrskogo avtonomного okruga [Some questions of the current situation of the

indigenous population of the Taimyr Autonomous District]. In: *Etnologicheskaiia ekspertiza: Narody Severa Rossii. 1963–1980 gody* / Ed. by Z.P. Sokolova, E.A. Pivneva. Moscow: IEA RAN, pp. 373–379.

Zibarev V.A. (1976) Komitet sodeistviia narodnostiam Severa [Committee for Assistance to the Peoples of the North]. *Voprosy istorii*, no. 8, p. 213.

Zoia Petrovna Sokolova: o vremeni i o sebe [Zoya Petrovna Sokolova: about time and about herself] (2000) / Interview recorded and prepared for publication by V.I. Kharitonova. In: *Etnografiia narodov Zapadnoi Sibiri: K iubileiu doktora istoricheskikh nauk, professora Zoi Petrovny Sokolovoi* / Ed. by D.A. Funk, A.P. Zen'ko. Moscow: IEA RAN, pp. 12–35.

Сведения об авторах:

КОВАЛЬСКИЙ Святослав Олегович – младший научный сотрудник Отдела Севера и Сибири, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва, Россия). E-mail: sokovalsky@iea.ras.ru

БАСОВ Александр Сергеевич – младший научный сотрудник Отдела Севера и Сибири, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва, Россия). E-mail: a.basov@iea.ras.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Sviatoslav O. Kovalskii, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: sokovalsky@iea.ras.ru

Aleksandr S. Basov, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: a.basov@iea.ras.ru

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 11 ноября 2024 г.;
принята к публикации 15 декабря 2024 г.*

*The article was submitted 11.11.2024;
accepted for publication 15.12.2024.*

Научная статья
УДК 34.340.342; 39.392.397
doi: 10.17223/2312461X/46/2

Антропологизация права (на примере законов о коренных малочисленных народах Севера)

Наталья Ивановна Новикова¹

¹ *Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
Москва, Россия, natinovikova@gmail.com*

Аннотация. Изучаются процессы постепенного появления плюралистичных законов о коренных народах Севера России и сложность их прочтения и применения. Рассматриваются федеральные и региональные законы, касающиеся кочевых народов, а также возможные инкорпорации их обычного права в правовую систему государства. Использованы материалы полевых исследований законодательного процесса в Москве и Якутске, а также изучения повседневной жизни коренных народов в различных регионах Севера и Арктики. Обычаи и традиции коренных народов определяют правила ведения традиционного природопользования, регулирования социальных отношений в повседневной жизни семей, общин и более широких сообществ коренных народов Севера. Подчеркивается важность их учета для выработки государственной политики в отношении этих народов в современных условиях, отмечаются особенности правосознания кочевников. Методологическим подходом к антропологической критике законодательства является плановый правовой плюрализм. Предложенная рамка позволяет показать важность регулирования повседневной жизни на основании локальных знаний и сложности правоприменения плюралистичных законов.

Ключевые слова: Республика Саха (Якутия), обычное право, коренные малочисленные народы Севера, кочевники, федеральные и региональные законы, социальные отношения, семья, дарообмен, нимат

Для цитирования: Новикова Н.И. Антропологизация права (на примере законов о коренных малочисленных народах Севера) // Сибирские исторические исследования. 2024. № 4. С. 59–77. doi: 10.17223/2312461X/46/2

Original article
doi: 10.17223/2312461X/46/2

Anthropologization of Law (On the Example of Laws on Small Indigenous Peoples of the North)

Natalya I. Novikova¹

¹ *Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, natinovikova@gmail.com*

Abstract. The purpose of the article is to examine the processes of the gradual emergence of pluralistic laws on indigenous peoples of the Russian North and the complexity of their reading and application. Federal and regional laws concerning nomadic

peoples are considered, as well as possible incorporation of their customary law into the legal system of the state. The article is based on field research of the lawmaking process in Moscow and Yakutsk, as well as on the study of the everyday life of indigenous peoples in different regions of the North and the Arctic. The customs and traditions of indigenous peoples determine the rules of traditional nature management, regulation of social relations in the everyday life of families, communities and wider communities of indigenous peoples of the North. The article emphasizes the importance of taking them into account for the development of public policy in relation to these peoples in modern conditions, noting the peculiarities of legal consciousness of nomads. The methodological approach to the anthropological critique of legislation is planned legal pluralism. The proposed framework allows to show the importance of regulating everyday life on the basis of local knowledge and the complexity of law enforcement of pluralistic laws.

Keywords: Republic of Sakha (Yakutia), customary law, indigenous peoples of the North, nomads, federal and regional laws, social relations, family, gift exchange, *nimat*

For citation: Novikova, N.I. (2024) Anthropologization of Law (On the Example of Laws on Small Indigenous Peoples of the North). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 59–77. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/46/2

Введение

Принятие специальных федеральных законов о коренных малочисленных народах Севера знаменовало новый этап законотворчества в России, связанный с более широким, чем прежде, вовлечением этнографических данных в этот процесс, а также участия в нем антропологов и представителей коренных малочисленных народов. Такие законы стали основой для государственной политики в отношении этих народов, признания их коллективных и индивидуальных прав во всех сферах жизни, а также прав на принятие решений, затрагивающих их интересы, инкорпорации обычаев и традиций в правовую систему государства. Процессы глобализации и роста этнического самосознания коренных народов вызвали необходимость выработки правовых норм, чувствительных к их образу жизни, учитывающих их локальные знания о природе и обществе. В современных условиях часто возникает ситуация, когда границы между коренными народами и остальным населением не просто проницаемы – они не видны. Российская правовая система провозгласила специальные права коренных народов. Как они могут сосуществовать с общими правами всех граждан? Как могут быть соединены различные логики правотворчества: государственная и обычно-правовая? Для рассмотрения этих вопросов используются материалы как полевых исследований у различных народов Севера, так и «коридорных» исследованиях в законодательных собраниях в Москве и Якутске. Именно полевые материалы позволяют говорить о том, что эти народы опираются в своем современном развитии как на общепринятые в государстве нормы и практики, так и на специфические локальные знания.

Плановый правовой плюрализм и прикладная антропология

Определяющей методологией юридической антропологии коренных малочисленных народов Севера стал правовой плюрализм как сосуществование различных правовых режимов в одном социальном поле (Griffiths 1986; Moore 1973). При этом возможен подход к обычному праву в постколониальной парадигме в рамках национальных государств или в глобальной перспективе, а также через взгляд на эти нормы в контексте развития, самоуправления, контроля над территорией, практического применения для признания и защиты прав коренных народов (Development and Customary Law, 2010; Pirie 2013). Для изучения правового плюрализма в аборигенном контексте особенно важен тезис о том, что при таком подходе люди могут выбирать субправовую систему. Я рассматриваю правовой плюрализм в рамках юридической антропологии в соответствии со взглядами К. и Ф. Бенда-Бекманн, как концепцию, позволяющую понять ситуации, в которых люди опираются на несколько правовых систем независимо от их статуса в рамках государственной правовой системы. Антропологические выводы указывают на то, что в своем социальном и экономическом взаимодействии люди прибегают к обычному, религиозному или неназванному новому праву, часто смешанному с частями государственного права, даже когда государство прямо отрицает действительность этих других видов права (Benda-Beckmann, Turner 2018: 262–264).

В одной из работ К. Бенда-Бекманн и Б. Тернера подробно анализируется критика термина обычное право и его различные интерпретации (Benda-Beckmann, Turner 2020). Авторы показывают на широком сравнительном материале, что в современных условиях отношения между обычным и государственным правом постоянно колеблются между сближением и дистанцированием, изменяется не только государственное, но и обычное право. В контексте российских исследований эта проблема также актуальна, что и показано в данной статье на примере регулирования кочевого образа жизни. Исследования по юридической антропологии коренных народов Севера показали, что важным становится также различие письменного и устного права. Государственная система строится на законах (опубликованных актах) и многочисленных подзаконных документах – стандартах, положениях и т.п. Обычно-правовая система строится на принятых установлениях, передающихся по традиции в устной форме. Мне случалось наблюдать, что представители коренных народов, даже имеющие высшее образование, на требование бумажных подтверждений их прав ссылались на свое, как они считают, естественное право. Это во многом определяет правовой нигилизм, особенно когда дело касается их повседневной жизни. Такие наблюдения послужили поводом к написанию данной статьи. Другой мотивацией для

меня стало стремление помочь оленеводам, охотникам и рыбакам разобраться в законах и «стать видимыми», получить право голоса в правовой системе государства. В наших разговорах они всегда подчеркивали, что есть законы государства, но есть «их законы», и они сильно различаются (Wilson 2002; Новикова 2014). Их правопонимание, мне кажется, можно приблизительно показать на примере определения термина «обычное право» на языке одного из коренных народов хантов. Когда я спрашивала, как перевести это термин, получила ответ – «жизненное действие». Это близко к определению К. Гирца «факт и закон». Мои исследования подтверждают высказывание этого замечательного автора о том, что «право и этнография – это местные ремесла: они работают в свете местных знаний» (Geertz 1983: 167). Думаю, что в таких исследованиях, как мои, важно дать анализ эмпирических данных, опираясь на интерпретации информантов, тех людей, которые живут в этом поле. Как отмечал К. Гирц, первым объектом внимания для всех, кто анализирует культурные основания закона, должно стать определенное чувство справедливости изучаемых сообществ (Geertz 1983). В дальнейшем моя работа строилась на том, чтобы понять и интерпретировать локальное право как справедливость и привнести эти знания в экспертную работу.

Участие в работе экспертных групп при Государственной Думе и Совете Федерации РФ, а также изучение законотворческой деятельности Ил Тумэна (Законодательного собрания) Республики Саха (Якутия) в 1999–2020 гг. позволяют говорить о складывании ситуации планового правового плюрализма как последовательного и сознательного принятия правовых решений с учетом всех составляющих. В отношении народов Севера это в первую очередь касается инкорпорации норм обычного права в государственную правовую систему. Это ставит законотворческий процесс в России в общемировой контекст (Вудман 1999).

Положение коренных народов в контексте локальных правовых знаний

В документах ООН, касающихся коренных народов, отмечается, что природа, «Мать-Земля», обладает соответствующими правами (Permanent Forum on Indigenous Issues 2010). Представление правового плюрализма в этом случае расширяется, увеличивая круг акторов, субъектов права, включая в него, например, природу или отдельных животных. Руководством для такого рассмотрения в антропологии может стать эмный подход, объясняющий специфические культурные значения, которые люди накладывают на окружающий мир. Благодаря этому то, что в науке называется космологией, является обычной жизнью людей (Ingold 2020). В данном случае мы имеем дело с системой, согласно которой весь мир,

причём не только человеческий, наполнен силами, обладающими агентностью и интенциональностью (Ingold 2020).

Метод исследования этих сложных взаимодействий строится на включенном наблюдении и многолетних обсуждениях с информантами как норм обычного права, так и государственных законов, которые регулируют их жизнь. В этом я опираюсь на их практики правотворчества, например, во время Больших жертвоприношений в священных местах или спокойных вечерних обсуждений в стойбищах. Важнейшим открытием обычного права коренных народов стало включение природы, земли, животных и т.д. в систему правовых отношений, наделение их собственной субъектностью. Социальные отношения в таких сообществах зависят от этого комплекса представлений.

Обычное право может рассматриваться как состоящее из двух компонентов: персональное и территориальное. Первое касается регулирования вопросов имущества, семьи и наследования. Территориальное право касается территорий и природных ресурсов (Permanent Forum on Indigenous Issues 2010).

В России, как и во многих странах, приверженцами правового плюрализма выступают скорее антропологи, чем юристы, актуальны дискуссии о правовом плюрализме и сложностях применения «обычаев и традиций» в правовой системе государства (Ковлер 2003). Можно сказать, что это и стало одной из проблем создания, понимания и правоприменения законов о коренных народах. Сегодня такие законы в части правового плюрализма приняты как бы «на вырост», потребуется перестройка правопонимания и в целом общественного сознания, чтобы они могли работать в полной мере.

В поле юридической антропологии для выявления и интерпретации положения коренных народов в современном мире важны расширение методов анализа и большая опора на полевые исследования (Рулан 2016; Stammmler, Ivanova, Donahoe 2022). В России сложилась традиция изучения правового положения различных групп юристами, ориентируясь преимущественно на тексты законов, отчасти на анализ правоприменительной практики. Очень мало профессиональных юристов проводят полевые исследования в районах Севера, то есть непосредственно наблюдают и анализируют жизнь коренных народов в соответствии с различными правовыми нормами. Пока нельзя указать много примеров междисциплинарных исследований в российском поле, но они появляются, иногда это международные исследования, причем именно по Якутии (Иванова, Штаммлер 2017; Khlinovskaya Rockhill, Sidorova, Vitebsky 2022; Stammmler et al. 2022; Filippova et al. 2023).

В современной отечественной научной традиции преимущественное внимание уделяется обычному праву как элементу экологической куль-

туры коренных народов (Казанник 1999; Адаев 2007). Некоторые юристы изучают коренные народы по научной литературе и предпринимают попытки внести информацию об их культуре в законодательство, в первую очередь в экологическое право (Гладун, Захарова 2021). Это ценный опыт, хотя я вижу потенциал сделать то же самое и в отношении норм, регулирующих общественные отношения. Важно отметить, что сами аборигены объясняют смысл обычного права как порядок жизни, основные правила, которым подчиняются и сообщества коренных народов, и отдельные личности. Его эффективность определяется общественной санкцией, которая часто усиливается возмездием сверхъестественных сил. С другой стороны, его правовая сущность подтверждается равенством участников отношений или конфликта, представлением о справедливости его разрешения. Российские ученые добавили в научное эмпирическое поле опыт законотворческой деятельности и ее изучения. Я называю такие исследования, которые провожу и в Москве, и в Якутске, «коридорными», проходящими в коридорах власти. Мне представляется конструктивным именно внесение антропологических знаний о правовом/нормативном регулировании аборигенного сообщества в правовую систему государства для ее эффективности и большего доверия к ней граждан.

В последнее время обычаи и традиции коренных народов стали частью правовой системы государства, что усиливает важность их изучения именно в современных условиях. В Конституции Российской Федерации (Конституция 1993) содержатся гарантии со стороны государства следовать принципам международного права, в котором учитываются их обычаи и традиции. В российской правовой системе определяющими для коренных народов являются три федеральных закона: «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ» (1999 г.), «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» (2000 г.), «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» (2001 г.). В каждом из них есть статьи, допускающие учет обычаев и традиций этих народов. Необходимо подчеркнуть, что такие нормы, имеющие общественную либо религиозную санкцию, регулируют жизнь данных народов наряду с государственным правом (законодательством) (Новикова 2014).

В правовой системе государства обычное право рассматривается как правила, выработанные этими народами. Государство их не кодифицирует и в каждом конкретном случае рассматривает в зависимости от контекста (Кряжков 2010; Novikova 2023). Опыт изучения правового положения коренных народов показывает, что именно обращение к обычаям позволяет актуализировать, сделать видимой самобытность этих народов.

В России проживает несколько десятков коренных малочисленных народов. Их локальные обычаи, безусловно, различны. Обычное право рассматривается не как кодифицированные нормы, а как знаки традиционного образа жизни. Такими являются мера в использовании ресурсов, реципрокные отношения и другие, рассматривающиеся в каждом конкретном случае правового регулирования. Именно поэтому обычное право, как в их жизни, так и в правовой системе, рассматривается в большей степени не как норма, а как правило, которым руководствуются люди при совершении каких-то действий. При этом важнейшим принципом является сочетание запрета и меры, а традиционные нормативные знания сочетаются с моральными, религиозными нормами. В суровых условиях Арктики и Севера такие запреты становятся жизненно важными, а заключенное в них понятие справедливости воспринимается как основание для обеспечения жизни сообщества (Wilson 2002; Novikova 2023).

В контексте данной статьи хотелось бы напомнить, что в Федеральном законе «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» зафиксирована возможность регулирования обычаями и традициями вопросов внутреннего развития и организации общин. Это широкая норма, но именно так можно ее зафиксировать в федеральном законе. Внутреннее развитие общин и других сообществ коренных народов, включая семьи, в значительной степени направлено на укрепление их устойчивости как к конфликтам, так и к возможным материальным потерям. На практике эта норма указывает на вероятность включения обычаев в регулирование повседневной жизни коренных сообществ.

Опыт Республики Саха (Якутия)

Россия является федеративным государством, и это создает дополнительные возможности для применения и изучения правового плюрализма. Вопросы защиты прав этих народов находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов. Анализ регионального законодательства показывает, что оно в большей степени актуально для жизни этих народов, а некоторые субъекты Федерации активнее участвуют в соответствующем законотворчестве. Принятие законов на региональном уровне может способствовать продвижению тех или иных вопросов на федеральном уровне, как это было, например, с законом об общинах. Однако некоторые вопросы, такие как оленеводство, до сих пор не нашли отражения в национальном законодательстве, а также не получили однозначной трактовки в общественных дебатах с участием коренных народов, поскольку многие из них высказывали опасения по поводу того, что федеральный закон об оленеводстве станет чрезмерно жестким регулированием.

Республика Саха (Якутия) – один из крупнейших регионов России, где проживают коренные малочисленные народы Севера. К 2020 г. в ней было принято 42 специальных и отраслевых закона, регулирующих отношения с участием представителей коренных малочисленных народов Севера. «Имеются уникальные правовые решения, такие как законы об уполномоченном по правам коренных малочисленных народов Севера, об этнологической экспертизе, о суктуле юкагирского народа, о стандартах кочевого жилья и защите кочевой жизни, о русских арктических старожилах (походчанах и русскоустыинцах) и др. (Гоголев 2020: 63). Особенно важно подчеркнуть, что многие из них ориентированы на кочевой образ жизни, так как именно кочевники нуждаются в особых правах и учете обычаев и традиций в государственном регулировании (Винокурова 2014).

В 1992 г. в республике был принят новаторский закон «О кочевой родоплеменной общине коренных малочисленных народов Севера» (Астахова 2021). Он стал не только важнейшим фактором этнического возрождения и самоорганизации этих народов, но и подтолкнул Государственную Думу РФ к принятию федерального закона об общинах. В 2012 г. в республике был принят Закон «О государственной поддержке коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия), ведущих кочевой образ жизни». Сейчас организации коренных народов обсуждают возможность принятия такого закона на федеральном уровне. Не останавливаясь подробно на тексте закона, отмечу лишь, что он определяет кочевой образ жизни как «уклад жизни, основанный на исторически сложившихся традициях и обычаях, связанный с ведением традиционной хозяйственной деятельности и предполагающий постоянное перемещение в пределах маршрута кочевания без строгой привязанности к определенному пункту и месту жительства, что обуславливает минимальные условия для жизнедеятельности человека».

Законодательство Республики Саха (Якутия) демонстрирует движение в сторону возрастания правового плюрализма и поэтому представляет особый интерес для юридической антропологии. Даже на федеральном уровне, когда этнографы/антропологи стали участвовать в законотворческом процессе, они стремились привнести в эту работу свои знания о жизни коренных народов, в первую очередь их нормативной культуре. Еще в большей степени это видно по законам Республики Саха (Якутия), тем более когда в законотворчестве участвуют депутаты и чиновники из числа коренных народов Севера.

В то время как три основных федеральных закона о коренных малочисленных народах провозглашают учет обычаев и традиций в отдельных областях: судебная защита, традиционное природопользование и внутриобщинные вопросы, законы Республики Саха подчеркивают фундаментальный характер обычаев для образа жизни кочевников, в том

числе оленеводов. Известный российский эксперт по праву коренных малочисленных народов В.А. Кряжков дал общую оценку российскому законодательству об оленеводстве, отметив, что в целом оно не отражает этноформирующее значение и масштабы оленеводства для коренных народов (в России оленеводством занимаются 20 народов). Федеральное регулирование в основном направлено на финансовую и материальную поддержку оленеводства как отрасли сельского хозяйства (Кряжков 2013). В какой-то степени это высказывание можно отнести и к республиканским законам, но в Якутии были сделаны некоторые шаги в сторону планового правового плюрализма.

При этом и активистам, и экспертам приходится учитывать, что для обеспечения эффективной государственной поддержки и финансирования требуются все более бюрократизированные процедуры. Так, выработан стандарт кочевого жилища коренных народов, а в течение 2024 г. на правовых семинарах, которые проводит Ассоциация коренных малочисленных народов Севера обсуждается включение в профессиональный стандарт «Животновод» отдельной позиции «Работник кочевого жилища», чтобы обеспечить социальные гарантии труда и пенсионного обеспечения женщин, работающих в оленеводстве, часто без официального оформления. Бюрократические процедуры и учет обычаев служат одной цели – обеспечение видимости коренных народов в государстве. Скрупулёзность государственной регламентации часто пугает представителей коренных народов, создает у них чувство правового нигилизма, вмешательства государства в частную жизнь. Поэтому перед экспертами стоят очень сложные задачи создания норм, соответствующих этой частной жизни. Они стремятся к постепенному превращению закона в «естественное правило социальной жизни и в эффективный инструмент решения многочисленных проблем повседневности» (Арутюнян, Здравомыслова, Курильски-Ожвэн 2008: 2007).

Законодательство Республики Саха (Якутия) имеет огромное значение, что обусловлено большой территорией и проживанием там пяти коренных малочисленных народов. Якутский народ и русские старожилы также признаются в части своих прав в качестве коренных народов специальными актами Республики Саха. Последнее обстоятельство является инициативой Республики Саха, так как якуты и русские не включены в федеральный список коренных малочисленных народов. Принятые здесь законы важны не только из-за своей практической ценности, но и с точки зрения юридической антропологии. В целом важно подчеркнуть, что республика движется по пути создания эффективной системы защиты прав коренных малочисленных народов. В Ил Тумэне с 2013 г. рассматривается возможность кодификации права, касающегося коренных малочисленных народов. К 2020 г. подготовлен первый рабочий вариант проекта Кодекса о защите прав коренных малочисленных народов

Севера, состоящий из 216 статей, сгруппированных в 20 глав (Гоголев 2020: 65). Такая работа может способствовать решению многих проблем коренных народов, хотя и не поддерживается всеми юристами. Анализ, проведенный в Республике Саха (Якутия), показал, как регионы России могут реализовать правовой плюрализм, основанный на различных правовых режимах, включая обычаи и традиции коренных народов, в своей собственной «нише» (Fondahl et al. 2019). Не случайно именно в республике приняты прогрессивные законы о взаимодействии коренных народов и местного населения с промышленными компаниями.

Юридизация быта: возможны ли законы о повседневной жизни?

В 2016 г. был принят Закон Республики Саха (Якутия) «О кочевой семье в Республике Саха (Якутия)». В его подготовке и принятии особую роль играли представители коренных народов: А.Д. Марфусалова, М.П. Погодаева, Е.Х. Голомарева. В подготовке участвовала также У.А. Винокурова. Они не всегда соглашались друг с другом, но в результате создали закон о повседневной жизни кочевников. Можно предположить, что работа над таким законом была непростой для общественного сознания и депутатов, и населения республики. Еще в 2015 г. распоряжением Правительства была создана межведомственная группа для выработки согласованной позиции. В ней из 17 человек, 5 были представителями коренных малочисленных народов Севера. В опубликованной литературе, прежде всего в самой Республике Саха (Якутия), есть некоторая критика этого закона за его преимущественно декларативный характер; высказываются предложения предусмотреть в нем четкие государственные гарантии поддержки таких семей (Сосин 2021). Но мне кажется, что, может быть, это нужно сделать и в других документах, например в государственных и муниципальных программах. Иные авторы подчеркивают важность закона о кочевой семье, который учитывает природные особенности коренных народов, экстремальные условия жизни в Арктике и их ценности, направленные на сохранение жизни, природы и нематериального культурного наследия (Стрыгина 2022). Антропологичность закона о кочевой семье, а значит, и чувствительность к образу жизни оленеводов подтверждается обращением к обычному праву.

Работа с депутатами из числа коренных народов представляет особый интерес для юридической антропологии. В сообществе аборигенов неоднозначно относятся к официальному законодательству. Но депутаты от коренных народов в основном занимаются законотворчеством, поэтому их мнение особенно важно учитывать, а их деятельность есть проявление права на свободное предварительное и осознанное согласие в принятии решений, затрагивающих интересы коренных народов. Я записала несколько интервью с Еленой Христофоровной Голомаревой, депутатом

от арктических регионов, председателем Комитета по делам Арктики и коренных малочисленных народов Севера в Иль Тумэне (Законодательном собрании) Республики Саха (Якутия). Елена Христофорова подчеркнула, что 2017 г. было принято постановление о порядке оформления статуса кочевой семьи в Якутии. Он присваивается семьям, перемещающимся в течение календарного года по местам кочевий и оленьих пастбищ, осуществляющим традиционную хозяйственную деятельность и занимающимся традиционными промыслами коренных малочисленных народов Севера.

Голомарева в своей работе пыталась привнести в право реалии повседневной жизни, которая во многом регулируется обычаями. Е.Х. Голомарева рассказала об одном интересном для антрополога факте. Во время подготовки закона она предложила закрепить в нем обычай дарить ребенку оленя при рождении. «Обычай такой всегда был. Родственники дарили по одному оленю, чтобы оленний дух дал ребенку достаток. Всегда были зажиточные семьи, если глава семьи может подарить оленя, то ребенок будет в жизни защищен. Уже к 10–14 годам у него начинает формироваться свое стадо, став совершеннолетним, он сможет создать семью. Я это знаю от стариков и хотела внести в закон. Это предложение не прошло, потому что министерства сказали, что олени государственные». Е.Х. Голомарева стремилась к тому, чтобы этот закон стал защитой для оленеводов, справедливо считая, что если поддержать кочевые семьи, это приведет к сохранению и преумножению оленьих стад, оленеводства как образа жизни. Вначале ее работы уровень жизни оленеводов был очень низкий, в 2013 г. зарплата составляла 7–8 тысяч, за 4 года она поднялась до 60–70 тыс. в зависимости от хозяйства, это уже хорошая зарплата. Муниципальные органы власти в то время не знали, сколько у них в районах кочевых семей, поэтому было трудно организовать их государственную поддержку. Постепенно пришли к мысли о необходимости ведения реестра таких семей, о чем была сделана поправка в закон в 2017 г. При этом в законе нет излишней регламентации, он достаточно короткий. А определение кочевой семьи как будто взято из полевых этнографических материалов.

«Кочевая семья – семья, перемещающаяся в течение календарного года по местам кочевий, оленьих пастбищ в целях рационального (неистощительного) использования кормов, водных биологических и охотничьих ресурсов, осуществляющая традиционную хозяйственную деятельность и занимающаяся традиционными промыслами коренных малочисленных народов Севера, основной функцией которой является воспитание детей и передача от поколения к поколению семейных ценностей коренных малочисленных народов Севера, основанных на историческом опыте предков в области традиционного природопользования, самобытной культуры, языка и традиционных знаний».

Предложение Голомаревой не прошло, потому что министерства заявили, что олени являются собственностью государства. Скорее всего, эта формальная отписка. В действительности вопрос об оленях как собственности здесь не самый важный. Это была попытка включить в закон «идеологию обычного права», а не конкретный обычай, тем более конкретное количество оленей. Хотя можно предположить, что такой дарообмен с государством мог бы стать показателем большей заинтересованности государства в жизни коренных народов. В законодательстве Российской Федерации обычное право коренных народов получило определение «обычаи и традиции», что свидетельствует об отказе от кодификации таких норм в пользу «аборигенного» взгляда на гибкость, ситуативность регулирования отношений, принятого в традиционной системе.

Очевидно, сегодня правовая защита коренных народов российской Арктики и их обычаев возможна лишь при учете их современного бытования, учете самых существенных характеристик, которые и сегодня используют эти народы для регулирования социальных отношений как внутри сообщества, так и с другими народами и государством. Кроме того, как показывают полевые исследования и работы ученых по различным регионам Российской Арктики, юридизация быта кочевников служит в большей степени идеологическим целям и презентации идентичности в государстве, чем имеет практическое применение. И для самих аборигенов, и для государственных органов такая агентность приводила к принятию федеральных и региональных программ, имеющих финансовую базу. Так, после принятия законов о кочевниках были приняты и финансировались программы, повышающие их уровень жизни. Такой прагматичный подход к государственному праву является важнейшим стимулом для принятия законов о коренных народах для активистов и депутатов из их числа.

Е.Х. Голомарева стремилась к тому, чтобы этот закон обеспечил защиту оленеводов, справедливо полагая, что если поддержать кочевые семьи, то это приведет к сохранению и расширению оленьих стад и оленеводства как образа жизни. Представители коренных народов участвуют в законотворческом процессе, чтобы внедрить как финансовые, так и символические механизмы для улучшения жизни коренных народов. В последние годы исследования положения кочевых семей показали, что пока достигнут незначительный прогресс. На основании полевых исследований некоторые авторы критикуют закон о кочевой семье, в котором, по их мнению, дается определение семьи, не соответствующее реалиям кочевой жизни, социальным отношениям, которые складываются в такой семье в Арктике (Khlinovskaya Rockhill et al. 2022). Но подчеркну, что сам по себе закон не гарантирует хорошей жизни, он делает кочевые семьи субъектами права, чтобы эксперты и активисты могли организовать свою деятельность как по совершенствованию законодательства, так и по выработке конкретных механизмов государственной поддержки коренных народов.

Обычаи дарообмена и право

Обычай дарения оленя широко распространен у коренных народов. Его практическое значение выше объяснено Е.Х. Голомаревой. Я хочу предложить рассматривать его шире в контексте дарообменных отношений, которые придают устойчивость и жизненность аборигенным сообществам. Основой дарообменных отношений у эвенков и эвенов – коренных малочисленных народов, проживающих на просторах российского Севера, в том числе и в Республике Саха (Якутия), является обычай нимат – обязанность охотника делиться своей добычей в сообществе. Обычай дележа под другими названиями распространен практически у всех коренных народов Севера и Арктики. Такой дележ не только обязателен для установления связей, но и имеет важное мировоззренческое значение как обмен с природой и духами. А.А. Сирина приводит такое высказывание эвенкийского охотника в своих полевых материалах: «Природа умеренно, постепенно дает, даром». Охотники обязаны делиться, чтобы не потерять свою удачу, чтобы иметь возможность обеспечивать жизнедеятельность, продолжение рода (Сирина 2011: 315–317). Предложение внести в закон обычай дарения как получения доли из общего богатства – оленей, – по мысли депутата, должно было обеспечить материальное и эмоциональное благополучие оленеводов и их семей. Распределение оленей в сообществе – также знак связи между людьми, обеспечивая ее укрепление. Обычай нимат как акт и процесс создает определенные отношения в обществе, становится ключевым фактором экономических и рыночных отношений в сообществе коренных народов (Ssorin-Chaikov 2000). В Якутии нимат воспринимается как один из главных принципов жизни этих народов (Mustonen et al. 2021). Люди ждут от закона, права защищенности, обычай усиливает такую защиту. Обычаи дележа, распределения, получения доли составляют основу устойчивости аборигенных сообществ. Они и сегодня следуют им во время жертвоприношений, когда свою долю получают духи. Или, например, у ненцев, когда вышедшая замуж женщина едет в гости к родителям через год и обязательно получает в подарок оленя. И тогда, когда предприниматели-рыболовы на Сахалине создают свои предприятия не только и не столько ради получения прибыли, сколько для обеспечения сообщества.

Этот пример законотворческой инициативы депутата от коренных народов показывает стремление сделать закон не только понятным, но и близким фундаментальным аборигенным ценностям. Аборигены обычно не используют абстрактные фразы, говоря о ценности жизни, природы, ресурсов. Они объясняют свою жизнь через конкретные примеры. Попытка внесения обычая в закон – это стремление через конкретное, но широко распространенное правило создать общую действенную

норму. В современных условиях законы с учетом обычаев могут стать новым правом, которое будет отвечать представлениям коренных народов о справедливости.

Сейчас создан общий позитивный фон для применения обычаев коренных народов в суде. Федеральное законодательство легализует обычай как ценность и источник права. В Постановлении Конституционного суда РФ от 28 июня 2007 г. № 8 предписывается устанавливать такой правовой режим, который бы позволял каждому следовать принятым обычаям и традициям (Кряжков 2019). Обращение суда к культурным особенностям разбираемых дел не только способствует защите прав, но и приводит к росту уважения и доверия к суду как государственному институту. Для развития юридической антропологии в России большое значение имеет первое аборигенное дело, которое было успешно выиграно в Конституционном суде. Приведу его короткую характеристику.

Геннадий Константинович Щукин, председатель общины долган «Амяксин» и президент общественной организации в Таймырском Долганско-Ненецком районе Красноярской области подал официальную жалобу в Конституционный суд РФ. Целью жалобы была защита его прав как охотника и прав других охотников. В жалобе он описал ситуацию, в которой они оказались, из-за того что органы государственной власти и суды не понимают обычаи и традиции коренных народов, строящиеся на обязательном дарообмене.

Тогда Конституционный суд постановил, что регулирование прав коренных народов должно учитывать особенности их образа жизни, хозяйственной деятельности и социальной организации, которые имеют решающее значение для сохранения культуры коренных народов. В данном деле суд принял во внимание обычаи коренных народов, такие как необходимость делиться добычей после охоты, чтобы обеспечить тех членов семьи и членов более широкой общины, которые не могут охотиться самостоятельно. Обычное право коренных народов является социально ориентированным и направлено на поощрение социальной справедливости. Это дело, с положительным решением Конституционного суда, является четким признанием важности обычаев и традиций коренных народов. Более того, оно подтверждает, что применение обычного права свидетельствует о статусе коренных народов в глазах государства (Новикова 2023: 133–134).

Заключение

Российская Федерация гарантировала конституционные права коренным народам и признала их обычаи и традиции. Однако коренные народы по-прежнему сталкиваются со многими социально-экономическими и культурными проблемами, и для их решения одного законодательства недостаточно.

Очень важно апеллировать к обычаям и традициям, внедрять в правовое поле знания коренных народов о регулировании общественных отношений. Таким образом, они не только становятся видимыми для системы права, но и находят в самих законах справедливую защиту. Обычаи являются одним из способов, с помощью которых эти народы могут распоряжаться своей судьбой, осуществляя право на свободное, предварительное и осознанное участие на принятие решений, которые их затрагивают.

Важным аспектом обычно-правового регулирования является взаимодействие коренных народов с государством. Следует особо подчеркнуть неочевидные моменты, которые возможно интерпретировать именно с позиции юридической антропологии. Государственные преобразования часто негативно воспринимаются аборигенами не только потому, что сокращаются пастбища, исчезают мелкие поселения, детей забирают в интернаты и т.п. Гораздо важнее для них нарушение традиционных связей, основ их культуры и мировоззрения. Именно гибкость, вариабельность и адаптивность аборигенных культур позволили коренным народам сохранить и развивать правовые ценности как основу своей культуры.

Учет обычаев и традиций в правовой системе современной России определяется дискурсом традиционности. Сами же аборигены считают, что обычное право эффективно регулирует их современную жизнь, обеспечивая движение вперед. Именно текучесть обычного права, его постоянная изменчивость и высокая адаптивность определяют сущностные черты мира аборигенов. В первую очередь это касается правового положения кочевников. Системный подход к праву строится на максимальном учете интересов всех участников природопользования и шире – социальных отношений на Севере и в Арктике в экстремальных природных условиях. Кроме того, участие представителей коренных народов в законодательстве открывает новые перспективы в защите их прав.

Список источников

- Адаев В.Н. Традиционная экологическая культура хантов и ненцев. Тюмень: Вектор Бук, 2007.
- Арутюнян М.Ю., Здравомыслова О.М., Курильски-Ожвэн Ш. Образ и опыт права. Правовая социализация в изменяющейся России. М.: Весь Мир, 2008.
- Астахова И.С. Из истории разработки и принятия закона Республики Саха (Якутия) «О кочевой родовой общине малочисленных народов Севера» // Общество: философия, история, культура. 2021. № 12. С. 148–155. doi: 10.24158/fik.2021.12.23
- Винокурова У.А. Легитимация кочевого образа жизни в Республике Саха (Якутия) // Традиционная культура кочевых народов в системе художественного образования: материалы науч.-творч. конф. с междунар. участием, 22 марта 2014 г., г. Якутск. Якутск: АГИИК, 2014. С. 11–19.
- Вудман Г. Теория права, антропология и плановый правовой плюрализм // Обычное право и правовой плюрализм: материалы XI Междунар. конгресса по обычному праву и правовому плюрализму, август 1997 г., Москва / отв. ред. Н.И. Новикова, В.А. Тишков. М.: ИЭА РАН, 1999. С. 13–20.

- Гладун Е.Ф., Захарова О.В. Интеграция традиционных знаний коренных малочисленных народов Севера в законодательство Российской Федерации // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 3. С. 76–87. doi: 10.34822/2312-3419-2021-3-76-87
- Гоголев П.В. Проблемы институализации этнического (аборигенного) права и систематизации законодательства субъектов Российской Федерации // Вестник Сургутского государственного университета. 2020. № 4. С. 61–66. doi: 10.34822/2312-3419-2020-4-61-66
- Иванова А.А., Штаммлер Ф. Многообразие управляемости природными ресурсами в Российской Арктике // Сибирские исторические исследования. 2017. № 4. С. 210–225.
- Казанник А.И. Народная охрана природы Сибири. Омск: Омский дом печати, 1999.
- Ковлер А.И. Антропология права и правовой плюрализизации (права человека и права народов) // Олень всегда прав. Исследования по юридической антропологии / отв. ред. Н.И. Новикова. М.: Стратегия, 2003. С. 24–52.
- Конституция Российской Федерации. 1993. URL: <https://base.garant.ru/10103000> (дата обращения: 30.12.2024).
- Кряжков В.А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М.: Норма, 2010.
- Кряжков В.А. Правовые основы оленеводства в Российской Федерации // Арктическая зона Российской Федерации: северо-восточный вектор развития. Ч. 2. СПб., 2013. С. 255–271.
- Кряжков В.А. Дело о традиционной охоте, или первый опыт защиты прав коренных малочисленных народов в Конституционном суде России // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 4 (131). С. 116–130.
- Новикова Н.И. Охотники и нефтяники. Исследование по юридической антропологии. М.: Наука, 2014.
- Новикова Н.И. Ничего о нас без нас: как антропологу сохранить свое место // Вестник антропологии. 2023. № 1. С. 7–18. doi: 10.33876/2311-0546/2023-1/7-18
- Рулан Н. Полевые исследования в юридической антропологии // Правоведение. 2016. № 1. С. 80–88.
- Сирина А.А. Нимат: обычай дележа у северных тунгусов // Антропология социальных перемен / отв. ред. Э. Гучинова, Г. Комарова. М.: РОССПЭН, 2011. С. 301–320.
- Сосин В.В. О совершенствовании законодательства Республики Саха (Якутия) в сфере сохранения и поддержки кочевых семей // АРКТИКА-2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. 2021. № 3 (7). С. 20–28.
- Стрыгина С.В. Антропологическая роль права в сохранении социальных экосистем малых народов Севера РФ // Принципы построения новой экосистемы: поликультурное пространство / А.С. Харланов, С.В. Стрыгина, Н.В. Трубникова [и др.]. Чебоксары: Сред», 2022. doi: 10.31483/a-10368
- Benda-Beckmann K.V., Turner B. Legal pluralism, social theory, and the state // Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law. 2018. № 50 (3). P. 255–274.
- Benda-Beckmann K.V., Turner B. Anthropological roots of global legal pluralism // The Oxford handbook of global legal pluralism / ed. by P. Schiff Berman. Oxford; New York: Oxford University Press, 2020. P. 67–142.
- Development and Customary Law. Indigenous Affairs. 2010. 1-2.
- Filippova V. et al. Indigenous land rights and land use in Siberia. Neighbouring jurisdictions, varied approaches // The Siberian world / ed. by J.P. Ziker, J. Ferguson, V. Davydov. New York, NY: Routledge, 2023. P. 139–155.
- Fondahl G., Filippova V., Savvinova A., Ivanova A., Stammeler F., Gunhild Hoogensen Gjorv. Niches of Agency: Managing State-Region Relations through Law in Russia // Space and Polity. 2019. No. 23(1). P. 49–66. doi: 10.1080/13562576.2019.1594752
- Geertz C. Local Knowledge: Fact and Law in Comparative Perspective // Local Knowledge. New York: Basic Books, 1983. P. 167–234.

- Griffiths J. What is legal pluralism? // *Journal of Legal Pluralism*. 1986. № 24. P. 1–55.
- Ingold T. Culture, nature, environment: steps to an ecology of life // *The Perception of the Environment*. London: Routledge, 2000. P. 13–27.
- Khlinovskaya Rockhill E., Sidorova L., Vitebsky P. Where Is the Nomadic Family? Rigid Laws and Flexible Tundra Life in North-East Siberia // *Nomadic Peoples*. 2022. № 26(1). P. 4–32.
- Moore S. Law and Social Change: the semi-autonomous social field as an appropriate subject of study // *Law and Society Review*. 1973. № 7 (4). P. 719–746.
- Mustonen T., Andreeva T., Shadrin V., Mustonen K. Return of Nimat? Wild Reindeer as an Indicator of Evenki Biocultural Systems // *Sustainability*. 2021. No. 13. 12107. doi: 10.3390/su132112107
- Novikova N. Customary law today: Mechanisms of sustainable development of Indigenous peoples // *The Siberian world* / ed. by J.P. Ziker, J. Ferguson, V. Davydov. New York, NY: Routledge, 2023. P. 123–138. doi: 10.4324/9780429354663-10
- Permanent Forum on Indigenous Issues. 2010. The study on the need to recognize and respect the rights of Mother Earth. URL: <https://www.un.org/esa/socdev/unpfii/documents/E.C.19.2010.4%20EN.pdf> (Accessed: 02.08.2024).
- Pirie F. *The Anthropology of Law*. Oxford, 2013.
- Ssorin-Chaikov N. Bear skins and macaroni: the social life of things at the margins of a Siberian state collective // *The Vanishing Rouble. Barter Networks and Non-Monetary Transactions in Post-Soviet Societies* / ed. by P. Seabright. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2000. P. 345–361.
- Stammler F., Ivanova A., Donahoe B. Russian Legal Anthropology: From Empirical Ethnography to Applied Innovation // *The Oxford Handbook of Law and Anthropology* / ed. by M.-C. Foblets, M. Goodale, M. Sapignoli, O. Zenker. Oxford: Oxford University Press, 2022. P. 132–152.
- Wilson E. Est' zakon, est' i svoi zakony: Legal and Moral Entitlements to the Fish Resources of Nyski Bay, North-Eastern Sakhalin // *People and the Land. Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia*. Siberian Studies / ed. by E. Kasten. Berlin: Reimer, 2002. P. 149–168.

References

- Adaev V.N. (2007) *Tradicionnaja jekologicheskaja kul'tura hantov i nencev* [The Khanty and Nenets traditional environmental culture]. Tiumen': Vektor Buk.
- Arutjunjan M.Ju., Zdravomyslova O.M., Kuril'ski-Ozhvjen Sh. (2008) *Obraz i opyt prava. Pravovaja socializacija v izmenjajushhejsja Rossii* [The image and experience of law. Legal socialization in a changing Russia]. Moscow: Ves' Mir.
- Astahova, I.S. (2021) Iz istorii razrabotki i prinyatiya zakona Respubliki Saha (Yakutiya) «O kochevoj rodovoj obshchine malochislennykh narodov Severa» [From the history of the development and adoption of the law of the Republic of Sakha (Yakutia) "On the nomadic clan community of small-numbered peoples of the North"], *Society: philosophy, history, culture*, no. 12, pp. 148–155. doi: 10.24158/fik.2021.12.23
- Vinokurova U.A. (2014) Legitimacija kochevogo obraza zhizni v Respublike Saha (Jakutija) [Legitimization of nomadic way of life in the Republic of Sakha (Yakutia)]. In *Tradicionnaja kul'tura kochevykh narodov v sisteme hudozhestvennogo obrazovaniya: materialy nauchno-vorcheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, 22 marta 2014 g., g. Jakutsk* [Traditional culture of nomadic peoples in the system of art education: materials of scientific and creative conference with international participation]. Jakutsk, pp. 11–19.
- Vudman G. (1999) Teorija prava, antropologija i planovyj pravovoj pljuralizm [Law Theory, Anthropology and Planned Legal Pluralism]. In *Obychnoe pravo i pravovoj pljuralizm. (Materialy XI Mezhdunarodnogo kongressa po obychnomu pravu i pravovomu pljuralizmu, avgust 1997 g., Moskva)* [Customary Law and Legal Pluralism. (Proceedings of the XI International Congress on Customary Law and Legal Pluralism. August 1997, Moscow)]. Ed. by Novikova N.I., Tishkov V.A. Moscow: IEA RAN, pp. 13–20.

- Gladun, E.F., Zaharova, O.V. (2021) Integraciya traditsionnyh znaniy korenyh malochislennyh narodov Severa v zakonodatel'stvo Rossijskoj Federacii [Integration of traditional knowledge of indigenous minorities of the North into the legislation of the Russian Federation]. *Bulletin of Surgut State University*, no. 3, pp. 76–87. doi: 10.34822/2312-3419-2021-3-76-87
- Gogolev P.V. (2020) Problemy instiutalizacii jetnicheskogo (aborigennogo) prava i sistematizacii zakonodatel'stva sub#ektov Rossijskoj Federacii [Problems of institutionalization of ethnic (aboriginal) law and systematization of legislation of the subjects of the Russian Federation], *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4, pp. 61–66.
- Ivanova A., Stammler F.M. (2017) Mnogoobraziye upravlyayemosti prirodnymi resursami v Rossijskoy Arktike [The diversity of natural resource governance in the Russian Arctic], *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*, no. 4, pp. 210–225.
- Kazannik A.I. (1999) *Narodnaja ohrana prirody Sibiri* [People's protection of Siberian nature]. Omsk: Dom pečhati.
- Kovler A.I. (2003) Antropologiya prava i pravovoj plyuralizm (prava cheloveka i prava narodov) [Anthropology of Law and Legal Pluralism (Human Rights and Rights of Peoples)]. In Novikova N. (ed.) *The Reindeer is Always Right. Studies on legal anthropology*. Moscow, Strategy. pp. 24–52.
- Konstituciya. 1993. [Constitution]. <https://base.garant.ru/10103000> (accessed: 30.12.2024).
- Kryazhkov V.A. (2010) *Korennye malochislennye narody Severa v rossijskom prave* [Indigenous small-numbered peoples of the North in Russian law]. Moscow: Norma.
- Kryazhkov V.A. (2013) Pravovye osnovy olenevodstva v Rossijskoj Federacii [Legal Basis of Reindeer Husbandry in the Russian Federation]. In: *The Arctic Zone of the Russian Federation: North-Eastern Vector of Development*. Part 2. St. Petersburg. pp. 255–271.
- Kriazhkov V.A. (2019) Delo o traditsionnoj ohote, ili pervyj opyt zashhity prav korenyh malochislennyh narodov v Konstitucionnom sude Rossii [The case of traditional hunting, or the first experience of defending rights of indigenous small-numbered peoples in the Constitutional Court of Russia], *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie*, no. 4 (131), pp. 116–130.
- Novikova N.I. (2014) Okhotniki i neftyaniki. Issledovaniya po yuridicheskoi antropologii [Hunters and oilmen. Studies in legal anthropology]. Moscow: Nauka.
- Novikova N.I. (2023) Nichego o nas bez nas: kak antropologu sohranit' svoe mesto [Nothing about us without us: how an anthropologist can keep his place], *Bulletin of Anthropology*, no. 1, pp. 7–18. doi: 10.33876/2311-0546/2023-1/7-18
- Rulan N. (2016) *Polevye issledovaniya v yuridicheskoy antropologii* [Field research in legal anthropology], *Jurisprudence*, no. 1, pp. 80–88.
- Sirina A.A. (2011) Nimat: obyčaj delezha u severnyh tungusov [Nimat: the custom of sharing among the Northern Tungus]. In Guchinova E., Komarova G. (eds.) *Anthropology of Social Change*. Moscow: ROSSPEN, pp. 301–320.
- Sosin V.V. (2021) O sovershenstvovanii zakonodatel'stva Respubliki Saha (Yakutiya) v sfere sohraneniya i podderzhki kochevyh semej [On improving the legislation of the Republic of Sakha (Yakutia) in the sphere of preservation and support of nomadic families], *ARKTIKA – 2035: topical issues, problems, solutions*, no. 3(7), pp. 20–28.
- Strygina, S.V. (2022) Antropologicheskaya rol' prava v sohranении social'nyh ekosistem malyh narodov Severa RF [Anthropological role of law in preserving social ecosystems of small peoples of the North of the Russian Federation]. In Kharlanov A.S. *Principles of building a new ecosystem: multicultural space*. Cheboksary: Sreda, pp. 1–16. doi: 10.31483/a-10368.
- Benda-Beckmann K. v., Turner B. (2018) Legal pluralism, social theory, and the state, *Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law*, no. 50(3), pp. 255–274.
- Benda-Beckmann K. v., Turner B. (2020) Anthropological roots of global legal pluralism. In *The Oxford handbook of global legal pluralism*, edited by P. Schiff Berman. Oxford and New York: Oxford University Press, pp. 67–142.

- Development and Customary Law. *Indigenous Affairs*, 1-2, 2010, 94 p.
- Filippova V., et al. (2023) Indigenous land rights and land use in Siberia. Neighbouring jurisdictions, varied approaches. In: *The Siberian World* / edited by John P. Ziker, Jenanne Ferguson, Vladimir Davydov. New York, NY: Routledge. pp. 139–155.
- Fondahl G., Filippova, V., Savvinova, A., Ivanova, A., Stammler, F., and Gunhild Hoogensen Gjorv (2019) Niches of Agency: Managing State-Region Relations through Law in Russia, *Space and Polity*, no. 23(1), pp. 49–66. doi: 10.1080/13562576.2019.1594752.
- Geertz C. (1983) Local Knowledge: Fact and Law in Comparative Perspective. In: C. Geertz (ed.) *Local Knowledge*. New York: Basic Books, pp. 167–234.
- Griffiths J. (1986) What is legal pluralism? *Journal of Legal Pluralism*, no. 24, pp. 1–55.
- Ingold T. (2000) *The Perception of the Environment*. London: Routledge.
- Khlinovskaya Rockhill E., Sidorova, L., Vitebsky, P. (2022) Where Is the Nomadic Family? Rigid Laws and Flexible Tundra Life in North-East Siberia. *Nomadic Peoples*, no. 26(1), pp. 4–32.
- Moore S. (1973) Law and Social Change: the semi-autonomous social field as an appropriate subject of study, *Law and Society Review*, no. 7(4), pp. 719–746.
- Mustonen T., Andreeva T., Shadrin V., Mustonen K. (2021) Return of Nimat? Wild Reindeer as an Indicator of Evenki Biocultural Systems. *Sustainability*, no. 13, 12107. doi: 10.3390/su132112107
- Novikova N. (2023) Customary law today: Mechanisms of sustainable development of Indigenous peoples. In: *The Siberian world* / edited by John P. Ziker, Jenanne Ferguson, Vladimir Davydov. New York, NY: Routledge, pp. 123–138. doi: 10.4324/9780429354663-10
- Pirie F. (2013) *The Anthropology of Law*. Oxford.
- Permanent Forum on Indigenous Issues. 2010. The study on the need to recognize and respect the rights of Mother Earth. Available at: <https://www.un.org/esa/socdev/unpfii/documents/E.C.19.2010.4%20EN.pdf> (Accessed 02.08.2024).
- Ssorin-Chaikov N. (2000) Bear skins and macaroni: the social life of things at the margins of a Siberian state collective. In: P. Seabright (ed) *The Vanishing Rouble. Barter Networks and Non-Monetary Transactions in Post-Soviet Societies*. Cambridge, New York: Cambridge University Press, pp. 345–361.
- Stammler F. Ivanova A., Donahoe B. (2022) Russian Legal Anthropology: From Empirical Ethnography to Applied Innovation. In: *The Oxford Handbook of Law and Anthropology*. Edited by Marie-Claire Foblets, Mark Goodale, Maria Sapignoli, and Olaf Zenker. Oxford, Oxford University Press, pp. 132–152.
- Wilson E. (2002) Est' zakon, est' i svoi zakony: Legal and Moral Entitlements to the Fish Resources of Nyski Bay, North-Eastern Sakhalin. In: E. Kasten (ed) *People and the Land. Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia*. Siberian Studies. Berlin: Reimer, pp. 149–168.

Сведения об авторе:

НОВИКОВА Наталья Ивановна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва, Россия). E-mail: natinovikova@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Natalya I. Novikova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: natinovikova@gmail.com

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 2 августа 2024 г.;
принята к публикации 19 декабря 2024 г.*

*The article was submitted 02.08.2024;
accepted for publication 19.12.2024.*

АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ В АКАДЕМИЧЕСКОМ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

От редакции

В 2018 г., в первом и третьем номерах нашего журнала произошел обмен мнениями о состоянии российской антропологии (точнее, «антропологии и этнологии»), поскольку именно так называется наша дисциплина на бюрократическом языке в России). Тогда с репликами и развернутыми статьями выступил целый ряд коллег, что позволило довольно широко представить географию образовательного пространства страны, а также рассказать как о позитивных результатах, так и о наболевших проблемах. С тех пор прошло шесть лет. Кого-то из авторов названных статей уже нет с нами (4 апреля 2018 г. ушел из жизни А.И. Куропятник), часть кафедр и антропологических направлений в вузах существенно трансформировалась, прежде всего из-за кадровых изменений, появились новые проблемы, связанные с активным сопротивлением сторонников дескриптивной этнографии и «этнооптики» развитию аналитических социально-антропологических исследований (к сожалению, примеров тому более чем достаточно). Публикуя очерк якутских коллег, который получился существенно шире, чем лишь обзор собственно образовательной деятельности в вузе, мы рассчитываем на продолжение начатого в 2018 г. разговора.

Д.А. Функ

Научная статья
УДК 378
doi: 10.17223/2312461X/46/3

Антропологическое направление в научно-образовательной деятельности исторического факультета СВФУ имени М.К. Аммосова

Наталья Анатольевна Стручкова¹,
Кюннэй Айдааровна Пестерева²,
Айталиа Алексеевна Слепцова³

^{1, 2, 3} *Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова,
Якутск, Россия*

^{2, 3} *Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов
Севера СО РАН, Якутск, Россия*

¹ *struna2006@mail.ru*

² *pestereval17@gmail.com*

³ *aytalina92s@yandex.ru*

Аннотация. Представлен процесс формирования и становления антропологических исследований в системе высшего образования, в частности на историческом факультете Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. На материале научных исследований и образовательной деятельности преподавателей рассмотрены особенности развития антропологического направления как одного из важнейших векторов функционирования учебного подразделения. В рамках достижения главных целей развития федерального университета анализируется научно-образовательная работа исторического факультета по развитию антропологического направления с точки зрения ее соответствия современным вызовам общественного развития – освоения арктических территорий, урбанизации, цифровизации, климатических изменений, изменения ценностных ориентиров, глобализации. В формате контрольного среза по отдельным видам деятельности факультета показаны их антропологическая составляющая, особенности антропологических исследований и образовательных проектов.

Ключевые слова: Арктика, федеральный университет, образование, цифровизация, гуманитаризация, археология, евразийская интеграция

Благодарности. Авторы выражают благодарность д.и.н., проф. А.И. Гоголеву, к.и.н., доценту В.Г. Аргунову, к.и.н., доценту О.А. Парфеновой, к.и.н., доценту К.М. Яковлевой, к.и.н., доценту А.И. Яковлеву за участие в обсуждении основных положений статьи и ценные советы.

Для цитирования: Стручкова Н.А., Пестерева К.А., Слепцова А.А. Антропологическое направление в научно-образовательной деятельности исторического факультета СВФУ имени М.К. Аммосова // Сибирские исторические исследования. 2024. № 4. С. 78–99. doi: 10.17223/2312461X/46/3

Original article

doi: 10.17223/2312461X/46/3

Anthropological Research in the Scientific and Educational Activities at the Faculty of History of the Ammosov North-Eastern Federal University

Natalia A. Struchkova¹, Kiunnei A. Pestereva²,
Aitalina A. Sleptsova³

^{1, 2, 3} *Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation*

^{2, 3} *Institute for Humanitarian Research and Indigenous Peoples of the North of Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation*

¹ *struna2006@mail.ru*

² *pestereva17@gmail.com*

³ *aytalina92s@yandex.ru*

Abstract. The article reconstructs the process of establishment and development of anthropological studies in the higher education system, in particular, at the Faculty of History of the Ammosov North-Eastern Federal University. The features of the anthropological research development as one of the most important vectors of the educational unit's functioning are considered based on the results of the university staff scientific research and educational activities. In the context of achieving the main development

goals of the Federal University, the scientific and educational work of the Faculty of History on the development of the anthropological research is analyzed from the point of view of its compliance with modern challenges of social development: the development of Arctic territories, urbanization, digitalization, climate change, changes in value orientations, globalization. As a part of monitoring of individual types of faculty activities, their anthropological component, features of anthropological research and educational projects are shown.

Keywords: Arctic, federal university, education, network program, master degree, anthropology, ethnography, ethnology, digitalization, humanitarization, archeology, Eurasian integration

For citation: Struchkova, N.A., Pestereva, K.A. & Sleptsova, A.A. (2024) Anthropological Research in the Scientific and Educational Activities at the Faculty of History of the Ammosov North-Eastern Federal University. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 78–99 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/46/3

Введение

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова (СВФУ) – это один из 10 федеральных университетов, ориентированных на решение геополитических задач и удовлетворение кадровых потребностей макрорегионов Российской Федерации. СВФУ – единственный университет, чья ответственность распространяется на две крупнейшие геостратегические территории России – Дальний Восток и Арктическую зону Российской Федерации. Программа развития СВФУ направлена, помимо решения стратегических геополитических задач государства, на инновационное развитие Северо-Востока России и Дальневосточного федерального округа в целом. Деятельность университета должна способствовать закреплению и привлечению населения страны в этот стратегически важный регион.

В связи с этим основная образовательная деятельность и фундаментальные, прикладные научные направления, осуществляемые в СВФУ, тесно связаны с региональной проблематикой Севера, Арктики, ее уникальной природной средой, особенностями устойчивого развития социальной сферы, экономики и промышленности региона. Вузы выступают не только как учебные и научные центры, но и как очаги духовной культуры, приобщения молодого поколения к ценностям культуры, их дальнейшего развития и распространения, в чем нам видится одна из главных задач гуманитаризации высшего образования.

Проведение антропологических исследований, разработка и реализация образовательных программ, связанных с изучением человека, является важным направлением в работе высших учебных заведений.

Из истории развития антропологического направления в университете

Развитие антропологического направления в образовательной деятельности головного вуза Якутии имеет историческую основу и предпосылки. По мнению исследователей, история якутской этнографической

науки на начальном этапе своего развития в 30-е гг. XVII – начала XVIII в. была представлена как сбор этнографических материалов – первых сведений о коренных народах Сибири, о географическом положении, климатических условиях, местах расселения и обитания, происхождении, хозяйстве, социальных отношениях. Были собраны фрагментарные данные о быте и культуре. Интерес к народам Сибири, в том числе якутам с российской стороны был вызван практическими задачами освоения новых территорий. Основными источниками историко-этнографического изучения якутов явились «скаски», «чертежи», донесения русских служилых людей, путевые записки, дневники иностранцев-путешественников (Маркова 2015).

Становление этнографической науки в современном понимании началось в Якутии в советский период. После Октябрьской революции 1917 г. возросла социальная значимость отечественной этнологии, которая сосредоточилась на решении вопросов национальной политики и крупных прикладных задач, таких как исследование этнического состава бывшей Российской империи, создание сети просветительских и культурных учреждений на ее окраинах, а также развитие национальной письменности и литературы (Маркова 2007).

В 1920-е гг. была сформирована новая организационная структура научных и учебных центров этнологического направления. Увеличился интерес широкой аудитории к этнографии, что способствовало созданию различных краеведческих организаций, научно-просветительских и специализированных обществ по изучению национальных культур, а также областных музеев. Активно проводились этнографические и лингвистические экспедиции (Огородникова, Фирсова 2019; Богочанова 2020).

Этнологические исследования 1917–1920-х гг. отличались сочетанием теоретических и прикладных аспектов. В это время наблюдалось обогащение научной проблематики за счет прикладных разработок. Впервые были предложены такие направления, как этнографическая статистика и изучение племенного состава населения России и СССР, научная проработка вопросов национальной политики, исследование сельского быта и современности, а также методики этнографической работы и в целом вопросов методологии и теории. Была создана комиссия по изучению племенного состава России (СССР), которая занималась изданием «Трудов КИПС».

В 70–80-х гг. XX в. на базе Якутского государственного университета им. М.К. Аммосова под руководством А.И. Гоголева началась активная научная работа по изучению этнографии народов Якутии. Так, в результате деятельности археолого-этнографической экспедиции ЯГУ под его руководством с 1973 г. были открыты и исследованы памятники раннеякутской скотоводческой культуры на территории центральной группы

районов и в низовьях Вилюя. На основе полученных данных была выделена кулун-атахская культура, датируемая XIV–XVI вв., с которой автор связывает развитие и распространение скотоводства в Центральной Якутии. На научных трудах А.И. Гоголева на данный момент основывается современная концепция происхождения и ранней этнической истории якутов, формирования их традиционной культуры, основные аспекты которой изложены в I томе монографии «История Якутии» (Гоголев 1990, 2004; История Якутии 2020).

Этот период в развитии этнографии в Якутии был ознаменован новыми изысканиями в области традиционной культуры народов Якутии и Сибири, шаманизма у народов Якутии, в частности шаманской ритуальной практики. В фундаментальном труде А.И. Гоголева «Якуты (проблемы этногенеза и формирования культуры)» был выделен и обоснован так называемый доэтнический этап формирования истоков будущей этнической культуры народа саха (Гоголев 1993).

Археологические исследования как основа антропологического направления

Археологические исследования на историческом факультете СВФУ имени М.К. Аммосова стали развиваться с 1968 г. под руководством Н.Д. Архипова. Экспедиция ЯГУ им. М.К. Аммосова до 1974 г. исследовала обширный круг разнообразных памятников на территориях Кобяйского, Вилюйского, Олекминского улусов. В эти годы были открыты и изучены памятники каменного века Старый Летен, Новый Летен I–II, Хайкуо, Большая и Малая Джикимда, Сюльдюкар, Укугут, писаницы Крестях и Баасынай, древнеякутские погребения и поселения XVII–XVIII вв. (Архипов 1981).

За все эти годы, благодаря открытию уникальных археологических объектов и регулярным полевым исследованиям, был накоплен широкий пласт археологических материалов, который нуждался в должном хранении, учете и музеефикации, студентам была необходима база для проведения исследований и освоения навыков археолога. В связи с этим в 1972 г. был открыт Музей археологии и этнографии ЯГУ, который выступал также в качестве научной и учебно-методической базы для проведения научно-исследовательской деятельности, полевой археологической и музейной практик студентов; в настоящее время он стал отдельным крупным центром, где сосредоточены и экспонируются уникальные археологические и этнографические материалы (Алексеева и др. 2005).

Именно в эти годы накапливается значительный фонд этнографических источников, ставших основой для исследований многих поколений историков, археологов, этнографов, физических антропологов.

Усилиями археологических экспедиций под руководством Н.Д. Архипова, А.Н. Алексеева, В.М. Дьяконова (конец 1990-х – 2000-е гг.) были открыты стоянки, поселения и погребальные памятники, охватывающие широкий временной диапазон от палеолита до культуры собственно якутов (Кириллин, Дьяконов 1996; Дьяконов, Иванова 2006). Исследования А.Н. Алексеева раскрывают ключевые проблемы в вопросах формирования и развития культур эпохи камня, бронзового и раннего железного веков, обобщают ранее полученные данные, раскрывают важнейшие аспекты этнокультурогенеза коренных народов Якутии. В целом, многолетние исследования позволили А.Н. Алексееву собрать уникальную базу для анализа и реконструкции развития культурных и палеоэтнических процессов на территории Якутии начиная с эпохи неолита. С 1986 г. одним из направлений в археологии исторического факультета ЯГУ становится изучение Алазейского и Стадухинского острогов на реках Алазее и Колыме под руководством А.Н. Алексеева. В монографии, посвященной названным памятникам, А.Н. Алексеевым рассматриваются конструктивно-технические особенности архитектуры острогов, материальная культура землепроходцев, анализируется коллекция предметов быта, объясняются вопросы адаптации служилых людей к климатическим условиям Крайнего Севера (Алексеев 1996).

Отдельным направлением археологических исследований становится изучение писаниц под руководством Н.Н. Кочмара, когда были открыты новые и исследованы известные наскальные рисунки и жертвенники в бассейнах рек Лена и Амга (Кочмар 1994). Н.Н. Кочмаром в результате многолетних исследований были описаны и введены в научный оборот сотни памятников духовной культуры древнего населения Якутии.

С 2002 до 2019 г. на базе Якутского государственного университета работала Саха-французская археологическая экспедиция (MAFSO), представлявшая собой международный междисциплинарный проект, объединивший силы специалистов разных направлений. В работе экспедиции принимали участие сотрудники и студенты Якутского госуниверситета (МАЗ, исторический факультет). Масштабными раскопками была охвачена обширная территория республики, экспедицией были детально изучены якутские погребения. Основной целью проекта стало всестороннее исследование населения Якутии, проживавшего здесь в XV–XIX вв., его истории, взаимодействия с окружающей средой с точки зрения археологии, этнографии, антропологии, медицины, генетики и биологии. Неисчерпаемый научный потенциал археологического материала экспедиции дал перспективы для развития последующих исследований, диссертаций, профессионального роста молодых специалистов – студентов, сотрудников университета. Главные итоги деятельности MAFSO были опубликованы в монографии «Мир древних якутов» (Мир

древних якутов 2012), статьях в профильных журналах, широкой общественности был представлен документальный фильм об уникальном женском погребении с большим количеством материала исключительной сохранности «Мумия из края вечной мерзлоты» (2007).

Новые тенденции антропологических исследований

Начиная 90-х гг. XX в. в антропологических исследованиях историков факультета стал заметен отход от дескриптивной этнографии советского периода. Содержание исследований меняется в сторону междисциплинарности и приобретает в большинстве случаев узкопрофессиональный характер. В сущности, основы междисциплинарности были заложены еще этноархеологическими исследованиями А.И. Гоголева, когда в 1974 г. на историко-филологическом факультете ЯГУ была организована археолого-этнографическая экспедиция для изучения памятников историко-культурного наследия якутов. В 1977–1980-х гг. в работе этой экспедиции принимали участие студенты кафедры антропологии и этнографии и антропологии исторического факультета ЛГУ имени А.А. Жданова (заведующий кафедрой Р.Ф. Итс). В 1974–1976 гг. проводились экспедиции Якутского республиканского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры с участием известных ученых В.Ф. Яковлева и Г.Н. Копырина, в 1979–1981 гг. они велись под руководством Р.И. Бравиной.

Другим примером является формирование этнополитического направления исследований. Известно, что этнополитология как научная дисциплина, получив начало своего развития в советской этнографической науке, стала активно институционализироваться в академических и образовательных учреждениях России. Первые этнополитические исследования в Якутском государственном университете стали вестись в рамках истории, этнографии и становящейся на ноги политологии.

Пионерскими в данном направлении были работы Ю.Д. Петрова, главным объектом исследования которого являлись народы российской Арктики. Большой заслугой Ю.Д. Петрова стало исследование концептуальных подходов государственной национальной политики России и зарубежья, их непредвзятое сравнение, выявление позитивного опыта и актуальных предложений в исследуемой сфере государственной политики. Его исследования подчеркнули важность устойчивого диалога между различными народами региона для поддержки социальной стабильности (Петров 1993, 1997, 1998).

Вслед за Н.Н. Крадиным и Т.Д. Скрынниковой О.А. Парфенова попыталась применить теорию вождества к традиционному общественному строю якутов (Парфенова 2016). Наибольшим препятствием в разработке этой проблематики явилось отсутствие четко зафиксированного

в документах Российского государства якутского потестарного строя, в связи чем основным источником стали материалы якутского фольклора и этнографические данные XVIII–XIX вв. Главным объектом исследования О.А. Парфеновой выступила фигура якутского родового предводителя XVII в. Тыгына Дархана. Изучая исторические события этого периода, его мифологическое содержание, Ольга Афанасьевна выделила предметные источники харизмы вождя – сходный с монгольской мантикой сгусток крови, сакральный конь, мифологические образы детей, цикличность жизнеописания. В своих работах автор подчеркивала, что Тыгын как харизматический лидер формируется в якутском этническом сознании гораздо позже своей исторической деятельности, как образ национального героя, лидера, как своеобразный этнический маркер властных отношений. Используя новый для того периода антропологический подход, О.А. Парфенова при анализе структуры распадающихся родовых отношений, сложившихся в сложную систему кланов и линджей, предполагала, что у якутов XVII в. складываются предпосылки для формирования сложного вожества во главе с аристократическим «господским родом» и вождем – Дарханом. Эти потестарные тенденции были прерваны ходом исторических событий – вхождением в состав Московского государства (Парфенова 2023).

Важное место на историческом факультете заняли этносоциологические исследования, что способствовало более глубокому пониманию многообразия этнических групп и их взаимодействия в контексте исторических процессов. Исторический факультет, будучи одним из ведущих образовательных учреждений в регионе, активно развивает этносоциологическую направленность, что позволяет исследовать как традиционные, так и современные аспекты жизни народов. Одним из ключевых аспектов этих исследований является анализ исторической динамики этнических групп в условиях изменения социально-экономической среды (Алексеев 1980; Бравина 2005; Брагина 2016).

В рамках реализации Договора о научном сотрудничестве с Институтом этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (ИЭА РАН) в 2024 г. в СВФУ начат проект антропологических исследований биосоциального профиля человека. Еще одним примером междисциплинарных изысканий является научный проект СВФУ, реализуемый совместно ИЭА РАН, направленный на создание трехмерной цифровой реконструкции и визуализации воина каменного века из неолитического погребения Кердюген и его сопроводительного инвентаря. Погребальный комплекс Кердюген был открыт в Чурапчинском улусе и относится к ымыяхтахской культуре заключительного этапа неолита Якутии. Он исследовался в 2004 и 2012 гг., когда были раскопаны два погребения: Кердюген I – уникальное погребение неולי-

тического воина со щитом, доспехами и жертвой, Кердюген II – фрагментированное погребение с инвентарем в виде кремневого топора и скребка. Радиоуглеродное датирование показало принадлежность памятника к ымыяхтахской культуре позднего неолита, которая существовала в пределах 4350–2950 л. н.

С 2023 г. в рамках названного проекта создается цифровая реконструкция и осуществляется 3D-моделирование антропологических материалов и сопроводительного инвентаря погребения воина Кердюген. Используемые при этом цифровые технологии не только позволяют создать 3D-модель для сохранения, но также дают возможность будущим исследователям использовать результаты сканирования как инструмент для анализа и дальнейшей обработки, так как сканирование позволяет зафиксировать форму и определить размеры объекта с высочайшей точностью до 10 микрон. В результате накапливается цифровой фонд археологических материалов для внедрения их в качестве демонстрационных средств в процессе теоретического обучения и практической подготовки студентов СВФУ, использования в исследовательской деятельности, причем, что важно отметить, не прибегая к непосредственной контактной работе с предметами-подлинниками. Опыт комплексной трехмерной цифровой реконструкции и визуализации воина каменного века из погребения Кердюген и его сопроводительного инвентаря станет первым подобным проектом в археологии Якутии и создаст методологическую базу для реализации проектов по комплексной цифровой реконструкции других погребальных памятников из коллекций Музея археологии и этнографии СВФУ имени М.К. Аммосова, где содержатся уникальные антропологические материалы и артефакты из погребений представителей древних популяций Якутии начиная с каменного века до эпохи раннего железного века.

Следует отметить, что первый опыт создания 3D-моделей уникальных артефактов из археологических и этнографических фондов МАЭ СВФУ был предпринят на историческом факультете еще в 2019 г., когда был получен грант Проектного офиса развития Арктики. В свою очередь, реализация данного гранта стало возможной благодаря разработке и реализации на историческом факультете магистерской программы «Историко-культурное наследие: гипермедиа-технологии», в рамках которой ведется подготовка специалистов, владеющих навыками и умениями в области информационных технологий. В качестве ведущего специалиста-преподавателя был приглашен инженер ФТИ СВФУ, автор масштабных проектов по 3D-моделированию объектов историко-культурного наследия С.Е. Васильев (Васильев, Гололобов 2022).

В целом рубеж 1990-х и 2000-х гг. был ознаменован активной работой этнографического направления под руководством А.И. Гоголева. В эти

годы были защищены 18 кандидатских диссертаций по специальности 07.00.07 «Этнография, этнология и антропология».

В работах представителей научной школы А.И. Гоголева, в разное время преподававших на историческом факультете, специалисты отмечают отражение главных тенденций в российских антропологических исследованиях, выражавшихся в отходе от привычных в советской этнографии подходов и методологии, уход от центральной темы в большую детализацию. Так, от изучения «ритуалов вообще» происходит переход к изучению ритуальной практики и её составляющих. В частности, предметом исследования Е.С. Габышева стал солнечный культ в якутских мифологических сюжетах и образах. В диссертации «Культ солнца в мифологии якутов (проблема древних этнокультурных параллелей)» им были выявлены и проанализированы параллели в отражении культа солнца в мифологии якутов и ираноязычных народов (Габышев 1999). Заметным явлением в изучении мифологии ритуала стал труд Е.П. Слепцова о якутском шаманизме. В этом же ряду стоит еще ряд работ (Слепцов 2009). Объектом диссертационного исследования Л.И. Егоровой стала мифологема волка в традиционной культуре якутов. Автором впервые было проведено комплексное исследование мифологемы волка, ее генезиса, символики, социокультурных функций и реконструкция семантики (Егорова 2010).

Изучению проблемы сложения ранних религиозных верований, сыгравших значительную роль в формировании культа айыы и «белого» шаманства якутов, была посвящена кандидатская диссертация В.Е. Васильева, написанная на основе фольклорно-этнографических материалов. В современной якутской этнологии появляется новое направление – этноэтика. Особенности традиционной этики якутов впервые специально анализировались Н.Н. Рахлеевой. В своей работе «Дарующее небо и Благодатная земля...» автор показала истоки миропонимания якутов и их жизнелюбия (Рахлеева 2003). В исследованиях Н.А. Стручковой объектом изучения становится ритуальное поведение людей, представленное кинетикой ритуала, в частности – круговым обходом, круговым танцем (Стручкова 2008).

Е.В. Саввина обращается к таким новым для якутской этнологии темам, как цветовая теогония, хроматизм (изменение цветовых тонов) и цветولينгвистика (соотнесение цвета с определенным звуком) (Саввина 2001).

В работе К.М. Яковлевой «Классификация украшений народов алтайской культурной общности (на материале народов Сибири конца XIX – начала XX в.)» предпринято детальное изучение украшений народов алтайской культурной общности Сибири конца XIX – начала XX вв. – в терминологии, форме бытования, материале изготовления, функциях, месте

и времени ношения; разработана классификация представленных украшений по типам и видам на основе их конструктивных особенностей и материалов изготовления; составлена классификация украшений по функциональным признакам исходя из их социально-знаковых, магико-религиозных функций (Яковлева, Прокопьева 2019, 2020; Прокопьева, Яковлева 2021).

Международные антропологические проекты

В течение последних 10 лет исторический факультет берёт курс на сотрудничество с ведущими зарубежными образовательными и научными центрами.

С 2013 по 2019 г. на базе исторического факультета был реализован международный проект под руководством А.А. Алексеева с участием коллег из Кембриджского университета (Великобритания). Объектом исследования являлись коренные народы Северо-Востока России (саха-якуты, эвены, эвенки, чукчи, долганы, коряки), а основной целью стало комплексное междисциплинарное изучение культуры названных народов, выявление особенностей их исторического опыта адаптации к экстремальным условиям природной среды Севера, трансформации в условиях углубляющихся глобализационных процессов общества.

С 2013 по 2018 г. благодаря активной международной политике СВФУ многие студенты исторического факультета прошли стажировку в зарубежных вузах. Среди них Университет Линьи (Китай), Арктический университет в г. Тромсе (Норвегия), Университет Тулузы (Франция), Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева (Казахстан), Университет Хоккайдо (Япония), Университет Гамбурга (Германия), Университет Йонъин (Южная Корея).

В этот же период на историческом факультете проводятся масштабные междисциплинарные исследования с участием иностранных специалистов в рамках проекта «Адаптация древних культур неолита к аласно-озерному ландшафту Центральной Якутии». Экспедиция, проведенная в ходе реализации проекта, включала преподавателей исторического факультета, приглашенных специалистов из ведущих европейских вузов Финляндии, Чехии и Польши и студентов разных курсов. Ее участники изучали социокультурные трансформации современного якутского села, материальную, духовную культуру и стратегии адаптации носителей древних культур в условиях аласно-озерного ландшафта Лено-Амгинского междуречья Центральной Якутии, а также открыли новые археологические памятники и доисследовали ранее известные стоянки.

В 2013 г. начинается сотрудничество с Евразийским национальным университетом имени Л.Н. Гумилева. Был подписан Договор о сотруд-

ничестве в области науки и образования, который способствовал многолетним и результативным совместным исследованиям и образовательной деятельности между вузами.

В частности, с целью выявления общих тенденций трансформации скотоводческих племен в Северо-Восточной и Центральной Азии были проведены полевые исследования на территории Казахстана и Монголии. Сотрудники и студенты исторического факультета СВФУ на практике изучили археологические памятники как основные источники по формированию скотоводческих культур, выявили тенденции трансформации культуры в современных условиях (городская и сельская среда) на обширной территории, охватывающей Северо-Восточную и Центральную Азию. Было положено начало формированию обширной базы данных полевого археолого-этнографического материала (Стручкова, Ермолаева, Умиткалиев и др. 2024).

В 2014 г. была проведена международная междисциплинарная экспедиция в Верхоянский улус. Участие в ней приняли сотрудники исторического факультета СВФУ и Музея археологии и этнографии СВФУ, Института естественных наук СВФУ, Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, ведущие ученые Университетов Чехии (г. Злин), Польши (г. Варшава, г. Познань), Эстонии (г. Тарту). Проект был направлен на изучение природного контекста, процессов культурной адаптации и состояния духовной и материальной культуры коренного населения долины реки Яна и комплексное исследование среды обитания в связи с происходящими изменениями в традиционной культуре под влиянием климатических изменений и таежного ландшафта Северо-Восточной Якутии.

В 2016–2017 гг. археологи и студенты факультета под руководством В.Г. Аргунова участвовали в Комплексных научных исследованиях в Республике Саха (Якутия), направленных на изучение развития производительных сил и социальной сферы на 2016–2020 гг. в рамках темы «Современное состояние и перспективы археологического изучения неизученных и малоизученных районов Республики Саха (Якутия)». В ходе реализации данного масштабного проекта были получены значительные научные результаты, касающиеся анализа современного состояния археологической изученности Центральной Якутии.

В рамках выполнения работ по данному направлению была разработана база данных в виде свода археологических памятников районов таежно-аласной зоны Центральной Якутии. На основе полученных данных совместно с сотрудниками ИЕН СВФУ в программе ArcMap 10.4.1 была разработана виртуальная интерактивная карта «Археологические памятники Центральной Якутии». Особенностью ее является то, что при нажатии на условный знак археологического объекта на карте в выпадающем

окне выводится общая информация про памятник: название, местоположение, хронология, список литературы и источников, в которых он упоминается. Это позволяет знакомить студентов с первичными данными по археологии Центральной Якутии и дает информацию об археологических отчетах исследователей, научной литературе, в которой можно найти более подробную информацию о стоянке, поселении или погребении. Результаты Комплексной экспедиции вошли в коллективную монографию «Производительные силы Западной Якутии: Результаты комплексных научных исследований 2017 года» (2019).

Начавшаяся в 2020 г. пандемия внесла свои коррективы в научные и образовательные процессы, приостановив на несколько лет многие программы и проекты. Особенно проблематичным стало продолжение международных междисциплинарных проектов в связи с сокращением коммуникаций и изоляцией. На данный момент упущения в сфере прямых научных контактов начинают преодолеваются, научные сообщества возобновляют свои взаимодействия. Однако появилась группа выпускников, не прошедших практическую подготовку в области полевых археологических исследований в связи с переходом на дистанционную форму образовательного процесса в 2020–2021 гг. На данный момент перед историческим факультетом стоит задача устранения проблемы пробелов в практических навыках в археологии у студентов эпохи дистанционного обучения.

В 2023 г. в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» на базе исторического факультета СВФУ был инициирован проект «Новое межвузовское пространство Евразийской научно-образовательной интеграции», партнером которого с кыргызской стороны выступает КНУ имени Жусупа Баласагына, с казахской – ЕНУ имени Л.Н. Гумилева. Данный проект направлен на развитие международного сотрудничества (Российская Федерация – Республика Казахстан – Кыргызская Республика) в области науки и образования путем объединения, аккумуляции материальных, кадровых и научно-образовательных ресурсов ведущих вузов для подготовки высококвалифицированных специалистов, способных решать задачи регионального и глобального масштаба в рамках «восточного вектора» международной деятельности СВФУ. Большинство мероприятий проекта имеют археолого-этнографическую направленность.

В 2024 г. в рамках проекта состоялась Международная научная экспедиция в Таттинский улус РС(Я) с участием ученых-преподавателей ИФ ЕНУ имени Л.Н. Гумилева (Казахстан), КНУ имени Ж. Баласагынова. В полевой работе приняли участие не только ведущие ученые – доктора и кандидаты наук, но также аспиранты, бакалавры, участники студенческого научного кружка (СНК) «Культурная антропология» (Яковлев, Яковлева 2017).

Развитие антропологического образования на историческом факультете

Подготовка специалистов на историческом факультете СВФУ осуществляется в соответствии с государственной образовательной политикой, которая в течение последних лет переживает этапы реформирования, модернизации, поиска новых путей совершенствования и достижения качества. Основными приоритетными направлениями в образовательной деятельности факультета стали адаптация учебных планов к изменившимся социально-экономическим условиям развития общества, сохранение и усиление национально-регионального компонента, внедрение новых практикоориентированных программ, получение IT-компетенций, внедрение моделей проектного обучения, сохранение общего образовательного пространства со странами СНГ.

В связи с этим стратегия развития образовательных программ на кафедрах факультета была направлена на сохранение и реализацию бакалаврских программ как основы общей профессиональной подготовки специалиста-историка с высшим образованием (без профилизации) и развитие новых магистерских программ, отвечающих за подготовку узких специалистов для конкретных сфер жизнедеятельности общества.

Развитие антропологии как образовательной программы на историческом факультете СВФУ было необходимым и важным этапом в формировании образовательного процесса. Начиная с 2015 г. в соответствии с задачами модернизации образовательного процесса в СВФУ и созданием корпуса уникальных магистерских программ было разработано и реализовано несколько новых образовательных программ уровня магистратуры, большинство которых направлено на подготовку археологов и этнологов. Это – «Этнология народов Северо-Востока РФ», «Историко-культурное наследие: гипермедиа технологии» и «История освоения Арктических территорий РФ». Все они первоначально были разработаны в рамках направления подготовки «история». И только в 2017 г. была получена лицензия на право ведения образовательной деятельности по направлению подготовки 46.04.03 «Антропология и этнология», для реализации которой была разработана магистерская программа «Социальная антропология народов Северо-Востока РФ».

Длительное время российская система высшего образования претерпевала ряд модернизаций, в ходе которых произошел переход к Болонской системе образования, когда интернационализация учебного процесса и создание и внедрение совместных образовательных программ с зарубежными партнерами стали одним из основных критериев оценки университетов. В связи с этим особое место в образовательной деятельности исторического факультета заняла сетевая образовательная магистерская программа «Археология и этнология Северной и Центральной

Азии», программа двойного дипломирования с Евразийским национальным университетом имени Л.Н. Гумилева (Республика Казахстан).

В 2019 г. в результате многолетних партнерских связей в науке и образовании между ЕНУ имени Л.Н. Гумилева и СВФУ им. М.К. Аммосова в рамках программы двойного дипломирования вузами-партнерами была разработана сетевая магистерская программа по направлению подготовки 46.04.03 «Антропология и этнология» под названием «Археология и этнология Северной и Центральной Азии». Разработка этой программы была подкреплена заданием, сформированным в результате совместных с ЕНУ научно-образовательных мероприятий, включающих совместные научные проекты студентов и преподавателей исторического факультета в области археологии и этнологии, апробацию возможности реализации совместного проекта в образовательной деятельности академической мобильностью студентов и преподавателей. Основным документом для разработки подобной образовательной программы является совместная образовательная программа (Стручкова, Ермолаева, Умиткалиев и др. 2023), в подготовке которой предусмотрены все аспекты реализации совместной программы магистратуры, учитываются специфика и ресурсы двух разных вузов.

На историческом факультете реализован также многолетний опыт практико-ориентированного подхода к обучению студентов через работу студенческих научных кружков. И если в советский период был известен кружок «История» под руководством Г.П. Башарина, то в 2000-х гг. мы видим развитие кружковой деятельности по ряду отраслей знаний – история, политология, археология, этнография, педагогика. Одним из результативных СНК стал кружок «Культурная антропология». Участники этого кружка – студенты бакалавры, магистранты – вошли в состав археолого-этнографической экспедиции исторического факультета с темой «Антропология социокультурных трансформаций якутского села в первые десятилетия XXI века». Работа экспедиции проводилась с 2013 по 2014 г. По итогам данного исследования были опубликованы научные статьи, защищены дипломные проекты, выпускные квалификационные работы. Успешный опыт организации НИР студентов был по достоинству оценен на конкурсе СНК среди федеральных университетов, на котором в 2024 г. СНК ИФ СВФУ занял III место.

Успешно работает (на общественных началах) НОЦ «Человек в историко-культурном пространстве Северо-Востока России» (руководитель А.И. Гоголев, создан Постановлением УС СВФУ от 30.05.2013). В силу своего общественного характера он не является участником проектов с финансовым обеспечением, но выполняет главную задачу – является платформой, или площадкой, на которой аккумулируются научные идеи преподавателей, идет подготовка к конкурсам грантов, формируются

временные творческие коллективы и самое важное – осуществляется реальная связь между разными поколениями преподавателей, студентами, аспирантами.

Молодые преподаватели и аспиранты исторического факультета входят в круг академического сообщества Якутии, принимая участие в совместных региональных научных проектах и мероприятиях. Например, они входят в состав объединения научных исследований Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН и СВФУ им. М.К. Аммосова по проекту государственного задания НИР «Человек и животный мир на территории Республики Саха (Якутия): представления и практики взаимодействия по источникам XVII – начала XXI в. (на примере якутского сельского общества)». Также современные исследования антропологического плана представлены в работах аспирантов факультета С.И. Федорова, А.А. Слепцовой, А.Р. Федоровой, Д.Е. Руфова, Н.Ф. Будищевой, Н.И. Необутовой, С.М. Михайловой, К.Е. Ершовой, в которых поднимаются вопросы изучения исторической динамики развития и модернизации традиционной культуры саха. В частности, объектами изучения являются якутский национальный инструмент хомус как неотъемлемый компонент современной культуры якутов, его интерпретация современным якутским обществом; семантика звука в ритуальных практиках, женская повседневность в городском пространстве; якутская ритуальная коновязь сэргэ, кузнечный культ якутов, культура питания в условиях культурной глобализации; традиционные методы охоты, их адаптация к современной жизни и др.

Заключение

Антропологическое направление в научно-образовательной деятельности исторического факультета СВФУ – сегодня важная составляющая исторического образования. Оно имеет свою длительную историю и является актуальным направлением в системе высшего образования, отвечающим на современные вызовы общественного развития, связанные с процессами глобализации, внедрением цифровых технологий, некоторым отходом от гуманитаризации образования. В образовательном плане оно представлено сетевой магистерской программой «Археология и этнология Северной и Центральной Азии».

В целом антропологическое направление отражает современные тенденции науки и образования: происходит переосмысление методологических принципов, внедрение актуальных антропологических знаний в учебный процесс. На данном этапе появились работы, подготовленные на междисциплинарном уровне, включающем палеоэтнографию, архео-

логию, этносоциологию, этнополитологию, этнокультурологию, этническую экологию, этнопсихологию, этнофилософию. Разрабатываются такие проблемы, как современные этносоциологические и этнокультурные отношения в якутском обществе. Расширение двухдипломной программы на евразийское пространство позволило подготовить новое поколение специалистов с новыми востребованными компетенциями в области междисциплинарных исследований.

Несмотря на целый ряд значимых достижений как в научной работе, так и в области образования, наблюдается ряд проблем, не позволяющих говорить об устойчивом развитии антропологических исследований и подготовке антропологических кадров. В первую очередь, это проблема с потенциальными работодателями, участие которых в создании программ остается ограниченным в силу размытости профессиональных компетенций. Крайне тяжелой остается ситуация с кадровым составом проектных групп и реализуемых программ, особенно на уровне магистратуры и аспирантуры. Решение обозначенных выше проблем видится в организации системной планомерной работы по повышению квалификации преподавательского состава, в расширении практик стажировок, более активной подготовке собственных молодых специалистов – кандидатов и докторов наук, а также безусловно в привлечении к реализации образовательных программ ведущих российских и зарубежных специалистов, что позволит не просто перенять лучшие методические практики лидирующих специалистов в области антропологии, но и значительно расширить спектр преподаваемых на высочайшем уровне дисциплин. Предстоит также целенаправленная работа на уровне региональной образовательной политики. Мы надеемся на создание эффективной модели антропологического образования с учетом региональных особенностей развития и политики России в Арктике.

Список источников

- Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1980.
- Алексеев А.Н. Первые русские поселения 17–18 вв. на северо-востоке Якутии. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1996.
- Алексеева Л.Л., Пеньков А.В., Жирков Э.К., Степанов А.Д. Музей археологии и этнографии Якутского государственного университета: прошлое, настоящее, будущее // Наука и техника в Якутии. 2005. № 2(9). С. 86–89.
- Архипов Н.Д. Этапы каменного века нижней Олекмы // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. 1981. Вып. 3. С. 41–44.
- Богочанова А.В. Опыт интерпретации этнографического наследия в советской России в 1920-е гг. // Учёные записки (АГАКИ). 2020. № 4(26). С. 28–33.
- Бравина Р.И. Концепция жизни и смерти в культуре этноса: на материале традиций саха / отв. ред. Н.А. Алексеев. Новосибирск: Наука, 2005.
- Брагина Д.Г. Трансформация традиционной культуры якутов (конец XX – начало XXI в.). Новосибирск: Наука, 2016.

- Васильев С.Е., Гололобов А.Ю. Создание точных цифровых 3D копий музейных раритетов на основе технологий сканирования: опыт Северо-Восточного федерального университета // Цифровизация языкового и культурного наследия коренных народов Арктики: сб. статей по материалам Всерос. науч.-практ. конф., Нерюнгри, 21–24 сентября 2021 года. Якутск: Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, 2022. С. 85–99.
- Габышев Е.С. Культ солнца в мифологии якутов (проблема древних этнокультурных параллелей): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.: [б. и.], 1999.
- Гоголев А.И. Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XIV–XVIII вв.). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990.
- Гоголев А.И. Этническая история народов Якутии (до начала XX в.). Якутск.: Изд-во ЯГУ им. М.К. Аммосова, 2004.
- Гоголев А.И. Якуты: проблемы этногенеза и формирования культуры. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1993.
- Дьяконов В.М., Иванова К.А. Археологический комплекс Нелегер III – новый памятник усть-мильской культуры в Центральной Якутии // Древности Якутии: искусство и материальная культура: сб. науч. тр. Новосибирск: Наука, 2006. С. 214–221.
- Егорова Л.И. Культ волка в традиции саха. Якутск: Сфера, 2010.
- История Якутии: в 3 т. Новосибирск: Наука, 2020. Т. 1.
- Кириллин А.С., Дьяконов В.М. Археологические памятники г. Якутска и его окрестностей // Наука – невестребованный потенциал: сб. тез., докл. Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 1996. Т. 3. С. 46–47.
- Кочмар Н.Н. Писаницы Якутии / Якутский государственный университет, Российская академия наук, Сибирское отделение, Комиссия по востоковедению, Институт археологии и этнографии. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 1994.
- Маркова М.Ф. Материальная культура якутов: История изучения в XX в. // Теория и практика общественного развития. 2015. № 20. С. 224–227.
- Маркова М.Ф. Этнография якутов: этапы становления науки (XVII – начало XX в.) // Наука и образование. 2007. № 3. С. 137–139.
- Мир древних якутов: опыт междисциплинарных исследований (по материалам саха-французской археологической экспедиции). Якутск: Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, 2012.
- «Мумия из края вечной мерзлоты» («The Mummy that came in from the Cold», реж. Марк Ямпольски, 2007).
- Огородникова О.А., Фирсова О.Г. Почему 1920-е годы стали золотым десятилетием советского краеведения // Журнал исторических исследований. 2019. Т. 4, № 1. С. 34–38.
- Парфенова О.А. Традиционное якутское общество конца XVI – начала XVII вв.: социальные структуры и власть (источники, исследования, дискуссии) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2023. № 3 (44). С. 8–19.
- Парфенова О.А. Харизма Тыгына в мифах саха. Якутск: СВФУ, 2016.
- Петров Ю.Д. Малочисленные народы Севера: государственная политика и региональная тактика. М.: Academia, 1998.
- Петров Ю.Д. Политические проблемы народов Севера // Основы конституционного строя в Республике Саха (Якутия): История, современность, перспективы: материалы науч.-практ. конф. Нерюнгри, 1997. С. 43–45.
- Петров Ю.Д. Проблемы национально-государственного устройства на Севере Республики Саха // XX век: исторический опыт аграрного освоения Сибири: сб. статей. 1993. С. 36–43.
- Производительные силы Западной Якутии: результаты комплексных научных исследований 2017 года. Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2019.
- Прокопьева А.Н., Яковлева К.М. История изучения якутских украшений в XIV–XVIII вв. // Вестник КИГИ РАН. 2021. № 6. С. 1290–1302.

- Рахлеева Н.Н. Дарующее небо и благодатная земля. О жизнелюбии народа саха. Якутск: Бичик, 2003.
- Саввина Е.В. Цвет в традиционной этнической культуре якутов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Якутск, 2001.
- Слепцов Е.П. Якутский шаманизм в контексте архаичных символических систем: мифология и ритуал: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2009.
- Стручкова Н.А. Олонхо и основы кинетической культуры народа саха. Новосибирск: Наука, 2008.
- Стручкова Н.А., Ермолаева Ю.Н., Умиткалиев У.У. и др. Особенности реализации сетевой магистерской программы «Археология и этнология Северной и Центральной Азии» в СВФУ им. М.К. Аммосова // Обеспечение качества профессионального образования в СВФУ: опыт и приоритеты: сб. статей университетской науч.-практ. конф., Якутск, 11 марта 2023 года / сост. Т.К. Неустроева. Якутск: Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, 2023. С. 137–142.
- Умиткалиев У.У., Яковлев А.И., Тлеугабулов Д.Т., Необутова Н.И. Пространственная организация памятника «Кырыкүңгүр» и мест проведения современного традиционного праздника ысыах // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 1(68). С. 28–41.
- Яковлев А.И., Яковлева К.М. Неоязыческие культовые сооружения в современном якутском селе // Общество: философия, история, культура. 2017. № 11. С. 43–47.
- Яковлева К.М., Прокопьева А.Н. Архаика: украшения якутов XIV–XVIII вв. Якутск: ИД СВФУ, 2020.
- Яковлева К.М., Прокопьева А.Н. Типологическая классификация якутского начельника – бастынга // Современная научная мысль. 2019. № 6. С. 186–193.

References

- Alekseev N.A. (1980) *Rannie formy religii tiurkoiazыchnyykh narodov Sibiri* [Early forms of religion of the Turkic-speaking peoples of Siberia]. Novosibirsk: Nauka.
- Alekseev A.N. (1996) *Pervye russkie poseleniia 17–18 vv. na severo-vostoke Iakutii* [The first Russian settlements of the 17th–18th centuries in the north-east of Yakutia]. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN.
- Alekseeva L.L., Pen'kov A.V., Zhirkov E.K., Stepanov A.D. (2005) Muzei arkheologii i etnografii Iakutskogo gosudarstvennogo universiteta: proshloe, nastoiashchee, budushchee [Museum of Archeology and Ethnography of Yakutsk State University: Past, Present, Future]. *Nauka i tekhnika v Iakutii*, no. 2(9), pp. 86–89.
- Arkipov N.D. (1981) Etapy kamennogo veka nizhnei Olekmy [The stages of the Stone Age of Lower Olekma]. In: *Sibir' v proshlom, nastoiashchem i budushchem* [Siberia in the past, present and future]. Vol. 3, pp. 41–44.
- Bogochanova A.V. (2020) Opyt interpretatsii etnograficheskogo nasledii v sovetskoй Rossii v 1920-e gg. [Effort Of Explanation of Soviet Russia's Ethnographic Heritage of the 1920s], *Uchenye zapiski (AGAKI)*, no. 4(26), pp. 28–33.
- Bragina D.G. (2016) *Transformatsiia traditsionnoi kul'tury iakutov (konets XX – nachalo XXI v.)* [Transformation of the traditional culture of the Yakuts (late 20th – early 21st century)]. Novosibirsk: Nauka.
- Bravina R.I. (2005) *Kontseptsiiia zhizni i smerti v kul'ture etnosa: na materiale traditsii sakha* [The concept of life and death in the culture of an ethnic group: based on the traditions of the Sakha people] / ed. by N.A. Alekseev; Akad. nauk Resp. Sakha (Iakutiia), In-t sotsial'nykh problem truda. Novosibirsk: Nauka.
- Vasil'ev S.E., Gololobov A.Iu. (2022) Sozdanie tochnykh tsifrovyykh 3D kopii muzeinykh raritetov na osnove tekhnologii skanirovaniia: opyt Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta [Creation of precise digital 3D copies of museum rarities based on scanning technologies: experience of the North-Eastern Federal University]. In: *Tsifrovizatsiia*

- iazykovogo i kul'turnogo nasledia korenykh narodov Arktiki: sbornik statei po materialam Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Neriungri, 21–24 sentiabria 2021 goda* [Digitalization of the linguistic and cultural heritage of indigenous peoples of the Arctic: a collection of articles based on the materials of the All-Russian scientific and practical conference, Neryungri, September 21–24, 2021]. Iakutsk: Severo-Vostochnyi federal'nyi universitet imeni M.K. Ammosova, pp. 85–99.
- Gabyshhev E.S. (1999) *Kul't solntsa v mifologii iakutov: (problema drevnykh etnokul'turnykh paralelei): avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk* [The cult of the sun in the mythology of the Yakuts (the problem of ancient ethnocultural parallels): abstract of the Cand. of History dissertation]; Muzei antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN. Sankt-Peterburg: [b. i.].
- Gogolev A.I. (1990) *Arkheologicheskie pamiatniki Iakutii pozdnego srednevekov'ia (XIV–XVIII vv.)* [Archaeological monuments of Yakutia of the late Middle Ages (14th–18th centuries)]. Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta.
- Gogolev A.I. (2004) *Etnicheskaia istoriia narodov Iakutii (do nachala XX v.)* [Ethnic history of the peoples of Yakutia (before the beginning of the 20th century)]. Iakutsk.: Izd-vo IaGU im. M.K. Ammosova.
- Gogolev A.I. (1993) *Iakuty: problemy etnogeneza i formirovaniia kul'tury* [Yakuts: problems of ethnogenesis and formation of culture]. Iakutsk: Izd-vo IaGU.
- D'iakonov V.M., Ivanova K.A. (2006) *Arkheologicheskii kompleks Neleger III – novyi pamiatnik ust'-mil'skoi kul'tury v Tsentral'noi Iakutii* [Archaeological complex Neleger III – a new monument of Ust-Mil culture in Central Yakutia]. In: *Drevnosti Iakutii: iskusstvo i material'naia kul'tura: Sbornik nauchnykh trudov* [Antiquities of Yakutia: Art and Material Culture: Collection of Scientific Papers]. Novosibirsk: Nauka, pp. 214–221.
- Egorova L.I. (2010) *Kul't volka v traditsii sakha* [The cult of the wolf in the Sakha tradition]. Iakutsk: Sfera.
- Istoriia Iakutii: v 3 tomakh* [History of Yakutia: in 3 volumes]. Novosibirsk: Nauka, Vol. 1, 2020.
- Kirillin A.S., D'iakonov V.M. (1996) *Arkheologicheskie pamiatniki g. Iakutsk i ego okrestnostei* [Archaeological sites of Yakutsk and its environs]. In: *Nauka – nevestrebovannyi potentsial: sbornik tezisov, dokladov* [Science – Unclaimed Potential: Collection of Abstracts, Reports]. Vol. 3. Iakutsk: Izd-vo Iakutskogo un-ta, pp. 46–47.
- Kochmar N.N. (1994) *Pisanitsy Iakutii* [The writings of Yakutia]. Iakutskii gosudarstvennyi universitet, Rossiiskaia akademiia nauk, Sibirskoe otdelenie, Komissiiia po vostokovedeniiu, Institut arkheologii i etnografii. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii SO RAN.
- Markova M.F. (2015) *Material'naia kul'tura iakutov: Istoriia izucheniia v XX v.* [The Material Culture Of Yakuts: History Of Study In The 20th Century], *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia*, no. 20, pp. 224–227.
- Markova M.F. (2007) *Etnografiia iakutov: etapy stanovleniia nauki (XVII – nachalo XX v.)* [Ethnography of the Yakuts: stages of development of science (XVII – early XX century)], *Nauka i obrazovanie*, no. 3, pp. 137–139.
- Mir drevnykh iakutov: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniia (po materialam sakha-frantsuzskoi arkheologicheskoi ekspeditsii)* [The World of the Ancient Yakuts: An Interdisciplinary Research Experience (Based on the Materials of the Sakha-French Archaeological Expedition)]. Iakutsk: Severo-Vostochnyi federal'nyi universitet imeni M.K. Ammosova, 2012.
- «Mumiia iz kraia vechnoi merzloty» [«The Mummy that same in from the Cold». A movie], Directed by Mark Lampolski, 2007.
- Ogorodnikova O.A., Firsova O.G. (2019) *Pochemu 1920-e gody stali zolotym desiatiletiem sovetskogo kraevedeniia* [Why The 1920s Became the Golden Decade Of Soviet Local History], *Zhurnal istoricheskikh issledovaniia*, Vol. 4, no. 1, pp. 34–38.

- Parfenova O.A. (2023) Traditsionnoe iakutskoe obshchestvo kontsa XVI – nachala XVII vv.: sotsial'nye struktury i vlast' (istochniki, issledovaniia, diskussii) [Traditional Yakut Society Of The Late 16th – Early 17th Centuries: Social Structures And Power (Sources, Studies, Discussions)], *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik*, no. 3(44), pp. 8–19.
- Parfenova O.A. (2016) *Kharizma Tygyna v mifakh sakha* [Tygyn's charisma in Sakha myths]. Iakutsk: SVFU.
- Petrov Iu.D. (1998) *Malochislennye narody Severa: gosudarstvennaia politika i regional'naia takтика* [Small-Numbered Peoples of the North: State Policy and Regional Tactics]. M.: Academia.
- Petrov Iu.D. (1997) Politicheskie problemy narodov Severa [Political problems of the peoples of the North]. In: *Osnovy konstitutsionnogo stroia v Respublike Sakha (Iakutiia): Istoriia, sovremennost', perspektivy. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Fundamentals of the constitutional system in the Republic of Sakha (Yakutia): History, modernity, prospects. Materials of the scientific and practical conference]. Neriungri, pp. 43–45.
- Petrov Iu.D. (1993) Problemy natsional'no-gosudarstvennogo ustroistva na Severe Respubliki Sakha [Problems of the national-state structure in the North of the Sakha Republic]. In: *XX vek: istoricheskii opyt agrarnogo osvoeniia Sibiri. Sbornik statei* [20th century: historical experience of agricultural development of Siberia. Collection of articles]. pp. 36–43.
- Proizvoditel'nye sily Zapadnoi Iakutii: rezul'taty kompleksnykh nauchnykh issledovaniy 2017 goda [Productive forces of Western Yakutia: results of comprehensive scientific research in 2017]. Barnaul: IP Kolmogorov I.A., 2019.
- Prokop'eva A.N., Iakovleva K.M. (2021) Istoriia izuchenii iakutskikh ukrashenii v XIV–XVIII vv. [14th – 18th Century Sakha Jewelry: History Of Research Reviewed], *Vestnik KIGI RAN*, no. 6, pp. 1290–1302.
- Rakhleeva N.N. (2003) *Daruiushchee nebo i blagodatnaia zemlia. O zhizneliubii naroda sakha* [The bestowing sky and the gracious land. About the love of life of the Sakha people]. Iakutsk: Bichik.
- Savvina E.V. (2001) *Tsvet v traditsionnoi etnicheskoi kul'ture iakutov: avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk* [Color in the traditional ethnic culture of the Yakuts: Abstract of the Cand. of History dissertation]. Iakutsk.
- Sleptsov E.P. (2009) *Iakutskii shamanizm v kontekste arkhaichnykh simvolicheskikh sistem: mifologiya i ritual: avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk* [Yakut shamanism in the context of archaic symbolic systems: mythology and ritual: abstract of the Cand. of History dissertation]; Mesto zashchity: Tom. gos. un-t. Tomsk.
- Struchkova N.A. (2008) *Olonkho i osnovy kineticheskoi kul'tury naroda sakha* [Olonkho and the foundations of the kinetic culture of the Sakha people]. Novosibirsk: Nauka.
- Struchkova N.A., Ermolaeva Iu.N., Umitkaliev U.U. et al. (2023) Osobennosti realizatsii setevoi masterskoi programmy «Arkheologiya i etnologiya Severnoi i Tsentral'noi Azii» v SVFU im. M.K. Ammosova [Features of the implementation of the network master's program "Archaeology and Ethnology of Northern and Central Asia" at NEFU named after M.K. Ammosov]. In: *Obespechenie kachestva professional'nogo obrazovaniia v SVFU: opyt i priority: Sbornik statei universitetskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Iakutsk, 11 marta 2023 goda* [Ensuring the quality of professional education at NEFU: experience and priorities: Collection of articles from the university scientific and practical conference, Yakutsk, March 11, 2023] / Comp. by T.K. Neustroeva. Iakutsk: Severo-Vostochnyi federal'nyi universitet imeni M.K. Ammosova, pp. 137–142.
- Umitkaliev U.U., Iakovlev A.I., Tleugabulov D.T., Neobutova N.I. (2024) Prostranstvennaia organizatsiia pamiatnika "Kyryk-ungir" i mest provedeniia sovremennogo traditsionnogo prazdnika ysyakh [Spatial Organization of The Monument "Kyryk Ungir" And the Venues of Modern Traditional Holidays Ysyakh], *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniia*, no. 1(68), pp. 28–41.

- Iakovlev A.I., Iakovleva K.M. (2017) Neoiazycheskie kul'tovye sooruzheniia v sovremennom iakutskom sele [Neo-Pagan Houses of Worship in Modern Yakut Village], *Obshchestvo: filosofiia, istoriia, kul'tura*, no. 11, pp. 43–47.
- Iakovleva K.M., Prokop'eva A.N. (2020) *Arkhaika: ukrasheniia iakutov XIV–XVIII vv.* [Archaic: Yakut jewelry of the 14th–18th centuries]. Iakutsk: ID SVFU.
- Iakovleva K.M., Prokop'eva A.N. (2019) Tipologicheskaiia klassifikatsiia iakutskogo nachel'nika - bastynga [Typological Classification of Yakut Head Rest – Bastynga], *Sovremennaia nauchnaia mysl'*, no. 6, pp. 186–193.

Сведения об авторах:

СТРУЧКОВА Наталья Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент, декан, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова (Якутск, Россия). E-mail: struna2006@mail.ru

ПЕСТЕРЕВА Кюннэй Айдааровна – старший преподаватель, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова (Якутск, Россия); младший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск, Россия). E-mail: pestereva17@gmail.com

СЛЕПЦОВА Айталиня Алексеевна – младший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск, Россия); старший преподаватель, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова (Якутск, Россия). E-mail: aytalina92s@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Natalia A. Struchkova, North-Eastern Federal University in Yakutsk (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: struna2006@mail.ru

Kiunnei A. Pestereva, North-Eastern Federal University in Yakutsk (Yakutsk, Russian Federation); Institute for Humanitarian Research and Indigenous Peoples of the North of Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: pestereva17@gmail.com

Aitalina A. Sleptsova, Institute for Humanitarian Research and Indigenous Peoples of the North of Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russian Federation); North-Eastern Federal University in Yakutsk (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: aytalina92s@yandex.ru

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 3 октября 2024 г.;
принята к публикации 12 декабря 2024 г.*

*The article was submitted 03.10.2024;
accepted for publication 12.12.2024.*

АРХЕОЛОГО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научная статья
УДК 902
doi: 10.17223/2312461X/46/4

Увидеть невидимое: цифровая реконструкция и выявление новых рисунков грота Акбауыр

Ольга Викторовна Зайцева¹
Михаил Викторович Вавулин²
Евгений Вячеславович Водясов³

^{1, 2, 3} Восточно-Казахстанский технический университет им. Д. Серикбаева,
Усть-Каменогорск, Казахстан
¹ snori76@mail.ru

Аннотация. Представлена цифровая реконструкция писаницы грота Акбауыр (Восточный Казахстан, эпоха ранней бронзы). При трехмерном документировании рисунков были совмещены технология фотограмметрии и использование различных методов визуализации плохо различимых изображений, выполненных минеральными красками. Текстура модели внутренней части грота была обработана методами пигментных карт и декорреляционного растяжения, что позволило выявить в гроте Акбауыр новые рисунки, практически невидимые человеческим глазом. Итоговая интерактивная трехмерная модель грота Акбауыр размещена в свободном доступе на платформе Sketchfab.

Ключевые слова: Восточный Казахстан, эпоха ранней бронзы, наскальные изображения, минеральные краски, цифровая реконструкция

Благодарности: статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета наук МНВО РК 2024–2026 гг., ИРН проекта AP23484177.

Для цитирования: Зайцева О.В., Вавулин М.В., Водясов Е.В. Увидеть невидимое: цифровая реконструкция и выявление новых рисунков грота Акбауыр // Сибирские исторические исследования. 2024. № 4. С. 100–112. doi: 10.17223/2312461X/46/4

Original article
doi: 10.17223/2312461X/46/4

Seeing the Invisible: Digital Reconstruction and Identification of New Drawings of the Akbauyr Grotto

Olga V. Zaitceva¹, Mikhail V. Vavulin², Evgeny V. Vodyasov³

^{1, 2, 3} D. Serikbayev East Kazakhstan Technical University, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan
¹ snori76@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the digital reconstruction of the ancient drawings in Akbauyr grotto (East Kazakhstan, Early Bronze Age). The three-dimensional documentation of the drawings was combined with photogrammetry technology and the use of various methods of visualization of poorly visible images. The texture of the model of the grotto interior was processed using pigment map and decorrelation stretching methods, which made it possible to reveal new drawings in the Akbauyr grotto that are practically invisible to the human eye. The final interactive three-dimensional model of the Akbauyr grotto is freely available on the Sketchfab platform.

Keywords: East Kazakhstan, Early Bronze Age, rock art, mineral paints, digital reconstruction

Acknowledgements: This article was prepared under grant funding from the MNVO RK Science Committee 2024-2026, Project IRN AP23484177.

For citation: Zaitceva, O.V., Vavulin, M.V. & Vodyasov, E.V. (2024) Seeing the Invisible: Digital Reconstruction and Identification of New Drawings of the Akbauyr Grotto. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 100–112 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/46/4

Введение

В абсолютном большинстве случаев известные на востоке Казахстана петроглифы выполнены выбивкой, шлифовкой или гравировкой. Значительно реже встречается использование краски для нанесения рисунков на скалы. Всего здесь известно порядка десяти местонахождений различных изображений, выполненных красной минеральной краской (Спаский 1818: 81, табл. IV; 1857: 159–160, табл. VII; Адрианов 1916: 76; Драверт 1930; Самашев 1990, 1992; Мерц 2002, 2010; Самашев и др. 2010; Рогожинский 2011; Илиуф 2012; Самашев 2023). По современному административному делению они находятся в Павлодарской, Абайской и Восточно-Казахстанской областях. Часть писаниц с росписями, известных с XIX в., вероятно, была затоплена при строительстве каскада ГЭС на Иртыше.

Вопрос датировки этих красочных изображений остаётся открытым, при этом подавляющее большинство исследователей относят их к концу III – началу II тыс. до н. э. (Самашев 1990: 123; Самашев 2006: 31; Рогожинский 2011: 240; Новоженов 2012: 167). Не исключено, что их комплексное исследование и документирование современными методами позволят сузить датировку или, напротив, выделить среди них несколько стилей и хронологических пластов.

Редкость древних красочных изображений по сравнению с петроглифами может отчасти объясняться их большей уязвимостью по отношению к различным внешним факторам. Сохранность рисунков напрямую зависит от воздействия воды, ветра и солнца. Иногда консервации краски способствует образующаяся на скале корочка кальцитовых отложений, но она же и затрудняет её обнаружение. Кроме того, сохранность

росписей также может зависеть от свойств самой краски и характера скальной поверхности с рисунками. Все известные нам восточноказахстанские росписи нанесены на светлые «белые» граниты и находятся в хорошо защищенных гротах или скальных нишах. Ответить сегодня на вопрос, наносились ли росписи в том числе и на открытые скальные поверхности, не представляется возможным, поскольку в таком случае их уничтожение в ходе природных процессов практически неизбежно.

Писаница в гроте Акбауыр – самая известная в Восточном Казахстане и к тому же единственная, которой повезло быть музеефицированной. Грот с рисунками расположен в 35 км от г. Усть-Каменогорск у юго-западного склона горы Коржынбай (рис 1). Первые подробные научные описания памятника сделаны З.С. Самашевым (1990, 1992).

Грот Акбауыр имеет достаточно сложную геометрическую форму. Общий размер полости грота составляет 10,5 x 5,3 x 2,2 м по максимальным измерениям, однако площадь, где относительно свободно может поместиться человек, значительно меньше – 4,4 x 4,4 x 2,2 м. На потолке грота имеется отверстие овальной формы, через которое проникает дневной свет, позволяющий видеть красочные изображения без дополнительного освещения.

Рисунки, выполненные темно-красной охрой, расположены на противоположной от входа стене грота и частично на своде потолка. Композиция включает около 80 различных фигур и знаков. Среди однозначно узнаваемых образов выделяются антропоморфные фигуры, конусовидные жилища, изображения повозки и горного козла.

Рис. 1. Местонахождение грота Акбауыр

Часть рисунков сегодня практически неразличима, поэтому было решено применить комплекс цифровых методов, способных визуализировать рисунки плохой сохранности.

Нашей основной целью было найти оптимальное решение для цифровой реконструкции рисунков грота Акбауыр – «проявить» плохо различимые рисунки и «наложить» их на трехмерную модель грота и прилегающей территории.

Методы

Применение цифровых методов документирования и исследования древних наскальных изображений, выполненных минеральными красками, переживает сегодня настоящий бум. Революционный прорыв в области выявления и фиксации красочных изображений обеспечили два метода, основанные на разделении информации на яркостной и цветовой сигналы: метод пигментных карт и метод декорреляционного растяжения. Они позволяют визуализировать плохо или даже вовсе не видимые человеческим глазом изображения (Harman 2005, 2015; Миклашевич, Солодейников 2013; Gunn, Douas, Whear 2014; Благун, Зоткина 2018; Симухин и др. 2018; Keep, Gunn, Goodes 2024).

Для трехмерной оцифровки грота Акбауыр и окружающего его ландшафта применялась технология фотограмметрии (Kasser, Egels 2002; Luhmann et al. 2011; Gillies 2015). Использовались две фотокамеры:

- камера дрона DJI Mavic Air 2 (матрица 12 Мп (4000 × 3000), 1/2" (6,4 × 4,8 мм), фокусное расстояние объектива 4,5 мм) для съемки окружающей территории и внешней части скалы;

- камера Nikon D800 (матрица 36 Мп (7360 × 4912), 13/8" (36 × 24 мм), фокусное расстояние объектива 24 мм) для съемки внешней и внутренней части грота с близкого расстояния.

Фиксация изображений в контексте их расположения требовала проведения разномасштабной оцифровки с различной детализацией. Для этого было снято шесть серий фотографий. Три серии были получены с дрона DJI Mavic Air 2:

- съемка с дрона окружающей территории площадью 87 500 м² с высоты 200 м при разрешении GSD (ground sample distance) до 7,1 см/пикс (He, Li, Zhang, 2012);

- съемка с дрона прилегающей к гроту территории площадью 7 200 м² с высоты 80 м при разрешении до 2,8 см/пикс;

- съемка с дрона внешней части скалы и входа в грот с близкого расстояния (15–20 м), площадь 200 м², при разрешении до 5 мм.

Ещё три серии фотографий были получены с земли с помощью камеры Nikon D800:

- съемка внешней части грота, примерно повторяющая съемку с дрона, для соединения фиксаций, произведенных с воздуха и земли;
- съемка внутренней части грота по сценарию, рекомендованному для съемок интерьеров (Agisoft LLC 2024: 11) для создания правильной геометрии внутреннего помещения;
- крупномасштабная съемка стен и потолка грота для фиксации рисунков с высоким разрешением, с расстояния около 1 м при разрешении около 0,2 мм.

При этом в самом высоком разрешении фотографировалась вся площадь стен и потолка грота, так как там могли присутствовать плохо сохранившиеся рисунки.

Для соединения съемок внешней и внутренней частей грота, масштабирования и выравнивания модели в системе координат использовались позиционные маркеры, координаты которых были измерены с помощью тахеометра.

Фотограмметрическая обработка проводилась в программном обеспечении Agisoft Metashape. Всего было создано четыре блока обработки, выходными данными которых являлись текстурированные 3D-модели соответствующего масштаба: окружающая территория; прилегающая территория; вход в грот и внешняя скала; стены и потолок грота. Из каждой модели были вырезаны соответствующие области различных уровней детализации (рис. 2).

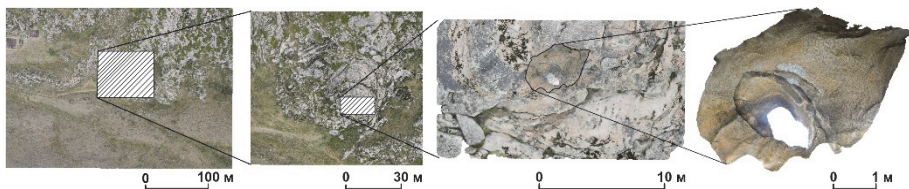

Рис. 2. 3D-модели различных уровней детализации. Слева направо: окружающая территория, прилегающая территория, вход в грот и его внешняя часть, стены и потолок грота

Текстура модели внутренней части грота была дополнительно обработана для улучшения отображения древних рисунков. В обработке использовались методы пигментных карт (Миклашевич, Солодейников 2013; Солодейников 2020) и декорреляционного растяжения изображений (Alley 1996; Harman 2005).

В первом случае обработка велась в программном обеспечении GIMP (v. 2.10). Изображение было переведено в цветовую модель HSV и проведена декомпозиция на каналы тона (hue) (рис. 3, 2), насыщенности (saturation) и яркости (value). Каналы насыщенности и яркости были максимизированы (залиты белым цветом) и проведена рекомпозиция изображения (рис. 3, 3). Во втором случае использовался плагин DStretch для

программы ImageJ. Наилучшие результаты показали варианты обработки CRGB (рис. 3, 4), LDS (рис. 3, 5), YRE (рис. 3, 6).

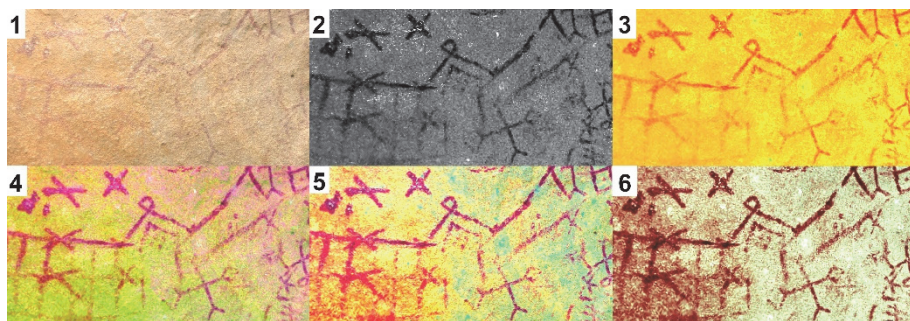

Рис. 3. Грот Акбауыр. Фрагмент композиции. Разные типы отображения:
1 – оригинальная фотография; 2 – растянутый канал тона (hue) цветовой модели HSV;
3 – рекомпозиция изображения в цветовой модели HSV при максимизированных значениях насыщенности (saturation) и яркости (value); 4 – DStretch (CRGB);
5 – DStretch (LDS); 6 – DStretch (YRE)

Отдельной задачей являлся выбор хостинга для размещения в открытом доступе итоговой модели грота Акбауыр с возможностью просматривания разных вариантов «улучшенных» текстур с рисунками. Оптимальным вариантом для решения этой задачи, на наш взгляд, является платформа Sketchfab (<https://sketchfab.com/>), специально предназначенная для публикации интерактивных 3D-моделей с возможностью их просмотра в режиме реального времени.

Для размещения на хостинге Sketchfab количество полигонов каждой из четырех полученных моделей было уменьшено до 0,5–1 млн. Кроме того, были созданы четыре модели внутренней части грота с измененными текстурами. Для демонстрации на платформе Sketchfab различных вариантов обработки текстуры (из-за особенностей платформы) нужно было загрузить отдельную копию модели внутренней части грота на каждую соответствующую обработанную текстуру. Все восемь моделей были загружены на Sketchfab с функцией анимированного отображения для поочередного показа моделей внутренней части грота с различной обработкой текстуры.

Результаты

Результаты обработки цифровых фотографий методами пигментных карт и декорреляционного растяжения превзошли все наши ожидания. Нам удалось не только уточнить контуры плохо различимых знаков и фигур, но и открыть невидимые человеческим глазом рисунки.

Для двухмерного представления писаницы можно использовать ортофото, обработанное с помощью плагина Dstretch, и выполненные на его основе прорисовки (рис. 4).

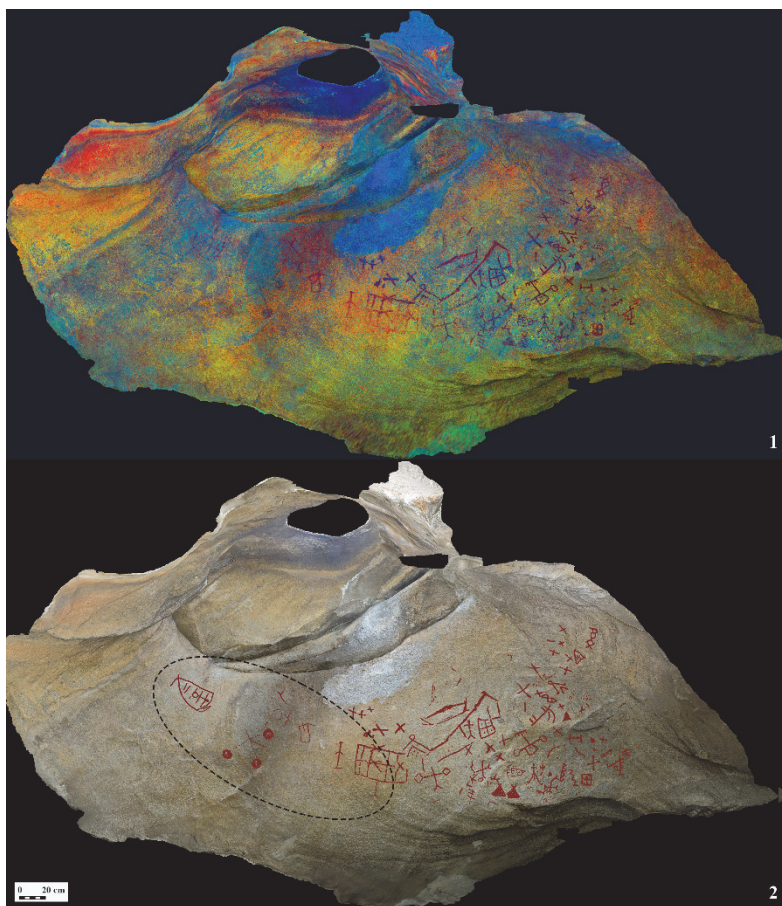

Рис. 4. Грот Акбауыр: 1 – ортофото поверхности с рисунками (DStretch, LDS); 2 – ортофото с прорисовкой (пунктиром указана область с изображениями, выявленными впервые)

Однако в случае очень сложной геометрической формы грота такое двухмерное представление неизбежно приводит к искажениям. Тем не менее отображение с помощью ортофото рисунков, выполненных не в гротах, а на ровных плоскостях, вполне уместно и значительно менее трудозатратно, чем построение трехмерной модели с наложением текстур.

Главным итогом наших работ является интерактивная трехмерная модель грота Акбауыр и прилегающего ландшафта, размещенная на

платформе Sketchfab и доступная по ссылке: <https://sketchfab.com/3d-models/akbaur-b06700d326054bf3b333ad41257f20ae>

Пользователь во всех подробностях может «осмотреть» грот с рисунками снаружи и изнутри. Управляя полосой анимации, можно поочередно переключать разные варианты текстур: исходная, рекомпозиция HSV, CRGB, LDS, YRE; есть возможность поставить анимацию на паузу и во всех деталях рассмотреть каждый вариант текстуры с рисунками.

Новые рисунки грота Акбауыр

Ни на одной из имеющихся прорисовок, выполненных ранее археологами и краеведами, не были нанесены «невидимые фигуры», обнаруженные нами в верхней левой области композиции (см. рис. 4, 2).

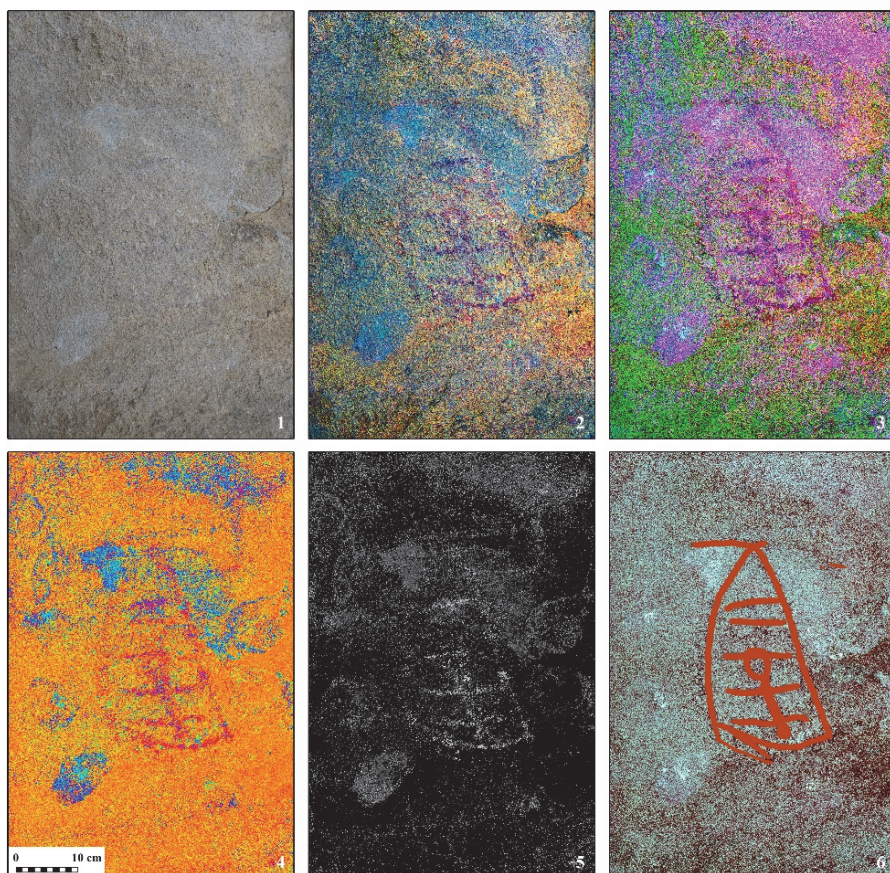

Рис. 5. Грот Акбауыр. Новое изображение: 1 – оригинальная фотография; 2 – DSStretch (LDS); 3 – DSStretch (CRGB); 4 – рекомпозиция изображения в цветовой модели HSV при максимизированных значениях насыщенности (saturation) и яркости (value); 5 – растянутый канал тона (hue) цветовой модели HSV; 6 – прорисовка изображения

Их открытие произошло исключительно благодаря использованию современных цифровых методов обработки изображений.

В левом верхнем углу выявлено жилище конусовидной формы с антропоморфным персонажем (?) внутри (см. рис. 5).

Также впервые была выявлена антропоморфная «решетчатая фигура», которая важна для культурно-хронологической атрибуции писаницы Акбауыр. Подобные «решетчатые фигуры» являются своеобразной визитной карточкой восточноказахстанских росписей – они зафиксированы на утраченных писаницах Бухтармы и Смолянки, в большом количестве представлены в гротах Кокентау и Бюртастаган (рис. 6).

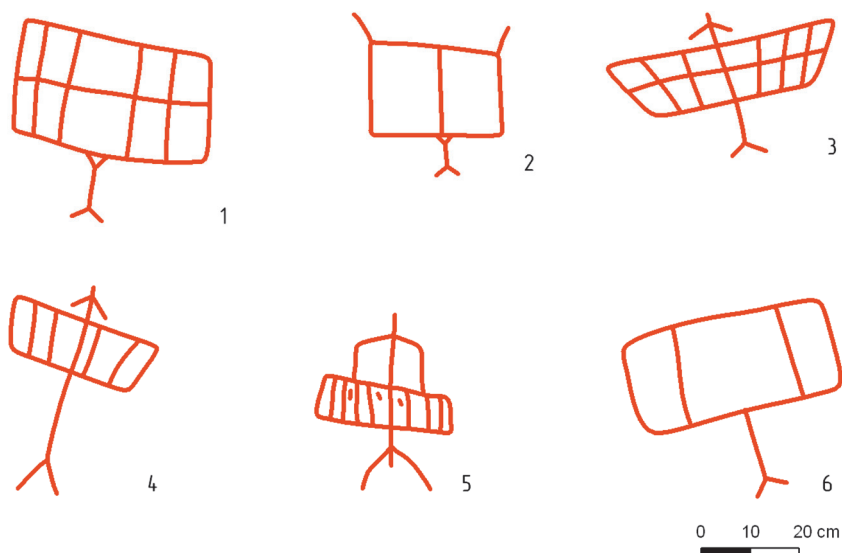

Рис. 6. «Решетчатые фигуры» Восточного Казахстана:

1 – Акбауыр; 2–5 – Кокентау; 6 – Бюртастаган

Аналоги «решетчатым фигурам» встречаются в петроглифах энеолита и ранней бронзы Южной Сибири и Монголии. Наиболее близки восточноказахстанские «решетчатые фигуры» к выделяемой В.А. Киселем первой группе изображений, относимых автором к чемурчекской и каракольской культурам (Кисель 2022).

Можно бесконечно спорить о значении отдельных фигур и знаков писаниц Восточного Казахстана. Резкое преобладание в этих рисунках предельно схематизированных изображений людей и символических знаков впервые было отмечено А.А. Формозовым (Формозов 1950: 176). Касательно грота Акбауыр, скорее всего, здесь мы видим изображение жизни поселка: разнотипные жилища и люди, повозка, животное и схематично переданные детали окружающего горного пейзажа.

Заключение

Реконструкция оригинального вида произведений искусства в цифровой среде в настоящее время становится преобладающим подходом в изучении и сохранении живописного наследия.

В случае древних писаниц реставрация выцветшего оригинала путём нанесения нового слоя краски является сегодня совершенно недопустимым приёмом. Однако «проявить» утраченные краски можно в виртуальной среде на создаваемых цифровых двойниках древних писаниц.

При трехмерном документировании рисунков грота Акбауыр нами были совмещены технологии фотограмметрии и использование различных методов визуализации плохо различимых изображений, выполненных минеральными красками.

Наиболее простым в использовании и дающим самые быстрые результаты в автоматизированном режиме оказался плагин DStretch. При обработке фотографий наскальных изображений он позволяет выявить новые рисунки или их детали, которые в силу своей сохранности не были замечены при визуальном обследовании скальных плоскостей.

Наши исследования рисунков грота Акбауыр наглядно показали, что компьютерная графическая обработка фотоматериала с цветокоррекцией открывает широкие возможности для получения новых данных даже на ранее хорошо изученных и неоднократно задокументированных памятниках древнего наскального искусства.

Список источников

- Адрианов А.В.* К археологии Западного Алтая (из поездки в Семипалатинскую область в 1911 г.) // Известия Императорской археологической комиссии. 1916. Вып. 62.
- Благунов Ю.Ю., Зоткина Л.В.* Методика выявления «спорных» крашенных наскальных изображений (по материалам памятников Минусинской котловины) // *Universum Humanitarium*. 2018. Вып. 1 (5). С. 184–193.
- Драверт П.* Грот с писаницей на озере Джасыбай в окрестностях Баян-Аула // Известия Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. 1930. Вып. VII. С. 231–234.
- Илиуф Х.Ш.* Древности Кокентау // Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию музея «Роль музеев на современном этапе и перспективы развития». Павлодар, 2012. С. 29–35.
- Кисель В.А.* «Параболоиды», «решетчатые фигуры» и «шесты с полотнищами» (петроглифические образы и этнографические параллели) // *Camera praehistorica*. 2022. № 2 (9). С. 26–44.
- Мерц В.К.* Наскальные рисунки охрой в гроте Драверта // Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Павлодарская область. Алматы: Аруна, 2010. С. 283–284.
- Мерц В.К.* Наскальные рисунки Павлодарского Прииртышья // *Олкетану–Краеведение*. 2002. № 1. С. 29–44.
- Миклашевский Е.А., Солодейников А.К.* Новые возможности документирования наскальных изображений, выполненных краской (на примере Кавказской писаницы в

- 152 Минусинской котловине) // Научное обозрение Саяно-Алтая. Абакан: ХакНИИЯЛИ, 2013. № 1 (5). С. 176–191.
- Новожинов В.А. Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии. М.: Таус, 2012.
- Рогожинский А.Е. Памятники наскального искусства Казахстана // Наскальное искусство в Центральной Азии. Тематическое исследование. 2011. С. 207–246.
- Самашев З. Петроглифы Казахстана. Алматы, 2006.
- Самашев З., Сапаиев О., Оралбай Е., Толегенов Е., Исин А., Сайлаубай Е. Памятники монументального искусства Восточного Казахстана (древность и средневековье). Алматы: Археология, 2010.
- Самашев З.С. Грот Акбаур с писаницами в Восточном Казахстане // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М.: ИА АН СССР, 1990. С. 123–129.
- Самашев З.С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата, 1992.
- Самашев З.С. Писаницы горы Кокентау в Восточном Казахстане // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2023. Вып. 17. С. 140–158.
- Симухин А.И., Марнуев П.Е., Намсараев Д.В., Лбова Л.В. Сыржа – новый объект наскального искусства Забайкалья (опыт бесконтактного документирования) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 25. С. 62–85.
- Солодейников А.К. Методы работы с плохо различимыми цветными изображениями // Universum Humanitarium. 2020. № 1. С. 214–231.
- Спаский Г.И. Древности Сибири: о древних Сибирских начертаниях и надписях // Сибирский вестник. СПб., 1818. Ч. 1. С. 67–85.
- Спаский Г.И. О достопримечательнейших памятниках сибирских древностей и о сходстве некоторых из них с великорусскими // Записки Императорского Русского Географического Общества. 1857. Кн. XII.
- Формозов А.А. Наскальные изображения Урала и Казахстана эпохи бронзы и их семантика // Советская этнография. 1950. № 3. С. 170–176.
- Agisoft LLC. Agisoft Metashape User Manual // Agisoft Metashape. 2024.
- Alley R.E. Algorithm Theoretical Basis Document for Decorrelation Stretch. Pasadena, 1996.
- Gillies D. Close Range Photogrammetry // Photogrammetric Record. 2015. Vol. 30, No. 151. P. 318–322.
- Gunn R.G., Douas L.C., Whear R.L. 'Interpreting' polychrome paintings using DStretch // Rock Art Research. 2014. Vol. 31, No. 1. P. 1–4.
- Harman J. Using decorrelation stretch to enhance rock art images. URL: <http://www.dstretch.com/AlgorithmDescription> (Paper originally presented at American Rock Art Research Association Annual Meeting 2005).
- Harman J. Using Dstretch for rock art recording // International Newsletter on Rock Art. 2015. No. 72. P. 24–30.
- He J., Li Y., Zhang K. Research of UAV Flight Planning Parameters // Positioning. 2012. Vol. 3. P. 43–45.
- Kasser M., Egels Y. Digital Photogrammetry. London; New York: Taylor & Francis, 2002.
- Keep T.J., Gunn R.G., Goodes J. Stretching the Surrogate: An Initial Test Combining Dstretch Image Enhancement with Photogrammetry Modelling at Bunjil's Shelter and Gulgurn Many, Australia // Rock Art Research. 2024. Vol. 41, No. 1. P. 74–87.
- Luhmann T., Robson S., Kyle S., Harley I. Close Range Photogrammetry. Principles, techniques and applications. Scotland, UK: Whittles Publishing, 2011.

References

- Adrianov A.V. (1916) K arkheologii Zapadnogo Altaia (iz poezdki v Semipalatinskuiu oblast' v 1911 g.) [On the archeology of Western Altai (from a trip to the Semipalatinsk region in 1911)], *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii*, Vol. 62.

- Blagun Iu.Iu., Zotkina L.V. (2018) Metodika vyivleniia «spornykh» krashenykh naskal'nykh izobrazhenii (po materialam pamiatnikov Minusinskoï kotloviny) [Methodology for identifying "controversial" painted rock paintings (based on materials from the Minusinsk Basin monuments)], *Universum Humanitarium*, Vol. 1 (5), pp. 184–193.
- Dravert P. (1930) Grot s pisanitsei na ozere Dzhasybai, v okrestnostiakh Baian-Aula [Grotto with petroglyphs on Lake Dzhasybay, in the vicinity of Baian-Aul], *Izvestiia Zapadno-Sibirskogo otdela russkogo geograficheskogo obshchestva*, Vol. VII, pp. 231–234.
- Iliuf Kh.Sh. (2012) Drevnosti Kokentau [Antiquities of Kokentau]. In: *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 70-letiiu muzeia «Rol' muzeev na sovremennom etape i perspektivy razvitiia»* [Proceedings of the International scientific and practical conference dedicated to the 70th anniversary of the museum "The role of museums at the present stage and development prospects"]. Pavlodar, pp. 29–35.
- Kisel V.A. (2022) «Paraboloidy», «reshchatye figury» i «shesty s polotnishchami» (petroglificheskie obrazy i etnograficheskie paralleli) ["Paraboloids", "Lattice Figures" And "Poles with Canvases" (Petroglyphic Images and Ethnographic Parallels)], *Camera praehistorica*, no. 2 (9), pp. 26–44.
- Merts V.K. (2010) Naskal'nye risunki okhroi v grote Draverta [Rock paintings with ochre in the Dravert Grotto]. In: *Svod pamiatnikov istorii i kul'tury Respubliki Kazakhstan. Pavlodarskaia oblast'* [Collection of historical and cultural monuments of the Republic of Kazakhstan. Pavlodar region]. Almaty: Aruna, pp. 283–284.
- Merts V.K. (2002) Naskal'nye risunki Pavlodarskogo Priirtysh'ia [Rock paintings of the Pavlodar Irtysh region], *Olketanu–Kraevedenie*, no. 1, pp. 29–44.
- Miklashevich E.A., Solodeinikov A.K. (2013) Novye vozmozhnosti dokumentirovaniia naskal'nykh izobrazhenii, vypolnennykh kraskoi (na primere Kavkazskoi pisanitsy v 152 Minusinskoï kotlovine) [New Possibilities for Documenting Painted Rock Art Images (By the Example of Kavkazskaya Rock Art Site in The Minusinsk Basin)], *Nauchnoe obozrenie Saiano-Altai*, no. 1 (5), pp. 176–191.
- Novozhenov V.A. (2012) Chudo kommunikatsii i drevneishii kolesnyi transport Evrazii [The miracle of communication and the oldest wheeled transport in Eurasia]. Moscow: Taus.
- Rogozhinskii A.E. (2011) Pamiatniki naskal'nogo iskusstva Kazakhstana [Monuments of rock art of Kazakhstan]. In: *Naskal'noe iskusstvo v Tsentral'noi Azii. Tematicheskoe issledovanie* [Rock Art in Central Asia. A Case Study]. pp. 207–246.
- Samashev Z. (2006) *Petroglify Kazakhstana* [Petroglyphs of Kazakhstan]. Almaty.
- Samashev Z., Sapashev O., Oralbai E., Tolegenov E., Isin A., Sailaubai E. (2010) *Pamiatniki monumental'nogo iskusstva Vostochnogo Kazakhstana (drevnost' i srednevekov'e)* [Monuments of monumental art of East Kazakhstan (antiquity and the Middle Ages)]. Almaty: TOO «Arkheologiya».
- Samashev Z.S. (1990) Grot Akbaur s pisanitsami v Vostochnom Kazakhstane [East Kazakhstan Akbaur Grotto with Drawings]. In: *Problemy izucheniia naskal'nykh izobrazhenii v SSSR* [Issues of studying rock art in the USSR]. Moscow: IA AN SSSR, pp. 123–129.
- Samashev Z.S. (1992) *Naskal'nye izobrazheniia Verkhnego Priirtysh'ia* [Rock art of the Upper Irtysh region]. Alma-Ata.
- Samashev Z.S. (2023) Pisanitsy gory Kokentau v Vostochnom Kazakhstane [The Rock Art of Mount Kokentau in East Kazakhstan], *Uchenye zapiski muzeia-zapovednika «Tomskaiia Pisanitsa»*, Vol. 17, pp. 140–158.
- Simukhin A.I., Marnuev P.E., Namsaraev D.V., Lbova L.V. (2018) Syrzha – novyi ob'ekt naskal'nogo iskusstva Zabaikal'ia (opyt beskontaktnogo dokumentirovaniia) [Syrzha – New Object of Transbaikalia Rock Art (Experience of Contactless Documentation)], *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia «Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya»*, Vol. 25, pp. 62–85.
- Solodeinikov A.K. (2020) Metody raboty s plokhio razlichimymi tsvetnymi izobrazheniiami [Methods Of Revealing Of Painted Rock Art Images], *Universum Humanitarium*, no. 1, pp. 214–231.

- Spasskii G.I. (1818) *Drevnosti Sibiri: o drevnikh Sibirskikh nachertaniiaxh i nadpisiakh* [Antiquities of Siberia: on the ancient Siberian inscriptions and writings], *Sibirskii vestnik*. St. Petersburg, Part I, pp. 67–85.
- Spasskii G.I. (1857) O dostoprimechatel'neishikh pamiatnikakh sibirskikh drevnostei i o skhodstve nekotorykh iz nikh s velikorusskimi [On the most remarkable monuments of Siberian antiquities and on the similarity of some of them with Great Russian ones]. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva*. Book XII.
- Formozov A.A. (1950) Naskal'nye izobrazheniia Urala i Kazakhstana epokhi bronzy i ikh semantika [Rock paintings of the Urals and Kazakhstan of the Bronze Age and their semantics], *Sovetskaia etnografiia*, no. 3, pp. 170–176.
- Agisoft LLC (2024) *Agisoft Metashape User Manual*. Agisoft Metashape.
- Alley R.E. (1996) Algorithm Theoretical Basis Document for Decorrelation Stretch. Pasadena.
- Gillies D. (2015) Close Range Photogrammetry. *Photogrammetric Record*, Vol. 30, no. 151, pp. 318–322.
- Gunn R.G., Douas L.C., Whear R.L. (2014) 'Interpreting' polychrome paintings using DStretch. *Rock Art Research*, Vol. 31, no. 1, pp. 1–4.
- Harman J. (2005) *Using decorrelation stretch to enhance rock art images*. URL: <http://www.dstretch.com/AlgorithmDescription>. Paper originally presented at American Rock Art Research Association Annual Meeting 2005.
- Harman J. (2015) Using Dstretch for rock art recording. *International Newsletter on Rock Art*, no. 72, pp. 24–30.
- He J., Li Y., Zhang K. (2012) Research of UAV Flight Planning Parameters. *Positioning*, Vol. 3, pp. 43–45.
- Kasser M., Egels Y. (2002) *Digital Photogrammetry*. London and New York: Taylor & Francis.
- Keep T.J., Gunn R.G., Goodes J. (2024) Stretching the Surrogate: An Initial Test Combining Dstretch Image Enhancement with Photogrammetry Modelling at Bunjil's Shelter and Gulgurn Many, Australia. *Rock Art Research*, Vol. 41, no. 1, pp. 74–87.
- Luhmann T., Robson S., Kyle S., Harley I. (2011) *Close Range Photogrammetry. Principles, techniques and applications*. Scotland, UK: Whittles Publishing.

Сведения об авторах:

ЗАЙЦЕВА Ольга Викторовна – кандидат исторических наук, руководитель музея Алтын Алтай, Восточно-Казахстанский технический университет им. Д. Серикбаева (Усть-Каменогорск, Казахстан). E-mail: snori76@mail.ru

ВАВУЛИН Михаил Викторович – научный сотрудник музея Алтын Алтай, Восточно-Казахстанский технический университет им. Д. Серикбаева (Усть-Каменогорск, Казахстан).

ВОДЯСОВ Евгений Вячеславович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник музея Алтын Алтай, Восточно-Казахстанский технический университет им. Д. Серикбаева (Усть-Каменогорск, Казахстан).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Olga V. Zaitceva, D. Serikbayev East Kazakhstan Technical University (Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan). E-mail: snori76@mail.ru

Mikhail V. Vavulin, D. Serikbayev East Kazakhstan Technical University (Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan).

Evgeny V. Vodyasov, D. Serikbayev East Kazakhstan Technical University (Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan).

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 15 ноября 2024 г.;
принята к публикации 17 декабря 2024 г.*

*The article was submitted 15.11.2024;
accepted for publication 17.12.2024.*

Научная статья
УДК 393.05:572.71
doi: 10.17223/2312461X/46/5

Погребальный обряд и антропология айну Южного Сахалина по материалам некрополя Нового времени Кузнецово 1

Александр Александрович Василевский¹
Сергей Владимирович Васильев²
Светлана Борисовна Боруцкая³
Павел Анатольевич Пашенцев⁴
Александр Валерьевич Можаяв⁵
Наталья Александровна Лейбова⁶
Равиль Марветович Галеев⁷

^{1, 4} Сахалинский государственный университет, Южно-Сахалинск, Россия

^{2, 6, 7} Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
Москва, Россия

³ МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

⁵ Малое предприятие ООО «Сахалинская археологическая экспедиция»,
Южно-Сахалинск, Россия
¹ vasilevski@bk.ru

^{2, 3} vasbor1@yandex.ru

⁴ Pashentsev@inbox.ru

⁵ mozaevav@rambler.ru

⁶ leibova.natalia@iea.ras.ru

⁷ ravil.galeev@iea.ras.ru

Аннотация. Анализируются археологические и антропологические материалы из некрополя Нового времени Кузнецово 1, расположенного на крайнем юго-западе о-ва Сахалин в непосредственной близости от о-ва Хоккайдо. Описан антропологический материал и сопроводительный погребальный инвентарь, реконструирован физический облик и выявлена особенность – относительная низкорослость населения, проживавшего в местечке Сони и оставившего на берегу Татарского пролива могильник XVII–XVIII вв. Приводится краниологическая характеристика черепа мужчины айну и соответствующая ему скульптурная реконструкция лица по методу М.М. Герасимова.

Ключевые слова: айну, Сахалин, Новое время, могильник Кузнецово 1, реконструкция, одонтология

Благодарности: Васильевым С.В., Галеевым Р.М., и Лейбовой Н.А. работа выполнена в рамках государственного задания Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (тема «Закономерности популяционной дифференциации человечества в пространстве и времени»).

Боруцкой С.Б. работа выполнена в рамках государственного задания «Формирование некоторых морфофункциональных особенностей человека в фило- и онтогенезе» (госбюджет, раздел 0110 (для тем по госзаданию), номер 01-1-21, номер ЦИТИС 121031600200-2).

Для цитирования: Василевский А.А., Васильев С.В., Боруцкая С.Б., Пашенцев П.А., Можаяев А.В., Лейбова Н.А., Галеев Р.М. Погребальный обряд и антропология айну Южного Сахалина по материалам некрополя Нового времени Кузнецово 1 // Сибирские исторические исследования. 2024. № 4. С. 113–140. doi: 10.17223/2312461X/46/5

Original article

doi: 10.17223/2312461X/46/5

Funeral Rite and Anthropology of the Ainu of Southern Sakhalin Based on Materials from the Necropolis of the New Time Kuznetsovo 1

Alexander A. Vasilevski¹, Sergey V. Vasilyev²,
Svetlana B. Borutskaya³, Pavel A. Pashentsev⁴,
Alexander V. Mozhaev⁵, Natalia A. Leibova⁶, Ravil M. Galeev⁷

^{1, 4} Sakhalin State University, Yuzhno-Sakhalinsk, Russian Federation

^{2, 6, 7} Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

³ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

⁵ Small Enterprise OOO Sakhalin Archaeological Expedition,
Yuzhno-Sakhalinsk, Russian Federation

¹ vasilevski@bk.ru

^{2, 3} vasbor1@yandex.ru

⁴ Pashentsev@inbox.ru

⁵ mozaevav@rambler.ru

⁶ leibova.natalia@iea.ras.ru

⁷ ravil.galeev@iea.ras.ru

Abstract. The article analyzes archaeological and anthropological materials from the necropolis of the New Time Kuznetsovo I, located in the extreme southwest of Sakhalin Island in close proximity to Hokkaido Island. The burial inventory is characterized, the anthropological material is described, the physical appearance is reconstructed and a feature is revealed – the relative short stature of the population of who lived in the village of Sony in the 17th–18th centuries and left burials on the shore of the Tatar Strait. The craniological characteristics of the skull of the Ainu man and the corresponding sculptural reconstruction of the face according to the method of M.M. Gerasimov are given.

Keywords: Ainu, Sakhalin, New Time, burial ground Kuznetsovo 1, reconstruction, dental anthropology

Acknowledgements: Vasilyev S.V., Galeev R.M., Leibova N.A. the work was carried out within the framework of the state assignment of the Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklouho-Maclay of the Russian Academy of Sciences (topic "Patterns of population differentiation of mankind in space and time"). Borutskaya S.B. the work was carried out within the framework of the state assignment "Formation of some morpho functional features of man in phylo- and ontogenesis" (state budget, section 0110 (for topics on state assignment), number 01-1-21, CITIS number 121031600200-2).

For citation: Vasilevski, A.A., Vasilyev, S.V., Borutskaya, S.B., Pashentsev, P.A., Mozhaev, A.V., Leibova, N.A. & Galeev, R.M. (2024) Funeral Rite and Anthropology of the Ainu of Southern Sakhalin Based on Materials from the Necropolis of the New Time Kuznetsovo 1. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 113–140. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/46/5

Введение

Айну – один из древнейших этносов островного мира Восточной и Северо-Восточной Азии – создатели и наследники историко-культурной общности эпохи неолита и палеометалла *дзёмон – эпидзёмон* (15 000 л. н. – VI в. н.э.) и археологических культур эпохи Средневековья *сацумон* (VII–XIII вв.) и *найдзи* (XIII–XVII вв.). Вопросы, рассматриваемые в статье, входят в проблемную область на стыке археологии, этнографии и физической антропологии айну. Изучаемый объект – айну южной части о-ва Сахалин. Предметом и источником исследования стал айнский могильник Нового времени в составе многослойного поселения Кузнецово 1, изученный в 1980-е гг. В.А. Голубевым и одним из авторов данной статьи (Голубев 1986). Погребальный инвентарь из могильника в 2013 г. изучался российско-японской группой в рамках совместного исследования археологов и историков Сахалинского государственного университета и Университета Хиросато (Япония) (Sekini Tatsuhito 2013, 2014). Актуальное звучание тематика получает в связи с новым интересом российского общества к айнскому вопросу в первой четверти XXI века, когда в реальном времени наблюдается активизация самосознания коренных малочисленных народов Дальнего Востока Российской Федерации. Антропологические материалы из Кузнецовского могильника в профессиональном освещении публикуются впервые.

История исследования. В 1940 г. Сакузаэмон Кодама отметил высокую антропологическую вариативность айну Сахалина по ряду признаков: большая высота лицевого скелета, малая высота мозговой коробки, уплощенная носовая область и глубокие глазницы. Эти особенности объяснялись интенсивным смешением айну с уйльта и нивхами. Позицию Кодама уже в 1970–1980-х гг. опровергли новыми краниометрическими обмерами тех же образцов Бин Ямагучи, Юкио Додо и др. (Василевский 1987). В 1967 г. С. Ито выделил пять групп айну, и к одной из них отнес айну Южного Сахалина, охотского побережья Хоккайдо и Южных Курил. Локализация объяснялась влиянием носителей охотской культуры (Ito 1971). В 1982 г. Ойи Харуо (Ohyi 1985) обосновывает обособление сахалинской ветви айну в процессе их массового переселения на Сахалин в XIV–XVII вв. С 1990-х гг., наряду с исследованиями антропологов Хаджиме Исида, Цунето Ханыхара и др., особенное развитие получают исследования генетики айнов (ex. Atsushi Tajima et al. 2004). В Российской Федерации наиболее авторитетные предшествующие антропологические исследования принадлежат Г.Ф. Дебецу (1951),

В.П. Алексееву (1966), Я.Я. Rogинскому, М.Г. Левину (1978), А.Г. Козинцеву (2014, 2017, 2021).

Исторический фон. Формирование современных айнов связывается с двумя миграциями. Первая – переселение *эмиси – палеоайну* с о-ва Хонсю на о-в Хоккайдо в ответ на северную экспансию японских земледельцев и воинов в периоды Асука, Нара, Хэйан и Камакура в VII–XIII вв. н. э. К X в. совместно с айну Хоккайдо эмиси ассимилировали на Хоккайдо и Курильских островах недавних мигрантов из бассейна реки Амур – население *охотской культуры*, трактуемое нами как *мохэ*. Аналогичные курильским события произошли в те же годы и на Южном Сахалине, где в китайских хрониках палеоайну выступают под этнонимами *кувэй* и *вэйгу*. Уже в XIV в. айну завоевали южную часть Камчатского полуострова, где вступили в контакт с ительменами и коряками.

Вторая крупная северная миграция айну с Хоккайдо на Сахалин произошла в XVI–XVII вв., когда *айнумосири – земля населенная айну* – окончательно сформировалась в треугольнике Сахалин – Хоккайдо – Курильские о-ва – п-ов Камчатка. По хронологии вторая миграция совпадает с периодом Эдо – укреплением японского централизованного государства в начале правления семьи Токугава и захватом Китая маньчжурами. Первое обстоятельство привело к усилению натиска японского государства на айнские земли, а второе – к расширению на север до реки Амур влияния Китая через развитие так называемой *Сантан* торговли. Усилению потока товаров из Поднебесной на Сахалин, Хоккайдо и в северную Японию вопреки режиму самоизоляции, действовавшему в последней с 1641 по 1853 г., происходило при посредничестве нивхов и айну, что было весьма прибыльным делом. Рост торгового оборота запустил новые экономические, политические, культурные и этнические процессы в системе материк–острова. Систематическое движение товаров в обе стороны активизировало движение наиболее активных групп населения и ускорило процессы взаимной ассимиляции участников описываемых событий на дальневосточной периферии восточноазиатского ядра мир-системы.

Современные оценки. Сказанное подтверждает результат международной группы генетиков во главе с А.Т. Duggan, изучившей среди других групп Восточной Сибири и Дальнего Востока нивхов Сахалина. Исследование показало метисацию нивхов с айну – до 27% (Duggan 2016). В этом ключе самую оригинальную характеристику айну с точки зрения антропологии дал А.Г. Козинцев: «В Восточной Азии есть... группа, которую с полной уверенностью можно считать не метисной, а реликтовой. Это айну. Именно у них никакой антропологической промежуточности не наблюдается. Сочетание признаков у айну крайне противоречиво. Генетически они однозначно сближаются с северными и восточными монголоидами (отнести это целиком за счет метисности невозможно), сундадонтия объединяет

их с южными монголоидами, а краниологически, и особенно соматологически, айну вовсе не монголоидны» (2014: 31).

Материал исследования. Кузнецовский могильник

Объект археологического наследия многослойное поселение Кузнецово 1 известен с 1930-х гг. под названием *Сони кайзука* – раковинная куча *Сони*, по одноименным айнским топонимам – селению и реке – ныне, соответственно урочище Кузнецово и река Кузнецовка. Памятник в 1930–1933 гг. изучали Кимура Синроку, Ито Нобуо, в 1955 г. – Р.В. Чубарова (Козырева), в 1979–2015 гг. – В.А. Голубев и др.

Многослойный археологический объект Кузнецово 1 располагается в 28 км на север от крайней юго-западной точки о-ва Сахалин – мыса Крильон на берегу Татарского пролива, относящегося к Японскому морю (рис. 1). В ходе раскопок 1979–1985 гг. общей площадью 448 м² А. Василевским выделено пять культурно-временных комплексов: очаги и рабочие площадки финального *дзёмона* (XII–V вв. до н. э.); жилища *сусуйской* культуры (V в. до н. э. – V в. н. э.) и локальной культуры *перепутье-товада* (V–VI вв. н. э.); концентрации керамического брака и рабочие площадки эпохи Средневековья – VII–XIII вв. В слое хорошо сохранились остатки травяной крыши айнского жилища позднего Средневековья – Нового времени. Непосредственно на поверхности дюны и в дерне собрана коллекция артефактов XIX–XX вв.

Рис. 1. Долина реки Кузнецовка и участок побережья Японского моря в районе размещения многослойного поселения и могильника Кузнецово 1 (1). Вид с ССЗ. Фото из архива Учебного музея археологии СахГУ

Могильник в составе археологического объекта Кузнецово 1 является кладбищем айнского селения Сони. Все известные могильники айнов располагаются к северу от жилища и обязательно отделяются от поселения рекой или ручьём, что связано с отношением к мёртвым как к источнику вреда. Размещение Кузнецовского могильника на косе между морем и рекой подтверждают сказанное. Могильник, впущенный в верхний слой поселения на глубину до 50–70 см, включал восемь грунтовых погребений (рис. 2). Пять из них располагались «в линию» с очевидными признаками планировки, еще три обнаружены вне описанной структуры, в стороне. Два из трех разобраны в раскопах 1981 и 1985 гг., оба непоправимо повреждены поздними перекопами. Третье обнаружено при электромагнитном сканировании объекта культурного наследия и сохранилось в целости в границах охраняемой территории.

Рис. 2. Погребение № 4. Могильник Кузнецово 1. Раскоп 2. 1982 г. Снято с юга.
Фотоархив Учебного музея археологии СахГУ

Погребение 1, принадлежавшее женщине, обнаружено на глубине 65 см и имело некоторые особенности. Погребённая уложена в позе эмбриона на правый бок, головой на север-северо-восток (ССВ), лицом на запад, ноги согнуты в коленях. Череп разбит после смерти и закрыт большим плоским камнем округлой формы. Человек особенный, так как погребен по иному обряду, нежели остальные: на боку и с подогнутыми коленями. То, что лицо разбито и закрыто камнем, прямо указывает на отрицательное отношение к погребенной, хотя обряд выполнен полностью, включая сопроводительные вещи. В средней части позвоночного отдела найдена чашечка курительной трубки, а в районе таза – сильно корродированное лезвие ножа и истлевшие остатки деревянных ножен.

Погребение 2 обнаружено на глубине 68 см. Погребённый уложен на спину, туловище прямое, руки вытянуты вдоль туловища, ориентация на ССВ, голова повернута направо, лицом в «страну мертвых», на запад.

С левой, восточной, стороны, у головы обнаружена курительная трубка (рис. 3, 1). Ниже, в районе левой руки обнаружен железный меч в деревянных ножнах. Клинок меча прямой, имеется бронзовая гарда. Судя по состоянию зубной системы, погребение принадлежало подростку.

Рис. 3. Погребальный инвентарь XVII–XVIII вв. н. э. из айнского могильника Кузнецово 1: 1–3 – курительные трубки, бронза; 4, 5 – височные серьги, серебро; 6, 7 – гарды, бронза

Погребение 3 обнаружено на глубине 51 см и также ориентировано на ССВ. Пол определен как женский. У черепа обнаружены кольца – серьги из проволоки белого металла (рис. 3, 4, 5). Химический анализ показал сплав, включавший кроме серебра цинк и свинец. У правой бедренной кости находилась латунная курительная трубка, вложенная в футляр из растительных волокон. У левого бедра – остатки миниатюрного железного ножа в деревянных ножнах с остатками резьбы, изображавшей лицо человека. В ногах лежали остатки деревянной лаковой чашки. Ещё одна курительная трубка обнаружена у голени правой ноги.

Погребение 4 (см. рис. 2) располагалось на глубине 75 см. Ориентация скелетных останков также на ССВ. Погребённый, по всей видимости, мужчина 25–35 лет (*adultus*) уложен на спину, лицом вверх. Латунная курительная трубка, обнаружена у кисти левой руки, вокруг неё – остатки плетеного кисета. Возле голени левой ноги – остатки лаковой чашки. Еще одна чашка – у правой руки погребённого. Внутренние стенки чашек окрашены лаком красного цвета, внешние – чёрным цветом и расписаны золотистой краской.

Погребение 5 и 6 тройное (мужчина, женщина и младенец), костяки обнаружены на глубине 53–54 см, ориентированы единообразно, на север. Погребение № 5 принадлежит взрослому мужчине, № 6 – женщине, кости младенца располагались здесь же, сохранность плохая. Кости женщины лежали выше костей мужчины. У висков мужчины найдены серьги – кольца из белого металла; на грудной клетке – бронзовые колокольчики и курительная трубка; здесь же клык медведя, а у тазобедренных костей – фрагмент металлического ножа в полусгнивших ножнах из дерева. Кроме того, в районе шейных позвонков обоих погребений найдены 106 бусин из стекла голубого цвета. Монеты *Каней-цухоу*, выпускавшиеся в Японии в эпоху Эдо (XVII – первая половина XIX в.), лежали стопкой в ногах погребенного мужчины.

Погребение 7 располагалось в стороне на глубине 75 см. Погребённый уложен на правый бок, руки скрещены на груди, ноги подогнуты, головой ориентирован на ССВ, лицом на запад. Рядом со скелетными остатками располагалась расколота чашечка глиняной курительной трубки. Немного в стороне от погребения – латунная курительная трубка и бусина голубого цвета, вероятно, принадлежавшие другому погребению. Погребение 8 обнаружено к югу от основной группы на глубине 38 см. Останки ориентированы на СВ. Погребённый располагался на спине, руки вытянуты вдоль туловища. Сопроводительный погребальный инвентарь следующий: вложенная в кисет из растительных волокон латунная курительная трубка, ниже – железный меч в деревянных ножнах. Ножны оплетены берестой (рис. 4). Клинок меча слабо изогнутый, имеется бронзовая гарда (см. рис. 3, 6, 7). Поверх меча лежал железный нож в деревянных ножнах. С западной стороны костяка, в районе костей таза, зафиксированы остатки сгнившей лаковой чашки. На поверхности грудной клетки обнаружено костяное кольцо, вероятно использовавшееся при стрельбе из лука. Между рёбрами и тазобедренной частью скелетных останков обнаружены три черешковых костяных наконечника стрел усечённо-конической формы с пером круглого сечения.

Данное погребение является наиболее древним, но не древнее XVIII в. В пользу этого свидетельствуют костяные наконечники стрел и гарда. Последняя изготовлена из кустарной копии бронзового зеркала.

Рис. 4. Меч типа катана в деревянных ножнах, обложенных берестой.
Погребение 2. XVII–XVIII вв. н. э. Могильник Кузнецово 1. Раскоп 3. 1982 г.

Тыльная сторона зеркала украшена двумя парами концентрических линий, размещенных на периферии композиции, параллельно ободку. В центре изделия треугольное окно для хвостовика разрубило барельеф – группу из трех листьев. По единому мнению, высказанному участниками российско-японского симпозиума, зеркало-гарда отлито по оригиналу периода Муромати в известных мастерских в районе города Эдо и относится к началу XVIII в., являясь необычайно важной датирующей находкой. На мече сохранилась ажурная гарда – *цубо*, имеющая форму, известную как кикук-гата. Цубо изготовлена из меди с примесью свинца весьма профессионально, и все же, вероятнее всего, она являлась недорогой подделкой эпохи Эдо ранее известных древних форм XV–XVI вв. (Соколов 2009), копировавших шестнадцатилепестковую хризантему. На лицевой стороне гарды слева от окна и площадки *эппа дай* размещено овальное окно для выхода шпильки – *когай ана* (см. рис. 3, 7). Такие гарды, по мнению Сэкине Тацухито, датируются в границах XVII–XVIII вв. и изготавливались на о-ве Хонсю специально для продажи айну.

Во всех трех случаях находок мечей на памятнике это весьма недорогие изделия, все с клинком не более 60 см, все смонтированы из недорогих деталей. Примечательно следующее. Меч из погребения 2 с широким клинком, ближе к палашу, форма хвостовика не по стандарту прямая, без характерного сужения на конус, какое видим в остальных двух мечах. Предполагаем его кустарное изготовление. Мечи из погребений № 7 и 8, изготовлены в Японии и имеют слабоизогнутую форму клинка. Отверстия под шпильки на хвостовиках ранней, конической формы, что позволяет относить их к XVIII в. Все металлические украшения из Кузнецовского могильника изготовлены из низкокачественных сплавов серебра с цинком и свинцом. Лаковые изделия, обнаруженные в полуразрушенном виде в погребениях, – так называемые лаковые ящички для блюд *бенто* и пиалы для *сакэ*, которые продавали айну две известные компании – производители лаковой утвари в Японии – Мимидарай и Хоккай. На Южный Сахалин лаковые изделия впервые попали в XVIII в., что мы объясняем известной массовой северной миграцией айну. На севере Сахалина и на Амуре лаковые изделия из Японии появляются с развитием Сантан торговли с маньчжурами. Еще одно любопытное наблюдение – оружие и гарды, как

дорогие предметы длительного пользования, представляют в могильнике группу семейных реликвий XVIII в. Согласно дневнику Корнелиуса Куна – штурмана голландской экспедиции Мартина Герритса де Фриза на Сахалине, айну в 1643 г. уже употребляли табак и имели «медные трубки». Курительные трубки из Кузнецовского могильника, типологически относимы к так называемым длинным трубкам. Это вещи личного пользования, и в жизни одного человека их может быть с десятков. Они наиболее точно датируют могильник XVIII в. Наличие глиняной трубки может скорее указывать не на древность, а на бедность усопшего. По инвентарю в погребениях видим, что принципиально больших отличий в наборе вещей не было, но и богатыми айну из местности Сони, судя по вышеописанному, назвать сложно.

Результаты исследования

Палеоантропологический анализ. В некрополе Кузнецово I были обнаружены сильно фрагментарные скелеты шести взрослых индивидов – трех мужчин и трех женщин, – а также отдельные кости одного ребенка. Фактически скелеты были представлены более-менее целыми длинными костями конечностей, от одной до пяти костей, на которых можно было провести минимум измерений, а также сильно фрагментарными костями поясов конечностей и осевого скелета. По результатам измерений были рассчитаны индексы пропорций конечностей и массивности, а также прижизненная длина тела и др. Удалось вычислить лишь отдельные индексы. Но даже они являются весьма интересными. Прижизненную длину тела мы рассчитывали по формулам, учитывающим длину костей ног. Определить длину тела удалось для всех шести индивидов, даже для женщины из погребения 1, кости которой были очень сильно повреждены. Результаты расчета различных параметров скелетов представлены в табл. 1–3.

Удалось посчитать всего несколько индексов пропорций конечностей, поэтому говорить о какой-либо закономерности не приходится. В табл. 1 в скобках приведен размах вариаций индексов у человека современного типа. Данные взяты из работ Я.Я. Рогинского и М.Г. Левина (Рогинский, Левин 1978) и Е.Н. Хрисанфовой (Хрисанфова 1978), а также из наших исследований.

Плече-бедренный индекс рассчитан только для одной женщины. Результат указывает на относительно удлиненные плечевые отделы рук (или укороченные бедренные отделы). Луче-большеберцовый индекс удалось посчитать только для одного мужчины. Его величина оказалась очень высокой, что соответствует сильно удлиненным предплечьям относительно голеней. Для трех индивидов мы смогли рассчитать берцово-

бедренный (или круральный) индекс. У одного мужчины и у одной женщины индексы оказались по величине ниже среднего. И в этих случаях можно говорить о немного укороченных голеньях. Также у женщины из погребения 2 индекс оказался довольно высоким, что соответствует удлинённым голеньям.

Таблица 1
Индексы пропорций конечностей и прижизненная длина тела

Погребение	Индекс			
	плече- бедренный (68,8–72,9)	луче- большеберцовый (62–71)	берцово- бедренный (77,3–86,6)	Длина тела
Мужчины:				
Погребение 4	–	79,07	79,95	156,4 см
	–	–	80,50	
Погребение 5	–	–	–	162,9 см
ск. 1	–	–	–	
Погребение 6	–	–	–	151,4 см
Женщины:				
Погребение 1	–	–	–	150,2 см
Погребение 2	75,67	–	–	149,6 см
	–	–	85,26	
Погребение 3	–	–	80,48	148,1 см
	–	–	–	

Примечание. В скобках представлен размах вариаций значения индекса у человека современного типа.

Прижизненная длина тела рассчитана по длине костей ног по формулам Пирсона и Ли, Бунака, Дюпертюи и Хеддена (цит. по: Алексеев 1966). Далее было определено среднее значение длины тела для каждого индивида (см. табл. 1). Длину тела удалось определить для всех шести взрослых индивидов. У мужчин прижизненный рост варьируется в пределах 151,4–162,9 см. Рост женщин составлял 148,1–150,2 см. Таким образом, рост мужчин и женщин был малым и ниже среднего. В табл. 2, 3 приведены результаты определения индексов массивности (прочности) отдельных костей скелета конечностей, а также некоторые другие показатели (сверху – правые индексы, снизу – левые).

Таблица 2
Индексы массивности и сечения диафизов костей верхних конечностей индивидов из айнского могильника Кузнецово I

Погребение	Кости				
	плечевая 7/1 (18–22)	плечевая 6/5	локтевая 3/2 (15–18)	локтевая 11/12	локтевая 13/14
Мужчины:					
Погребение 4	–	–	–	–	–
	–	–	14,58	72,22	80,00
Женщины:					
Погребение 2	18,38	68,42	–	–	–
	–	–	–	–	–

Примечание. В скобках указан размах вариаций индекса для человека современного типа.

Сильная фрагментарность скелетов позволила определить очень незначительное количество индексов и только для двух индивидов. Для плечевых костей индексы посчитаны только для одного индивида, причем, это женщина. Так, массивность плечевой кости женщины из погребения 2 оказалась крайне низкой. То есть кость была выраженно грацильной. Индекс сечения середины диафиза оказался небольшим, что указывает на сильную уплощенность кости в ее средней части. Индексы локтевых костей определены только для одного мужчины из погребения 4, в котором локтевая кость оказалась очень грацильной. В средней части тела она уплощена, хорошо развит межкостный край. В верхней части диафиза, на уровне лучевой вырезки, кость среднеуплощена (эуроленична), кроме того, межкостный край имеет умеренное развитие. В целом можно предположить грацильность скелетов верхних конечностей у айну из Кузнецовского могильника.

В табл. 3 представлены результаты вычисления индексов массивности и некоторые другие показатели скелетов нижних конечностей (бедренных и большеберцовых костей) индивидов из могильника. В скобках указаны размахи вариации значений признака у человека современного типа. Относительно некоторых индексов вариации значений связаны с определенными градациями, поэтому понятие размах вариаций не применимо. В таблице сверху указаны правые индексы, снизу – левые.

Таблица 3

Индексы массивности и сечения диафизов костей нижних конечностей индивидов из айнского могильника Кузнецово I

Погребение	Кости							
	бедро 8/2 (18–21)	бедро 6+7 /2 (12–15)	бедро 6/7	бедро 10/9	б.берц. 10/1 (20–22)	б.берц. 10б/1 (18–23)	б.берц. 9/8 (60–90)	б.берц. 9а/8а
Мужчины:	–	–	–	–	–	–	–	–
Погребение 4	18,75	11,75	95,83	62,86	–	–	–	–
Погребение 5	–	–	–	–	–	–	–	–
ск. 1	20,52	12,74	100,00	81,25	–	–	–	–
Погребение 6	21,20	13,86	104,00	81,48	–	–	–	–
	–	–	–	–	–	–	–	–
Женщины:	–	–	–	–	–	–	–	–
Погребение 1	–	–	–	–	–	–	–	–
Погребение 2	19,52	12,57	88,00	66,67	–	–	–	–
	19,30	12,33	91,67	65,63	22,01	20,13	76,92	71,43
Погребение 3	–	–	–	–	–	–	–	–

Примечание. В скобках указан размах вариаций индексов у человека современного типа.

Бедренные кости. У мужчины из погребения 4 бедренная кость грацильна. Индекс пиястрии (6/7) – ниже 100%. Следовательно, можно го-

ворить о том, что кость уплощена в сагиттальном направлении, а шероховатая линия бедра развита слабо. В верхней части диафиза кость также сильно уплощена в сагиттальном направлении, или гиперплатимерична. По фрагментам большеберцовых костей сделано предположение об их саблевидной форме, т.е. очень сильной сплюснутости с боков.

У индивидов из погребений 5 (1) и 6 бедренные кости массивны, особенно у второго индивида. Индекс пилястрии говорит о примерно равном развитии средней части диафиза в сагиттальном и поперечном направлении. У индивида из погребения 6 можно предположить неплохое развитие шероховатой линии бедра. В верхней части диафиза кости индивидов уплощены в меньшей степени, чем у индивида из погребения 4, они платимеричны.

Индексы массивности и сечений диафиза бедренных и большеберцовых костей удалось определить только для женщины из погребения 2. Так, массивность бедренных костей оказалась средней. В средней части диафиза кости расширены, задний пилястр не развит, шероховатая линия бедра слабая. В верхней части диафиза бедренные кости также сильно уплощены в сагиттальном направлении, или гиперплатимеричны. По всем признакам бедренные кости схожи с таковой у мужчины из погребения 4. Левая большеберцовая кость (правая отсутствовала) – высокомассивна и довольно сильно расширена посередине. В нижней части диафиза кость обладает средней степенью прочности. На уровне питательного отверстия, т.е. выше середины, кость сильно расширена, или эурикнемична.

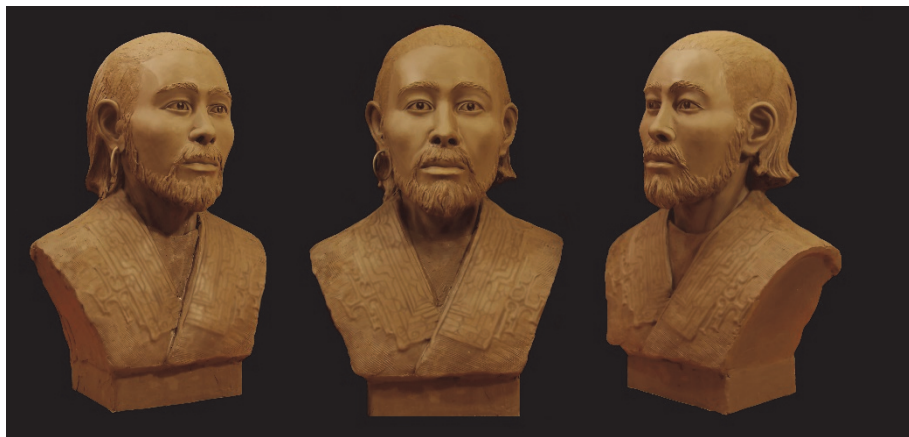

Рис. 5. Реконструкция внешности мужчины из погребения 4. Раскоп, 1982 г.
XVIII в. н. э. Айны. Исполнена Галеевым Р.М.
Центр физической антропологии ИЭА РАН

Череп айна из погребения 4 имеет сравнительно неплохую сохранность. Исследование проводилось по классической краниологической

программе (Алексеев, Дебец 1964). По этому черепу была проведена пластическая реконструкция по методу М.М. Герасимова (см. рис. 5). Результаты краниологического исследования представлены в табл. 4, 5.

Таблица 4

Краниологические характеристики

№	Признак	Размер
1	Продольный диаметр	179 (?)
8	Поперечный диаметр	144
17	Высотный диаметр	135
5	Длина основания черепа	—
9	Наименьшая ширина лба	92
10	Наибольшая ширина лба	122
11	Ширина основания черепа	129
12	Ширина затылка	116
45	Скуловой диаметр	137
40	Длина основания лица	94
48	Верхняя высота лица	70 (?)
47	Полная высота лица	—
43	Верхняя ширина лица	104
46	Средняя ширина лица	101,5
55	Высота носа	52,3
54	Ширина носа	23,1
51	Ширина орбиты от мф.	40,2
52	Высота орбиты	37,8
77	Назо-молярный угол	—
<zm	Зиго-максиллярный угол	144°
71a	Наименьшая ширина ветви	34
65	Мышечковая ширина	117
66	Угловая ширина	97
67	Передняя ширина	47
69	Высота симфиза	34
69(1)	Высота тела	30
69(3)	Толщина тела	13,5

Таблица 5

Указатели краниофациальных характеристик

8/1	Черепной указатель	80,4
17/1	Высотно-продольный указатель	75,4
17/8	Высотно-поперечный указатель	93,7
9/8	Лобно-поперечный указатель	63,9
12/8	Затылочно-поперечный указатель	80,6
48/17	Вертикальный краниофациальный указатель	51,8
45/8	Поперечный краниофациальный указатель	95,1
9/45	Лобно-скуловой указатель	67,2
48/45	Верхний лицевой указатель	51,1
48/46	Верхний среднелицевой указатель	68,9
54/55	Носовой указатель	44,2
52/51	Орбитный указатель	94,0

Описание мозговой коробки. Форма черепной коробки при взгляде сверху овоидная. Череп может быть описан как неудлиненный и относительно широкий – брахиокраний. Высотно-продольный указатель – средний, свидетельствует о гипсикрании. В категорию метриокраний черепов попадает он по высотно-поперечному указателю. Оба показателя говорят о средневысоком черепе. Лоб прямой и визуально узкий. Абсолютные размеры наименьшей и наибольшей ширины лба входят в категорию малых и больших соответственно. По лобно-поперечному указателю череп микроземный (узколобый). Лобно-скуловой указатель не большой. Теменные бугры развиты слабо и расположены высоко. Сосцевидные отростки, характерные для мужчин, имеют длину более 2 см и оцениваются баллом 2. Затылок широкий, имеет округлую форму.

Описание лицевого скелета. Лицевая часть черепа широкая и относительно высокая, по верхнелицевому указателю – мезенная (показатель средней высоты лица). Зигомаксиллярный угол относится к категории очень больших, т.е. лицо на скуловом уровне слабо профилировано. Орбиты высокие и относительно неширокие (гипсиконхные). В абсолютных размерах нос длинный и относительно узкий (лепторинный), то же подтверждается и носовым указателем. Зигомаксиллярная область узкая, грацильная. Нижний край грушевидного отверстия – *anthropina*, т.е. боковые края грушевидного отверстия непосредственно переходят в нижний край, имеющий острую форму.

Сравнительный анализ мы сделали, используя данные по угловой морфометрии черепа. Угловые параметры черепа позволяют включать в один анализ как мужские, так и женские черепа, что дает нам возможность оценить при помощи метода главных компонент однородность сборной группы айну в целом. В анализе участвовали данные по 17 черепам, измеренным в Музее человека в Париже (Франция), в Институте Антропологии МГУ (Москва, Россия), в краеведческом областном музее (Южно-Сахалинск, Россия) и Сахалинском государственном университете (Южно-Сахалинск, Россия), и имеющим полный набор из 10 угловых параметров (рис. 6). Первые три компонента описывают около 70% изменчивости. По первой компоненте идет увеличение углов *ast-l-ast*, *au-b-au*, *ast-l-b* уменьшение угла *zm-fmo-infor*. Поэтому в правой части графика по оси *x* мы видим относительно низкосводные черепа с невысокой верхней чешуей затылочной кости и относительно грацильной зигомаксиллярной областью. Вторая компонента отражает уменьшение угла *b-au-l*, увеличение угла *l-au-in* и *zm-nl-infor*. В связи с этим в левой части графика по оси *y* располагаются черепа с менее длинной теменной хордой и более длинной затылочной. Третья компонента показывает увеличение угла *fnt-pr-fnt*. Следовательно, в верхней части графика по оси *z* расположились черепа с более широким лицевым скелетом на уровне

орбит. В целом видно, что сборная группа айну неоднородна по формообразующим параметрам черепа. Отчетливо видно разделение серии на три группы по ширине лицевого скелета, т.е. по третьей компоненте. Изучаемый нами череп из Кузнецово 1 в сравнении с другими черепами айну с о. Сахалин и о. Хоккайдо имеет относительно низкий свод мозговой коробки, грацильную зигмаксиллярную область, длинную теменную хорду и широкое на уровне орбит лицо. Наиболее близким к нему оказался череп айнской женщины из Японии (хранение Музея Человека, Париж).

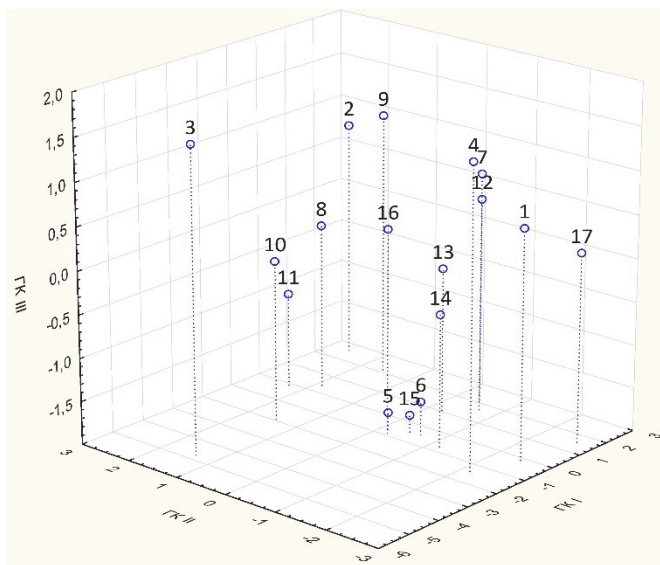

Рис. 6. Расположение черепов айну в поле трех первых главных компонент:
 1 – 10167 Музей человека (Япония, женщина); 2 – 17053 Музей человека (о. Сахалин, женщина); 3 – 17052 Музей человека (о. Сахалин, мужчина); 4 – 17055 Музей человека (о. Сахалин, женщина); 5 – 17046 Музей человека (о. Сахалин, мужчина); 6 – 17054 Музей человека (о. Сахалин, мужчина); 7 – 10166 Музей человека (Япония, мужчина); 8 – 10165 Музей человека (Япония, мужчина); 9 – 8748 НИИ и МА МГУ (о. Сахалин, мужчина); 10 – 4680 НИИ и МА МГУ (о. Сахалин, женщина); 11 – 4679 НИИ и МА МГУ (о. Сахалин, мужчина); 12 – 4683 НИИ и МА МГУ (о. Сахалин, женщина); 13 – 4685 НИИ и МА МГУ (о. Сахалин, мужчина); 14 – 4684 НИИ и МА МГУ (о. Сахалин, женщина); 15 – 4681 НИИ и МА МГУ (о. Сахалин, мужчина); 16 – Уж 5 Краеведческий музей о. Сахалин (о. Сахалин, мужчина); 17 – Кузнецово 1 СахГУ (о. Сахалин, мужчина)

Патологии скелетов. Поскольку скелеты были крайне фрагментарными, увидеть все патологии и аномалии скелетов не представлялось возможным. Отметим следующее. У индивида из погребения 5 (скелет 1) не сменились вовремя вторые верхние молочные моляры. В итоге вторые премоляры выросли медиальнее, фактически в твердом нёбе.

У мужчины из погребения 6 на черепе, на правой теменной кости обнаружена вмятина от вероятного удара тупым предметом. Диаметр раны – около 3,5 см.

У женщины из погребения 3 отметим усиленную васкуляризацию твердого неба, а также заметное утолщение стенки наружного слухового прохода, образованной барабанной частью височной кости, с обеих сторон. По-видимому, эти особенности возникли как реакция организма на воздействие холодных влажных ветров.

Одонтологическое описание и измерения были произведены в соответствии с программой российской одонтологической школы (Зубов 1968, 1979; Зубов, Халдеева 1993) с учетом методических расхождений с ASUDAS (Turner, Nichol, Scott 1991; Scott, Irish 2017) для шести индивидов. К сожалению, из-за плохой сохранности у нас не было возможности получить данные по полной одонтологической программе. В частности, ни у одного из шести индивидов не сохранились зубы фронтального отдела челюстей, что лишает нас возможности получить представление о таких важных для этого региона признаках, как форма и размеры верхних резцов.

Верхние моляры сильно редуцированы: все три доступные для наблюдения UM2 были трехбугорковыми, и даже один UM1 имел форму 3+, что встречается крайне редко (рис. 7). Метаконус на UM2 тоже демонстрирует значительную степень редукции: в двух случаях балл редукции был оценен как 2,5–3, у одного индивида – балл 4. Бугорок Карабелли не был отмечен ни на одном из двух UM1, как и дистальный маргинальный бугорок, и косой гребень. Первые нижние моляры сохранились у пяти индивидов и во всех случаях они имели матуризованную форму Y5. Вторые нижние моляры, напротив, в значительной мере редуцированы, и только один из пяти имел гипоконулид, т.е. характеризовался пятибугорковой формой. Вне зависимости от числа бугорков на всех вторых молярах зафиксирован X-узор межбугорковых борозд. На первых нижних молярах ни разу не были отмечены протостилид (и ямка протостилида), *tami*, эпикристид. Коленчатая складка зафиксирована у одного индивида из четырех, вторая борозда метаконида во всех случаях впадает в третью межбугорковую фиссуру. Дистальный гребень тригонида отмечен у трех индивидов из пяти (рис. 8). Межкорневой затек эмали (балл 6) присутствовал в двух случаях (из трёх наблюдений) как на втором верхнем, так и на втором нижнем молярах. На нижних молярах дважды отмечена передняя ямка как на LM1, так и на LM2 (из четырёх наблюдений на каждый зуб). Задняя ямка на LM1 была зафиксирована у одного индивида из пяти, на LM2 не встречена ни разу (четыре наблюдения).

Рис. 7. Редуцированная форма верхних постоянных моляров (левый квадрант); персистенция второго молочного моляра, спровоцировавшая лингвальный сдвиг второго постоянного премоляра (индивид 1 из погребения 5)

Рис. 8. Дистальный гребень тригонид на первом нижнем постоянном моляре (правый квадрант) (погребение 4)

У мужчин из погребений 4 и 5 была отмечена редкая аномалия: персистенция вторых молочных моляров. Персистенция (от лат. «persistere» – оставаться) – сохранение молочных зубов в альвеолах значительно дольше положенного срока, т.е. во взрослом возрасте. У индивида из погребения 4 наблюдается персистенция обоих нижних вторых молочных моляров, из погребения 5 – обоих верхних и правого нижнего (рис. 9). Редкая встречаемость в популяциях этой особенности позволяет предполагать, что двое этих мужчин – родственники. Интересно, что именно у них наблюдается и адентия (врожденное отсутствие) третьих моляров: в погребении 4 адентия зубов мудрости с обеих сторон нижней челюсти и с левой стороны верхней (дистальный отдел с правой стороны разрушен), в погребении 5 – адентия третьих моляров верхней челюсти.

Рис. 9. Персистенция вторых молочных моляров нижней челюсти (погребение 4)

Столь же скудны и наши наблюдения относительно общего состояния зубной системы. Можно лишь отметить, что кариес не был отмечен ни разу, в то время как линейная гипоплазия зубной эмали, судя по всему, была характерна для этой группы: она зафиксирована у четырех индивидов из пяти. У четырех взрослых наблюдались незначительные отложения зубного камня.

Единичность наблюдений лишает нас возможности провести статистическое межгрупповое сопоставление с имеющимися сериями айнов Сахалина и Хоккайдо (Hanihara 1970, 1979; Turner, Hanihara 1977;

Kaburagi et al. 2010). Не вдаваясь в подробности научной дискуссии относительно места айнов на «одонтологической карте мира», заметим лишь, что исследователи отмечают специфичность одонтологического профиля айнов Сахалина в сравнении с айнами Хоккайдо, их относительную близость к носителям охотской культуры (Matsumura et al. 2009; Kaburagi et al. 2010). Особенности зубной системы изученных нами индивидов из Кузнецово-1 не находят аналогий среди характеристик имеющихся сравнительных серий (табл. 6). С одной стороны, виной тому крайне малый размер нашей выборки и случайность наблюдений, но с другой – эти отличия очень уж разительны. В первую очередь – в степени редукции верхних моляров, о чем было сказано выше. Ни среди айнских групп, ни среди групп предшествующего времени (культур дзёмон, сацумон, охотской) мы не встречаем серии с такими редуцированными верхними молярами. К кругу подобных популяций скорее принадлежат современные нивхи, нанайцы, ульчи (Халдеева 1979). Нивхи и нанайцы демонстрируют близкое к изученной нами серии соотношение частот коленчатой складки метаконида и дистального гребня тригонида (встречаемость коленчатой складки реже, чем дистального гребня), однако по остальным признакам мы не наблюдаем сходства, в первую очередь, в степени редукции второго нижнего моляра. Для нанайцев эта форма не характерна вовсе, судить о ней у нивхов мы не можем (материал собирался среди детей, у которых еще не прорезался второй нижний моляр постоянной смены). Нет серий с высоким уровнем редукции вторых нижних моляров, т.е. высокой частотой четырехбугорковых форм, какую мы наблюдаем у изученных нами индивидов, и среди всех групп айнов и их предшественников (Kaburagi et al. 2010). Единственная группа с относительно высокими значениями LM2(4) – это носители янковской культуры Приморья эпохи раннего железа (Зубова 2018). Для нее характерны и относительно высокие значения (на фоне остальных серий, за исключением современных групп Дальнего Востока) редукции гипоконуса вторых верхних моляров, и близкое соотношение встречаемости коленчатой складки метаконида и дистального гребня тригонида.

В целом, можно констатировать, что изученная нами мини-группа характеризуется присутствием маркеров восточного одонтологического ствола (дистальный гребень тригонида, коленчатая складка метаконида и межкорневой затек эмали), однако судить о степени выраженности монголоидного комплекса мы не можем ввиду полного отсутствия в нашем распоряжении верхних резцов и малого числа наблюдений по другим признакам. Крайне специфическое сочетание одонтологических маркеров, а также наличие у двух индивидов редкой аномалии – множественной персистенции вторых молочных моляров, позволяет предполагать, что мы имеем дело с погребением группы родственников.

Таблица 6
Частоты одонтологических фенов в группах айнов и сравнительных сериях эпохи неолита – Средних веков

№ групп-пы	Показатель	shov (2+3) УП	LM1 (6)	dw	dic	hy (3, 3+) UM2	Cara (2-5) UM1	LM1 (4)	LM2 (4)	tami	proto-stylid
1	Айны Южного Сахалина (Кузнецово-1), XVIII–XIX вв. п/Н*	–	0/5	1/4	3/5	3/3	0/2	0/5	4/5	0/5	0/5
2	Айны Сахалина**	80,0	11,1	30,4	12,5	15,1	10,7	–	26,2	6,7	4,8
3	Айны Хоккайдо Ю-3**	71,4	23,3	18,2	22,2	17,1	5,6	–	45,6	6,3	0,0
4	Айны Хоккайдо С-В**	60,0	7,7	57,1	30,0	31,8	0,0	–	34,9	0,0	6,7
5	Айны Хоккайдо Ю-В**	75,9	19,7	18,8	15,3	24,6	3,2	–	40,5	4,6	5,1
6	Коренное население Приморья (удэгейцы, нанайцы, тацы)	85,3	16,6	29,4	8,0	47,4	10,3	6,7	37,7	–	–
7	Нивхи (Хабаровский край)	63,0	15,6	9,0	22,2	88,0	17,1	2,1	–	2,0	–
8	Нанайцы	51,1	18,0	21,0	31,7	89,5	27,0	1,8	0,0	3,3	–
9	Орочи	62,3	8,6	17,4	20,0	66,7	23,0	8,5	1,3	0,0	–
10	Ульчи	61,3	26,3	38,4	17,5	89,7	23,3	0,0	6,4	0,0	–
11	Удэгейцы	51,2	50,0	26,3	21,0	73,1	27,3	0,0	–	0,0	–
12	Эвенки (Хабаровский край)	34,7	15,1	33,3	13,3	85,0	34,8	12,1	28,0	10,0	–
13	Чжурчжени (Партизанское-3; IX–XIII вв.)	3/4	24,1	56,3	20,0	33,3	40,0	0,0	27,6	0,0	7,1
14	Чжурчжени (Надеждинский м-к)	95,2	5,4	22,2	27,7	–	28,6	–	43,4	5,0	–
15	Мохэ (VIII–XI вв.)	74,1	8,4	20,0	64,6	25,3	13,6	8,4	48,4	6,2	0,0
16	Охотская культура** (V–XII вв.)	85,7	19,2	61,9	29,2	8,3	0,0	–	38,5	4,0	4,0
17	Эпидзёмон/Сацумон** (VII–XII вв.)	71,4	28,6	0,0	0,0	6,7	0,0	–	34,6	0,0	0,0
18	Дзёмон** (13 тыс. до н. э. – III в. до н. э.)	66,7	36,8	27,6	3,1	25,0	13,8	–	22,9	6,8	10,3
19	Янковская культура (IX–V вв. до н. э.)	85,7	38,9	23,1	50,0	43,8	30,0	–	53,3	0,0	–
20	Ымьятахская культура (III–II тыс. до н. э.)	87,5	11,1	50,0	0,0	50,0	22,2	–	11,1	0,0	–
21	Бойсмана-2 (V–III тыс. до н. э.)	100,0	20,0	0,0	33,3	16,7	16,7	–	28,6	0,0	6,7
22	Чертовы Ворота (VI тыс. до н. э.) п/Н*	1/1	3/5	3/5	4/5	0/4	3/5	0/5	1/1	0/5	0/4

Примечание. Условные обозначения признаков: shov(2+3) UП – лопатообразная форма верхних медиальных резцов; LM1(6) – шестибугорковая форма нижних моляров; dw – коленчатая складка метаконида на первом нижнем моляре; dsc – дистальный гребень тригонида на первом нижнем моляре; hu (3, 3+) UM2 – редукция гипоконуса на втором верхнем моляре; Сага (2–5) UM1 – бугорок Карабелли на первом верхнем моляре; LM1(4) – четырёхбугорковая форма первого нижнего моляра; LM2 (4) – четырёхбугорковая форма второго нижнего моляра; tap1 – внутренний средний дополнительный бугорок на первом нижнем моляре.

* – частоты признаков не вычислялись ввиду малого числа наблюдений; N – общее число наблюдений для данного признака, n – число случаев, когда фен присутствовал;

** – данные по (Kabiragi et al. 2010). Следующие признаки были пересчитаны: hu(3, 3+) UM2 и LM2(4); частоты shov(2+3) UП не в полной мере сопоставимы с остальными группами, так как определены иным способом, нежели принято в отечественной одонтологии; 13 – неопубликованные данные Н.А. Лейбовой; 2–5, 16–18 – (Kabiragi et al. 2010); 6 – (Воронина, Вацаева 1979); 7–12 – (Халдеева 1979); 14, 19–21 – (Зубова 2018); 15 – (Зубова, Кербе 2018); 22 – (Веселовская и др. 2022).

Заключение

Исследованный айнский могильник – один из немногочисленных памятников истории древней дальневосточной группы людей – айну. В наше время на о. Сахалин чистокровных айну не осталось. Айну – очень древняя группа людей, относительно происхождения которой имеется целый ряд гипотез. Любые находки следов айнской цивилизации приближают нас к пониманию их истории, того, как и когда они оказались на Сахалине и Японских островах, откуда пришли, кто их предки, какой образ жизни они вели, каковы были их этнологические особенности.

Наше исследование показало следующее. В изученной нами группе айну из некрополя Кузнецово 1 (о. Сахалин), датированной XVII–XVIII вв., выявлено семь индивидов.

Краниологический анализ показал, что мужчина из погребения 4 характеризуется брахикранией со средней высотой лица, слабой горизонтальной профилировкой лицевого скелета на уровне скул, длинным и узким носом и высокими орбитами. Данные параметры лица ярко выражены на скульптурной реконструкции, сделанной по методу М.М. Герасимова. Сравнительный анализ показал морфологическую неоднородность сборной группы айну. А череп мужчины из погребения 4 из Кузнецово 1 схож с черепом женщины айну с о. Хоккайдо по формообразующим параметрам.

Остеологическое исследование выявило относительную удлиненность проксимального отдела руки у женщин согласно плече-бедренному индексу. Прижизненная длина тела мужчин и женщин была ниже среднего и малой. Массивность костей рук у мужчин и женщин была низкой, бедренных костей у мужчин – вариабельной, у женщин массивными оказались только большеберцовые кости.

Одонтологический комплекс изученной группы айнов характеризуется крайним своеобразием, не находящим аналогий среди других серий айнов с островов Хоккайдо и Сахалин. По степени выраженности отдельных черт у индивидов из Кузнецово 1 можно найти некоторое сходство с «современными» народами Дальнего Востока (нивхи, нанайцы) и носителями янковской культуры раннего железного века с территории Приморья. Вероятно, захороненные в могильнике индивиды были родственниками.

Из патологий необходимо отметить признаки травмы (ушиба) правой теменной кости мужчины из погребения № 6, которая могла иметь боевой характер. Иные патологии людей группы связаны с проблемами зубочелюстного аппарата, а также с адаптацией организма к условиям окружающей среды (к воздействию холодных влажных ветров).

Список источников

- Алексеев В.П. Остеометрия. М.: Наука, 1966.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964.
- Василевский А.А. Исследование поселения Кузнецово-I // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1987. С. 204–205.
- Веселовская Е.В., Рассказова А.В., Лейбова Н.А., Григорьева О.М. Новые антропологические данные по неолиту Забайкалья и Дальнего Востока. Сообщение 2. Одонтология. Антропологическая реконструкция // Сибирские исторические исследования. 2022. № 3. С. 168–194. doi: 10.17223/2312461X/37/10
- Воронина В.Г., Вацаева В.Ф. Народы Сибири и Дальнего Востока. Приморье // Этническая одонтология СССР. М.: Наука, 1979. С. 212–228.
- Голубев В.А. Археологические источники изучения древней истории Сахалина и Курильских островов // Проблемы археологических исследований на Дальнем Востоке СССР: материалы XIII Дальневост. науч. конф. по проблемам отечественной и зарубежной историографии. Владивосток: ИИАЭ ДВО АН СССР, 1986. С. 12–27.
- Дебец Г.Ф. Антропологические исследования Камчатской области // Труды Института этнографии. Новая серия. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. XVII.
- Зубов А.А. Одонтология. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968.
- Зубов А.А. Заключение // Этническая одонтология СССР. М.: Наука, 1979. С. 229–251.
- Зубов А.А., Халдеева Н.И. Одонтология в антропофенетике. М.: Наука, 1993.
- Зубова А.В. Неолитическое население Южного Приморья и его роль в формировании коренного населения Дальнего Востока (по одонтологическим данным из могильника Бойсмана-2) // *Camera praehistorica*. 2018. № 1 (1). С. 117–128.
- Зубова А.В., Кербс (Казакова) Е.А. Одонтология мохэ-тройской группы в контексте формирования населения Дальнего Востока // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2018. Т. XXIV. С. 260–263.
- Козинцев А.Г. Статистические данные к проблеме происхождения краниологического типа айнов // Расо-генетические процессы в этнической истории. М.: Наука, 1974. С. 229–242.
- Козинцев А.Г. Европеиды, монголоиды, австралоиды: стадийность или метисация? // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2013 г. / отв. ред. Ю.К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 27–35.
- Козинцев А.Г. Айны, японцы, их предки и соседи: результаты краниоскопических исследований в Японии // Айнская проблема (Вопросы этногенеза и этнической истории айнов). Санкт-Петербург; Владивосток: Рубеж, 2017. С. 87–110.
- Козинцев А.Г. Об индонезийском компоненте в антропологическом составе населения Японии // Этнография. 2021. № 4 (14). С. 24–36.
- Кун К.Я. К 350-летию плавания голландской экспедиции под руководством Маартена Герритсена Фриса у берегов Сахалина и Курильских островов. Из журнала старшего штурмана Корнелиса Янсона Куна. Вступительная статья, подготовка текста перевода к печати и примечания М.С. Высокова // Краеведческий бюллетень. 1993. № 4. С. 98–149.
- Рогинский Я.Я., Левин М.Г. Антропология. М.: МГУ, 1978.
- Соколов А.М. Японские гарды цуба в айнских коллекциях Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН // Восточная Азия: Вещи, история коллекций, тексты. СПб.: МАЭ, 2009. Т. 55. С. 121–135.
- Халдеева Н.И. Народы Сибири и Дальнего Востока. Дальний Восток // Этническая одонтология СССР. М.: Наука, 1979. С. 204–211.
- Хрисанфова Е.Н. Эволюционная морфология скелета человека. М.: МГУ, 1978.

- Atsushi Tajima, Masanori Hayami, Katsushi Tokunaga, Takeo Juji, Masafumi Matsuo, Sangkot Marzuki, Keiichi Omoto, Satoshi Horai. Genetic origins of the Ainu inferred from combined DNA analyses of maternal and paternal lineages // *J. Hum Genet.* 2004. № 49. P. 187–193.
- Duggan A.T., Choongwon Jeong, Shigeki Nakagome, Anna Di Rienzo. Deep History of East Asian Populations Revealed Through Genetic Analysis of the Ainu // *Genetics.* 2016. Vol. 202. P. 261–272.
- Duggan A.T., Whitten M., Wiebe V., Crawford M., Butthof A., Spitsyn V., Makarov S., Novgorodov I., Osakovsky V., Pakendorf B. Investigating the prehistory of Tungusic peoples of Siberia and the Amur-Ussuri region with complete mtDNA genome sequences and Y-chromosomal markers // *PLoS One.* 2013. № 8 (12): e83570. doi: 10.1371/journal.pone.0083570
- Hanihara K. Mongoloid dental complex in the deciduous dentition, with special reference to the dentition of the Ainu // *Journal of the Anthropological Society of Nippon.* 1970. Vol. 78. P. 3–17.
- Hanihara K. Dental traits in Ainu, Australian aborigines, and New World populations // *The first Americans: origins, affinities, and adaptations.* N.Y., 1979. P. 125–134.
- Ito S. Regional differences of the Ainu skulls with references to the non-Ainu characteristics of the skulls from Moyoro, Hokkaido // *J. Med. Sci.* 1971. № 46. P. 247–268.
- Kaburagi M., Ishida H., Goto M., Hanihara T. Comparative studies of the Ainu, their ancestors, and neighbors: assessment based on metric and nonmetric dental data // *Anthropological Science.* 2010. Vol. 118, № 2. P. 95–106.
- Matsumura H., Ishida H., Amano T., Ono H., Yoneda M. Biological affinities of Okhotsk culture people with East Siberians and Arctic people based on dental characteristics // *Anthropological Science.* 2009. Vol. 117. P. 121–132.
- Ohya Haruo. On the process of crystallization of «Sakhalin Ainu» // *Bulletin of the Institute for the Study of North Eurasian Cultures, Hokkaido University.* 1985. № 17. P. 165–192.
- Scott G.R., Irish, J.D. Human tooth crown and root morphology: The Arizona State University dental anthropology system. Cambridge University Press, 2017.
- Sekine Tatsuhito. Japanese, The Infiltration of Ezochi by Japanese as Indicated by Stonework Belonging to the Edo Period // *Journal of the Japanese Archaeological Association.* 2013. № 36. P. 59–84.
- Sekini Tatsuhito. Japanese products excavated from Sakhalin owned by the Sakhalin State University // 中近世北方交易と蝦夷地の内国化に関する研究 平成22年度～25年度科学研究費補助金基盤研究A (課題番号22242024) 研究成果報告書–2014. Исследование северной торговли среднего и раннего Нового времени и одомашнивания эдзоты. 2010–2013 фин. годы. Грант поддержки научных исследований «А» (тема № 22242024). Отчет о результатах исследований. Университет Хиросаки, 2014. С. 1–182.
- Turner C.G. II, Nichol C.R., Scott G.R. Scoring procedures for key morphological traits of the permanent dentition: The Arizona State University dental anthropology system // M.A. Kelley, C.S. Larsen (eds.) *Advances in Dental Anthropology.* Wiley-Liss; New York, 1991. P. 13–31.
- Turner C.G., Hanihara K. Additional features of Ainu dentition // *American Journal of Physical Anthropologist.* 1977. Vol. 46, № 1. P. 13–24.

References

- Alekseev V.P. (1966) *Osteometriia* [Osteometry]. Moscow: Nauka.
- Alekseev V.P., Debets G.F. (1964) *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovanii* [Cranioimetry. Methodology of anthropological research]. Moscow: Nauka.
- Vasilevskii A.A. (1987) *Issledovanie poseleniia Kuznetsovo-I* [Study of the Kuznetsovo-I settlement]. In: *Issledovaniia pamiatnikov drevnikh kul'tur Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Studies of monuments of ancient cultures of Siberia and the Far East]. Novosibirsk: Nauka, Sib. otd., pp. 204–205.

- Veselovskaya, E.V., Rasskazova, A.V., Leibova, N.A. & Grigorieva, O.M. (2022) New Anthropological Data on the Neolithic of the Transbaikalia and the Far East Part 2. Dental Anthropology, Craniofacial Reconstruction. *Siberian Historical Research – Sibirskie Istoricheskie Issledovaniya*. 3. pp. 168–194 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/37/10
- Voronina V.G., Vashchaeva V.F. (1979) Narody Sibiri i Dal'nego Vostoka. Primor'e [Peoples of Siberia and the Far East. Primorye]. In: *Etnicheskaya odontologiya SSSR* [Ethnic odontology of the USSR]. Moscow: Nauka, pp. 212–228.
- Golubev V.A. (1986) Arkheologicheskie istochniki izucheniia drevnei istorii Sakhalina i Kuril'skikh ostrovov [Archaeological sources for the study of the ancient history of Sakhalin and the Kuril Islands]. In: *Problemy arkheologicheskikh issledovaniy na Dal'nem Vostoke SSSR: Materialy XIII Dal'nevostochnoi nauchnoi konferentsii po problemam otechestvennoi i zarubezhnoi istoriografii* [Problems of archaeological research in the Far East of the USSR: Proceedings of the XIII Far Eastern scientific conference on problems of domestic and foreign historiography]. Vladivostok: IIAE DVO AN SSSR, pp. 12–27.
- Debets G.F. (1951) Antropologicheskie issledovaniia Kamchatskoi oblasti [Anthropological research of the Kamchatka region]. *Trudy Instituta etnografii. Novaia seriia*. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, Vol. XVII.
- Zubov A.A. (1979) Zakliuchenie [Conclusion]. In: *Etnicheskaya odontologiya SSSR* [Ethnic odontology of the USSR]. Moscow: Nauka, pp. 229–251.
- Zubov A.A. (1968) *Odontologiya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Dental Anthropology. Methodology of Anthropological research]. Moscow: Nauka.
- Zubov A.A., Khaldeeva N.I. (1993) *Odontologiya v antropofenetike* [Dental Anthropology in Anthropophenetics]. Moscow: Nauka.
- Zubova A.V. (2018) Neoliticheskoe naselenie Iuzhnogo Primor'ia i ego rol' v formirovanii korennoogo naseleniia Dal'nego Vostoka (po odontologicheskim dannym iz mogil'nika Boismana-2) [Neolithic population of the southern Primorye and its affinities with the indigenous population of the Far East (based on dental non-metric traits from the Boismans-2 burial ground sample)]. *Camera Praehistorica*, no. 1, pp. 117–128
- Zubova A.V., Kerbs (Kazakova) E.A. (2018) Odontologiya mokhe troitskoi grupy v kontekste formirovaniia naseleniia Dal'nego Vostoka [Dental Anthropology of Mokhe from Troitsky Burial Ground in The Context of The Origin of Ancient Population of Russian Far East]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*, Vol. XXIV, pp. 260–263.
- Kozintsev A.G. (2021) Ob indoneziiskom komponente v antropologicheskoi sostave naseleniia Iaponii [On the Indonesian Component in The Population History of Japan]. *Etnografiia*, no. 4(14), pp. 24–36.
- Kozintsev A.G. (2014) Evropeoidy, mongoloidy, avstraloidy: stadial'nost' ili metisatsiia? [Caucasoids, Mongoloids, Australoids: stadiality or miscegenation?]. In: *Radlovskii sbornik: Nauchnye issledovaniia i muzeinye proekty MAE RAN v 2013 g.* [Radlov collection: Scientific research and museum projects of the MAE RAS in 2013] / Ed. by Iu.K. Chistov. St. Petersburg: MAE RAN, pp. 27–35.
- Kozintsev A.G. (1974) Statisticheskie dannye k probleme proiskhozhdeniia kraniologicheskogo tipa ainov [Statistical data on the problem of the origin of the craniological type of the Ainu]. In: *Rasogeneticheskie protsessy v etnicheskoi istorii* [Race-genetic processes in ethnic history]. Moscow: Nauka, pp. 229–242.
- Kozintsev A.G. (2017) Ainy, iapontsy, ikh predki i sosed: rezul'taty kranioskopicheskikh issledovaniy v Iaponii [Ainu, Japanese, their ancestors and neighbors: results of cranioscopic studies in Japan]. In: *Ainskaia problema (Voprosy etnogeneza i etnicheskoi istorii ainov)* [The Ainu Problem (Questions of Ethnogenesis and Ethnic History of the Ainu)]. St. Petersburg; Vladivostok: Rubezh, pp. 87–110.
- Kun K.Ia. (1993) K 350-letiiu plavaniia gollandskoi ekspeditsii pod rukovodstvom Maartena Gerritsena Frisa u beregov Sakhalina i Kuril'skikh ostrovov. Iz zhurnala starshogo shturmana Kornelisa Iansona Kuna. Vstupitel'naia stat'ia, podgotovka teksta perevoda k

- pechati i primechaniia M.S. Vysokova [On the 350th anniversary of the voyage of the Dutch expedition led by Maarten Gerritsen Vries off the coast of Sakhalin and the Kuril Islands. From the journal of senior navigator Cornelis Jansson Koen. Introduction, preparation of the translation for publication and notes by M.S. Vysokov], *Kraevedcheskii biulleten'*, no. 4, pp. 98–149.
- Roginskii Ia.Ia., Levin M.G. (1978) *Antropologiya* [Anthropology]. Moscow: MGU.
- Sokolov A.M. (2009) Iaponskie gardy tsuba v ainskikh kollektsiakh Muzeia antropologii i etnografii im. Petra Velikogo RAN [Japanese tsuba guards in the Ainu collections of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences]. In: *Vostochnaia Aziia: Veshchi, istoriia kollektsii, teksty* [East Asia: Objects, History of Collections, Texts]. St. Petersburg: MAE. Vol. 55, pp. 121–135.
- Khaldeeva N.I. (1979) Narody Sibiri i Dal'nego Vostoka. Dal'nii Vostok [Peoples of Siberia and the Far East. Far East]. In: *Etnicheskaya odontologiya SSSR* [Ethnic odontology of the USSR]. Moscow: Nauka, pp. 204–211.
- Khrisanfova E.N. (1978) *Evolutsionnaya morfologiya skeleta cheloveka* [Evolutionary morphology of the human skeleton]. Moscow: MGU.
- Atsushi Tajima, Masanori Hayami, Katsushi Tokunaga, Takeo Juji, Masafumi Matsuo, Sangkot Marzuki, Keiichi Omoto & Satoshi Horai (2004) Genetic origins of the Ainu inferred from combined DNA analyses of maternal and paternal lineages, *J Hum Genet*, no. 49, pp. 187–193.
- Duggan A.T., Choongwon Jeong, Shigeki Nakagome, Anna Di Rienzo (2016) Deep History of East Asian Populations Revealed Through Genetic Analysis of the Ainu, *Genetics*, Vol. 202, pp. 261–272.
- Duggan A.T., Whitten M., Wiebe V., Crawford M., Butthof A., Spitsyn V., Makarov S., Novgorodov I., Osakovsky V., Pakendorf B. (2013) Investigating the prehistory of Tungusic peoples of Siberia and the Amur-Ussuri region with complete mtDNA genome sequences and Y-chromosomal markers, *PLoS One*, no. 8(12): e83570. doi: 10.1371/journal.pone.0083570
- Hanihara K. (1979) Dental traits in Ainu, Australian aborigines, and New World populations. In: *The first Americans: origins, affinities, and adaptations*. N.Y., pp. 125–134.
- Hanihara K. (1970) Mongoloid dental complex in the deciduous dentition, with special reference to the dentition of the Ainu, *Journal of the Anthropological Society of Nippon*, Vol. 78, pp. 3–17.
- Ito S. (1971) Regional differences of the Ainu skulls with references to the non-Ainu characteristics of the skulls from Moyoro, Hokkaido, *J. Med. Sci.* no. 46, pp. 247–268.
- Kaburagi M., Ishida H., Goto M., Hanihara T. (2010) Comparative studies of the Ainu, their ancestors, and neighbors: assessment based on metric and nonmetric dental data, *Anthropological Science*, Vol. 118, no. 2, pp. 95–106.
- Matsumura H., Ishida H., Amano T., Ono H., and Yoneda M. (2009) Biological affinities of Okhotsk culture people with East Siberians and Arctic people based on dental characteristics, *Anthropological Science*, Vol. 117, pp. 121–132.
- Ohya Haruo (1985) On the process of crystallization of «Sakhalin Ainu», *Bulletin of the Institute for the Study of North Eurasian Cultures, Hokkaido University*, no. 17, pp. 165–192.
- Scott G.R., Irish, J.D. (2017) *Human tooth crown and root morphology: The Arizona State University dental anthropology system*. Cambridge University Press.
- Sekine Tatsuhito (2013) Japanese, The Infiltration of Ezochi by Japanese as Indicated by Stonework Belonging to the Edo Period, *Journal of the Japanese Archaeological Association*, no. 36, pp. 59–84.
- Sekini Tatsuhito (2014) Japanese products excavated from Sakhalin owned by the Sakhalin State University. In: 中近世北方交易と蝦夷地の内国化に関する研究-平成22年度～25年度科学研究費補助金基盤研究A(課題番号22242024) 研究成果報告書-2014. A Study on the Northern Trade in the Middle and Early Modern Period and the Domestication of Ezochi. FY2010-FY2013. Grant-in-Aid for Scientific Research (Topic No. 22242024). Research Report. Hirosaki University, pp. 1–182.

Turner C.G. II, Nichol C.R. and Scott G.R. (1991) Scoring procedures for key morphological traits of the permanent dentition: The Arizona State University dental anthropology system. In: Kelley, M.A. and Larsen, C.S. (eds.) *Advances in Dental Anthropology*. Wiley-Liss, New York, pp. 13–31.

Turner C.G., Hanihara K. (1977) Additional features of Ainu dentition, *American Journal of Physical Anthropologist*, Vol. 46, no. 1, pp. 13–24.

Сведения об авторах:

ВАСИЛЕВСКИЙ Александр Александрович – доктор исторических наук, зав. кафедрой российской и всеобщей истории, Институт филологии, истории и востоковедения, Сахалинский государственный университет (Южно-Сахалинск, Россия). E-mail: vasilevski@bk.ru

ВАСИЛЬЕВ Сергей Владимирович – доктор исторических наук, зав. Центром физической антропологии, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва, Россия). E-mail: vasbor1@yandex.ru

БОРУЦКАЯ Светлана Борисовна – кандидат биологических наук, доцент, кафедра антропологии, биологический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: vasbor1@yandex.ru

ПАШЕНЦЕВ Павел Анатольевич – старший преподаватель кафедры российской и всеобщей истории, Институт филологии, истории и востоковедения, Сахалинский государственный университет (Южно-Сахалинск, Россия). E-mail: Pashentsev@inbox.ru

МОЖАЕВ Александр Валерьевич – научный сотрудник, Малое предприятие ООО «Сахалинская археологическая экспедиция» (Южно-Сахалинск, Россия). E-mail: mozaevav@rambler.ru

ЛЕЙБОВА Наталья Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра физической антропологии, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва, Россия). E-mail: leibova.natalia@iea.ras.ru

ГАЛЕЕВ Равиль Марветович – младший научный сотрудник Центра физической антропологии, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва, Россия). E-mail: ravil.galeev@iea.ras.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Alexander A. Vasilevski, Sakhalin State University (Yuzhno-Sakhalinsk, Russian Federation). E-mail: vasilevski@bk.ru

Sergey V. Vasilyev, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: vasbor1@yandex.ru

Svetlana B. Borutskaya, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: vasbor1@yandex.ru

Pavel A. Pashentsev, Sakhalin State University (Yuzhno-Sakhalinsk, Russian Federation). E-mail: Pashentsev@inbox.ru

Alexander V. Mozhaev, Small Enterprise ООО Sakhalin Archaeological Expedition (Yuzhno-Sakhalinsk, Russian Federation). E-mail: mozaevav@rambler.ru

Natalia A. Leibova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: leibova.natalia@iea.ras.ru

Ravil M. Galeev, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: ravil.galeev@iea.ras.ru

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 3 октября 2024 г.;
принята к публикации 19 декабря 2024 г.*

*The article was submitted 03.10.2024;
accepted for publication 19.12.2024.*

MISCELLANEA

Научная статья
УДК 339.5+94(510)07
doi: 10.17223/2312461X/46/6

Сибирь и Государство Йеттишар: эволюция внешнеторговых связей

Владимир Николаевич Шкунов¹

¹ Самарский федеральный исследовательский центр РАН,
Самара, Россия, orientru63@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы внешнеторговых связей Сибири и Государства Йеттишар в период его существования. Особое внимание уделено проблемам развития внешней торговли Сибири с Восточным Туркестаном в предшествующие эпохи, ассортименту восточных товаров, каналам их поставок в Россию, составу купечества, ценам, объемам торговли и т.д. Показаны особенности торговли в ведущих городах Йеттишара: Кульдже, Чугучаке, Аксу, Яркенде, Турфане, Хотане и др. Подчеркиваются значение и роль сибирских городов в российско-восточной торговле. Проанализированы политика российских властей в отношении Йеттишара, а также причины англо-российского торгово-экономического и военно-политического соперничества в регионе. Рассмотрена деятельность Мохаммеда Якуб-хана Бадаулета – основателя и правителя Йеттишара. Отмечена гибкость его политики лавирования между конкурирующими европейскими державами, стремление заручиться поддержкой Лондона, Санкт-Петербурга, и Стамбула, а также его желание развивать торгово-экономические отношения с сопредельными странами.

Ключевые слова: Российская империя, Сибирь, Йеттишар, внешняя торговля, товары, купцы

Для цитирования: Шкунов В.Н. Сибирь и Государство Йеттишар: эволюция внешнеторговых связей // Сибирские исторические исследования. 2024. № 4. С. 141–159. doi: 10.17223/2312461X/46/6

Original article
doi: 10.17223/2312461X/46/6

Siberia and the State of Yettishar: The Evolution of Foreign Trade Relations

Vladimir Nikolaevich Shkunov¹

*Samara Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences,
Samara, Russian Federation, orientru63@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the issues of foreign trade relations between Siberia and the State of Yettishar during its existence. Special attention is paid to the

problems of the development of foreign trade between Siberia and East Turkestan in previous eras, the range of Oriental goods, their supply channels to Russia, the composition of merchants, prices, trade volumes, etc. The article discusses the features of trade in the leading cities of Yettishar: Kuldzha, Chuguchak, Aksu, Yarkend, Turfan, Khotan, etc. The importance and role of Siberian cities in Russian-Eastern trade are noted. The policy of the Russian authorities in relation to Yettishar, as well as the reasons for the Anglo-Russian trade, economic and military-political rivalry in the region are analyzed. The activity of Mohammed Yakub Khan Badaulet, the founder and ruler of Yettishar, is considered. The flexibility of his policy of maneuvering between competing European powers, the desire to enlist the support of London, St. Petersburg, and Istanbul, as well as his desire to develop trade and economic relations with neighboring countries were noted.

Keywords: Russian Empire, Siberia, Yettishar, foreign trade, goods, merchants

For citation: Shkunov, V.N. (2024) Siberia and the State of Yettishar: The Evolution of Foreign Trade Relations. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 141–159 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/46/6

Введение

История современного Синьцзяна в последние годы приковывает все больше внимания исследователей в России, Китае и других странах мира. Регион на протяжении многих веков играл особую роль в торгово-экономических отношениях сопредельных стран Востока, находился на перекрестке важнейших торговых путей. В XIX в. Восточный Туркестан становится своеобразным яблоком раздора между Российской империей, Китаем и Великобританией. С середины столетия данный регион привлекал внимание как российских властей, так и отечественных предпринимателей, заинтересованных в расширении торговых связей с Восточным Туркестаном. Падение Дунганской державы и образование нового мусульманского государства Йеттишар во главе с Якуб-беком знаменовали новую страницу в истории Восточного Туркестана. В сравнительно короткое время существования государства Йеттишар укрепились торговые связи сибирских купцов с местными торговцами, расширился ввоз восточных товаров в пределы Сибири, а российских – в Восточный Туркестан.

Во второй половине XVIII в. появляются первые труды, в которых приводятся сведения о торговых отношениях Российской империи с Восточным Туркестаном. Среди них особо следует выделить работы П.И. Рычкова (1887), И.И. Неплюева (1893), М.Д. Чулкова (1785) и др. В этих трудах рассмотрены вопросы ассортимента экспорта и импорта, каналов поставок товаров, состава купечества и т.д. В трудах российских ученых, политических деятелей все шире стали освещаться события в Зюньгории.

В XIX в. корпус источников и литературы по экономической истории Восточного Туркестана значительно расширился. В это время появились

фундаментальные труды М.И. Венюкова (1861), П.И. Небольсина (1856), А.А. Семенова (1859), Ю.А. Гагемейстера (1854), А.Н. Куропаткина (1879), Н.П. Устьянцева (1881) и др. Кроме этого, отметим публикации в периодической печати: «Туркестанские ведомости» (Попытки к установлению... 1871), «Семипалатинские областные ведомости» (О русской торговле... 1871) и пр.

В современной отечественной литературе следует выделить труды А. Ходжаева (1979), Д.А. Исиева (1981), С.В. Моисеева (2003), И.В. Анисимовой и соавт. (2012), В.А. Бармина, С.Д. Дмитриева, В.Г. Шматова (2016) и др. Однако в них вопросам торговых связей Сибири с Государством Йеттишар уделено недостаточно внимания.

Изучение внешнеторговых связей Сибири и государства Йеттишар – поучительная страница истории внешнеторговых связей Российской империи с сопредельными странами Востока в XIX в. В настоящей статье предпринята попытка раскрыть особенности торговых связей Сибири с Йеттишаром. Вместе с тем сложность настоящего исследования определяется узкими хронологическими рамками: временем существования Государства Йеттишар (1867–1878 гг.), а также ограниченностью источников (в том числе на иностранных языках), слабой разработанностью темы.

Предыстория

Торговые связи Сибири с народами Восточного Туркестана восходят ко времени активной русской колонизации Зауралья. После Сибирского похода Ермака, основания Тюмени (1586 г.) и Тобольска (1587 г.), начала переселения русских в Западную Сибирь отмечаются первые контакты с торговцами из Восточного Туркестана. В 1596 г. в Тобольск поступил царский указ о невзимании пошлин с восточных торговых караванов. Это способствовало тому, что в сибирские города Тюмень, Тару, Тобольск и Томск ежегодно стали прибывать большие торговые караваны из Восточного Туркестана: «...торговля эта, разумеется, сразу приняла характер транзитной, потому что Сибирь ничего не производила; азиатские товары через Сибирь проходили в Москву, а московские – через нее же везлись в Азию» (Андриевич 1889: 160).

Впрочем, для восточных купцов торговые пути к берегам Туры, Тобола и Иртыша были хорошо известны со времен Сибирского ханства. В конце XVI–XVII вв. торговые караваны из Кашгара, Яркенда и других городов Восточного Туркестана регулярно доставляли товары в города Западной Сибири. Торговля сохранялась и после завоевания Галдан-Бошогту Кашгара в 1679 г., Яркенда в 1680 г., Туфана и Хами в 1681 г. Вхождение этих земель в состав Джунгарского ханства открывало новую страницу в российско-восточной торговле. Уйгурские торговцы,

поддерживаемые хунтайджи, принимали активное участие в торговле с Россией.

Меновая торговля осуществлялась по Сибирской пограничной линии, а со времени основания Оренбурга возник новый канал внешнеторговых связей – по Оренбургской пограничной линии в Троицке, Оренбурге. Новым этапом в развитии торговых связей Сибири с Восточным Туркестаном стал XVIII в. Этот регион приковывал внимание Петра Великого и его преемников. Купцы из Восточного Туркестана стали ежегодно посещать знаменитую Ирбитскую ярмарку – великое торжище Сибири.

В 1732 г. к правителю Джунгарии был направлен в качестве посла генерал-майор Угрюмов с целью урегулировать вопросы двусторонней торговли. Предлагалось не брать пошлины в Сибири с калмыцких купцов, выезжавших для торговли на Иртышскую линию, а также с российских товаров, ввозимых в Джунгарию. На обратном пути вместе с российским послом в Семипалатинскую крепость прибыли джунгарские и бухарские купцы (Земляницын 1876: 4). В 1738 г. на Иртышскую линию прибыл очередной джунгарский караван, в котором находилось 250 купцов. Часть торговцев направились в Семипалатинск, а другие – в Ямышевскую крепость и Томск (Земляницын 1876: 5). В 40-е гг. XVIII в. джунгарские купцы осуществляли торговую деятельность преимущественно в Семипалатинске и Ямышевской крепости с уплатой таможенных пошлин. Среди джунгарских товаров следует отметить серебро в ямбах, песочное золото, собольи и лисьи шкуры, а также лошадей, баранов и коз.

В 1753 г. в Семипалатинске была учреждена пограничная таможня. В это время войны Джунгарии с Китаем практически прервали торговлю в Семипалатинске. Отмечено лишь появление в крепости китайских торговцев, доставивших разные товары, ямбовое серебро и пленных калмыков (Земляницын 1876: 7).

Падение Джунгарского ханства в 1758 г., захват обширного края маньчжуро-китайскими войсками привели к резкому сокращению торговых контактов местных торговцев (многие из них были убиты) с Сибирью. Для восстановления торговых отношений потребовались годы. Край, получивший название Синьцзян («Новая граница»), постепенно стал интегрироваться в китайскую экономику. В регионе стали вести активную деятельность китайские купцы, фактически подорвавшие торговую деятельность местного купечества: скупая по дешевке товары местного производства, они взамен предлагали китайские товары по завышенным ценам (в первую очередь, чай).

В соответствии с решением Министра коммерции от 23 июня 1803 г. было разрешено отправлять купеческие караваны не через Бухтарминскую крепость, а через Семипалатинскую в сопровождении военного

конвоя в 10 казаков. В 1829 г. было разрешено купцам 2-й гильдии производить торговлю в Западном Китае наравне с купцами 1-й гильдии (Земляницын 1876: 15).

К середине XIX в. усиливается интерес сибирских купцов к Сибирскому краю. Так, в 1845 г. для исследования торговли в Кульдже и Чугучаке была направлена экспедиция С. Любимова (Памятная 1881: 115). В этом же году было разрешено восточным купцам, приезжавшим в города Сибири, торговать без торговых свидетельств. В 1847 г. ташкентским купцам разрешено проживать в городах Западной Сибири без «письменных видов», поскольку через них «главным образом производится внешняя торговля с Кашгаром, Кульджей и Чугучаком» (Памятная 1881: 116). В этом же году настоятелю Духовной миссии в Пекине архимандриту Поликарпу было поручено провести переговоры с китайским правительством о разрешении торговли сибирским купцам в Чугучаке, Кульдже и Кашгаре. Наконец, 25 июля 1851 г. был заключен Кульджинский трактат, в соответствии с которым российские купцы получили право на торговлю в Кульдже и Чугучаке. Российские консулы в Кульдже (Захаров) и в Чугучаке (Татаринов) информируют сибирские власти о торговле в крае, вносят предложения по ее расширению. К 1854 г. объем торговли сибирских купцов в Чугучаке оценивался в 2 млн руб. (Памятная 1881: 120).

В 1855 г. толпа фанатиков сожгла российскую факторию в Чугучаке, что привело к прекращению торговли сибирских купцов. Впоследствии Пекин согласился выплатить российской стороне 300 тыс. руб. сер. в качестве компенсации за причиненный ущерб.

В 50-е гг. XIX в. в Сибири значительно расширилась ярмарочная торговля, что стимулировало развитие российско-восточных торговых связей. Внутренний рынок гигантского макрорегиона Российской империи нуждался как в сырье, так и в готовых изделиях из стран Азии. Кроме этого, выросло число купцов 1-й и 2-й гильдии, заинтересованных в установлении прямых торговых связей с государствами Востока. Так, в 1859 г. лиц, имевших купеческие капиталы в Западной Сибири, насчитывалось 989, а все торгующее сословие в этом крае составляло 3 767 чел. (Завалишин 1862: 70). В Тобольской губернии в это время насчитывалось 75 ярмарок, в Томской губернии – 38 (Завалишин 1862: 69–70). Как отмечалось в дореволюционной литературе, «что касается линейной пограничной торговли с Китаем и Средней Азии, то и она в прогрессе»: в 1857 г. из стран Востока было доставлено товаров на 6 047 347 руб. сер., а вывоз оценивался в 3 838 867 руб. сер. (Завалишин 1862: 71). Там же читаем: «До сих пор главные пункты привоза из Коканда, Бухарии и Западного Китая – Семипалатинск и Петропавловск, в особенности последний, который в этом отношении начинает затмевать Троицк и Оренбург» (Завалишин 1862: 164–165).

Генерал-губернатор Западной Сибири Густав Христианович Гасфорд (1850–1861 гг.) сделал многое для развития торговли региона с Западным Китаем. При его содействии были открыты российские торговые фактории в Кульдже и Чугучаке, что способствовало расширению двусторонней торговли. К торговле с Западным Китаем обратились многие сибирские купцы, а также казаки торгового общества. Большие надежды купечества возлагались на открытие пароходства по озеру Балхаш, реке Иле до Кульджи, а также на обустройство проезжей колесной дороги от Омска в Заилийский край. Несомненно, развитие сибирских городов было во многом связано с развитием российско-восточной торговли: «...там военный стан передовой Руси у граней среднеазиатских – Омск; шумный восточный караван-сарай – Петропавловск; обширные торговые центры: Ишим, Курган, Ялуторовск; богатая и суетящаяся Тюмень, даже Туринск» (Завалишин 1862: 305).

В течение этого десятилетия (1850–1861 гг.), по данным М.И. Венюкова, через Сибирские таможни (Семипалатинск и Петропавловск), а также через Омскую, Коряковскую и Усть-Каменогорскую заставы объем торговли с Западным Китаем вырос вдвое: с 1 767 885 руб. в 1850 г. до 3 893 834 руб. (Венюков 1861: 165).

Важным событием в истории российско-восточных связей стала экспедиция Ч.Ч. Валиханова в Кашгар для сбора сведений о положении в крае в 1859 г. Собранные им материалы представляли особую ценность для объективной характеристики экономической ситуации в Кашгаре, внешней и внутренней торговли. А уже в 1860 г. в Кашгаре было открыто российское консульство. Непокойная ситуация в Синьцзяне, восстание дунган и присоединившихся к ним кашгарских ходжи привели в 1864 г. к полному прекращению торговли западносибирских купцов в Кульдже и Чугучаке. В 1865 г. были отменены пошлины с отпускных товаров по всей азиатской границе (Памятная 1881: 129).

2 ноября 1860 г. в Пекине был заключен дополнительный договор к Тяньцзинскому трактату, в соответствии с которым в Кашгаре учреждалось российское консульство. Генеральный консул в Кульдже И. Захаров в течение короткого времени смог решить комплекс вопросов об открытии двусторонней торговли в фактории на правом берегу реки Кызыл-дарьи (Маев 1876а: 87). Во время переговоров с китайскими властями российский дипломат настаивал на том, чтобы «все дороги в Кашгар были открыты для русских торговцев» (Маев 1876а: 87). Как и все отечественные дипломаты, И. Захаров занимался сбором информации о внутреннем положении в Восточном Туркестане, местном производстве, торговле, купцах и т.д. По его мнению, «сбыт русских изделий в Кашгар может представить большие выгоды нашим торговцам». Консул привел список местных товаров, которые доставлялись в Сибирь из Кашгара:

даба, хлопок-сырец, лапис-лазурь (из Бадахшана), шелк-сырец (из Хотана), шлиховое золото, хвосты буйволов и пр. Начавшаяся смута в Восточном Туркестане, вторжение кара-киргизов и кокандцев, истребление китайских гарнизонов в пограничье приостановили планы российских властей по открытию консульства в Кашгаре, а также отрицательно отразились на российской торговле в крае. Так, из-за недружественного отношения Якуб-хана к сопредельным российским территориям купеческий караван Немчинова вынужден был задержаться в Кашгаре на год.

Первая половина XIX в. отмечена крупными восстаниями уйгуров, что накладывало отпечаток как на региональную экономику, так и на внешнеторговые связи Синьцзяна с соседними государствами. В конечном счете в 1864 г. на территории края были провозглашены Кучарское, Дунганское (Урумчинский султанат), Хотанское, Кашгарское ханства, а в 1867 г. – Таранчинский султанат. Эта раздробленность представляла очевидную угрозу, что вызвало потребность в объединении пяти небольших мусульманских государств под верховенством Кашгарского ханства. Объединителем земель выступил Мухаммед Якуб-бек, ставший ханом нового государства Йеттишар.

Восстание привело к ликвидации российских консульств и факторий в Кульдже и Чугучаке, прекращению торговли, возникновению беспорядков на российской границе и наплыву беженцев в пределы России. Как отметил М.А. Терентьев, «наше невмешательство, погубив дело Китая в Джунгарии и Кашгарии, погубило и нашу собственную торговлю в этих странах...» (1875: 122).

Наконец, в 1871 г. в результате успешной военной экспедиции российских войск во главе с военным губернатором Семиреченской области генерал-лейтенанта Г.А. Колпаковского был завоеван Илийский султанат (Кульджинский поход), который был включен в состав Российской империи до 1881 г., когда в соответствии с Петербургским договором был возвращен империи Цин (за исключением приграничных 23 тыс. км²) (Исследования 1872: 29).

В настоящей статье мы предпринимаем попытку раскрыть особенности торговых связей Йеттишар с Сибирью в рассматриваемый период. Вместе с тем сложность настоящего исследования определяется узкими хронологическими рамками (1867–1878 гг.), а также ограниченностью источников (в том числе на иностранных языках) и слабой разработанностью темы.

Взаимовыгодная торговля – путь к сближению народов

Крупнейшим центром сибирско-восточной торговли в рассматриваемый период оставалась Ирбитская ярмарка. 21 февраля 1869 г. министром внутренних дел Российской империи были утверждены «Правила

для Ирбитской ярмарки» (Правила 1895). Этим документом определялись общие требования к организации торговли, найму ярмарочных мест, устройству временных и постоянных ярмарочных помещений, полицейские правила и пр. Им руководствовались как отечественные, так и восточные торговцы. В первые годы существования государства Йеттишар обороты Ирбитской ярмарки были следующими: в 1867 г. – 38 622 800 руб., в 1868 г. – 37 311 200 руб., в 1869 г. – 39 184 400 руб., в 1870 г. – 40 066 500 руб., в 1871 г. – 40 782 000 руб. (Хитров 1872: 74). В 1871 г. только чая было продано 2 025 т. Значимость ярмарочной торговли в Ирбите отмечал А. Хитров: «Обширность сибирской территории и других среднеазиатских, с нарастающим там населением и потреблением, обуславливают необходимостью обмена произведений азиатских на европейские. Обмен этот за отдаленностью промышленных центров будет всегда совершаться на ближайшем, удобном пункте, каковым не может не остаться г. Ирбит» (1872: 81).

В первые годы существования государства Йеттишар через Семипалатинск ввоз товаров в 1867 г. составил 401 883 руб., а вывоз – 1 312 677 руб., в 1868 г. – 1 110 771 руб. и 103 096 руб. соответственно (Земляничин 1876: 16). Среди российских товаров следует отметить следующие: юфть, ивановские ситцы, нанку, вельверет, сукно, демикатон, полуситец, миткаль, коленкор, платки, китайки, чугуны, железо и пр.

Из Семипалатинска восточные товары расходились по всей Сибири, включая алтайские горнозаводские поселения. Также товары из Йеттишара доставлялись на Ирбитскую, Нижегородскую ярмарки, а также в Казань и другие города Российской империи.

Несколько слов о путях из Сибири в Йеттишар. Главный транспортный путь из Кашгара проходил по рекам Артыш и Аксай в долину реки Нарын (к устью реки Арча), а оттуда – вдоль западной части Иссык-Куля по долине реки Чу к российским укреплениям Кастек и Верное (Валиханов 1968: 34). Также важной дорогой считался тракт из Семипалатинска в Кульджу (740 верст) и из Кульджи в Кашгар (750 верст). Как отмечал Ч. Валиханов, «эта дорога для следования караванов наиболее удобна и постоянно поддерживается в исправном виде» (36).

Весной 1872 г. в целях защиты торговых интересов российских купцов в Йеттишаре планировалась военная экспедиция российских войск к границам Кашгара. Узнав об этом, Якуб-хан срочно направил письмо, в котором выразил желание видеть в Аксу российское посольство (Маев 1876a: 89).

Определенная часть товаров из Йеттишара поступала в Сибирь из Ташкента и других городов Средней Азии. Ташкент был крупным торговым центром в Средней Азии. В одном из источников читаем: «Вот и большой базар с его разнохарактерной толпой... Тут вы увидите представителей всей Азии. Перед вами, как в калейдоскопе, проходит эта

пестрая толпа людей» (Маев 18766: 292–293). На базаре в Ташкенте насчитывалось 2 763 лавки с разнообразными мануфактурными изделиями, чайной посудой, обувью, одеждой (халаты и др.), сахаром, чаем, ювелирными изделиями и пр.

Ташкентские купцы поддерживали тесные связи с Кашгаром, Яркендом и другими городами. Некоторые товары, доставленные оттуда, они с выгодой перепродавали в сибирских городах (Results 1871: 381).

Йеттишар поддерживал торговые связи с Индией. Поскольку путь из Индии в Кашгар и другие города был опасным и трудным, сюда доставлялись, как правило, только очень ценные товары: кашмирские шали, индийский чай, лекарства, мелкие металлические изделия (ножи, бритвы, иголки, наперстки и пр.), а также небольшое количество английских ситцев (Певцов 1895: 189).

Об общих объемах торговли Сибири с Йеттишаром можно судить по некоторым британским источникам. В них отмечалось, что внешняя торговля Йеттишара характеризовалась небольшими оборотами, что было связано с немногочисленностью населения, его бедностью, невысоким спросом на импортные товары, а также слабостью местного производства. Единственное, что давало определенные преимущества местным купцам, – это выгодное географическое положение Йеттишара, находившегося на перекрестке важнейших торговых путей, а также возможность транзита и реэкспорта товаров из других сопредельных стран Азии. Торговля с Россией осуществлялась преимущественно через города Верный, Токмак, Нарын в сторону Кашгара, а также по дорогам на Аксу, Каракол и Хоканд. В 1869 г. вывоз в Кашгар оценивался в 274 665 руб., а ввоз – в 376 281 руб., в 1870 г. вывоз из Кашгара составил 184 182 руб., а ввоз – 39 843 руб., в 1871 г. соответственно: 473 338 руб. и 140 372 руб. (Schuyler 1876: 217). В 1872 г. объем торговли уже оценивался в 1 110 000 руб., а в 1874 г. только экспорт дабы составил 324 000 руб. и местных овец (85 382 головы) на общую сумму 256 000 руб. (217).

Статистические сведения о сибирско-йеттишарской торговле в этот период времени собирал коммерческий агент российского посольства в Кашгаре Колесников. Также ценные сведения о торговле в Йеттишаре, его внешнеэкономических связях и сибирско-йеттишарской торговле содержатся в фундаментальном научном труде А.Н. Куропаткина (1879).

Главные центры торговли в Йеттишаре

Главными центрами торговли в Йеттишаре были города Яркенд, Кашгар, Хотан, Аксу, Турфан, Хами, Куча и др. Большинство из них было расположено на Шелковом пути и имело долгую торговую историю. Эти коммерческие традиции передавались из поколения в поколе-

ние. На протяжении веков сложились торговые пути и связи с сопредельными странами и народами: Индией, Тибетом, Бадахшаном, Балхом, Монголией, Афганистаном, Кашмиром, Пенджабом, ханствами Средней Азии, Китаем, Ираном и т.д.

В 1868 г. решением российских властей были упразднены Оренбургская и Сибирская таможенные линии. Именно отсюда в Санкт-Петербург поступали статистические сведения о ходе внешнеторговых связей с государствами Востока. С ликвидацией таможенных постов статистические сведения перестали поступать. Восполнил этот пробел Н.Ф. Петровский, агент Министерства финансов в Туркестанском генерал-губернаторстве. В его сборнике содержатся ценные сведения о доставке товаров из Семипалатинска, Петропавловска, Кашгара и др. (Петровский 1873).

Расширению знаний о государстве Йеттишар и его городах способствовали российские экспедиции. Среди них особенно следует выделить поездки официальных российских дипломатических миссий в 1870 г.: капитана Генерального штаба барона А.В. Каульбарса в 1872 г., экспедиции П.Я. Рейнталя в 1875 г. и др. В их донесениях, рапортах, «записках» и отчетах содержалась информация о внутренней и внешней торговле Йеттишара, а также сведения о ведущих торговых центрах страны.

Урумчи играл важную роль в торговле, преимущественное место в которой принадлежало дунганам. Сюда из Китая доставлялись чай и разнообразные хлопчатобумажные ткани, а также шелковые материи, табак, фарфоровая посуда, металлические изделия, небольшое количество английских мануфактур (Певцов 1895: 359). Частыми гостями в Урумчи были семипалатинские торговцы. Из Турфанского округа они доставляли в Сибирь хлопок-сырец и изюм, а также иные местные и импортные товары.

Другим важным центром внутренней и международной торговли в Йеттишаре был Яркенд. Находившийся в Яркендском оазисе, он привлекал внимание многих иностранных торговцев. Город славился изделиями из нефрита, производством хлопчатобумажных тканей, выделкой кож, ковров, войлоков, шелковых тканей и т.д. Яркенд поддерживал торговые связи с Пекином, Ладакхом, Тибетом, среднеазиатскими владениями, Россией и т.д. В самом городе было около 30 караван-сараев, где жили и российские торговцы, которые доставляли в Яркенд ситцы, металлические изделия и другие товары, а вывозили преимущественно хлопчатобумажные ткани (мата), ковры, козий пух, овчины и войлоки (Певцов 1895: 86). Яркенд также славился местной яшмой, из которой изготавливались ювелирные изделия. Также яшма в больших количествах отправлялась в Пекин и в соседние владения (Бичурин 1829: 134–138).

Хотан славился производством хлопчатобумажных тканей (мата), шерстяных и шелковых ковров, войлоков, шкур тонкорунных овец, изделий из нефрита, добываемого в горах Кунылуна и пр. Хотан, как и Яркенд, поддерживал торговые связи с Ладакхом, Индией, владениями Средней Азии, Россией и т.д.

Аксу славился, прежде всего, торговлей лошадьми, рисом, пшеницей и кукурузой. В городе проживало 200 красильщиков. Торговцы, приезжавшие в Аксу, проживали в четырех караван-сараях (Сборник 1884: 121). Также Аксу славился производством дабы и кож, которые вывозились в сопредельные страны и регионы, включая Сибирь (Куропаткин 1879: 30). Город считался третьим по значимости в Йеттишаре, а с 1870 г. стал официальной резиденцией Якуб-хана. М.И. Венюков отмечал в своем сочинении: «Выбор этого города столицей показывает искусного стратега и политика в Якуб-беке, ибо Аксу есть не только центральный пункт его владений, но и наименее доступный с севера и юга» (1873: 312).

Одним из древнейших торговых центров края был город Кашгар. Здесь находился крупный базар, на котором можно было встретить торговцев из ближних и дальних стран Востока. В одном из британских изданий о пестром национальной составе купечества на рынке Кашгара написано следующее: «Калмык с квадратным лицом, плоским носом, высокими скулами и румяным безволосым лицом стоит рядом с афганцем гигантских пропорций, с орехово-коричневой кожей, красивыми чертами лица и лоснящейся черной бородой, в то время как взгляд останавливается на светловолосом, полнолицем андижанце голландского телосложения, которого, в свою очередь, толкает знакомый чернокожий мусульманин-хиндустани с маслянистым лицом, курильщик опиума грязного цвета. Китаец и смуглокожий бадакши с мягкими бакенбардами, с высоким полным лбом, длинным изогнутым носом тонкой формы и овальным лицом истинно арийского типа» (Kashgar 1890: 8).

Важным центром торговли между Россией и Китаем на протяжении длительного времени была Кульджа. Эту роль город сохранял и в период существования государства Йуттишар. Приведем сведения о торговле в городе в 1873 г. Среди импортных российских товаров следует выделить следующие: сукно, трико, драп, шерстяные и полушерстяные ткани, хлопчатобумажные ткани, готовое платье и обувь, бакалейные товары, металлические изделия и пр. Всего в этот год в Кульджу было доставлено товаров на 210 819 руб. Среди вывозных товаров отметим серебро в ямбах, табак, чай, сахар, леденцы, конфеты, кожевенные товары, скот, меха и пр. Объем вывоза в 1873 г. – 240 655 руб. (Пантусов 1876: 168–171). Среди купцов в этот год в Кульджу приезжали торговцы из Петропавловска, Кокчетова, Тобольска, Семиреченска, Верного, Тюмени и других мест.

Следует заметить, что в торговле с городами Йеттишара с российской стороны особую роль играли татарские купцы и приказчики. Также английские путешественники отмечали особую роль таджиков в торговле Йеттишара (Shaw 1871: 26).

Якуб-хан Бадаулет – правитель Йеттишара

В ход восстаний на территории Китайского Туркестана вмешался правитель Кокандского ханства, направивший войско во главе с бывшим комендантом Ак-Мечети Якуб-беком. Воспользовавшийся слабостью правителя Кашгарии, Якуб-бек сумел достичь успеха, отстранил местного хана от власти: «Заклучив хана в тюрьму, Якуб-бек сделался полновластным господином Китайского Туркестана или Кашгарии» (Терентьев 1875: 125).

Вышедший из самых низов общества, уроженец городка Пскента под Ташкентом, не имевший никакого образования, Якуб-хан Бадаулет проявил себя как мудрый государственный деятель, который в течение короткого времени провел ряд важнейших реформ. При этом все преобразования ему приходилось проводить в условиях гибкого лавирования между Санкт-Петербургом и Лондоном. Используя англо-российское соперничество в Средней Азии, Якуб-хан стремился одновременно заручиться поддержкой Российской империи и Великобритании. Среди союзников хана были и власти Османской империи. В Санкт-Петербурге заняли нейтральную, выжидательную позицию по отношению к новому государству. Российские власти выразили желание всемерно развивать двустороннюю торговлю, но при этом воздержались от официального, дипломатического признания правительства Якуб-хана. Англичане же открыто поддерживали новую власть, снабжая ханское войско необходимым оружием с территории Индии. Политическую и экономическую поддержку Йеттишару оказывал Стамбул.

Российские власти и отечественные исследователи того времени по-разному оценивали деятельность Якуб-хана. Так, Н. Маев в своей работе отмечал, что «причиной незавидного положения наших торговых сношений с этой частью Средней Азии служит, как известно, деспотизм ее правителя Якуб-хана» (1876б: 86). Однако правитель уделял вопросам внутренней и внешней торговли самое пристальное внимание. При Якуб-хане все местные торговцы были освобождены от налогов и оплачивали только свидетельства на право торговли (Певцов 1895: 189).

Летом 1867 г. Якуб-хан принял российское посольство, которое предложило установить прямые торговые отношения. Предложения были тщательно изучены, после чего Якуб-хан направил в Верный своего сек-

ретаря Тюрю Ахуна для завершения переговоров о двусторонней торговле. Йеттишарская сторона брала на себя обязательства по обеспечению безопасности российских торговых караванов (Исиев 1981: 35).

В 1868 г. Якуб-хан направил в Санкт-Петербург придворного Шали Мирзу, которому было поручено добиться дипломатического признания Йеттишара. Однако переговоры в российской столице ограничились обсуждением вопросов двусторонней торговли и пошлин. Такая позиция Санкт-Петербурга объяснялась стремлением российских властей не вступать в конфликт с Пекином. В 1868 г. в Йеттишар прибыл первый российский купеческий караван, который был встречен благосклонно как самим Якуб-ханом, купившим за золото немало товаров, но и местным купеческим сообществом (Исиев 1981: 37).

Однако в последующем позиция Якуб-хана по отношению к российским торговцам резко изменилась. Не добившись официального признания Йеттишара Санкт-Петербургом, он приказал создать нетерпимые условия для торговли российским купцам. Указание было выполнено. Так, в январе 1870 г. купеческий караван Кузнецова с чаем был задержан в Йеттишаре, а сам торговец помещен под стражу до тех пор, пока его товар не был распродан по бросовым ценам (Исиев 1981: 40). Реакция российских властей была крайне негативной. В Санкт-Петербурге звучали высказывания о необходимости «оградить Кульджу от Якуб-бека» (1981: 40). Ситуация резко обострилась летом 1871 г., когда российские войска заняли Илийский край – Таранчинский султанат. Появление войск к северу от границ Йеттишара встревожило Якуб-хана. В связи с этим он задумал уговорить правителя Кокандского ханства Худояр-хана разорвать торгово-экономические отношения с Российской империей. Опасаясь сближения правителя Йеттишара с англичанами, в Санкт-Петербурге решили направить в 1872 г. специальное посольство во главе с полковником Н.В. Каульбарсом к Якуб-хану.

В целом, до 1872 г. отношение Якуб-хана к России было неприязненным. Только заключенный договор от 8 июня 1872 г. снял все ограничения в российской торговле в Йеттишаре и открыл отечественным купцам свободный доступ на рынки этой восточной страны (Венюков 1873: 317).

В рассматриваемый период к Якуб-хану прибывали различные иностранные делегации, которые наряду с прочими вопросами обсуждали проблемы двусторонних торгово-экономических отношений. Также в другие страны направлялись делегации с целью признания нового государства. Например, в 1869 г. Якуб-хан направил в Индию своих посланников с просьбой прислать в Йеттишар английских офицеров (годом ранее, в 1868 г., было направлено посольство в Санкт-Петербург). Некоторые зарубежные посланники приезжали в Йеттишар и с разведывательными целями, а также с намерением склонить правителя на свою сто-

рону. Так, в 1873 г. в резиденции Якуб-хана побывали Т. Дуглас Форсайт, англо-индийский дипломат, и группа британских офицеров, которые официально должны были заключить торговый договор, а на самом деле собрать необходимые сведения о положении в стране (Rawlinson 1881: 307). Британский посланник заметил, что во время его пребывания в Яркенде к Якуб-хану прибыла делегация туркмен, склонявшая правителя Йеттишара против России. Однако Якуб-хан отверг такое предложение и призван туркмен воздержаться от недружественных действий против Российской империи. В Лондоне внимательно следили за событиями в Йеттишаре. После визита Т. Дугласа Форсайта в Яркенд в палате представителей королевства неоднократно рассматривался вопрос по поводу заключенного торгового соглашения с Якуб-ханом, а также о российском влиянии в Восточном Туркестане. Так, на заседании палаты 15 мая 1874 г. отмечалось: «... мы прилагаем все усилия, чтобы закрыть нашу Индийскую империю со стороны Афганистана, так сказать, с бокового входа, для которого территория Кашгара была парадной дверью, и, кроме того, большое значение, которое русские придавали вопросам границы, и то, как они наблюдали за нашими действиями по эту сторону Индии, так же, как и по другую, придавали этому вопросу большее значение, чем многим другим, которые занимали внимание Палаты представителей» (Hansard's 1874: 338).

Следует заметить, что Якуб-хан привлекал к службе грамотных людей, хорошо разбирающихся в вопросах политики, экономики, дипломатии. Так, хорошо владевшего русским языком некоего Миркасыма из Семипалатинска правитель Йеттишара назначил на должность руководителя дипломатического ведомства государства (Чаргынова 2020: 145). Высокие государственные должности занимали также выходцы из казахов, киргизов, подданных Кокандского ханства и др.

Якуб-хан уделял особое внимание вопросам внешнеторговых связей. Один из лучших знатоков Йеттишара, лично встречавшийся с его правителем во время посольства в мае 1876 г., полковник Генерального штаба и действительный член Императорского Русского Географического общества (впоследствии военный министр и главнокомандующий русской армией на Дальнем Востоке в период Русско-японской войны) Алексей Николаевич Куропаткин отмечал: «Правитель Кашгарии Якуб-бек смотрел на торговлю, как на свою личную монополию. Он оценивал по своему усмотрению товары и значительную часть из них забирал по назначенным им же ценам, в кредит на неопределенный срок» (Куропаткин 1879: 48).

31 мая 1877 г. правитель Йеттишара скончался (убит заговорщиками), что привело к потере контроля над армией и государством. В стране начались борьба за власть, придворные интриги, стремление занять трон

разными группировками. Этим воспользовались китайские власти, которые в ходе военной операции смогли в 1878 г. уничтожить государство Йеттишар. Чтобы поставить жирную точку в истории этой страны, китайцы извлекли из могилы труп Якуб-хана и публично его сожгли.

Заключение

Таким образом, торговые связи России с Восточным Туркестаном, насчитывавшие несколько веков, в период существования государства Йеттишар были сложными и противоречивыми. За короткое время существования в сибирско-йеттишарской внешней торговле наблюдались периоды подъема и полного прекращения, что было связано как с политикой Якуб-хана, так и с общей ситуацией в стране. На торговые отношения двух государств накладывало отпечаток и усилившееся англо-российское соперничество в этом крае: стремление Санкт-Петербурга и Лондона иметь рычаги влияния на Якуб-хана и недопущение усиления влияния друг друга в Йеттишаре. Возобновление торговых связей сибирских городов с ведущими центрами торговли в Восточном Туркестане отвечало потребностям российского внутреннего рынка. Трудно не согласиться с мнением первого отечественного историка внешней торговли М.Д. Чулковым, который очень образно и точно подметил: «В Сибири великое богатство, сокращенно, одним словом, в употреблении принято: Сибирь – золотое дно» (1785: 4). Это богатство прирастало и купеческим капиталом, ориентированным на рынки сопредельных стран Востока. Отечественные торговцы проявляли особый талант, гибкость, дальновидность, умение приспосабливаться к стремительно меняющимся условиям торговли, как это было в короткий период существования государства Йеттишар.

Список источников

- Андреевич В.К. История Сибири. Ч. 1. СПб.: Типография В.В. Комарова, 1889.
- Анисимова И.В., Бармин В.А., Лысенко Ю.А., Старцев А.В. История Синьцзяна. Барнаул: Азбука, 2012.
- Бармин В.А., Дмитриев С.Д., Шматов В.Г. Синьцзян: очерк истории региона // Общество и государство в Китае: 46-я науч. конф. Т. XLVI. Ч. 1. Ученые записки Отдела Китая. Вып. 21. 2016. С. 209–244.
- Бичурин Н.Я. Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. Ч. 1–2. СПб.: Типография К. Крайя, 1829.
- Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. Алма-Ата: Наука, 1968.
- Венюков М.И. Краткий обзор внешней торговли через Западную Сибирь в 1851–1860 гг. // Записки Русского Географического общества. 1861. № 3. С. 161–186.
- Венюков М.И. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПб.: Типография В. Безобразова и Ко, 1873.
- Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. Ч. 2. СПб.: Типография 2-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1854.

- Завалишин И.И. Описание Западной Сибири. М.: Типография Грачева и Ко, 1862.
- Земляницын И. Исторический очерк Семипалатинска и его торговля // Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. 4. СПб.: Типография и хромофотография А. Траншеля, 1876. С. 1–74.
- Исиев Д.А. Уйгурское государство Йэйтишар (1864–1877). М.: Наука, 1981.
- Исследования о Туркестанском крае // Отчет Императорского Русского географического общества за 1871 год. СПб.: Типография В. Безобразова и Ко, 1872. С. 26–30.
- Куропаткин А.Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1879.
- Маев Н.А. Торговые сношения с Кашгаром // Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. 4. СПб.: Типография и хромофотография А. Траншеля, 1876а. С. 86–89.
- Маев Н.А. Азиатский Ташкент // Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. 4. СПб.: Типография и хромофотография А. Траншеля, 1876б. С. 260–313.
- Моисеев С.В. Взаимоотношения России и Уйгурского Государства Йэйтишар в 1864–1877 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2003.
- Небольсин П.И. Очерки торговли России со странами Средней Азии, Хивой, Бухарой и Коканом (со стороны Оренбургской линии). СПб.: Типография Академии наук, 1856.
- [Неплюев И.И.]. Записки Ивана Ивановича Неплюева: 1693–1773. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1893.
- О русской торговле с Западным Китаем // Семипалатинские областные ведомости. 1871. № 1.
- Памятная книжка Западной Сибири. Омск: Типография Окружного штаба, 1881.
- Пантусов Н.Н. Статистические сведения по Кульджинскому району // Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. 4. СПб.: Типография и хромофотография А. Траншеля, 1876. С. 139–195.
- Певцов М.В. Труды Тибетской экспедиции, 1889–1890. Ч. 1: Путешествие по Кунь-Луню, северной окраине Тибетского нагорья и Чжунгарии в 1889-м и 1890-м годах. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1895.
- Петровский Н.Ф. Материалы для торговой статистики Туркестанского края. Вып. 1. Ташкент: Типография Окружного штаба, 1873.
- Попытки к установлению русской торговли в Северо-Западном Китае // Туркестанские ведомости. 1871. № 7.
- Правила для Ирбитской ярмарки, утвержденные г. Министром внутренних дел 21 февраля 1869 г. // Справочная книжка г. Ирбита и Ирбитской ярмарки на 1895 год. Ирбит: Типография В.В. Михайлова, 1895. С. 174–183.
- Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург: Типография Б. Бреслина, 1887.
- Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб.: Военная типография, 1884.
- Семенов А.А. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 год. Ч. 1. СПб.: Типография И.И. Глазунова и Ко, 1859.
- Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: Типография Меркульева, 1875.
- Устьянцев Н.П. Сибирь и ее значение для всемирной торговли // Исторический вестник. 1881. № 11. С. 586–603.
- Хитров А. К истории г. Ирбита и Ирбитской ярмарки. Ирбит: Типография А.А. Дробинина, 1872.
- Ходжаев А. Цинская империя, Джунгария и Восточный Туркестан (колониальная политика Цинского Китая во второй половине XIX в.). М.: Наука, 1979.
- Чаргынова Г.О., Махаева А.Ш. и др. Влияние государства Йэйтишар на казахов и киргизов Туркестанского генерал-губернаторства Российской империи // Былые годы. 2020. Т. 55, вып. 1. С. 142–151.

- Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего. Т. 3, кн. 1. СПб.: Университетская типография, 1785.
- Hansard's Parliamentary Debates. Vol. 219. London: Published by Cornelius Buck, 1874.
- Kashgar // The Encyclopaedia Britannica. Vol. XIV. New York: The Henry G. Allen Co, 1890. P. 7–9.
- Rawlinson H.C. The Past and the Future of the Turkomans // Journal of the Royal United Service Institution. Vol. 24. London: Published by W. Mitchell and Co, 1881. P. 298–313.
- Results of the Observations taken by Mr. R.B. Shaw during his Journey to Yarkand in the year 1870 // Journal of the Royal Geographical Society. Vol. 41. London: John Murray, 1871. P. 373–392.
- Schuyler E. Turkistan. Notes of a Journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara, and Kuldja. Vol. 1. London: Sampson Low, Marston, Searle & Rivington, 1876.
- Shaw R. Visits to High Tartary, Yarkand, and Kashghar (formerly Chinese Tartary). London: John Murray, 1871.

References

- Andrievich V.K. (1889) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Part 1. St. Petersburg: Tipografiya V.V. Komarova.
- Anisimova I.V., Barmin V.A., Lysenko Yu.A., Startsev A.V. (2012) *Istoriya Sin'czyana* [History of Xinjiang]. Barnaul: Azbuka.
- Barmin V.A. Dmitriev S.D., Shmatov V.G. (2016) Sin'czyan: ocherk istorii regiona [Xinjiang: an essay on the history of the region]. In: Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae: 46-ya nauch. konf. T. XLVI. Ch. 1. [Society and the state in China: 46th Scientific Conference Vol. XLVI. Part 1] *Uchenye zapiski Otdela Kitaya*. Vyp. 21, pp. 209–244.
- Bichurin N.Y. (1829) *Opisanie Chzhun'garii i Vostochnogo Turkestana v drevnem i nyneshnem sostoyanii* [Description of Zhungaria and East Turkestan in the ancient and current state. Part 1–2]. Saint-Petersburg: Tipografiya K. Kraiya.
- Valikhanov Ch.Ch. (1968) *Sobranie sochinenij v 5-ti tomah*. T. 4. [Collected works in 5 volumes. Vol. 4]. Alma-Ata: Izdatel'stvo «Nauka» Kazahskoj SSR.
- Venyukov M.I. (1861) Kratkij obzor vneshnej trgovli cherez Zapadnuyu Sibir' v 1851–1860 gg. [A brief overview of foreign trade through Western Siberia in 1851–1860], *Zapiski Russkogo Geograficheskogo obshchestva* № 3, pp. 161–186.
- Gagemeister Yu.A. (1854) *Statisticheskoe obozrenie Sibiri*. P. 2 [Statistical Review of Siberia]. SPb.: Tipografiya 2-go Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelarii.
- Zavalishin I.I. (1862) *Opisanie Zapadnoj Sibiri* [Description of Western Siberia]. Moscow: Tipografiya Gracheva i Ko.
- Zemlyanitsyn I. (1876) Istoricheskij ocherk Semipalatinska i ego trgovlya [Historical sketch of Semipalatinsk and its trade]. In *Materialy dlya statistiki Turkestanskogo kraja* [Materials for statistics of the Turkestan region]. Saint-Petersburg: Tipografiya i hromolitografiya A. Transhelya, pp. 1–74.
- Isiev D.A. (1981) *Ujgurskoe gosudarstvo Jettishar (1864–1877)* [The Uighur state of Yattishar (1864–1877)]. Moscow: Nauka.
- Issledovaniya o Turkestanskom krae (1872). [Research on the Turkestan region]. *Otchet Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva za 1871 god*. Saint-Petersburg: Tipografiya V. Bezobrazova i Ko, pp. 26–30.
- Kuropatkin A.N. (1879) *Kashgariya. Istoriko-geograficheskij ocherk strany, ee voennye sily, promyshlennost' i trgovlya* [Kashgaria. Historical and geographical outline of the country, its military forces, industry and trade]. Saint-Petersburg: Tipografiya V.S. Balasheva.

- Mayev N.A. (1876) Torgovyie snosheniya s Kashgarom [Trade relations with Kashgar]. In *Materialy dlya statistiki Turkestanskogo kraja*. Vyp. 4. [Materials for statistics of the Turkestan region. Iss. 4], pp. 86–89.
- Mayev N.A. (1876) Torgovyie snosheniya s Kashgarom [Asian Tashkent]. *Materialy dlya statistiki Turkestanskogo kraja* [Materials for statistics of the Turkestan region. Iss. 4]. Saint Petersburg: Tipografiya i hromolitografiya A. Transhelya, pp. 260–313.
- Moiseev S.V. (2003) *Vzaimootnosheniya Rossii i Ujgurskogo Gosudarstva Jettishar v 1864–1877 gg.*: avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk [Relations between Russia and the Uighur State of Yattishar in 1864–1877: abstract of the dissertation of the Candidate of Historical Sciences]. Altajskij gosudarstvennyj universitet. Barnaul.
- Nebolsin P.I. (1856) *Ocherki torgovli Rossii so stranami Srednej Azii, Hivoj, Buharoy i Kokanom (so storony Orenburgskoj linii)* [Essays on Russia's trade with the countries of Central Asia, Khiva, Bukhara and Kokan (from the Orenburg line)]. Saint-Petersburg: Tipografiya Akademii nauk.
- [Neplyuev I.I.]. (1893) *Zapiski Ivana Ivanovicha Neplyueva: 1693–1773* [Notes of Ivan Ivanovich Neplyuev: 1693–1773]. Saint-Petersburg: Izdanie A.S. Suvorina.
- O russkoj torgovle s Zapadnym Kitaem [About Russian trade with Western China], *Semipalatinskie oblastnye vedomosti*. № 1.
- Pamyatnaya knizhka Zapadnoj Sibiri* (1881) [Commemorative book of Western Siberia]. Omsk: Tipografiya Okruzhnogo shtaba.
- Pantusov N.N. (1876) Statisticheskie svedeniya po Kul'dzhinskomu rajonu [Statistical data on the Kul'dzhinsky district], *Materialy dlya statistiki Turkestanskogo kraja*. Vyp. 4 [Materials for statistics of the Turkestan region. Iss. 4], pp. 139–195.
- Pevtsov M.V. (1895) *Trudy Tibetskoj ekspedicii, 1889–1890*. P. 1: Puteshestvie po Kun'-Lunyu, severnoj okraine Tibetskogo nagor'ya i Chzhungarii v 1889-m i 1890-m godah [Proceedings of the Tibetan Expedition, 1889–1890. Part 1: A journey through Kun-Lun, the northern outskirts of the Tibetan Plateau and Zhungaria in 1889 and 1890]. Saint-Petersburg: Tipografiya M. Stasyulevicha.
- Petrovsky N.F. (1873) *Materialy dlya torgovoj statistiki Turkestanskogo kraja* [Materials for trade statistics of the Turkestan region] Issue 1. Tashkent: Tipografiya Okruzhnogo shtaba.
- Popytki k ustanovleniyu russkoj torgovli v Severo-Zapadnom Kitae (1871) [Attempts to establish Russian trade in Northwest China], *Turkestanskije vedomosti*. № 7.
- Pravila dlya Irbitskoj yarmarki, utverzhdennye g. Ministrom vnutrennih del 21 fevralya 1869 g. (1895) [Rules for the Irbit Fair, approved by the Minister of the Interior on February 21, 1869], *Spravochnaya knizhka g. Irbita i Irbitskoj yarmarki na 1895 god*. Irbit: Tipografiya V.V. Mihajlova, pp. 174–183.
- Rychkov P.I. (1887) *Topografiya Orenburgskoj gubernii* [Topography of the Orenburg province]. Orenburg: Tipografiya B. Breslina.
- Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii* (1884) [Collection of geographical, topographic and statistical materials on Asia]. Saint-Petersburg: Voennaya tipografiya.
- Semenov A.A. (1859) *Izuchenie istoricheskikh svedenij o rossijskoj vneshnej torgovle i promyshlennosti s poloviny XVII stoletiya po 1858 god* [The study of historical information about Russian foreign trade and industry from the half of the XVII century to 1858. Part 1]. Saint-Petersburg: Tipografiya I.I. Glazunova i Ko.
- Terentyev M.A. (1875) *Rossiya i Angliya v Srednej Azii* [Russia and England in Central Asia.]. Saint-Petersburg: Tipografiya Merkul'eva.
- Ustyantsev N.P. (1881) Sibir' i ee znachenie dlya vseмирnoj torgovli [Siberia and its significance for world trade], *Istoricheskij vestnik*, pp. 586–603.
- Khitrov A. (1872) *K istorii g. Irbiti i Irbitskoj yarmarki* [On the history of the city of Irbit and the Irbitskaya Fair]. Irbit: Tipografiya A.A. Drobinina.
- Khodjaev A. (1979) *Cinskaya imperiya, Dzhungariya i Vostochnyj Turkestan (kolonial'naya politika Cinskogo Kitaya vo vtoroj polovine XIX v.)* [The Qing Empire, Dzungaria and East

- Turkestan (the colonial policy of Qing China in the second half of the XIX century)]. Moscow: Nauka.
- Chargynova G.O., Makhaeva A.Sh. et al. (2020) Vliyanie gosudarstva Jettishar na kazahov i kirgizov Turkestanskogo general-gubernatorstva Rossijskoj imperii [The influence of the Yettishar state on the Kazakhs and Kirghiz of the Turkestan Governorate-General of the Russian Empire], *Bylye gody*. Vol. 55. Issue 1, pp. 142–151.
- Chulkov M.D. (1785). Istoricheskoe opisanie rossijskoj kommercii pri vsekh portah i granicah ot drevnih vremen do nyne nastoyashchego [Historical description of Russian commerce at all ports and borders from ancient times to the present]. Vol. 3. Book 1. Saint-Petersburg: Universitetskaya tipografiya.
- Hansard's Parliamentary Debates* (1874). Vol. 219. London: Published by Cornelius Buck.
- Kashgar (1890), *The Encyclopaedia Britannica*. Vol. XIV. New York: The Henry G. Allen Co, pp. 7–9.
- Rawlinson H.C. (1881). The Past and the Future of the Turkomans, *Journal of the Royal United Service Institution*. Vol. 24. London: Published by W. Mitchell and Co, pp. 298–313.
- Results of the Observations taken by Mr. R. B. Shaw during his Journey to Yarkand in the year 1870 (1871), *Journal of the Royal Geographical Society*. Vol. 41. London: John Murray, pp. 373–392.
- Schuyler E. (1876). *Turkistan. Notes of a Journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara, and Kuldja*. Vol. 1. London: Sampson Low, Marston, Searle & Rivington.
- Shaw R. (1871) *Visits to High Tartary, Yarkand, and Kashghar (formerly Chinese Tartary)*. London: John Murray.

Сведения об авторе:

ШКУНОВ Владимир Николаевич – доктор исторических наук, доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Самарский федеральный исследовательский центр РАН (Самара, Россия). E-mail: orientru63@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Vladimir N. Shkunov, Samara Federal Research Center, Russian Academy of Sciences (Samara, Russian Federation). E-mail: orientru63@mail.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 18 сентября 2024 г.;
принята к публикации 19 декабря 2024 г.*

*The article was submitted 18.09.2024;
accepted for publication 19.12.2024.*

Научная статья
УДК 94(47)
doi: 10.17223/2312461X/46/7

Кругосветные экспедиции из Санкт-Петербурга в первой половине XIX в.: финансово-хозяйственный аспект

Александр Юрьевич Петров¹

¹ *Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия, alaska13@yandex.ru*

Аннотация. Рассматривается финансово-хозяйственный компонент экспедиций из Санкт-Петербурга на Аляску в первой половине XIX в. Изучается экономическая деятельность Российско-американской компании (РАК) в контексте организации кругосветных плаваний. Рассматривается позиция Главного правления Российско-американской компании (ГП РАК) и его бухгалтерии по финансированию плаваний. Показано взаимодействие Министерства финансов, Министерства иностранных дел и Морского министерства по вопросам снаряжения и обеспечения дальних морских вояжей. В ходе рассматриваемого в статье периода было достигнуто соглашение, по которому РАК в основном обеспечивает доставку грузов на Аляску, а государство берет на себя функции поддержки в международных вопросах и предоставляет морских офицеров для дальних походов. Сделан вывод, что, несмотря на существенные затраты, кругосветные экспедиции регулярно отправлялись на всем протяжении первой половины XIX в. Кругосветные плавания стали международными с точки зрения привлекаемых судов и команд. Участие в них приносило морским офицерам финансовое благополучие и продвижение по служебной лестнице. Использованы методы исторического, экономического анализа и смежных гуманитарных дисциплин на основе широкого круга архивных документов.

Ключевые слова: кругосветные экспедиции, Русская Америка, Аляска, Российско-американская компания, финансово-хозяйственная деятельность, колонии Российской империи

Благодарности: статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение № 075-15-2024-537).

Для цитирования: Петров А.Ю. Кругосветные экспедиции из Санкт-Петербурга в первой половине XIX в.: финансово-хозяйственный аспект // Сибирские исторические исследования. 2024. № 4. С. 160–180. doi: 10.17223/2312461X/46/7

Original article

doi: 10.17223/2312461X/46/7

Round-The-World Voyages From St. Petersburg In the First Half of the 19th Century: Financial and Economic Aspects

Aleksandr Yu. Petrov¹

¹ *Institute of World History, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, alaska13@yandex.ru*

Abstract. The article examines the financial and economic component of expeditions from St. Petersburg to Alaska in the first half of the 19th century. The economic activities of the Russian-American Company (RAC) are studied in the context of organizing round-the-world voyages. The position of the Main Board of the Russian-American Company (MB RAC) and its accounting department on financing voyages is considered. The interaction of the Ministry of Finance, the Ministry of Foreign Affairs and the Naval Ministry on issues of equipment and provision of long-distance sea voyages is shown. During the period considered in the article, an agreement was reached that the RAC would mainly ensure the delivery of goods to Alaska, and the state would assume support functions in international matters and provide naval officers for long-distance voyages. It is concluded that despite significant costs, round-the-world expeditions were regularly sent throughout the first half of the 19th century. Round-the-world voyages became international in terms of the vessels and crews involved. Participation in them brought financial well-being and career advancement to naval officers. The article was prepared using methods of historical, economic analysis and related humanitarian disciplines based on a wide range of archival documents.

Keywords: Round-the-world expeditions; Russian America, Alaska; Russian-American Company, financial and economic activity, colonies of the Russian Empire

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of a grant provided by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement No. 075-15-2024-537).

For citation: Petrov, A. Yu. (2024) Round-The-World Voyages From St. Petersburg In the First Half of the 19th Century: Financial and Economic Aspects. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 160–180 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/46/7

Введение

Кругосветными плаваниями или вояжами принято считать экспедиции вокруг Земли, или как значится в российских документах, – «кругом света». В ходе этих плаваний пересекались все земные меридианы или параллели. Кругосветные плавания осуществлялись по различным маршрутам. В разное время они проходили по всем океанам. Первоначально они организовывались с целью поиска новых выгодных для торговли земель. Первая испанская кругосветная экспедиция во главе с

Ф. Магелланом состоялась в 1519–1522 гг. В дальнейшем капитаны кругосветных судов получали задания от правительств своих стран исследовать выгодные коммерческие пути в Индию.

Целью практически всех отечественных плаваний кругом света была Аляска, а снаряжены они были в основном за счет Российско-американской компании (РАК). Без понимания этой особенности и оценки финансово-хозяйственной деятельности РАК в России и за рубежом сложно составить «русский глобус» и изучать отечественное наследие за рубежом. В научном дискурсе в последнее время стало использоваться предложенное нами понимание Русской Америки в широком и узком значениях. В широком смысле мы понимаем заморские колонии в Тихоокеанском регионе как Новый Свет, некий фронтир первопроходцев. «Америка» – географический и исторический термин, который обозначает как континент, так и новую, неизвестную землю. С начала и до середины XIX в. из Кронштадта вышло более 50 кругосветных экспедиций. Они обусловили качественные изменения в российском флоте, повлияли на развитие ряда научных направлений и привели к важным географическим открытиям. Поэтому в широком смысле под Русской Америкой мы подразумеваем государства и регионы, где сохранилось это наследие, во многом благодаря участникам российских кругосветных плаваний (Петров и др. 2011: 1090).

Анализ литературы и методология

История морских походов вокруг света рассматривалась целым рядом исследователей в России и за рубежом. В наших изысканиях мы опираемся на традиции, заложенные одним из крупнейших отечественных историков-американистов – академиком РАН Н.Н. Болховитиновым (Иерусалимский, Давыдов, Коскина 2020).

Болховитинов отмечал значение представителей МИДа и руководства военно-морского флота (ВМФ) России в формировании и реализации общей концепции кругосветных экспедиций, которые должны были продемонстрировать успехи русских в освоении океанских просторов, особенно в изучении северной части Тихого океана. При этом еще в книге «Доктрина Монро (происхождение и характер)», вызвавшей обширные комментарии и рецензии как в СССР, так и за рубежом, Болховитинов отмечал связь кругосветных экспедиций с историей Русской Америки. Это был большой шаг вперед, так как до этого в работах П.А. Тихменева и Н.А. Ивашенцева (Тихменев 1861, 1863; Ивашенцов 1872), писавших о русских кругосветных плаваниях, этот аспект оказывался в тени. Между тем американский специалист по истории внешней политики США Д. Перкинс, высоко оценив работу Н.Н. Болховитинова, отмечал, что в книге были недостаточно освещены экспансионистские

тенденции и недооценены экономические соображения при провозглашении США доктрины Монро (Perkins 1967: 85–87). Экономическим аспектам деятельности купеческих промысловых компаний посвятила свою работу Р.В. Макарова (Макарова 1968), но ее интересовали лишь сюжеты второй половины XVIII в., и кругосветные экспедиции она не рассматривала.

Уже во время оформления научной школы академика Н.Н. Болховитинова «История США и русско-американских отношений», в которую входил автор данной статьи, получили рассмотрение экономические аспекты истории Русской Америки (Ведущие научные школы России... 1998: 550).

После ухода Н.Н. Болховитинова эти традиции сохраняются и преумножаются. Их суть заключается в использовании междисциплинарного подхода (применение методов исторического и экономического анализа) в изучении истории Русской Америки и кругосветных экспедиций, в максимально полном привлечении источников из отечественных и зарубежных архивов, а также в проведении полевых исследований (Петров и др. 2011).

Между тем стоит констатировать, что степень использования экономических методов при изучении истории все еще недостаточна (Бородкин 2023). Это справедливо и при раскрытии темы данной статьи.

Поэтому в работе над статьей стояла задача осветить финансово-хозяйственные аспекты при подготовке и осуществлении экспедиций. Мы пытались ответить, насколько затратны были кругосветные экспедиции с финансовой точки зрения. Были ли они оправданы в хозяйственном отношении при доставке товаров и припасов кругом света в Русскую Америку? Существовали ли альтернативные предложения по обеспечению русских колоний и удалось ли выработать финансово-хозяйственные механизмы взаимодействия РАК и государства при отправлении экспедиций? Ответы на эти вопросы, предложенные в статье, позволят понять, почему при огромных затратах путешествия продолжались практически вплоть до уступки Аляски США в 1867 г., а оставленное ими наследие существует до сих пор. Кроме того, рассматриваемые в данной статье сюжеты позволяют лучше понять взаимодействие дальневосточных регионов России и Китая, что не получило до сих пор должного рассмотрения, так как при изучении истории колониализма традиционно наибольшее внимание уделялось странам Европы, а другие страны и регионы оказывались в тени в связи с тем, что «российское историческое сообщество рассматривало себя в тесной связи с европейской наукой» (Крадин 2023: 18).

Наше исследование призвано внести вклад в существующий в отечественной и зарубежной историографии дискурс, связанный с работами А.Н. Ермолаева, И.В. Савельева, Дж. Гэлбрэйта (Великобритания), Дж. Гибсона (Канада), И. Виньковецкого (Канада) и других авторов по

особенностям снабжения колоний на севере Тихого океана (Galbraith 1957; Gibson 1999; Ермолаев 2013; Виньковецкий 2015; Савельев 2021). Финансово-хозяйственный аспект плаваний был отмечен в специальной таблице «Плавания из Финского залива в залив Аляска, организованные РАК для снабжения колоний, 1803–1868 гг.» в третьем томе фундаментальной «Истории Русской Америки, 1732–1867» (История Русской Америки... 1999: 339). Нами также была опубликована специальная монография по финансово-хозяйственной деятельности Российско-американской компании (Петров 2006). Однако в таком ракурсе данная проблема ставится впервые.

Здесь мы рассматриваем в основном финансово-хозяйственный аспект взаимодействия РАК и государства при подготовке дальних морских вояжей. Конечно, за сухими отчетами подчас сложно увидеть духовное и героическое наполнение этих плаваний, закрепивших значение России как одной из ведущих мировых морских держав, но тем не менее мы попытаемся показать, как, несмотря на все сложности, удавалось решать вполне прагматические вопросы, которые способствовали в конечном итоге росту престижа России в мире в целом и ее ВМФ в частности.

При разработке проблемы, поднимаемой в данной статье, использовались подходы и методы, присущие истории и другим гуманитарным наукам, особенно экономике – при анализе тех или иных статей балансов РАК. Мы учитывали, что комментарии и разъяснения бухгалтеров РАК отличаются от современных трактовок. Также привлекались лингвистические методы, что подтверждает междисциплинарность работы. Мы руководствовались принципами историзма и объективности при рассмотрении источников, а также положений детерминизма. Мы опирались на сведения, почерпнутые из ряда отечественных и зарубежных архивов, в том числе Архива Русского географического общества, Государственного архива Пермского края, Российского государственного исторического архива, Архива внешней политики Российской империи, Российского государственного архива Военно-морского флота, Национального управления архивов и документации США и других, показывающих борьбу мнений в Главном правлении Российско-американской компании по поводу финансирования кругосветных экспедиций.

Проблема экономической целесообразности кругосветных плаваний

К дальним морским плаваниям в России готовились долго и тщательно. Уже в середине XVII в. казаки С. Дежнева доказали, что смогут проходить достаточно большие морские расстояния, а походы В. Беринга вообще показали уникальную возможность русских совершать навигацию в экстремально северных широтах. Все это способствовало

тому, что в 80-х гг. XVIII в. планировалась первая кругосветная экспедиция под руководством капитана Г.И. Муловского (Gibson 1999). На ее осуществление из казны выделялись крупные средства. Подразумевалось, что это будет предприятие, которое профинансирует государство. В ходе плавания Г.И. Муловскому разрешалась торговля. Ему предписывалось по достижению берегов Аляски заботиться о сохранении за русскими пушного промысла, а также препятствовать торговле коренных народов Аляски с иностранцами, особенно с англичанами (Адмиралтейств-коллегия... 1787). Экспедиция была отменена практически накануне ее выхода из-за осложнившейся международной обстановки (Соколов 1848; Соколов 1853).

Подготовка к новому кругосветному походу началась уже в завершающий год XVIII в., после образования первой в Российской империи монопольной акционерной Российско-американской компании. Ей были дарованы права и привилегии. Сделана заявка на развитие России как заморской колониальной империи. Вовсе не случайно акционерами этого предприятия стали видные царские сановники, купцы, морские офицеры (История Русской Америки... 1999: 10). Уже через два года РАК заявила о важности осуществления давно задуманного вояжа кругом света, и, в отличие от возможного плавания Муловского, при его разработке был задействован купеческий капитал. Кроме того, в 1802 г. РАК получила в Государственном заемном банке кредит на сумму в 240 тыс. руб. Она обязывалась уплачивать до 2% годовых, погашая кредит, который выдавался на вполне конкретную цель и под конкретного человека – камергера Н.П. Резанова, на которого была еще возложена задача установить долгожданные дипломатические и торговые отношения со Страной восходящего солнца (Г.А. Сарычев... 1802). Следовало понять, как можно было обеспечить потребности Русской Америки за счет дальних морских походов (Ли Сюань 2023). Отметим, что И.Ф. Крузенштерну поручалось командование судном «Надежда», а морскому офицеру Ю.Ф. Лисянскому – «Невой» (История Русской Америки... 1999: 10).

В связи с тем что в России впервые было организовано плавание с государственным и купеческим капиталом, некоторые вопросы оказались достаточно сложнорешаемыми. Смета готовилась в ГП РАК, а дополнялась в Министерстве морских сил. В результате общий бюджет экспедиции получился такой, что съедал практически всю прибыль от акций в течение ряда лет (Краткая историческая записка... 1824). Для многих акционеров, которые не имели права голоса и обладали незначительным количеством ценных бумаг, это было серьезное финансовое испытание (Петров 2005). Долг Государственному заемному банку с процентами и определенной просрочкой в платежах удалось погасить лишь в 1807 г. Для того чтобы перераспределить убыточные статьи в балансе

1807 г., суда, товары, валовые пай, «долги за промышленными» указывались отдельно. Впервые была отмечена статья, показывающая расходы на кругосветное плавание (Обозрение... 1813). Полностью информация о расходах по экспедиции была доведена до всех акционеров лишь в 1828 г.

Вскоре после завершения первой русской кругосветной экспедиции в Главном правлении было принято решение заключить договор с американским торговцем пушниной Дж. Астором, который должен был обеспечивать припасами русские колонии. В Санкт-Петербурге и особенно в российском дипломатическом представительстве в США пребывали в самых радужных надеждах о перспективах такого сотрудничества, которое может «способом основать постоянный торг с гражданами Соединенных Штатов, доставлять выгоднейшим образом в наши селения нужные для них вещи...» (А.Я. Дашков... 1980: 382).

Однако первоначально успешно развивающаяся торговля привела вскоре к охлаждению по причине того, что у РАК отсутствовала уверенность в том, что Астор направляется на Аляску «для торговли непосредственно с компанейскими селениями, но не с дикими народами, обитающими на сем берегу» (Из записок... 1980: 425). А.А. Баранов также высказывал опасения, что проследить, как и где осуществляли торговлю с аборигенами представители компании Астора, было очень сложно. Сейчас мы знаем, что Астор получил одобрение на торговлю с индейцами от американского правительства, о чем без стеснения сообщал Т. Джефферсону: «Я взял на себя смелость написать Вам, побуждаемый уверенностью в том, что Вам будет приятно узнать, как подвигается торговля с индейцами, которую Вы с самого начала почтили своим одобрением» (Дж. Астор... 1980: 512).

Вскоре последовал перерыв в торговле, вызванный англо-американской войной и Отечественной войной 1812 г., оказалось, что полагаться на доставку товаров зарубежными партнерами, даже с учетом договоров и возможных санкций, крайне опасно. Поэтому уже к 1813 г. вновь возобладала точка зрения о важности сохранения доставки товаров на Аляску путем морских походов из Кронштадта.

К 1814 г. в Главном правлении поменялось отношение к сотрудничеству с представителями США. Возобладала точка зрения, что появление судов из Бостона скорее вредит колониям в России, и при всей затратности кругосветных плаваний их предлагалось осуществлять ежегодно, о чем прямо писали директора РАК в Филадельфию А.Я. Дашкову: «...каждый год посылать кругом света по одной шлюпе, но война исполнить то препятствовала, то тогда и американские шныри пресекут торги свои с дикими порохом и орудиями» (ГП РАК А.Я. Дашкову... 1980: 667).

С начала XIX в. до 1820 г. состоялось по крайней мере семь плаваний. Это походы под руководством Н.П. Резанова на кораблях «Нева» и

«Надежда» (1803–1806); В.М. Головнина на судне «Диана» (1807–1809), который, правда, в ходе плавания пробыл более года в японском плену; М.П. Лазарева на судне «Суворов» (1813–1816), исследовавшего и открывшего новые острова, названные им в честь А.В. Суворова; О.Е. Коцебу на бриге «Рюрик» (1815–1818), достигшего Гавайских островов; Л.А. Гagemейстера на судне «Кутузов» (1816–1819), сменившего Баранова на посту главного правителя; З.И. Понафидина на судне «Суворов» (1816–1818), открывшего «остров Трех Холмов» и В.М. Головнина на шлюпе «Камчатка» (1817–1819), в ходе плавания которого были сделаны прекрасные рисунки М. Тихоновым о людях и посещаемых странах (Копелев 2023). Состоявшиеся вояжи при всех сложностях принесли успех России и способствовали росту популярности РАК у акционеров.

Все указанные походы проходили при активном взаимодействии ГП РАК, главного правителя РАК в колониях – А.А. Баранова, министерств России и царского двора. Обо всех плаваниях докладывалось лично императору. В ходе экспедиций удалось тщательно исследовать восточные окраины Российской империи, в том числе острова Курильской гряды и Сахалин (Чепурный 2023). На картах появляются российские имена, сохранившиеся до наших дней (Ельчанинов 2021). Для России эти плавания имели огромное международное значение. Особый резонанс вызвало открытие Антарктиды в 1820 г. в ходе экспедиции М.П. Лазарева и Ф.Ф. Беллинсгаузена (Barratt 1988; Добролюбов 2020). Пожалуй, впервые в западных странах к Российской империи стали относиться именно как к империи. Эти факторы сыграли важную роль в принятии ГП РАК решения по обеспечению колоний с помощью дальних морских походов при практически полной изоляции от торговли с иностранцами. Фактически это было повторение опыта Испанской империи и Японии, проводивших с переменным успехом политику закрытых дверей. Для того чтобы защитить колонии от незаконной торговли, предполагалось отправлять ежегодно по два российских военных судна (История Русской Америки... 1999: 318).

Несмотря на серьезное финансовое давление, ГП РАК продолжало поддерживать отправку кругосветных вояжей (ГП РАК... 1828). Укреплялось взаимодействие с Министерством морских сил. Звучали доводы, что дальние плавания могут служить благом для ВМФ России, поднимут международный престиж России. Среди членов ГП РАК были и те, кто требовал сократить расходы на дальние плавания. Предлагалось уменьшить число экспедиций и отправлять их лишь из Охотска, а важные для развития колоний товары покупать у иностранцев в Калифорнии и на Аляске (Dmytryshyn 1999). Аргументация этих лиц усилилась, когда выяснилось, что лишь треть отправляемых из Санкт-Петербурга припасов доходят до колоний (М.И. Муравьев...; Окунь 1939: 65–67).

В 1818–1819 гг. меняется курс по управлению колониями, и вместо купца А.А. Баранова во главе Русской Америки встают офицеры ВМФ России. Навигационная часть экспедиции с подробным инструктажем капитанам судов, особенно в части взаимодействия с представителями зарубежных стран, оказывалась с 1802 г. заботой государства в лице Министерства иностранных дел и Министерства морских сил. Коммерческая часть – формирование такелажа – ложилась на плечи РАК. Оплата труда всех лиц, задействованных в коммерческой составляющей, а также годовая оплата за службу матросам и морским офицерам были обязанностью компании. При этом морские офицеры считали службу в компании выгодной для себя, ведь их заработок составлял от 5 до 10 тыс. рублей в год, а всего, с учетом дополнительных выплат, капитан и руководитель экспедиции могли получить от 50 до 80 тыс. рублей – фактически целое состояние по тому времени, позволяющее выйти в отставку и безбедно жить на полученные средства.

В бухгалтерии ГП РАК отмечали, что расходы на подготовку и осуществление четвертой и пятой экспедиций составили более 1,2 млн рублей, и напрашивалось компромиссное решение при сохранении «расторжек» с иностранцами в Русской Америке, но решение о запрете все же было принято в 1821 г. В этом же году в ГП РАК получили донесение из колоний о том, что большие объемы пушнины были погружены и отправлены на судах компании (П.В. Боковиков... 1821). Три кругосветные экспедиции 1819, 1820 и 1821 гг. обошлись компании более чем в 2,5 млн рублей, а доставка товаров, которые предназначались для колоний, через Иркутск, Якутск и Охотск, составляла всего 250 тыс. рублей в год (История Русской Америки... 1999: 257). Формальные цифры были явно не в пользу кругосветных экспедиций, но в этих расчетах отсутствовал фактор государственности и значения экспедиций для поднятия престижа Российской империи в мире.

В 1822 г. в правлении РАК признали, что жесткие ограничения в торговле с иностранцами вредны для компании. Директор РАК И.В. Прокофьев прямо отметил, что если бы политика отчуждения иностранцев продолжалась длительное время, она бы привела к разорению акционерной компании. Изоляция завершилась уже в 1824–1825 гг. путем заключения соглашений с США и Великобританией (И.В. Прокофьев...).

В 1823 г. в ГП РАК произошли изменения. Было принято решение о расширении состава акционеров за счет приглашения в ее состав всех морских офицеров, участвовавших в дальних походах. Откликнулись Л.А. Гагемейстер, В.М. Головин и С.И. Яновский. Однако последний вскоре вообще отказался не только от акций, но и от мирской жизни, уйдя в монастырь. Изменения коснулись и финансового блока. Бухгал-

тером стал мещанин из небольшого городка Вельска Архангельской губернии – П.В. Боковиков, при деятельном участии которого удалось навести порядок в балансах компании.

Боковиков полагал, что кругосветные вояжи стоят компании очень дорого и призывал увеличить государственное участие в их обеспечении. Он выражал уверенность в том, что если правительство возьмет на себя львиную долю расходов, то компания сможет снабжать продовольствием заморские колонии и даже дальневосточные территории. П.В. Боковиков предостерегал от увеличения непредвиденных факторов в ходе дальних плаваний, одним из таких факторов были векселя, которые брали капитаны судов для пополнения запасов в ходе плаваний и которые требовалось погасить по предъявлению (П.В. Боковиков... 1823). Стоимость доставки грузов до Аляски постоянно росла и была существенно выше того варианта, если бы аналогичные товары покупали у иностранцев в колониях (П.В. Боковиков... 1829). Кроме того, к концу первой четверти XIX в. в ГП РАК поступило немало предложений от англичан, которые согласны были доставлять любые партии груза на Аляску и, в зависимости от времени года и маршрута, просили от 175 до 250 рублей за одну тонну груза; вместе с тем при самом благоприятном раскладе стоимость тонны груза из Кронштадта составляла не менее 300 рублей (Исторический очерк... 1841). Боковиков писал, что судно «Елена» отправилось в поход в 1824 г. с риском для благополучия акционеров РАК. Стоимость «Елены», «Бородино» и «Кутузова» официально составляла около полумиллиона рублей. Но с учетом их амортизации они стоили более чем в два раза меньше. Выручило то, что из Русской Америки поступила пушнина на сумму более чем 2 млн руб. (Тихменев 1863: 348). Хотя эти деньги покрыли расходы на экспедиции, вопрос о целесообразности таких затрат продолжал обсуждаться в ГП РАК. Так, П.В. Боковиков посчитал, что суммарная стоимость экспедиций в первой четверти XIX в. составляла сумму, адекватную той, на которую можно было бы построить современную дорогу между Якутском и Охотском, принимая во внимание крайне сложные географические условия строительства и логистики (П.В. Боковиков... 1830).

Между тем отправка кругосветных экспедиций была продолжена, и в 1826 г. ГП РАК признало, что дальние плаванья кроме коммерческих выгод самой компании должны иметь еще и «политические виды» (История Русской Америки... 1999: 261). В 1828 г. существовал риск того, что товары и припасы, доставляемые кругом света в колонии, оказываются испорченными и поврежденными морской водой. Так, морской офицер и главный правитель русских колоний на Аляске П.Е. Чистяков докладывал в ГП РАК в Санкт-Петербурге: «Сентября 21-го минувшего года прибыл из Уналашки в Ново-Архангельск военный шлюп “Моллер”»

под командою капитан-лейтенанта Станюковича. Из груза, доставленного на шлюпе, некоторые товары оказались поврежденными от подмочки, а другие и вовсе к употреблению негодными. О подробной же трате, уценке и приценке Главное правление усмотрит из отчетов Ново-Архангельской конторы» (П.Е. Чистяков... 1828). Для того чтобы понять потребности колоний и рассчитать, какие товары требовалось отправлять путем кругосветных экспедиций, какие покупать у иностранцев, а какие доставлять через Сибирь до Охотска и далее до Ново-Архангельска, следовало составить соответствующую ведомость. Она была подготовлена в 1832 г. Ф.П. Врангелем, о чем он вскоре сообщал директорам РАК: «...нужно иметь обстоятельное сведение о потребностях колоний, сколько важно для самих колоний удовлетворяться без нужды припасами, материалами и товарами, тем более, что Главное правление приступило уже к устройству новой дороги в Охотск на тот предмет, чтобы в нужных случаях снабжать колонии независимо от иностранцев, вследствие чего предложил я Ново-Архангельской конторе составить подробную ведомость годовой потребности колоний по всем статьям» (Ф.П. Врангель... 1832).

В середине 30-х гг. XIX в. директора РАК регулярно отправляли запросы в Министерство финансов, МИД и Морское министерство с просьбой увеличить финансовое участие государства в снаряжении и обеспечении экспедиций. Однако согласованное мнение министерств Российской империи выглядело так, что именно компания должна в основном финансировать все плаванья, а государство берет на себя лишь функции поддержки в международных вопросах и предоставляет морских офицеров для дальних походов. Как вариант оптимизации расходов РАК Министерство финансов предложило активизировать усилия по развитию морской торговли с Китаем и, кроме Кяхты, организовать продажу колониальных товаров в морских портах этого государства (История Русской Америки... 1999: 317–318). При этом предполагалось использовать вполне успешный опыт пребывания первой кругосветной экспедиции в Кантоне (Орлов 2010). Из-за больших затрат на дальние морские походы компания вынуждена была реализовывать товары, доставляемые из Охотска в Америку для нужд колонии, в полтора раза дороже, чем предполагалось. Кроме того, как указывали директора РАК, отсутствовала гарантия того, что суда успешно достигнут Ново-Архангельска без дорогостоящего ремонта в портах Латинской Америки.

В течение 1819–1841 гг. было совершено не менее пятнадцати дальних морских вояжей. Стоимость полученной за этот же период пушнины достигла 4,7 млн рублей (История Русской Америки... 1999: 306–307). Директора РАК, подводя итоги 1840 г., отмечали, что отправление товаров кругом света оставалось разумным решением, которое будет в конечном итоге выгодным для всех акционеров (Исторический очерк... 1841).

В утвержденных в 1844 г. Николаем I новых «правилах» и «привилегиях» РАК включалось положение об освобождении от уплаты внутренних налогов на отечественные и зарубежные товары, если они доставлялись на российских судах по маршруту Кронштадт – Охотск – Ново-Архангельск. В 1844–1867 гг. появляются новые формы и методы оптимизации расходов, связанные с дальними морскими походами. Государство более продуманно финансировало те вояжи, в задачи которых входила не только доставка товаров, но и проведение физических и географических наблюдений и установление связей с зарубежными странами. Кроме того, была достигнута договоренность, что РАК будет нести меньшие расходы, если будет отправлять в колонии товары российского производства. Так, в 1840 г. судно «Наследник Александр» стоимостью более 45 тыс. рублей вывезло в колонии отечественные товары почти на 85 тыс. рублей. Эти товары (железо, пенька, парусина, полотна) были использованы для строительства судов в колониях. Хотя все эти вещи имели важность для жизнедеятельности колоний, все же их доставка оставалась чрезвычайно дорогой.

В конце 1840-х гг. при отправлении океанских судов заключаются договоры о страховании грузов. В балансах компании прописывался страховочный капитал, сумма которого достигала к 1855 г. 50 тыс. рублей. Использовать его предлагалось рачительно и только при проведении тщательной проверки судов. Поэтому для того, чтобы «сохранить капиталы от напрасных трат», было принято решение ограничить страхование только наиболее важными для РАК товарами, особенно вывозимым морем чаем из Китая (Отчет... 1856).

Стали более активно привлекаться иностранные компании и отдельные физические лица, способные доставить товары кругом света. Это приводит к увеличению количества походов, но уменьшению веса доставляемых в Ново-Архангельск товаров. Подчас стоимость застрахованного судна была выше, чем стоимость товаров, полученных из колоний. Судно «Ситха» под командованием шкипера Конради доставило припасов на сумму чуть более 130 тыс. рублей, а стоимость привезенных товаров оценивалась в 85 тыс. руб. (Отчет... 1849: 18–20). Страхование судов и грузов было весьма кстати, так как в конце 40-х гг. XIX в. ГП РАК решается отправлять кругосветные суда с пушниной с заходом в китайские порты. По признанию Главного правления, это было весьма рискованное мероприятие с финансовой точки зрения, так как судно могло быть арестовано. Русские вынуждены были обращаться за помощью к англичанам: «...особенно рекомендованного английского торгового дома Гильман, Боумон и Компания и, по сделанному с ним условию, отправил образцы мехов на берег и присутствовал сам ежедневно при рассматривании оных китайцами, которые в большом числе стали являться и прицени-

ваться к грузу. Между тем губернатор, рассудив, что может подвергнуться ответственности за дозволение русскому судну производить там торговлю, известил г-на Линденберга, чтобы он остановился выгрузкою товаров до получения на то дозволения...» (ГП РАК... 1849).

В колонии на кругосветных судах прибывали рабочие и матросы, правда, срок их службы в Русской Америке был ограничен и они должны были возвращаться обратно на родину. Но тем не менее дополнительные квалифицированные рабочие руки были весьма кстати на Аляске. В ГАП РАК писали об этом главному правителю в колонии: «...что же касается до недостатка хороших матросов, то в настоящее время к образованию этого класса служителей в колониях имеется гораздо более средств, чем прежде, потому что значительная часть рабочих, как выше упомянуто, посылается в колонии кругом света и следственно приходит на место уже несколько знакомая с морем и приспособленная к дальнейшему образованию в хорошие матросы» (ГП РАК... 1852).

Крымская война, «которая разрушила инерционность традиционной системы экономики и подхлестнула технологический и технический прогресс» (Арсентьев 2022: 16), способствовала тому, что в кругосветные плавания стали отправляться суда с паровым двигателем, хотя и с парусной оснасткой. Так, пароход «Царица» имел три палубы, винтовой двигатель. Судно могло с легкостью вместить груз компании, отправляемый из Кронштадта в колонии. Главное правление РАК даже обратилось в Морское министерство с предложением о доставке грузов для русских селений на Дальнем Востоке.

До 1850-х гг. команды кругосветных судов в основном набирались при активном участии ВМФ России. После того как ГП РАК удалось купить суда «Император Николай I» (1850), «Цесаревич» (1851), «Ситха» (1852), «Камчатка» (1853), «Царица» (1858), матросы набирались уже путем вольного найма, а командный состав – из офицеров ВМФ. Основной задачей при этом было эффективное и быстрое плавание с целью доставки товаров. Сопутствующие задачи – исследование акватории мирового океана и прибрежной полосы – либо вовсе исключались из наставлений капитану, либо рассматривались как второстепенные. Это был уже в основном коммерческий подход к кругосветным плаваниям. Данное нововведение привело к тому, что путешествие кругом света из Кронштадта до Аляски и обратно занимало полтора, от силы два года. Ранее на кругосветные плавания уходило три года. Были сокращены почти в два раза оклады матросам и капитанам судов (История Русской Америки... 1999: 250–251). В 50-х гг. XIX в. были предложены и утверждены новые правила финансовой отчетности со стороны РАК, которая посылала балансы в МИД, Морское министерство и Министерство финансов. В это же время вырабатываются нормы и правила по отправлению пушнины на судах, возвращающихся в Кронштадт кругом света.

Удивительно, но лишь в 1857 г. главный правитель русских колоний С.В. Воеводский принимает решение «...при укупорке промысловых шкур не перегибать, потому что на сгибах они ломаются, каковой совет принят будет к руководству на будущее время при отправлении промыслов кругом света» (С.В. Воеводский... 1857).

С 1840 по 1867 г. было совершено 32 плавания из Кронштадта до Аляски. При этом оценить общую стоимость вывезенных товаров и отправленного груза сложно ввиду отсутствия всех сведений (История Русской Америки... 1999: 308–310). По мере расширения своей деятельности РАК увеличивала объем международной торговли в Русской Америке и Китае, а также в странах, находившихся на пути кругосветных экспедиций. Эти усилия привели к заключению важных международных договоров России с Англией и США, а РАК – с зарубежными организациями, крупнейшей из которых стала Компания Гудзонова залива. Все это поднимало престиж России как заморской колониальной державы (Vinkovetsky 2001). Кругосветные экспедиции внесли колоссальный вклад в развитие картографии. Были составлены сотни карт, подробные атласы. Так, в 1863 г. Главное правление РАК отправило «на имеющем идти в колонии фрахтованном корабле только три последние экземпляра и 360 (!) различных карт того же атласа, оставшихся из оттисков 1852 года» (ГП РАК... 1863).

Дальние морские походы укрепили взаимодействие РАК с Военно-морским флотом России (Wortman 2008). В начале XIX в. отношение офицеров ВМФ к службе в РАК было скептическим, но к 20-м гг. XIX в. ситуация изменилась, и служба на кораблях РАК стала престижной, открывающей талантливым офицерам путь на самый верх. Не случайно капитаны судов дослуживались до адмиральских чинов, а некоторые из них становились управляющими Военно-морского министерства, как Ф.П. Врангель, или учителями детей императорской фамилии, как Ф.П. Литтке – воспитатель Константина Николаевича.

Выводы

Таким образом, анализ авторитетных источников показывает, что, несмотря на существенные затраты, кругосветные экспедиции регулярно отправлялись на всем протяжении первой половины XIX в. К 40-м гг. XIX в. удалось выработать механизмы более эффективного взаимодействия РАК и государства. Ближе к 50-м гг. XIX в. дальние морские вояжи становятся международными как в части привлекаемых судов, так и команд.

Пребывание морских офицеров в колониях на Аляске способствовало развитию российской идентичности. «Историческая память и предания играют важную роль в формировании и поддержании локальной идентичности, а часто выступают и базовым компонентом в самоопределении местного сообщества» (Черных 2023: 187).

Кругосветные экспедиции способствовали укреплению авторитета Российской империи в мире. Русские морские офицеры при посещении зарубежных стран оставляли о себе самое благоприятное впечатление. Появление российских судов вблизи колоний европейских стран продемонстрировало мощь России как морской державы, создало истоки взаимодействия между странами, в том числе которые ныне входят в объединение БРИКС, что особенно важно понимать на современном этапе, когда изучаются проблемы трансрегиональной интеграции (Пивовар 2024: 10).

Изучение обстоятельств подготовки, хода и результатов морских походов помогает осознать наследие России в мире. Создаются предпосылки для формирования и развития новых научных направлений по смежным дисциплинам и направлениям. Например, по филологии – составление карты языковых контактов россиян с коренными народами с обозначением типов контактов с точки зрения условий и результатов; по юриспруденции – роль организаций государственно-частного партнерства в международных отношениях; по религиоведению – рассмотрение деятельности Русской православной церкви.

Список источников

- А.Я. Дашков А.А. Баранову, 26 октября (7 ноября) 1809 г. // Россия и США: становление отношений, 1765–1815 / сост. Н.Н. Башкина, Н.Н. Болховитинов, Дж. Браун и др. М.: Наука, 1980. С. 382.
- Адмиралтейств-коллегия – капитану 1-го ранга Г.И. Муловскому, апрель 1787 г. // Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ). Ф. 172. Оп. 1. Д. 367. Л. 286–320.
- Арсентьев Н.М. Военные заказы на заводах С.И. Мальцова середины XIX в. // Экономическая история. 2022. Т. 18, № 1. С. 9–17.
- Бородин Л.И. Метод – это интеллектуальная машина для производства знаний // Российская история. 2023. № 6. С. 131–137.
- Ведущие научные школы России: справочник. М.: Янус-К., 1998.
- Виньковецкий И. Русская Америка: заокеанская колония континентальной империи 1804–1867. М.: Новое лит. обозрение, 2015.
- Г.А. Сарычев Н.С. Мордвинову о развитии русско-японских экономических отношений, 18 февраля 1802 г. // РГАВМФ. Ф. 204. Оп. 1. Д. 96. Л. 5–8.
- Главное правление Российско-американской компании (ГП РАК) – Департамент мануфактур торговли, 11 мая 1828 г. // РГИА. Ф. 18. Оп. 5. Д. 1286. Л. 2–4.
- ГП РАК – И.В. Фуругельму, 10 октября 1863 г. // РГАВМФ. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 24. Л. 419.
- ГП РАК – МИД России, 20 августа 1849 г. // Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Главный архив. П. 3. 1848–1853. Оп. 34. Д. 2. Л. 1515 об.
- ГП РАК – Н.Я. Розенбергу, 21 марта 1852 г. // РГАВМФ. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 20. Л. 19.
- ГП РАК А.Я. Дашкову, 16 [28] октября 1814 г. // Россия и США: становление отношений, 1765–1815 / сост. Н.Н. Башкина, Н.Н. Болховитинов, Дж. Браун и др. М.: Наука, 1980. С. 667.
- Дж. Астор Т. Джефферсону, 2 (14) марта 1812 г. // Россия и США: становление отношений, 1765–1815 / сост. Н.Н. Башкина, Н.Н. Болховитинов, Дж. Браун и др. М.: Наука, 1980. С. 512.

- Добролюбов С.А.* Российские экспедиции XIX века в Южном океане и их научное значение // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. 2020. № 3–4 (107–108). С. 90–98.
- Ельчанинов А.И.* Русские географические названия на карте Аляски и Алеутских островов как объект культурного нематериального наследия // Журнал Института наследия. 2021. № 2 (25). С. 1–15.
- Ермолаев А.Н.* Российско-американская компания в Сибири и на Дальнем Востоке (1799–1871 гг.). Кемерово: ИНТ, 2013.
- И.В. Прокофьев* – Общему собранию акционеров РАК, 13 июня 1824 г. // Архив Русского Географического общества (АРГО). Разр. 99. Оп. 1. Д. 29. Л. 2.
- Ивашищев Н.А.* Русские кругосветные путешествия с 1803 по 1849 год. СПб.: Тип. Морского министерства, 1872.
- Иерусалимский Ю.Ю., Давыдов В.В., Коскина М.М.* Актуальные проблемы изучения Русской Америки в современной отечественной исторической литературе // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 66. С. 130–142.
- Из записок В.М. Головина*, июль 1810 г. // Россия и США: становление отношений, 1765–1815 / сост. Н.Н. Башкина, Н.Н. Болховитинов, Дж.Х. Браун и др. М.: Наука, 1980. С. 425.
- Исторический очерк деятельности Российско-американской компании*, подготовленный в 1841 г. // АРГО. Разр. 99. Оп. 1. Д. 82.
- История Русской Америки (1732–1867): в 3 т. / под ред. Н.Н. Болховитинова. Т. 3. М.: Междунар. отношения, 1999.*
- Копелев Д.Н.* Все завоевания для России уже вполне совершились: «Русские кругосветные плаванья в динамике имперского строительства (первая половина XIX века) // Природное и культурное наследие: междисциплинарные исследования, сохранение и развитие: сб. трудов конф. 2023. С. 444–466.
- Крадин Н.Н.* Феномен многополярности в исторической ретроспективе // Евразийский ежегодник. 2023. № 1. С. 18–30.
- Краткая историческая записка о состоянии Российско-американской компании, 1824 г. // АРГО. Разр. 99. Оп. 1. Д. 29. Л. 1 об.–2 об.*
- Ли Сюань.* Первое русское кругосветное путешествие и колонизация Русской Америки (1803–1806) // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 3. С. 175–184.
- М.И. Муравьев* – ГП РАК, 17 января 1822 г. // The National Archives at College Park, Records of the Russian-American Company. R. 27. P. 308–311.
- Макарова Р.В.* Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М.: Наука, 1968.
- Обозрение состояния Российско-американской компании, 22 августа 1813 г. // АРГО. Д. 5. Л. 2.*
- Окунь С.Б.* Российско-американская компания. М.; Л.: Соцэкгиз, 1939.
- Орлов А.А.* История пребывания экспедиции И.Ф. Крузенштерна в Кантоне в 1805–1806 гг. // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология. 2010. № 2. С. 31–41.
- Отчет Российско-американской компании Главного правления за один год, по 1 января 1849 г. СПб., 1849.*
- Отчет Российско-американской компании Главного правления за один год, по 1 января 1856 г. СПб., 1856.*
- П.В. Боковиков* – К.Т. Хлебникову, 18 апреля 1829 г. // Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 445. Оп. 1. Д. 151.
- П.В. Боковиков* – К.Т. Хлебникову, 30 марта 1823 г. // ГАПК. Л. 42 об.–44.
- П.В. Боковиков* – К.Т. Хлебникову, 31 мая 1821 г. // ГАПК. Ф. 445. Оп. 1. Д. 151. Л. 19–20 об.
- П.В. Боковиков* – К.Т. Хлебникову, 18 апреля 1830 г. // ГАПК. Ф. 445. Оп. 1. Д. 151. Л. 17–17 об.
- П.Е. Чистяков* – ГП РАК, 24 января 1828 г. // РГАВМФ. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 31. Л. 13 об.

- Петров А.Ю., Климент (Капалин), митр., Малахов М.Г., Ермолаев А.Н., Савельев И.В. История и наследие Русской Америки // Вестник Российской академии наук. 2011. № 12. С. 1090–1099.
- Петров А.Ю. Акционеры Российско-американской компании (первая треть XIX в.) // Экономическая история: ежегодник. М., 2005. С. 289–319.
- Петров А.Ю. Российско-американская компания: деятельность на отечественном и зарубежном рынках (1799–1867). М., 2006.
- Пивовар Е.И. Межгосударственное объединение БРИКС. Страницы истории и современность // Вестник РГГУ. Серия: Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения. 2024. № 1. С. 10–30.
- С.В. Воеводский – ГП РАК, 7 октября 1857 г. // РГАВМФ. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 61. Л. 110110 об.
- Савельев И.В. Особенности правового регулирования судоходства по северному морскому пути // Национальные и региональные особенности безопасности: вызовы и пути решения: сб. материалов V Всерос. конф. с междунар. участием. Архангельск, 2021. С. 394–400.
- Соколов А. Приготовление кругосветной экспедиции 1787 г. под начальством Муловского // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. 1848. Ч. VI. С. 142–191.
- Соколов А. Муловский // Морской сборник. 1853. № 5. С. 358–361.
- Тихменев П.А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1861. Ч. 1; 1863. Ч. 2.
- Ф.П. Врангель – ГП РАК, 6 мая 1832 г. // РГАВМФ. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 34. Л. 114.
- Чепурный К.В. О пребывании экспедиции И.Ф. Крузенштерна у берегов Сахалина и Курильских островов и значениях координат географических объектов, приведенных в его книге (к 220-летию начала экспедиции) // Вестник Сахалинского музея. 2023. № 2. С. 68–92.
- Черных А.В. Традиционная культура русских в пространстве и времени: опыт сравнительного сопоставления исходной и переселенческой традиций (идентичность, историческая память и этнокультурные границы) // Этнография/Etnografia. 2023. № 1 (19). С. 183–202.
- Barratt G. Russia and the South Pacific, 1696–1840. Vancouver: The University of British Columbia Press, 1988.
- Dmytryshyn B. N.P. Rezanov's inspection tour of Russian colonies in North Pacific and his visit to San Francisco, March 25 – May 10, 1806 // Русская Америка. М., 1999. С. 45–69.
- Galbraith J. The Hudson's Bay company as an imperial factor. 1821–1869. Los Angeles, 1957.
- Gibson J. The abortive first Russian circumnavigation: Captain Mulovsky's 1787 Expedition to the North Pacific // Terrae Incognitae. 1999. № 31 (1). P. 49–60.
- Perkins D. Review Note // The American Historical Review. October 1967. Vol. 73, № 1. P. 85–87.
- Vinkovetsky I. Circumnavigation, empire, modernity, race: the impact of round-the-world voyages on Russia's imperial consciousness // Ab Imperio. 2001. № 1–2. P. 191–210.
- Wortman R. Russian noble officers and the ethos of exploration // Russian History. 2008. № 1–2. P. 181–197.

References

- A.Ia. Dashkov A.A. Baranovu, 26 oktiabria (7 noiabria) 1809 g. [A.Ya. Dashkov to A.A. Baranov, October 26 (November 7), 1809]. In: *Rossiiia i SSHA: stanovlenie otnoshenii, 1765–1815* [Russia and the United States: the formation of relations, 1765–1815] / Compiled by N.N. Bashkina, N.N. Bolkhovitinov, Dzh. Braun et al. Moscow: Nauka, 1980. P. 382.
- Admiralteistv-kollegiia – kapitanu 1-go ranga G.I. Mulovskomu, aprel' 1787 g. [Admiralty Board – to Captain 1st Rank G.I. Mulovsky, April 1787]. *Russian State Archives of the Navy* (RGAVMF). Fund 172. List 1. File 367. P. 286–320.

- Arsentyev N.M. (2022) Voennye zakazy na zavodakh S.I. Mal'tsova serediny XIX v. [Military Orders At Maltsov's Factories In The Middle Of The 19th Century], *Ekonomicheskaya istoriya*. Vol. 18, no. 1, pp. 9–17.
- Borodkin L.I. (2023) Metod – eto intellektual'naya mashina dlya proizvodstva znanii [Method Is An Intellectual Machine For The Production Of Knowledge], *Rossiyskaya istoriya*, no. 6, pp. 131–137.
- Vedushchie nauchnye shkoly Rossii. Spravochnik* [Leading scientific schools of Russia. Handbook]. Moscow: Ianus-K., 1998.
- Vin'kovetskii I. (2015) *Russkaya Amerika: zaokheanskaya koloniya kontinental'noi imperii 1804–1867* [Russian America: An Overseas Colony of the Continental Empire 1804–1867]. Moscow: Novoe lit. obozrenie.
- G.A. Sarychev N.S. Mordvinovu o razvitii russko-iaponskikh ekonomicheskikh otnoshenii, 18 fevralia 1802 g. [G.A. Sarychev to N.S. Mordvinov on the development of Russian-Japanese economic relations, February 18, 1802]. *RGAVMF*. Fund 204. List 1. File 96. P. 5–8.
- GP RAK – Departament manufaktur torgovli, 11 maiia 1828 g. [General Board of the Russian-American Company (GB RAC) – Department of Manufactures and Trade, May 11, 1828]. *RGIA*. Fund 18. List 5. File 1286. P. 2–4.
- GP RAK – I.V. Furugel'mu, 10 oktiabria 1863 g. [GB RAC – I.V. Furugelm, October 10, 1863]. *RGAVMF*. Fund 1375. List 1. File 24. P. 419.
- GP RAK – MID Rossii, 20 avgusta 1849 g. [GB RAC – Ministry of Foreign Affairs of Russia, August 20, 1849]. *Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AFPRI)*. Fund Main Archive. II. 3. 1848–1853. List 34. File 2. P. 1515 ob.
- GP RAK – N.Ia. Rozenbergu, 21 marta 1852 g. [GB RAC – N.Ya. Rosenberg, March 21, 1852]. *RGAVMF*. Fund 1375. List 1. File 20. P. 19.
- GP RAK A.Ia. Dashkovu, 16 [28] oktiabria 1814 g. [GB RAC to A.Ya. Dashkov, October 16 [28], 1814]. *Rossiya i SSHA: stanovlenie otnoshenii, 1765–1815* [Russia and the United States: the formation of relations, 1765–1815] / Compiled by N.N. Bashkina, N.N. Bolkhovitinov, Dzh. Braun et al. Moscow: Nauka, 1980. P. 667.
- Dzh. Astor T. Dzeffersonu, 2 (14) marta 1812 g. [J. Astor to T. Jefferson, March 2 (14), 1812]. *Rossiya i SSHA: stanovlenie otnoshenii, 1765–1815* [Russia and the United States: the formation of relations, 1765–1815] / Compiled by N.N. Bashkina, N.N. Bolkhovitinov, Dzh. Braun et al. Moscow: Nauka, 1980. P. 512.
- Dobroliubov S.A. (2020) Rossiiskie ekspeditsii XIX veka v Iuzhnom okeane i ikh nauchnoe znachenie [Russian Expeditions Of The 19th Century In The Southern Ocean And Their Scientific Significance], *Vestnik Rossiiskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy*, no. 3–4 (107–108), pp. 90–98.
- Ermolaev A.N. (2013) *Rossiisko-amerikanskaya kompaniya v Sibiri i na Dal'nem Vostoke (1799–1871 gg.)* [Russian-American Company in Siberia and the Far East (1799–1871)]. Kemerovo: INT.
- I.V. Prokof'ev – Obshchemu sobraniyu aktsionerov RAK, 13 iyunia 1824 g. [I.V. Prokofiev – To the General Meeting of Shareholders of the RAC, June 13, 1824]. *Archives of the Russian Geographical Society (ARGO)*. Razr. 99. List 1. File 29. P. 2.
- Ivashintsov N.A. (1872) *Russkie krugosvetnye puteshestviia s 1803 po 1849 god* [Russian round-the-world voyages from 1803 to 1849]. St. Petersburg: Tip. Morskogo ministerstva.
- Ierusalimskii Iu.Iu., Davydov V.V., Koskina M.M. (2020) Aktual'nye problemy izucheniia Russkoi Ameriki v sovremennoi otechestvennoi istoricheskoi literature [Topical Problems Of Studying Russian America In Modern Russian Historical Literature], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*, no. 66, pp. 130–142.
- Iz zapisok V.M. Golovina, iul' 1810 g. [From the notes of V.M. Golovin, July 1810.]. *Rossiya i SSHA: stanovlenie otnoshenii, 1765–1815* [Russia and the United States: the formation of relations, 1765–1815] / Compiled by N.N. Bashkina, N.N. Bolkhovitinov, Dzh. Braun et al. Moscow: Nauka, 1980. P. 425.

- Istoricheskii ocherk deiatel'nosti Rossiisko-amerikanskoi kompanii, podgotovlennnyi v 1841 g. [Historical outline of the activities of the Russian-American Company, prepared in 1841.]. *ARGO*. Razr. 99. List 1. File 82.
- Istoriia Russkoi Ameriki (1732–1867): V 3 t.* [History of Russian America (1732–1867): In 3 volumes] / Ed. by N.N. Bolkhovitinov. Vol. 3. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1999.
- Kopelev D.N. (2023) Vse zavoevaniia dlia Rossii uzhe vpolne sovershilis': «Russkie krugosvetnye plavaniia v dinamike imperskogo stroitel'stva (pervaia polovina XIX veka) [All the conquests for Russia have already been fully accomplished: Russian round-the-world voyages in the dynamics of imperial construction (first half of the 19th century)]. In: *Prirodnoe i kul'turnoe nasledie: mezhdistitsiplinarnye issledovaniia, sokhranenie i razvitie. Sb. trudov konferentsii* [Natural and Cultural Heritage: Interdisciplinary Research, Conservation and Development. Conference Proceedings]. pp. 444–466.
- Kradin N.N. (2023) Fenomen mnogopoliamosti v istoricheskoi retrospektive [Phenomena of Multipolarity in Historical Retrospective], *Evraziiskii ezhegodnik*, no. 1, pp. 18–30.
- Kratkaia istoricheskaia zapiska o sostoianii Rossiisko-amerikanskoi kompanii, 1824 g. [A Brief Historical Note on the State of the Russian-American Company, 1824]. *ARGO*. Razr. 99. List 1. File 29. P. 1 ob.–2 ob.
- Li X. (2023) Pervoe russkoe krugosvetnoe puteshestvie i kolonizatsiia Russkoi Ameriki (1803–1806) [First Russian Circumnavigation and Colonization of Russian America (1803–1806)], *Gumanitarnyi vector*, Vol. 18, no. 3, pp. 175–184.
- M.I. Murav'ev – GP RAK, 17 ianvaria 1822 g. [M.I. Muravyov – GB RAC, January 17, 1822]. *The National Archives at College Park, Records of the Russian-American Company*. R. 27. P. 308–311.
- Makarova R.V. (1968) *Russkie na Tikhom okeane vo vtoroi polovine XVIII v.* [Russians in the Pacific Ocean in the second half of the 18th century]. Moscow: Nauka.
- Obozrenie sostoianiia Rossiisko-amerikanskoi kompanii, 22 avgusta 1813 g. [Review of the State of the Russian-American Company, August 22, 1813]. *ARGO*. File 5. P. 2.
- Okun' S.B. (1939) *Rossiisko-amerikanskaia kompaniia* [Russian-American company]. Moscow-Leningrad: Sotsekgiz.
- Orlov A.A. (2010) Istoriia prebyvaniia ekspeditsii I. F. Kruzenshterna v Kantone v 1805–1806 gg. [History of I. F. Kruzenstern Expedition's Stay in Canton in 1805–1806], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova. Istoriia i politologiya*, no. 2. pp. 31–41.
- Otchet Rossiisko-amerikanskoi kompanii Glavnogo pravleniia za odin god, po 1 ianvaria 1849 g.* [Report of the Russian-American Company General Board for one year, up to January 1, 1849]. St. Petersburg, 1849.
- Otchet Rossiisko-amerikanskoi kompanii Glavnogo pravleniia za odin god, po 1 ianvaria 1856 g.* [Report of the Russian-American Company General Board for one year, up to January 1, 1856]. St. Petersburg, 1856.
- P.V. Bokovikov – K.T. Khlebnikovu, 18 aprelia 1829 g. [P.V. Bokovikov – K.T. Khlebnikov, April 18, 1829]. *State Archives of Perm Krai (GAPK)*. Fund 445. List 1. File 151.
- P.V. Bokovikov – K.T. Khlebnikovu, 30 marta 1823 g. [P.V. Bokovikov – K.T. Khlebnikov, March 30, 1823]. *GAPK*. P. 42 ob.–44.
- P.V. Bokovikov – K.T. Khlebnikovu, 31 maia 1821 g. [P.V. Bokovikov – K.T. Khlebnikov, May 31, 1821]. *GAPK*. Fund 445. List 1. File 151. P. 19–20 ob.
- P.V. Bokovikov – K.T. Khlebnikovu, 18 aprelia 1830 g. [P.V. Bokovikov – K.T. Khlebnikov, April 18, 1830]. *GAPK*. Fund 445. List 1. File 151. P. 17–17 ob.
- P.E. Chistiakov – GP RAK, 24 ianvaria 1828 g. [P.E. Chistyakov – GB RAC, January 24, 1828.]. *RGAVMF*. Fund 1375. List 1. File 31. P. 13 ob.
- Petrov A.Yu., Kliment (Kapalin), mitr., Malakhov M.G., Ermolaev A.N., Savel'ev I.V. (2011) Istoriia i nasledie Russkoi Ameriki [The History and Legacy of Russian America], *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*, no. 12, pp. 1090–1099.

- Petrov A.Yu. (2005) Aktsionery Rossiisko-amerikanskoi kompanii (pervaia tret' XIX v.) [Shareholders of The Russian-American Company (First Thirty Years of The Nineteenth Century)], *Ekonomicheskaiia istoriia: ezhegodnik*, pp. 289–319.
- Petrov A.Yu. (2006) *Rossiisko-amerikanskaia kompaniia: deiatel'nost' na otechestvennom i zarubezhnom rynkakh, 1799–1867* [Russian-American Company: Activity in the Home and Foreign Markets (1799–1867)]. Moscow.
- Pivovarov E.I. (2024) Mezhdunarodnoe ob"edinenie BRIKS. Stranitsy istorii i sovremennost' [The BRICS Interstate Association. Pages Of History And Modern Times. Part 1], *Vestnik RGGU. Seriia «Evraziiskie issledovaniia. Istorii. Politologii. Mezhdunarodnye otnosheniia»*, no. 1, pp. 10–30.
- Elchaninov A.I. (2021) Russkie geograficheskie nazvaniia na karte Aliaski i Aleutskikh ostrovov kak ob"ekt kul'turnogo nematerial'nogo naslediia [Russian Toponyms on The Map of Alaska and Aleutian Islands as An Object of Cultural Intangible Heritage], *Zhurnal Instituta Naslediia*, no. 2(25), pp. 1–15.
- S.V. Voevodskii – GP RAK, 7 oktiabria 1857 g. [S.V. Voevodsky – GB RAC, October 7, 1857]. *RGAVMF*. Fund 1375. List 1. File 61. P. 110110 ob.
- Savel'ev I.V. (2021) Osobennosti pravovogo regulirovaniia sudokhodstva po severnomu morskomu puti [Peculiarities of legal regulation of navigation along the Northern Sea Route]. In: *Natsional'nye i regional'nye osobennosti bezopasnosti: vyzovy i puti resheniia. Sbornik materialov V Vserossiiskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [National and regional security features: challenges and solutions. Collection of materials of the V All-Russian conference with international participation]. Arkhangel'sk, pp. 394–400.
- Sokolov A. (1848) Prigotovlenie krugosvetnoi ekspeditsii 1787 g. pod nachal'stvom Mulovskogo [Preparations for the 1787 round-the-world voyages under the command of Mulovsky], *Zapiski Gidrograficheskogo departamenta Morskogo ministerstva*. Is. VI, pp. 142–191.
- Sokolov A. (1853) Mulovskii, *Morskoi sbornik*, no. 5, pp. 358–361.
- Tikhmenev P.A. (1861, 1863) Istoricheskoe obozrenie obrazovaniia Rossiisko-Amerikanskoi kompanii i deistvii ee do nastoiashchego vremeni [Historical review of the formation of the Russian-American Company and its activities to the present day]. St. Petersburg: Tip. E. Veimara. Book 1. 1861; Book 2. 1863.
- F.P. Vrangeli – GP RAK, 6 maia 1832 g. [F.P. Wrangel – GB RAC, May 6, 1832]. *RGAVMF*. Fund 1375. List 1. File 34. P. 114.
- Chepurnyi K.V. (2023) O prebyvanii ekspeditsii i. F. Kruzenshterna u beregov Sakhalina i Kuril'skikh ostrovov i znacheniiakh koordinat geograficheskikh ob"ektov, privedennykh v ego knige (k 220-letiiu nachala ekspeditsii) [About The Stay Of The I. F. Kruzenshtern Expedition Off The Coast Of The Sakhalin And The Kurile Islands And The Values Of The Coordinates Of Geographical Objects Given In His Book (To The 220th Anniversary Of The Beginning Of The Expedition)], *Vestnik Sakhalinskogo muzeia*, no. 2, pp. 68–92.
- Chernykh A.V. (2023) Traditsionnaia kul'tura russkikh v prostranstve i vremeni: opyt sravnitel'nogo сопоставления iskhodnoi i pereselencheskoi traditsii (identichnost', istoricheskaiia pamiat' i etnokul'turnye granitsy) [Traditional Russian Culture in Space and Time: A Comparison of Original and Migrant Traditions (Identity, Historical Memory, And Ethnocultural Boundaries)], *Etnografiia / Etnografia*, no. 1(19), pp. 183–202.
- Barratt G. (1988) *Russia and the South Pacific, 1696–1840*. Vancouver: The University of British Columbia Press.
- Dmytryshyn B. (1999) N.P. Rezanov's inspection tour of Russian colonies in North Pacific and his visit to San Francisco, March 25 – May 10, 1806, *Russian America*. Moscow, pp. 45–69.
- Galbraith J. (1957) *The Hudson's. Bay company as an imperial factor. 1821–1869*. Los Angeles.
- Gibson J. (1999) The abortive first Russian circumnavigation: Captain Mulovsky's 1787 Expedition to the North Pacific, *Terrae Incognitae*, 31(1), pp. 49–60.

- Perkins D. (1967) Review Note, *The American Historical Review*. October. Vol. 73, no. 1, pp. 85–87.
- Vinkovetsky I. (2001) Circumnavigation, empire, modernity, race: the impact of round-the-world voyages on Russia's imperial consciousness, *Ab Imperio*, no. 1–2, pp. 191–210.
- Wortman R. (2008) Russian noble officers and the ethos of exploration, *Russian History*, no. 1–2, pp. 181–197.

Сведения об авторе:

ПЕТРОВ Александр Юрьевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: alaska13@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-1688-4096.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Aleksandr Yu. Petrov, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: alaska13@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-1688-4096.

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 7 июня 2024 г.;
принята к публикации 19 декабря 2024 г.*

*The article was submitted 07.06.2024;
accepted for publication 19.12.2024.*

Научная статья
УДК 394.9; 338.48
doi: 10.17223/2312461X/46/8

Обмен и долг у короваев Новой Гвинеи: этнография одного конфликта

Екатерина Михайловна Белякова¹

¹ Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия, belyakova.kunstkamera@gmail.com

Аннотация. Описывается конфликтная ситуация между короваями Новой Гвинеи и канадской съемочной группой. События разворачиваются в контексте коммодификации коровайской культуры, часто представляемой как одна из последних «первобытных». Взаимоотношения сторон рассматриваются в рамках экономической антропологии через такие категории, как дарообмен, долговые обязательства, реципрокность, немедленный и отложенный возврат. Целью работы является анализ представлений короваев об обменных отношениях и концепции долга в конфликте, обнажившем глубокие различия между локальной системой ценностей и «модерной» логикой представителя западного общества, действующего в рамках принципов неолиберальной экономики. На примере межкультурного взаимодействия прослеживается, как выстраиваются экономические отношения между короваями и чужаками и чем они отличаются от отношений внутри сообщества. Особое внимание уделяется роли долговых обязательств в формировании и структурировании социальных связей и тому, как они соотносятся с основными ценностями короваев – социальной автономией и стремлением к равенству. Использованы материалы, собранные автором в период с 2014 по 2016 г. во время полевой работы среди короваев в индонезийской провинции Папуа.

Ключевые слова: долг, обмен, экономическая антропология, Папуа, эгалитаризм, туризм, коммодификация культуры

Благодарности: за помощь в работе над текстом, ценные предложения и конструктивные замечания я искренне благодарна Александре Касаткиной, Валерии Васильевой, Елене Полуэктовой, Е.В. Ревуненковой, Ю.Е. Березкину, а также участникам Аспирантского семинара ЕУСПб: Екатерине Хониневой, Александре Засядько, Екатерине Колычевой, Илье Крапивину, Юлии Секушиной и Степану Петрякову. Я выражаю глубокую признательность главному редактору журнала «Сибирские исторические исследования» Д.А. Функу за возможность публикации и оказанную поддержку в процессе подготовки статьи, а также М.В. Станюкович за неоценимую помощь и всестороннее содействие.

Для цитирования: Белякова Е.М. Обмен и долг у короваев Новой Гвинеи: этнография одного конфликта // Сибирские исторические исследования. 2024. № 4. С. 181–211. doi: 10.17223/2312461X/46/8

Original article

doi: 10.17223/2312461X/46/8

Exchange and Debt among the Korowai of New Guinea: Ethnography of One Conflict

Ekaterina M. Belyakova¹

¹ *Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS, Saint Petersburg, Russia, belyakovaem@kunstkamera.ru*

Abstract. The article describes a conflict between the Korowai of New Guinea and a Canadian film crew. It unfolds in the context of the commodification of the Korowai culture, which is often presented as one of the last remaining examples of so-called ‘primitive’ cultures. The relationships between the parties are examined within the framework of economic anthropology through categories such as gift exchange, debt obligations, reciprocity, immediate and deferred return. The aim of the work is to analyze the Korowai understanding of exchange relations and the concept of debt in a conflict that highlighted significant differences between the local value system and the “modern” logic of a representative of Western society operating within the principles of neoliberal economics. Using the example of intercultural interaction, the paper shows how economic relation are established between the Korowai and outsiders, and how these differ from relationships within the community. Particular attention is paid to the role of debt obligations in the formation and structuring of social ties and how they relate to the core values of the Korowai—social autonomy and the pursuit of equality. The article is based on materials collected by the author during fieldwork among the Korowai in the Indonesian province of Papua from 2014 to 2016.

Keywords: debt, exchange, economic anthropology, Papua, egalitarianism, tourism, cultural commodification

For citation: Belyakova, E.M. (2024) Exchange and Debt among the Korowai of New Guinea: Ethnography of One Conflict. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 181–211 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/46/8

Здравствуйте, Г! Как поживаете?

Я вернулась из Папуа и пишу Вам, как и обещала. Я пересказала г-ну Они¹ и его родственникам всю ту информацию, которую Вы хотели, чтобы они знали. Я перевела Ваше письмо, и тот факт, что Вы не забываете об этом деле, воодушевил г-на Они и его команду. Но мне дали понять, что со времени последнего разговора с Вами дело не стало более определенным. Кроме того, Ваши слова о приезде только в 2017 году (даже в самом худшем случае) повергли всех в уныние. Общая реакция на Ваше письмо (я перевела его короваям) такова:

– Они понимают, что получить деньги на ваш проект не так-то просто (тем более что короваи судят об этом по своему миру, где получить такую сумму действительно очень сложно).

– Они сохраняют терпение и могут подождать некоторое время, поскольку Вы не предлагаете им ничего другого.

– В то же время они не понимают, почему Вы заставляете ждать оплаты за уже выполненную работу, и не могут не чувствовать несправедливости по отношению к ним в этой ситуации.

– Они согласились с отсрочкой полной оплаты, но г-н Они не предполагал, что она будет задержана на несколько лет. Поэтому они выразили свое недовольство и недоверие Вам и, кстати, теперь уже всем канадцам.

Подводя итог, г-н Они и его родственники передали следующее: если Вы приедете, как и обещали, и вернете долг, то можно будет строить планы на продолжение сотрудничества, и никто не будет на Вас обижен. Но если же нет, то короваи никогда не позволят людям из Канады приезжать на их земли.

Фрагмент текста из моего письма
канадскому режиссеру от 29 апреля 2016 г.

Так звучало послание, которое группа короваев попросила меня передать одному канадскому кинорежиссеру, когда по стечению обстоятельств я стала свидетельницей последствий их конфликта, происходившего на коровайской территории в южной части индонезийского региона Папуа². Как могло случиться, что маленькая группа людей из лесной глуши Новой Гвинеи делает такой ультимативный жест в сторону целой нации?

В статье рассмотрена динамика этого конфликта в контексте взаимодействия между короваями и чужаками, приезжающими к ним, благодаря туристической индустрии, превращающей коровайскую культуру как одну из последних «первобытных» в товар. В приведенном выше отрывке письма уже проявляются классические для экономической антропологии сюжеты, такие как неравный обмен, отложенный возврат, невыполненные обязательства, отношения иерархии, нарушение баланса. Заметны также неоднозначность послания короваев и противоречивость их позиции.

Все это становится актуальным в контексте более специфичных вопросов: как выстраиваются экономические отношения между чужаками и короваями и чем они отличаются от отношений внутри сообщества? Как долговые обязательства структурируют и конструируют социальные отношения и где в этой схеме случилась поломка в случае долга иностранца? Как регулируется нарушение долговых обязательств? И как оно регулировалось в этом случае?

Таким образом, целью данного исследования стал анализ представлений об обменных отношениях и концепция долга короваев сквозь призму одного конфликта, обнажившего перед исследователем их резкий контраст с «модерной» логикой представителя западного общества, руководствующегося принципами неолиберальной экономики.

Описываемый случай является одним из примеров того, как происходит столкновение разных культур в условиях экономических трансформаций в этом регионе, а также того, как коровайское общество адаптируется (или не адаптируется) в таких ситуациях.

Общий контекст: особенности контактов короваев с чужаками

Этнографическая история, которая станет предметом обсуждения в статье, происходила в период моей полевой работы в провинции Папуа Республики Индонезия, расположенной в западной части острова Новая Гвинея. В период с 2011 по 2016 г. я предприняла пять экспедиционных выездов в Папуа. Причиной регулярности моих экспедиций в тот период было то, что во время первой поездки я узнала о скором наступлении стремительных преобразований, связанных с планами правительства Индонезии по всестороннему развитию региона Папуа, в частности его инфраструктуры. Такие перемены сильнее всего должны были затронуть наиболее труднодоступные районы, одним из которых является тот, где живут короваи – относительно малочисленная группа (около четырех тысяч человек), которая рассеянно расселена в низких болотистых землях юго-западной части острова. Поскольку мой исследовательский интерес в этом регионе связан с традиционными обществами, мне важно было наблюдать процесс возможной трансформации культуры в динамике. Действительно, при каждом выезде в поле я видела все новые изменения в экономической, социально-политической, информационной сферах и то, какое влияние оказывают на людей эти изменения, как люди реагируют на постоянно меняющуюся среду.

Земля короваев расположена на участке дождевого тропического леса (около 1200 км²) в глубине южной части острова и ограничена с двух сторон крупными реками Эйланден и Дигул, а с севера – подножием Центрального горного хребта. Географическая удаленность от побережья и от крупных поселений, особенности ландшафта, связанная с этим труднодоступность, а также специфика рассеянного расселения короваев по лесу позволили им избегать взаимодействия с чужаками дольше, чем большинству этнических групп Папуа. По тем же причинам, короваи не утратили свою территорию, доступ к природным ресурсам и привычным практикам жизнеобеспечения. Земли большинства живущих южнее этнических групп попали под перераспределение, связанное с трансмиграционной программой, активно осуществлявшейся Индонезией в 1970–1980-х гг., урбанизацией прибрежных территорий, отчуждением земель под плантации масличной пальмы и добычей полезных ископаемых.

Только в 1979 г., когда у южной границы их земли³ на территории соседней языковой группы комбаи обосновались голландские миссионеры, начались первые регулярные контакты короваев с внешним миром⁴. Вскоре на территории, где жили смешанные переходные комбайско-коровайские кланы, с их разрешения была построена деревня Янирума, которая в дальнейшем стала главными «воротами» для журналистов, туристов

и исследователей⁵, желающих посетить короваев. Попытки христианизации и аккультурации короваев сопровождались сложностями, связанными с особенностью социального (политического) устройства коровайского общества, характеризующегося автономией каждой родовой (клановой) группы⁶. Такое устройство не давало чужакам продвинуться в глубь леса, и потому долгое время регулярные контакты с короваями происходили на приграничных участках их земли. Так, через 20 лет после первых контактов с короваями еще не было ясно, где проходит северная граница их территории (Enk van, Vries de 1997: 4–7).

В 1980-х гг. при участии христианских миссий прошла первая волна строительства типовых деревень, многие из которых долго стояли пустыми, а часть из них так и остались незаселенными. Однако под влиянием миссионеров, а позднее и властей короваи стали селиться в деревнях на берегах двух крупных рек у границ своей территории, тогда как традиционно они не жили на таких открытых пространствах, доступных для нападений со стороны их соседей читаков и асмагов – охотников за головами. К началу 1990-х гг. было сформировано шесть таких деревень. Сегодня на территории короваев располагается более тридцати деревень, построенных в разное время по инициативе миссионеров или государства, а в последние годы и самих короваев. На момент описываемых событий часть семей по-прежнему жила в лесу в домах на деревьях, а часть регулярно перемещалась между своими клановыми землями и деревнями.

Традиционно короваи расселяются небольшими патрилинейными семейными группами (часто не более 10 человек) на клановых владениях (*bolup*)⁷, которые представляют собой участки леса со всеми необходимыми для жизни ресурсами и на которых находятся священные места каждого клана. Земля клана неотчуждаема и ее владельцы тесно связаны со своим местом, которое определяет их как общность (*gun*), отличную от других. Территория короваев поделена на многие десятки *bolup*. По мере выработки пищевых ресурсов⁸, важнейший из которых – саговая пальма, и при необходимости переезда в новый дом короваи меняют место в пределах клановых территорий. Перемещаться по лесу возможно только пешком, поскольку маленькие реки и ручьи, которыми изрезан ландшафт, не пригодны для судоходства⁹. Если по земле своего клана люди свободно передвигаются в поисках пищи¹⁰ и по другим рутинным делам, то выход за ее пределы обусловлен сложной системой социальных связей, основанных как на родстве, так и на обменных и долговых отношениях.

Представления короваев об обмене и долге необходимо рассматривать в контексте политического устройства их общества, в котором не существует центральной власти в каких бы то ни было институализированных формах и которое характеризуется как эгалитарное. Джеймс

Вудберн, исследовавший эгалитарные общества, определяет их как стремящиеся к равенству и систематически преодолевающие состояния неравенства и иерархии. Он подчеркивает, что состояние равенства не является нейтральным и требует постоянных значительных усилий и специальных уравнивающих мер. Вудберн классифицировал такие общества на общества с системами немедленной отдачи и общества с системами отсроченной отдачи (Woodburn 1982). У короваев срок отдачи зависит от контекста, в котором происходит обмен, и должен соответствовать ожиданиям принимающей стороны, чтобы избежать конфликта.

Чувствительность к неравенству не позволяет людям накапливать вещи, излишки тут же раздаются добровольно или по требованиям. Обязательство делиться компенсируется территориальным и социальным разделением. Автономия короваев снижает вероятность зависти и недовольства от посторонних и позволяет распоряжаться ресурсами своей земли, не вступая в зависимые отношения с кем-либо. Тем не менее люди высоко ценят социальные связи и особенно связи с дальними кланами, расширяющими их пространственную свободу. Руперт Стэш определяет политическую автономию и эгалитаризм как базовые ценности короваев (Stasch 2009). При этом неравенство систематически проявляется в тех или иных контекстах.

Иерархия у короваев возникает ситуативно. Статусы распределяются в зависимости от того, кто на чьей земле находится, кто по отношению к кому является должником. Кроме того, наиболее агрессивный и сильный мужчина может на некоторое время посредством действий и угроз применения силы завоевать соответствующий статус, который позволит ему беспрепятственно проявлять свою волю. Автономия короваев также заметно проявляется в том, что люди вольны действовать без оглядки на других, руководствуясь своими мыслями и чувствами. Для заявления своих прав на желаемое мужчины-короваи могут проявлять агрессию и в решении спорных вопросов при отстаивании своих требований часто прибегают к насилию, несмотря на то что эти требования могут нарушать принятые моральные нормы. Стэш называет такие действия короваев «балансированием на грани войны» (англ. *brinkmanship*) (Stasch 2009: 183). В стремлении достигнуть равенства общество короваев постоянно балансирует между состояниями мира и конфликта.

В связи с отсутствием возможности договориться с лидером (поскольку таковых нет), как я уже упоминала ранее, попытки христианизации не были так успешны, как, например, в горных районах Папуа, где миссионеры начали свою деятельность в 1950-х гг. По рассказам моих информантов, еще в начале 2000-х гг. миссионерам, не оставляющим попытки христианизации короваев, приходилось спасаться бегством от стрел и раз за разом отстраивать здания миссии, уничтоженные поджогами. Даже сегодня верующих христиан среди короваев единицы. При

этом почти в каждой деревне есть свой пастор (как правило, это папуасы из горных районов – дани или лани). Иногда в южные деревни приезжают американские и голландские миссионеры, которые продолжают работать в Папуа.

Особенности расселения и автономность короваев определяют некоторую социальную изоляцию, в связи с которой новые знания и практики, проникающие извне, распространяются и принимаются медленней, чем в папуасских обществах, традиционно живущих большими группами. Однако в последнее десятилетие произошло включение коровайского сообщества в политический и социальный контекст индонезийского государства (в основном в связи с попытками осуществления правительственных программ по развитию провинции Папуа). Правительственные дотации (субсидии) послужили стимулом для формирования самими короваями новых деревень, что повлекло за собой изменения в повседневных практиках, пищевых привычках и предпочтениях. В 2019 г. в части населенных пунктов появился ограниченный доступ к интернету, а с ним и к самой разной информации, которая поступает в основном от знакомых (что связано с особенностями использования короваями этой новой возможности – не для поиска информации, а для общения через социальные сети).

Индонезийские деньги встроились в экономику короваев как еще одна составляющая выплаты за невесту и компенсаций за материальный или моральный ущерб вдобавок к свиньям и ожерельям из собачьих клыков, которые продолжают выполнять функцию валюты и сегодня. Кроме выплат и компенсаций крупные суммы денег тратятся на обучение детей в городских школах в надежде, что через них их родственники получат доступ к благам городского мира. Еще одна категория расходов – удобные и престижные потребительские товары фабричного производства. Среди таких товаров большую долю занимают одежда, табак, фонарики на батарейках, зажигалки, лапша быстрого приготовления, мыло и рис. Однако доступ к деньгам извне имеют далеко не все короваи. Их можно либо добыть прекарным трудом в городах, терпя дополнительные лишения вдали от ресурсов своей земли и сети социальных отношений, либо работой с туристами – чужаками, которых сегодня короваи называют *olan tulis* (от индонезийского *orang* – человек, *turis* – турист), *tulisanop* (кор. *уанор* – человек) или просто *tulis*.

Культура короваев как туристический аттракцион

Слава о короваях как о недавно «открытых» несговорчивых, опасных каннибалах, живущих на деревьях, постоянно подогревает интерес журналистов, туристов и других искателей приключений. За пределами своей земли короваи быстро получили известность благодаря фоторепортажам и фильмам. Сначала это были крупные СМИ, такие как

National Geographic, BBC и Discovery, передачи о приключениях и путешествиях из разных стран. Образы, представленные в этих фильмах, укрепили стереотипы о короваях как о нетронутых цивилизацией людях «каменного века», строящих дома под самым небом. Поскольку за прошедшие десятилетия интерес к короваям не угас, помимо состоятельных туристов, с развитием интернета за материалом поехали представители новых поколений съемочных групп.

Начиная с 1990-х гг. лес короваев посетил значительное количество таких чужаков, достаточно для того, чтобы его жители определили им место в своем мире и построили отношения с ними в свою социально-экономическую систему. В категорию *tulis* включаются любые чужаки, время от времени приезжающие к короваям, вне зависимости от целей и этнической принадлежности. По мнению Стэша, короваи воспринимают туристов как некую этническую общность (Stasch 2016), обитающую в больших городах, наполненных всевозможными материальными благами, а именно вещами и деньгами. Добавлю, что короваи различают иностранных или индонезийских туристов по месту, откуда они прибыли, при этом не придавая значения разнице между городами, регионами, государствами – Джакарта и Бали, Джаяпура и Макаassar, Россия и Корея, Германия и Америка. Деревня, город и страна пока различаются для короваев лишь масштабом и объемом доступных материальных благ, а известные им топонимы обозначают воображаемые места за пределами леса, откуда стекаются чужаки.

Для короваев «большие тела» туристов¹¹, их огромные рюкзаки, наполненные множеством вещей, являются подтверждением нескончаемого изобилия мира, откуда они пришли. Передачу туристами денег и вещей короваи понимают как подтверждение жалости к себе. Идея, согласно которой туристы приезжают, чтобы делиться, исходит из коровайского эгалитаризма. Так поступают они сами, испытывая сочувствие к тем, кому чего-то не хватает, например к сиротам (Stasch 2009: 164). Согласно этой логике, короваи объясняют и поведение туристов. Существует распространенное представление, что умершие родственники отправляются жить в большие города и посылают оттуда туристов помогать живым (см. также: Stasch 2023). Если кто-то нарушает баланс тем, что не хочет делиться, это может вызвать возмущение и гнев.

Для короваев готовность платить вещами или деньгами за социальные отношения является признанием их ценности, а требование оплаты – проявлением желания установить эту связь. Туристы же часто считают оплату деньгами прискорбным побочным эффектом их взаимодействия с короваями, если они вообще знают об оплате (иногда они остаются в неведении, а сделки совершают гиды, например во время туров «первого контакта»). Они могут считать, что товарно-денежные отношения «испортят» короваев или разрушат их культуру. Туристы могут

не знать, что традиционная одежда, которая воспринимается ими скорее как отсутствие одежды, уже почти полностью вытеснена более удобными и престижными для подавляющего большинства короваев шортами и футболками. Для семьи, принимающей туристов в лесу, это привычное, сформированное когда-то при взаимодействии с туристами и гидами условие – не появляться в фабричной одежде перед гостями, поскольку короваи знают, что те приехали смотреть на их традиционную культуру.

Каждая сторона, по мнению другой, живет в мире, где все есть для счастливой жизни. Дары природы, т.е. все необходимое, «просто есть» в лесу, так же как деньги и вещи «просто есть» в городах (см. также: Stasch 2016). Обе стороны могут не осознавать того, что, как правило, для выживания и тем более благополучной жизни в каждом из миров нужно много работать.

Не все короваи напрямую включены в экономические отношения с приезжими. Общий план действий и выбор маршрута на территории короваев – это ответственность гидов, у которых выстроены более или менее надежные связи с определенными коровайскими семьями. Именно к таким проверенным людям, с которыми уже есть опыт успешного сотрудничества, и ведут туристов и съемочные группы. Гиды, регулярно сопровождающие группы к короваям, говорят и на индонезийском, и на английском языках и выступают посредниками, регулирующими взаимодействие. Они учитывают желания и надежды обеих сторон, знают местные правила. Однако сами могут за глаза упрекать короваев в зависти и жадности, тогда как для короваев эти чувства – лишь ответная реакция на неравное распределение материальных ценностей.

Здесь нужно остановиться подробнее на том, как проходит типичное взаимодействие короваев с гостями. Туристы обычно приезжают на три-пять дней, съемочные группы – в среднем на две недели, в течение этого времени и тем и другим необходимо увидеть что-то интересное из жизни короваев, но в обычный будний день как будто ничего не происходит – короваи либо разбредаются по своим делам, либо отдыхают в домах, куда туристы не могут попасть без приглашения. Поэтому у гидов в отношениях с короваями выработана привычная схема действий, следуя которой, и гости, и хозяева остаются удовлетворены. Все эти действия обобщаются словом *aktiviti* (малайским с латинским корнем), которое можно перевести как «деятельность», «мероприятия» или «работа». Это коммодификация привычной жизненной деятельности, которая происходит в присутствии туристов. Обычно коровайская семья по просьбе гида в сопровождении гостей на несколько часов идет в лес, валит там саговую пальму и добывает из нее саговый крахмал.

Если туристы появляются в то время, когда запас саго исчерпан, то короваи совмещают запланированную деятельность по его добыче с

aktiviti. Однако если в доме уже достаточно саго и семья не собиралась идти за ним, короваи все равно осуществляют эту деятельность для гостей. Кроме того, при туристах можно собрать в лесу насекомых для еды, устроить рыбалку или охоту одним из традиционных способов и даже построить дом. Гости часто не знают, что короваи могут выполнять эту работу в их присутствии не только благодаря удачному стечению обстоятельств, как им обычно рассказывают гиды, но и потому, что именно этого от них ожидают¹². Туристы видят в этом «закулисье»¹³ культуры «архаического человека», то самое подлинное, ради чего они приехали.

Взаимодействие короваев и туристов отлажено и обычно проходит успешно – туристы приезжают и уезжают, фильмы и передачи про путешествия снимаются десятками. Однако здесь я предлагаю рассмотреть конфликтную ситуацию, которая так и не была урегулирована.

Во время нахождения в поле среди короваев я жила в нескольких семьях, принадлежащих к разным кланам, в их лесных и деревенских домах и перемещалась вместе с ними. Результатом постоянных передвижений по территории короваев стало знакомство с более чем двумя сотнями человек и возможность наблюдения социальных отношений в разных контекстах. Случай, о котором пойдет речь далее, произошел на земле одной из коровайских семей. Я наблюдала связанные с этим конфликтом события и косвенно участвовала в них во время моего пребывания у короваев в 2014, 2015 и 2016 гг. и затем продолжала наблюдать за его развитием удаленно (периодически получая новости из Папуа и отслеживая информацию, связанную с канадским проектом).

История Они и Г.

Главное действующее лицо этой истории – Они Валуф. На момент начала описываемых событий он жил попеременно то в деревне, то в лесу, как и многие другие короваи¹⁴. У Они и его родственников имелись дома в деревне на берегу реки Эйланден, но большую часть времени они проводили на своей земле в лесу, где находятся свиньи, огороды и главное – посадки саговой пальмы. Семья Они, кроме него, состоит из его жены и приемной дочери, неподалеку живут два его брата с женами, овдовевшая сестра с маленьким сыном и друг-вдовец с маленькой дочерью. Они – человек средних лет, харизматичный, рассудительный, трудолюбивый и в целом положительный. По-видимому, эти качества и обеспечили ему соответствующую репутацию среди гидов. Как следствие, если в интернет-поисковике сделать запрос на поиск короваев в картинках, то преобладающими по количеству среди найденных изображений людей окажутся изображения Они и его окружения.

Другим действующим лицом истории стал канадец, которого я здесь назову Г., – режиссер, сценарист и главный герой придуманного им

фильма, специалист в области коммуникации и, как было заявлено на его сайте, «авантюрист в душе»¹⁵. В декабре 2013 г., находясь в Папуа, Г. спонтанно решил снимать свой полнометражный художественный фильм в лесах Новой Гвинеи в сотрудничестве с короваями, которые по его плану должны были исполнять фоновые роли, а также обеспечить строительство реальных декораций.

Тогда же Г. договорился с гидами о поездке к короваям. Один из гидов – индонезиец с Сулавеси, живущий в районном центре высокогорья Папуа – Вамене, другой – папуас родом из сельской местности в долине Балием. Гиды договорились с Они о постройке пяти высоких домов на деревьях для съемок фильма к маю 2014 г. Место для будущей съемочной площадки находилось на берегу речки в получасе ходьбы от лесного дома Они.

У короваев уже давно сложилось представление о том, какие дома хотят увидеть туристы: они должны быть действительно высокими¹⁶. Поэтому Они и его семья в феврале 2014 г. начали строительство домов высотой около 30 м. Такие высокие дома (*luop / luop khaim*), расположенные в кронах деревьев верхнего яруса леса, – не специальное изобретение для туристов. Однако именно их интерес и желание увидеть эти строения побуждает короваев возводить их снова и снова (Comaroff, Comaroff 2009). Для постоянного жилья такие дома не строятся – это неудобно и рискованно, но зато оттуда можно обозревать простор над кронами деревьев, образующими сплошной полог.

Высота жилых коровайских домов на деревьях (*khaim*) обычно не более десяти метров. Для их постройки дерево твердой породы срубается на нужной высоте, и его ствол используется как основание дома. В климатических условиях дождевого тропического леса постройки быстро ветшают, а при том, что короваи строят свои дома высоко над землей, даже при регулярном ремонте, использование старых домов становится опасным для жизни. Смена места и дома в связи с его естественным старением требуется приблизительно раз в пару лет. Однако причиной переезда может стать смерть члена семьи, череда необъяснимых болезней или пожар. Так, на протяжении 4 лет через каждые 8–9 месяцев я, возвращаясь в поле, ни разу не застала семью, с которой раньше жила, на ее прежнем месте. Очень высокие дома разрушаются еще быстрее из-за ветров, но они и не предназначены для столь же активной эксплуатации, как жилые дома.

Зимой 2014 г. я была у короваев и наблюдала начало строительства домов для канадцев (рис. 1). Были выбраны несущие деревья, расчищена земля, заготовлены жерди и ротанговое волокно для связывания конструкций и установлен первый дом. Они переживал, что надо успеть к маю, и работал с утра до вечера, страдая от боли в спине. Все взрослые

мужчины и многие дети работали тогда на стройке, а женщины были заняты добычей еды. По мере приближения срока сдачи проекта к строительству подключалось все больше людей, в итоге в нем принимали участие пятьдесят три человека.

Рис. 1. Они создает каркас первого дома *khaim*. Четвертый день от начала строительства. Февраль 2014 г. Фото автора

В июне 2014 г. Г. со съемочной группой приехал к короваям, как и обещал. Я не присутствовала при этих событиях и узнала о них из публикуемых материалов канадского проекта. Команда тем летом начала кампанию по сбору денег и была очень активна в онлайн-пространстве. Так я узнала о том, что дома достроены и группа приезжала, а также о том, что им не удалось собрать запрошенную сумму. Все остальное я узнала из подробных рассказов короваев, когда снова вернулась в Папуа. Режиссер был очень доволен результатом строительства, похвалил работников и гидов, заказал дополнительные постройки, заплатил Они пятую часть от оговоренной ранее суммы (за один из пяти готовых высоких домов), снял рекламный ролик будущего фильма и уехал, пообещав вернуться с большими деньгами, расплатиться и снять полнометражный фильм.

Г. предупредил Они, что денег у него нет, но он рассчитывает их получить. Для этого ему нужно поехать в Канаду и найти спонсоров. Коровай отнеслись к этому с пониманием. С одной стороны, ситуация не

выходила за рамки отношений с отложенным возвратом между короваями. К тому же эта ситуация соответствовала их представлению о том, как устроен мир, – деньги у туристов есть, если не с собой, то в «городах». Но с другой стороны, такая договоренность была нетипичной для взаимодействия с туристами. Они объявил, что теперь они с Г. родственники, таким образом переводя его из статуса чужака в статус своего.

Описания подобного создания родственных связей можно найти в коровайских мифах (*wakhatum*). Например, человек заставший чужака, охотящегося на своей земле, будучи вправе убить его, но не желающий делать этого, восклицает: «Ты теперь мой сын!» Так хозяин положения провозглашает, что восстановил порядок, создав социальные отношения, адекватные ситуации. Это один из способов выравнивания, посредством которого устраняется напряжение.

Моральные обязательства, возникающие при обмене с отложенной отдачей, не только соединяют людей на время, но выстраивают историю взаимоотношений, которая сравнима с историей родственных отношений, основанных на реципрокности и совместном опыте.

В свое время Маршалл Салинз представил реципрокность как континуум различных видов обмена, где крайние формы – это генерализованная и негативная реципрокность. Генерализованная реципрокность характерна для обмена между людьми, связанными тесными социальными узами, и предполагает одностороннюю помощь. Ответные обязательства при этом остаются неопределенными в количественном, качественном и временном отношении. У короваев это проявляется в отношениях детей и их взрослых родственников, в угощении и гостеприимстве. Пища, предлагаемая в качестве угощения, рассматривается как дар, поэтому дающий не ест ее сам.

Негативная реципрокность проявляется при взаимодействии с чужаками и представляет собой вынужденный обмен, наиболее ярко проявляющийся в бартерных сделках, когда участники стремятся к достижению максимальной выгоды от транзакции и преследуют утилитарные цели, а при максимальной социальной дистанции включает и варианты одностороннего эгоистического присвоения. Коровай в условиях территориального разделения и социальной обособленности постоянно живут в окружении чужаков и «злых людей» (*khenanop*), поэтому большая часть их взаимоотношений выражается форме негативной реципрокности.

Между этими двумя крайними точками в классификации Салинза находится сбалансированная реципрокность. В строгом понимании, эта форма предполагает эквивалентный обмен, который происходит одновременно или в оговорённые сроки между участниками, находящимися на средней социальной дистанции (Салинз, 1999). Нарушение этих условий приводит к разрыву отношений, так как «отношения слишком хрупки, чтобы долго выдерживать несостоявшуюся реципрокность»

(200). В коровайском обществе сбалансированная реципрокность проявляется между людьми, связанными родственными отношениями.

Если применить эту схему к описываемой ситуации, то Г., находясь на максимально отдаленной социальной дистанции, усугубляемой дистанцией пространственной, пребывал вне моральных рамок, обязывающих к сбалансированному обмену. Они перестроил социальную дистанцию между собой и Г. под обстоятельства в соответствии со сложившимися обменными отношениями.

Дэвид Грэбер также отказывается сводить все социальные обязательства к эквивалентному обмену и предлагает модель, в которой выделяет три нравственных принципа, сосуществующих в каждом обществе и лежащих в основе человеческих отношений, – коммунизм, иерархия и обмен. Тип или модальность «коммунизм» предполагает отношения равных по принципу «от каждого по способностям, каждому по потребностям» (Гребер 2015: 72). У короваев эта модальность, как правило, проявляется, когда те, у кого есть излишки, делятся с теми, у кого их нет, не ожидая отдачи от них в ответ. Такие действия могут быть вызваны любовью, жалостью или требованиями.

Брачные выплаты и компенсации у короваев можно рассматривать через модальность «обмен», предполагающую реципрокность, стремление к равноценности и равенство сторон, что соотносится со «сбалансированной реципрокностью» у Салинза. В действительности путь к равноценному обмену может быть долгим и сложным, но в итоге это создает связи, которые не распадаются даже при достижении баланса.

Отношения «иерархии» в отличие от обмена не предполагают реципрокности ввиду неравенства участников, что подкрепляется прецедентной логикой, когда одна сторона ожидает от другой односторонней передачи на основании предыдущего опыта (Гребер 2015: 83–86). Такой тип отношений наиболее близок к взаимодействию короваев с туристами с точки зрения туристов. С точки зрения короваев отношения с туристами, вероятно, лежат в рамках первого типа моральных обязательств, поскольку односторонняя передача денег и вещей для них является механизмом реляционного выравнивания.

Так или иначе, когда у Г. не оказалось денег, привычное в отношениях с туристами выравнивание оказалось невозможным. Асимметрия усугублялась зависимым положением Г. на земле Они. То, что реципрокность подразумевает равенство сторон (Гребер 2015: 78–82), может дать еще одно объяснение, почему Они изменил регистр социальных отношений с Г. Таким образом проявляется стремление короваев к равенству, что обеспечило бы искомый баланс через справедливое распределение материальных ценностей, которыми обладает Г., так как равноценный обмен и отношения родства у короваев неразрывно связаны.

В июле 2014 г. команда проекта запустила сбор денег на краудфандинговой платформе, планируя собрать таким образом значительную сумму и снять фильм за год. Г. положился на социальное финансирование, не рассчитывая получить государственное. Также уже после своего отъезда Г. заказал через гидов традиционный коровайский праздник. Он подчеркнул, что праздник нужен не демонстрационный, когда валяются одна-две пальмы для туристов, а *настоящий*.

Коровайские праздники (*gil*) – это традиционные пиры, устраиваемые каждым кланом приблизительно раз в пять – десять лет, что обусловлено циклом роста саговой пальмы. На большие праздники созываются сотни людей из десятков других коровайских кланов и даже соседних этнических групп. Для подготовки угощения валяются сотни саговых пальм. *Gil* выполняет важную функцию в поддержании горизонтальных социальных связей, в том числе между кланами, находящимися в напряженных отношениях. Приготовление начинается за несколько месяцев. Нужно расчистить участок леса, создать специальное длинное, стоящее на земле строение для праздника (которое называется *gil*, как и сам праздник). В нем проходит кульминация праздника, которая длится сутки. В дополнение ко всему строятся маленькие домики (*khaus*) для размещения гостей, которые, как и главная постройка, не предназначены для других целей и остаются месте до тех пор, пока не сгниют и не будут поглощены джунглями. Одновременно с работами по строительству нужно срубить пальмы, заготовить саго и обеспечить условия, при которых в поваленных саговых пальмах будут развиваться личинки из яиц, отложенных красным пальмовым долгоносиком. Каждый этап подготовки требует слаженной коллективной работы, а назначенная дата не может переноситься, иначе личинки превратятся в жуков и улетят¹⁷.

Иногда для больших (10–15 человек) интернациональных групп, которые могут формироваться всего раз в год, отдельные гиды предварительно договариваются с некоторыми кланами об имитации «праздника саговой личинки». На эти постановочные праздники собирается больше коровайского народа и заранее рубится несколько саговых пальм для того, чтобы развести в них личинок. Вероятно это имел в виду канадский режиссер, когда говорил, что ему для фильма нужен не такой, а «настоящий» праздник. Таким образом Г. отверг стандартную «постановочную аутентичность» (Макканелл 2016) с целью создания и управления своей, масштабной.

При этом для короваев порядок приготовления пира понимается как естественный, они руководствуются сроками, «назначаемыми» природой. Люди могут лишь запустить процесс, который невозможно остановить, будь то рост пальмы, метаморфоза насекомого или процесс гниения. Г. же

руководствуется западным, рыночным, пониманием отношений заказчик – подрядчик, где заказчик не только запускает процесс, но может как поторопить, так и внести изменения или «заморозить» проект.

Долговые отношения у короваев

В следующий раз я приехала в коровайский лес через девять месяцев, в начале 2015 г. Придя на место, где в предыдущем году только начиналось строительство, я была действительно впечатлена масштабами преобразований. По берегам речки возвышались пять домов *luor* и дом на дереве *khaim*. Чуть поодаль были построены восемь небольших домиков (*khau*) для съёмочной группы и персонала, затем – туалеты, еще дальше располагались «кухня», два укрытия для генератора и большой отдельно стоящий на земле дом, построенный персонально для Г. по его специальному заказу. На другом берегу находился *gil*. Кроме того, были сооружены три моста через реку и деревянные настилы, соединяющие между собой постройки (эти дорожки из жердей были сделаны для участников съемок – не короваев, которым небезопасно было бы передвигаться по земле и по бревнам), и, наконец, на значительном удалении вертолетная площадка, расчищенная от леса и плотно выстланная жердями. Все это было построено без какой-либо оплаты вперед или гарантий этой оплаты. Более того, строительство продолжалось даже после того, как Г. вместо обещанной суммы отдал лишь пятую ее часть.

Ситуация, описанная выше, провоцирует наивный вопрос: неужели подобное поведение – это результат простодушия людей, не имеющих представления о «правилах игры»?

Марсель Мосс в своей классической работе «Очерк о даре» рассмотрел систему договорного права и экономических отношений в традиционных и современных обществах и обратил внимание на то, что дар, который кажется проявлением свободного выбора, на самом деле встроен в систему социальных отношений и по сути своей принудителен и небескорыстен. Мосс говорит о трех ключевых обязательствах дарообмена: давать, принимать и возмещать дары. То есть сторона, принявшая дар, тут же оказывается в долгу, пока не сделает ответный подарок (Мосс 2014).

Отложенная реципрокность вписывается в картину привычных экономических отношений короваев друг с другом. Грэбер показывает, что долг представляет собой основу социальных отношений, и что до появления современной рыночной экономики и капитализма он был тесно связан с моральными нормами, взаимными обязательствами и социальной ответственностью. Долг в докапиталистических обществах способствовал созданию и укреплению связей между людьми (Грэбер 2015).

Как и во многих меланезийских обществах, у короваев отношения измеряются через уравнивающие действия (*kholopamo*) и компенсации

(*kholofudamo*). Через взаимные дары определяются социальные связи. Через требования и компенсации они устанавливаются. Взаимоотношения короваев и туристов я тоже рассматриваю в рамках систем дарообмена и реципрокности и не провожу границу между товаром и даром (Gregory 2015). Также в данной ситуации я не разделяю моральные обязательства и денежный долг (Гребер 2015).

Требования компенсаций или возвращения долга и усилия по его возвращению составляют большую долю жизненных забот короваев. Долговые обязательства, растянутые во времени, являются социальным клеем, скрепляющим людей, живущих разрозненно и автономно. Это то, что заставляет их думать друг о друге, опасаться друг друга, просить друг у друга помощи. В отсутствие политической иерархии это приобретает особый смысл. Каждый коровай стремится снова привести это некомфортное состояние в состояние равновесия, равенства, но длится оно недолго – погашенный долг сменяется следующим.

Самые крупные долги у короваев – это долги за жену. Сумма обычно так велика, что редко кто может выплатить ее сразу. Наравне с выплатами за женщин большую часть в социально-экономической жизни короваев занимают компенсации за умерших. Требования о возмещении утраты предъявляются людям, которые жили вместе с покойным, теми, кто видел его лишь время от времени (см. также: Stasch 2009). Помимо этого, существуют и другие виды компенсационных выплат, например за убийство или за случайно подстреленную домашнюю свинью.

Сделки по выплате компенсаций всегда сложны, неопределенны, противоречивы и практически трудноосуществимы, поскольку требования, вызванные сильными чувствами, часто превышают реальную платежеспособность. К помощи в покрытии долга призываются родственники. Требования могут меняться как в большую, так и в меньшую сторону. Нет никаких общепринятых устойчивых порядков на этот счет, кроме того, что люди вправе делать то, что они хотят (Stasch 2009). Отложенная реципрокность усложняет расчет эквивалентного возврата, так как «время изменяет ценность объектов и восприятие отношений» (Peterson 1993: 864). Долг может ослабевать или крепчать с течением времени. Или даже возникать спонтанно как будто на пустом месте.

Приведу один пример. Один из знакомых мужчин когда-то женился на красивой здоровой женщине, которая родила в браке троих детей. За жену мужчина расплатился окончательно. И вот, когда старшему сыну было уже лет пять, пришли родственники жены и сказали, что требуют дополнительной платы, что повергло мужчину в уныние, но ему и в голову не пришло сопротивляться их решению. Можно подумать, что это несправедливо. Но не с точки зрения короваев, для которых это событие не выходит за рамки их родственных и долговых отношений. Выплата была сделана только за женщину и ее потенциальную возможность

родить детей другому клану, но теперь, когда дети родились и подросли, размер выплаты может быть пересмотрен. Старшие родственники вырастили её такой выносливой, что она не только не умерла при первых родах, что бывает нередко, но и не умер ни один ребенок. Теперь родственники скучают по ней, ощущают недостачу и требуют компенсацию.

Неудовлетворенные запросы вызывают гнев, который по своей сути является началом движения в сторону укрепления отношений, так как со временем может повлечь за собой выплату. Пережитое напряжение лишь повышает ценность отношений в случае удачного исхода, который не всегда возможен. Если погашение долга слишком затягивается, по мнению ожидающей стороны, то это может перерасти в открытый вооруженный конфликт. Возмущение несправедливостью и насилие считаются уместными по отношению к должнику, и его задача – исправить ситуацию. Сторона, к которой предъявляются требования, оказывается в уязвимом положении. Кредиторы время от времени могут напоминать о долге, требовать его в разной форме – от нанесения намекающих тягостных визитов до прямых требований, угроз и предупредительных ранений. В случае с канадцами короваи совсем потеряли из виду своих должников, но отношения были уже установлены, и та нить, которая связывала их, со временем не ослабевала, а только натягивалась.

Долг Они: урегулирование неравенства

Пока я гостила у Они, обнаружила, что неурегулированная ситуация с канадским долгом активно обсуждается, градус недовольства растет. Они сказал, что уже не может смотреть людям в глаза. Потеря лица нарушает равновесие. Фактически договоренность заключалась между Г. и Они, поэтому именно Они нес ответственность перед всеми, кто помогал ему в строительстве, и именно он испытывал на себе давление сообщества, требующего оплаты выполненной работы. С учетом дополнительных построек, возросшего числа помощников и других обстоятельств, включающих и длительное ожидание, оговоренная сумма уже не считалась достаточной. По мере того как образ Г. растворялся во времени, долг его все большим грузом ложился на плечи Они (рис. 2).

При совместной работе задействуются социальные сети и требования могут предъявлять даже те люди, которые не участвовали в строительстве непосредственно, но по каким-то причинам считают себя причастными и требуют справедливого распределения средств (ср.: Kirsch 2001). Коровай выполнили свою часть договора, дополнительные дома строились как очередной ход в запущенной цепи обмена. И ответным ходом должен был стать приезд Г. с очередной порцией благ. Нужно было что-то делать, как-то материализовать Г. Тогда Они и соратники составили план, который заключался в следующем: дожидаться приезда канадцев,

привести их на место съемки, окружить, вооружившись луками и стрелами, и потребовать справедливого расчета, угрожая расправой. После обсуждения всех подробностей этого предприятия ситуация заметно смягчилась.

Рис. 2. Они Валуф. Февраль 2015 г. Фото автора

Для короваев такое поведение не предосудительно с моральной точки зрения, напротив, это один из способов восстановить равновесие в своем мире, который, благодаря стечению обстоятельств, еще не растворился в мире капитализма. Насилие идет рука об руку с долгом не только в капиталистической экономике, когда без угрозы насилия нет долга (Гребер 2015). Прием, который короваи собирались применить к ничего не подозревающим канадцам, напав на них в лесу, — это привычный способ вести дела. Перманентное напряжение сосуществует с желанием избежать вооруженных конфликтов, которые, безусловно, являются стрессом для общества, но в то же время и приемлемым выпуском «пара». На земле короваев нет силовых структур — армии или полиции. Церковь не имеет большого влияния и может воздействовать только разъяснениями и убеждениями. Регулирование порядка происходит в соответствии с нормами обычного права. Если долг погашен кровью или жизнью, это потребует компенсации, а значит, снова могут возникнуть долговые отношения. При этом такие обменные отношения можно назвать стабильными — с предсказуемыми рисками и понятной схемой ответных мер.

Сейчас вооруженные конфликты со смертельным исходом наблюдаются все реже. Последний известный мне конфликт (о нем мне сообщил информант в переписке) был в 2019 г. из-за неуплаты за женщину – нарушитель справедливости был ранен стрелой из лука, но выжил. Но все же на вопрос «как дела в деревне, в лесу?», в лучшем случае следует ответ: «все мирно». Состояние мира – это то самое равновесное и безопасное состояние, к которому стремятся большинство короваев, а эгалитаризм является его необходимым условием.

В 2015 г. Г. так и не появился, напряжение снова усилилось. В обычной ситуации стороны имеют возможность встретиться и выяснить отношения, что само по себе важно, поскольку даже конфликтная ситуация является проявлением социальных отношений. Неопределенность порождает сомнения. Гиды, которые привезли канадскую группу к Они, стали испытывать трудности в отношениях с короваями, так как те начали подозревать, что гиды все же получили деньги от Г., но не передали их. Чтобы очистить свою репутацию, один из гидов, в свой четвертый после отъезда канадцев приезд, предложил Они поехать к нему домой в Вамену, чтобы оттуда связаться с Г., находящимся в Канаде, дать им возможность пообщаться и выяснить все напрямую (технически через гида посредством звонка по скайпу). В итоге Они предпринял самое дальнее путешествие в своей жизни (почти 300 км на лодке по рекам, затем перелет на самолете через горы в долину Балием), чтобы позвонить в Канаду¹⁸. Разговор состоялся. Г. попросил подождать ещё, объяснил, что все еще ищет деньги на фильм, так как собрал только четверть необходимой суммы, но этого недостаточно, поскольку он хочет приехать с большой группой и снять «большой фильм». Г. также дал указание охранять постройки и никого в них не пускать.

Они убедился, что тот помнит о долге, получил новые обещания и таким образом подтверждение существования этих отношений и их продолжения. Когда-то Г. попросил построить дома, пообещав приехать, затем приехал, заплатил часть денег, попросил добавить строений и подготовить праздник, пообещав приехать снова, – это логически distraивает в воображении Они последовательность событий в будущем. В результате связь между короваями и канадцами была восстановлена, Они и семья остались на месте в лесу в ожидании Г.

В 2015 г. я написала Г. и спросила о его планах, он ответил, что собирается приехать в 2017 г. Я описала напряженную ситуацию в лесу, Г. ответил на это, что все в порядке – ведь он говорил по скайпу с Они.

Взаимное непонимание

К моему возвращению на место съемок в январе 2016 г. весь комплекс сооружений уже начал ветшать, что неизбежно происходит в условиях влажного и жаркого тропического климата, несмотря на то, что короваи

старались поддерживать постройки в хорошем состоянии. При строительстве домов многочисленные жерди, из которых создается основная конструкция, связываются ротангом, и когда он рассыхается и приходит в негодность, пользоваться таким домом становится смертельно опасно. Братья Они заменили ротанг на лестницах и опорах домов, дважды ремонтировали мосты и помосты, которые разрушались природой. Надо сказать, что обычно короваи мостов не строят, а для перехода через внутренние речки используют ствол дерева, поваленного с одного берега на другой. Конструкции, расположенные близко к земле или стоящие в воде, такие как опоры мостов, еще более недолговечны, чем типичные коровайские дома на деревьях. При том, что хозяева постоянно поддерживают в надлежащем состоянии и постройки, и территорию вокруг. Затем, когда семья переходит на новое место, оставленный нежилой дом очень быстро разрушается (рис. 3, 4).

Съёмочная группа не учла эти особенности, а короваи, знаящие свои природные условия как единственно нормальные, не могли предположить, что канадцы оттянут свой приезд настолько, что позволят конструкциям сгнить. Постройки представляли собой материальное воплощение отношений с Г., которые ослабевали по мере того, как разрушались строения. Их исчезновение – еще один повод для тревоги и растущего напряжения.

В тот год я слышала много недовольства по поводу всей этой ситуации. Конечно же, мое появление как свидетеля части событий и своеобразного посредника-переговорщика между короваями и миром туристов¹⁹ подняло новую волну разбирательств, но случай широко обсуждался и без моего присутствия. В статье 2016 г. о примитивистском туризме у короваев Стэш упоминает этот конфликт, что свидетельствует о широком бытовании рассказов о нем (Stasch 2016).

Претензии, в которых консолидированы моральные и материальные категории, косвенно предъявлялись ко всей группе канадцев, однако Г. был главным ответственным лицом, так как именно он говорил и давал обещания. В обсуждения, проходившие во главе с Они, были вовлечены два его брата, еще несколько взрослых мужчин, принимавших активное участие в строительстве и переговорах с Г., а также несколько сочувствующих положению Они присоединялись к беседам в разные дни. Ниже приведена реплика Надуса Хома, который присутствовал при договоренности Они и Г. и тоже был занят в канадском кинопроекте:

Мы поверили, потому что Г. заказал и мы все приготовили. Он заплатил недостаточно, но мы не сказали: «ты мало заплатил». Нет. Мы это приняли. Мы тоже понимаем – это вертолет. Мы подумали, действительно, это дорого, потому что у него группа... с вещами. Мы поверили. И мы подумали – ничего страшного. Г. заказал, он пообещал, мы поверили. Но Г. не приехал. Вот так. Ждали, ждали, ждали, ждали, ждали. С тех пор как он обещал личинки уже стали жуками, уже пропали, саго осталось там (на месте *gil*) и уже высохло, дрова так и лежат. Все уже заросло, дома попадали, мосты сломались.

Рис. 3. Высокие дома *luor*, построенные по заказу Г. Февраль 2015 г.
Фото автора

Рис. 4. Съемка с той же точки. Один дом уже обрушился, другой разрушается.
Январь 2016 г. Фото автора

Коровай приписывают туристам поведение, соответствующее собственным представлениям об эгалитарных нормах социального взаимодействия, основанного на обмене. То, что Г. добровольно вступил в долговые отношения, означало, что он ищет связь с коровай и становится ответственным за ее обеспечение.

Давать обещания и брать на себя обязательства – значит создавать равные, уважительные, доверительные условия, необходимые для «моральных» отношений (Shiffrin 2008). На обещание приехать снова с деньгами Он ответил обещанием построить все, что для этого нужно. Если бы Г. попросил о постройке и не приехал во второй раз, то, вероятно, ситуация развивалась бы не так драматично²⁰. Однако Г. вернулся и принял дома. Он их видел, снимал, поднимался, сидел в них и спал в них. Он их одобрил, они ему понравилось. Он установил отношения и принял моральное обязательство их поддерживать.

Непонимание туристами границы между тем, что стало объектом коммодификации, и тем, что является частью важных культурных практик, дополнительно осложнило ситуацию. Запрос на подготовку праздника перевел договор в область традиционных общественных отношений и процессов. Подготовка праздника сопряжена с огромными тратами, которые вкладываются

в поддержание и конструирование социальных связей сообщества. Не приехав на пир, Г. неадекватно себя повел и причинил большие убытки.

Попытки Г. объяснить процессы кинопроизводства в Канаде и свои действия в логике рыночно структурированных экономических отношений не нашли понимания у короваев. Несмотря на то что Г., по его словам, еще не начинал снимать фильм, а снял лишь предварительные «кадры», которые должны были помочь ему получить деньги на свой проект, короваи это видят иначе. В беседах о визите канадцев короваи делали акцент на том, как Они и члены его семьи по просьбе Г. взбирались на дерево, охотились на птиц в традиционной одежде и как туристы это снимали. Объясняя короваям трудности, сопряженные с поиском финансирования, Г. лишь подтвердил известное среди короваев обоснование деятельности туристов – они получают деньги за фильмы и фотографии. Г. рассказывал, что занимался подготовительной работой, включающей договоренность с короваями о постройке домов, поездку в Папуа, съемку материала для предъявления продюсерам и спонсорам, «обивание порогов» в поисках средств. Для короваев все это не считается работой. Работа – это непосредственная добыча пищи или строительство домов, а поглощение визуальной информации, чем занимаются гости во время своего визита, – это то, чего они хотят и что получают.

Рис. 5. Они Валоф на разрушающихся мостках, которые должны были служить тропинками съемочной группе. Они продолжает контролировать зарастание этого места, подрезая молодые растения. На заднем плане видны остатки разрушенного моста и первый построенный дом *haim*, в который уже опасно подниматься, несмотря на внешнюю целостность. Январь 2016 г. Фото автора

Основные темы дискуссий относительно этой ситуации были следующими: несправедливость, выражающаяся в нежелании Г. делиться (у него много денег, но он не хочет приехать); одностороннее нарушение обещаний (работы выполнены, а долг не выплачен); обман и неуважение (Г. снял фильм при полном содействии королаев, уехал, вероятно получил за это деньги и не вернулся); убытки (разрушенные постройки, срубленные для несостоявшегося праздника пальмы и умершая свинья, не дождавшаяся туристов); дополнительная тяжелая и напрасная работа (ремонт домов и других сооружений) (см. рис. 5); отношения Они с людьми (Г. поставил его в положение должника, что болезненно нарушает иерархию) и, наконец, расчёт денежной суммы, которую с учетом всех обстоятельств необходимо требовать с канадцев.

Формирование долга

При одном из обсуждений сложившейся ситуации присутствовал королевский учитель, который, выслушав озвученные претензии, структурировал и зафиксировал все убытки, переведя их из слов в конкретные цифры на бумаге. Моральные обязательства становятся долгом, когда определяются количественно и выражаются в цифрах (Гребер 2015).

Я была свидетелем того, как формировалась сумма долга. Заранее с Г. была оговорена цена только за пять высоких домов, все остальное строилось без конкретной договоренности. Помимо самих построек учитывался труд по их поддержанию, ремонту и компенсации ущерба. Логике включения в счет умершей свиньи непросто понять, если не принимать в расчет роль домашних свиней в экономике королаев (см. также: Kirsch 2001). С точки зрения европейца, свинья не пропала даром, ее съели, а ее смерть была непредвиденным обстоятельством. Но домашние свиньи у королаев предназначены для использования в качестве компенсаций, например в связи со смертью родственника или как выплата за невесту. Возможно, если бы та свинья не была «отложена» в ожидании приезда канадцев, то была бы передана кому-то в качестве компенсации до ее смерти.

Большие суммы, которыми оперировали королаи, были для них отчасти абстрактными. Мужчины загибали пальцы и прибавляли миллионы к миллионам. Цены рассчитывались с опорой на опыт и логику, с учетом количества объектов. Так, например, за *aktiviti*, во время которого срубается саговая пальма и семья идет разделять ее вместе с туристами, когда-то была установлена цена в 2 миллиона индонезийских рупий. Пальма разделяется в течение почти целого дня, полученным саго можно питаться в среднем две недели в зависимости от количества членов семьи. Исходя из этого, можно сделать вывод, что цена назначается

именно за *aktiviti*, поскольку сама пальма не является товаром, не отчуждается и съедается в дальнейшем семьей. Но, как выяснилось, такая интерпретация не верна. Когда короваи подсчитывали ущерб за несостоявшийся праздник, они умножили 61 напрасно срубленную пальму на те же привычные 2 миллиона, но в этом случае не было ни показательной деятельности, ни саго, добытого из пальм. Пальмы были подготовлены для разведения в них личинок. Это действительно серьезный ущерб, и здесь уже оцениваются личинки, которые пропали из-за невыполнения Г. обязательств, и сами пальмы, а точнее, то, что их срубили и больше они не растут. Восьмилетняя свинья, как принято, оценивалась по количеству лет, которые за ней ухаживали.

Так или иначе, общий долг получился значительный. Но несмотря на тщательный подход к оценке стоимости построек, мостов, саговых пальм и прочего, вердикт, озвученный Они, не совпал с цифрами, которые учитель аккуратно записывал со слов участников обсуждения. В папуасских системах счета количество является выражением качества. Поэтому за внешним определением ценности каждого объекта стоял совсем другой смысл – их перечисление и подсчет. Как элементы целого они составили единицу, эквивалентную одному миллиарду. Для равноценного обмена единица обменивается на единицу, дар на дар, поскольку предметом обмена могут быть лишь единицы одного и того же порядка (Strathern 1992: 182–185). Однако в дополнение к миллиарду Они потребовал большой генератор. Этот ход можно рассматривать как стремление создать «тень задолженности» (Салинз 1999: 203), т.е. сделать обмен неравным, отличающим его от бартера и, следовательно, содержащим потенциал на продолжение отношений (Peebles 2010). Таким образом, долг канадцев воспринимался короваями в рамках логики обменных, а не товарно-денежных отношений.

Через несколько дней после подсчетов один из братьев Они признался мне, что давно раздумывает о принятом решении, переживает и боится, поскольку итоговая сумма оказалась так велика, что ее не может быть даже у правительства, не то что у одного человека (с учетом всех его социальных связей). Эти терзания были вызваны опасением гнева со стороны должников и неуверенностью в том, что баланс может быть восстановлен.

Заключение

Ситуации, подобные этой, обычно не возникают с туристами. Чужаки, как правило, превосходят короваев по количеству денег и вещей, но компенсируют это тем, что делятся в обмен на гостеприимство хозяев

земли. Случаются столкновения, когда одна сторона разочарована действиями другой, но обычно они разрешаются немедленно при помощи гидов.

Руперт Стэш, исследовавший взаимодействие короваев с туристами в контексте их взаимной инаковости, поднимает вопрос, как при таком искаженном стереотипном восприятии друг друга и своих отношений их взаимодействие все же проходит успешно. Он предлагает три возможных объяснения этой «загадки»: совпадение, позволяющее сторонам взаимодействовать, не осознавая ошибочных представлений друг о друге, и при этом получать друг от друга то, что они хотят; товарно-денежные отношения как ключевой фактор²¹, благодаря которому взаимодействие становится возможным, несмотря на все различия; потенциальная готовность сторон к недопониманию, которое может между ними произойти (Stasch 2016). Все эти объяснения имеют под собой основания. Однако в данном случае Они и его окружение оказались не готовы справиться с ситуацией, выходящей за рамки стандартного взаимодействия с чужаками, которая возникла из-за того, что Г. вступил с короваями в долговые отношения.

Конфликт между короваями и канадцами показывает, что взаимодействие может оставаться успешным до тех пор, пока оно происходит в форме немедленного взаимного обмена. Обычно туристы проводят у короваев короткое время, что исключает возможность отсроченного возврата и выплата происходит сразу – в течение нескольких дней, пока группа не уехала.

Хрупкий, почти случайный баланс между этими двумя системами нарушился, когда увеличилось время между обмена и установились долгосрочные отношения. Сбой произошел при вынужденном переходе к сложной форме отложенного обмена, и, таким образом, отношения стали развиваться по традиционной для экономики короваев схеме, что потребовало применения уравнивающих мер. Система, которая казалась отлаженной, не справилась, механизмы урегулирования, применяемые короваями, не сработали, так как Г. находился за пределами их системы и действовал в рамках своей логики.

Для короваев установленная связь существует вне времени, географического местонахождения, отношений кровного родства и т.д. Тогда как, с точки зрения Г., эта связь привязана к определенному хронотопу, а также ситуативна и не важна вне фокуса собственных интересов. Ожидаемый ответный ход от него затянулся так сильно, что материальные свидетельства договоренности стали исчезать. При невозможности восстановить нарушенный баланс короваям пришлось подвести черту, разорвав связь с Г.

Ультиматум, поставленный канадцам, красноречиво говорит о значении социальных отношений для короваев. Отсечение возможности взаимодействия для стольких людей – несомненно, крайняя мера. Тот, кто

не имеет связей, не имеет ничего: не может чувствовать себя в безопасности, без риска для жизни пройти по лесу, переночевать в дороге, получить помощь, оказавшись в сложной ситуации. Предъявление требований и их удовлетворение компенсируют пространственное разделение и поддерживают далекие межлокальные связи. Социальная разрозненность короваев уравнивается обязательствами быть взаимосвязанными через долговые отношения.

Угроза не пускать никого из канадцев на свою землю есть не что иное, как разрыв отношений (в том числе экономических) не с одним лишь Г., но со всем канадским сообществом. То, что Они отвечает перед другими, несмотря на его автономию, а за Г. будут отвечать все канадцы, показывает, что отношения, с точки зрения короваев, представляют собой прочную обширную горизонтальную сеть, а не единичные связи, возникающие и исчезающие по мере активации потребностей. Она предполагает, что между людьми в «городах» существуют такая же паутина связей и взаимных обязательств, как и у короваев.

Однако помимо угрозы санкциями в послании короваев канадцам проявляется готовность к возобновлению мирного взаимодействия, несмотря на напряжение в настоящем. Урегулирование ситуации в какой-то момент в будущем позволит возобновить отношения и продолжать их на равных. Ответственность для короваев заключается не в том, чтобы вовремя отдавать долги, а в том, чтобы быть способными устанавливать, поддерживать и сохранять отношения, не нарушая при этом ничью автономию.

На момент написания этой статьи Г. так и не приехал к короваям. Несмотря на всю привлекательность короваев как «экзотического другого», они не единственное предложение на рынке примитивистского туризма. Сегодня Г., помимо своей основной деятельности в сфере психологии человеческих отношений и коммуникации, продолжает работать над созданием фильмов об «исчезающих культурах». Он снял документальный сериал о «последних кочевниках» среди восьми народов от Африки до Средней Азии. Коваев среди них нет. Своему опыту этих отношений он нашел применение в другом русле²².

Они покинул место несостоявшихся съемок и отношений, когда постройки разрушились, переехал на берег большой реки и основал там свою деревню, где и живет сейчас. Они и его семья снабдили меня самой подробной информацией об их тяготах и разочарованиях и попросили передать их слова канадцам. Весной 2016 г., вернувшись от короваев, я написала Г., рассказала, что постройки гниют, что короваи недовольны столь длительным ожиданием и неопределенностью. В конце я передала послание от короваев, с которого начала этот рассказ.

Отвечая на мое последнее письмо, Г. написал, что в самом худшем случае, даже если он не найдет финансирование на фильм, то скоро придет, чтобы вернуть долг и сохранить добрые отношения с короваями.

В том же письме он попросил меня «больше не играть роль посредника в этой саге».

Примечания

¹ Ударение ставится на «о».

² В 2022 г. территория индонезийской провинции Папуа была разделена на три новые провинции – Центральное Папуа, Горное Папуа и Южное Папуа. Далее в тексте я буду употреблять слово «Папуа» как название региона и как прежнее название провинции, где происходили описываемые события.

³ Здесь и далее имеется в виду языковая граница.

⁴ Речь идет именно о регулярных контактах некоторых кланов короваев с миссионерами. Весть о «светлокожих демонах» разнеслась на несколько лет раньше в результате случайных столкновений отдельных короваев с голландскими геологами и их индонезийскими помощниками, которые проводили разведку к югу от территории короваев. Геологоразведка этой местности не дала результатов, которые могли стать основанием для развития инфраструктуры.

⁵ Первым исследователем, который стал заниматься короваями, был голландский лингвист Лоуренс де Фриз. Он изучал языки группы Авью-Ндумут (к которой принадлежит и коровайский язык) в период с 1982 по 1991 г. и прожил в деревне Янирума в общей сложности более двух лет. В 1997 г. вышла книга Лоренса де Фриза и миссионера Геррита ван Энка (Enk van, Vries de 1997), которая содержит основную информацию о культуре короваев, а также базовый словарь, который помог мне в начале моей работы в этом регионе. В 1995 г. начал проводить исследования среди короваев американский лингвистический и социокультурный антрополог Руперт Стэш. В 2009 г. была издана его книга «Общество других», в которой на богатом этнографическом материале автор раскрывает особенности социальных отношений короваев (Stasch 2009).

⁶ Я буду употреблять слово «клан», подразумевая основную единицу социальной и политической организации короваев – *gup*, что с коровайского можно перевести как семья, клан, род или тип. Принадлежность к определенному клану предполагает владение определенной родовой (клановой) территорией (*bolup*), переходящей от отца к детям. Связь с общим местом является основополагающим фактором в отношениях родства (Enk van, Vries de 1997, Stasch 2009).

⁷ Здесь и далее курсивом в круглых скобках приведены некоторые коровайские слова и понятия в латинской транслитерации.

⁸ Основная пища короваев – саго – крахмал, добываемый из саговой пальмы. Популяция саговых пальм на территории контролируется хозяевами земли путем регулярного высаживания молодых побегов и массовой вырубki при подготовке к праздникам/пирам. В стволах саговой пальмы короваи разводят личинок красного пальмового долгоносика в скромных количествах для будничного потребления и в огромных количествах как угощение для пиров. Бананы, таро, ананасы и другое владельцы земли высаживают на вырубке под домом или в лесу.

⁹ На данный момент расчищена одна из таких рек, на которой в глубине леса расположена деревня, основанная короваями в 2013 г. Теперь до нее можно добраться на каное.

¹⁰ Коровайи используют в пищу несколько видов дикорастущих растений. Белковый рацион, получаемый путем охоты и собирательства, составляют: пресмыкающиеся, членистоногие ракообразные, пауки и насекомые (как взрослые особи, так и их личинки), рыба, мелкие сумчатые млекопитающие, птицы. Самая крупная добыча – казуары и дикие свиньи (одомашненных свиней используют для выплат и компенсаций).

¹¹ Коровайи в среднем невысокого роста и худощавого телосложения, поэтому они воспринимают туристов как «больших».

¹² Такое ограничение свободы действий и нарушение привычного распорядка приемлемо не для всех короваев, и многие не принимают участие в *aktiviti* просто потому, что не хотят, и денежный стимул в таких случаях не является достаточным.

¹³ Антрополог Руперт Стэш и вовсе предполагает, что короваи воплощают для туристов доступ к закулисью всего человечества (Стэш 2014).

¹⁴ В то время приблизительно треть короваев жили в деревнях и еще треть кочевали из леса в деревню и обратно, остальные оставались в лесу постоянно.

¹⁵ Я никогда не встречалась с Г. Помимо рассказов короваев, информация о нем была почерпнута из открытых источников в сети Интернет и моей переписки с ним, которая велась в 2015–2016 гг. Многие интервью и выступления, где Г. рассказывает об этом кинопроекте и его отношениях с короваями, на сегодняшний день недоступны.

¹⁶ Начало таким ожиданиям приезжих положили образы, представленные в СМИ. Например в сериале компании BBC «Планета людей» 2011 г. в эпизоде о короваях дом высотой около 50 метров, построенный по просьбе съемочной группы, представлен как жилой.

¹⁷ Так и произошло впоследствии с личинками, приготовленными на праздник, заказанный Г. По словам моих информантов было повалено около 60 пальм, которые сгнили в болоте, так и не вскрытые для добычи личинок.

¹⁸ Необходимость ехать так далеко была связана с тем, что ни на территории короваев, ни вообще в указанном районе в то время не было покрытия сотовой сети, в отличие от горного района, где жил гид.

¹⁹ Для короваев, безусловно, я была представителем того мира «стран» и «городов», где обитают канадцы, хотя они знали от меня, что мы говорим на разных языках, а значит, не так уж близки.

²⁰ Важно отметить, что строительство домов впрок у короваев не уникальная ситуация. Я знаю случаи, когда дома строились не по просьбе уже прибывшей группы, а на будущее, в надежде, что туристы приедут и посмотрят на них. Бывало, что никто так и не приезжал, и дома просто разрушались. Работа по постройке высоких домов для короваев – инвестиция в то, что туристы приедут и состоится обмен на их деньги и товары. Это можно рассматривать и как «вымогательный подарок», когда одна сущность вызывается другой (Strathern 1992). Однако чужаки такой непрошенный дар могут понимать как проявление щедрости. Разница логики в этом вопросе ведет к недопониманию. Однажды коровайский мужчина, которого я знала уже не первый год, предложил пойти посмотреть высокий дом, который он строит. Я сходила. В итоге по возвращении оказалось, что я должна денег за просмотр, но мои спутники (одним из которых был Они) спасли меня от этого неожиданного вымогательства, приведя в качестве аргументов то, что во-первых, дом еще не достроен, а во-вторых, я в него не поднималась.

²¹ Коровай систематически включают туристов в собственные категориальные системы, и этот случай выявляет то, что обмен с ними (с участием денег или без) не является исключением. Сделки короваев между собой сложны и разнообразны, поэтому для взаимодействия с туристами не требуется введения новой дополнительной формы обмена. То есть посредством товарно-денежного обмена с туристами короваи не переходят к рыночной экономике, а интегрируют туристов в свою экономическую систему.

²² Г. продолжает свою карьеру как специалист в области коммуникации. В своем выступлении на конференции TEDx, доступ к которому уже закрыт, Г. рассказывал, как благодаря его коммуникационным навыкам он смог наладить отношения и договориться с «каннибалами» о сотрудничестве, а именно о строительстве домов. В других интервью он также рассказывает о своем опыте взаимодействия с короваями, подчеркивая их уникальность и изолированность от внешнего мира.

Список источников

Гребер Д. Долг: первые 5000 лет истории / пер. с англ. А. Дунаева. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.

- Макканел Д. Турист. Новая теория праздного класса / пер. с англ. А. Боровикова, Е. Изотова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.
- Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / пер. с фр. А. Гофман. М.: КДУ, 2014.
- Саллинз М. Экономика каменного века / пер. с англ. О.Ю. Артемовой и др. М.: ОГИ, 1999.
- Comaroff J.L., Comaroff J. *Ethnicity, Inc.* Chicago; Illinois: University of Chicago Press, 2009.
- Gregory C.A. *Gifts and Commodities.* Chicago: HAU Books, 2015.
- Kirsch S. Property Effects. Social Networks and Compensation Claims in Melanesia // *Social Anthropology*. 2001. Vol. 9, No. 2. P. 147–163. doi: 10.1017/S0964028201000118
- Peebles G. The Anthropology of Credit and Debt // *Annual Review of Anthropology*. 2010. Vol. 39. P. 225–240.
- Peterson N. Demand Sharing: Reciprocity and the Pressure for Generosity among Foragers // *American Anthropologist*. 1993. Vol. 95, No. 4. P. 860–874.
- Shiffrin S.V. Promising, Intimate Relationships, and Conventionalism // *Philosophical Review*. 2008. Vol. 117, No. 4. doi: 10.1215/00318108-2008-014
- Stasch R. *Society of Others: kinship and mourning in a West Papuan place.* Berkeley; California: University of California Press, 2009.
- Stasch R. Toward Symmetric Treatment of Imaginaries: Nudity and Payment in Tourism to Papua's «Treehouse People» // *Tourism Imaginaries: Anthropological Approaches* / ed. by Noel B. Salazar, Nelson H.H. Graburn. 1st ed. Berghahn Books, 2014. P. 31–56.
- Stasch R. Dramas of otherness: «First contact» tourism in New Guinea // *HAU: Journal of Ethnographic Theory*. 2016. Vol. 6, No. 3. P. 7–27.
- Stasch R. Anarchists for the State: From Egalitarian Opacity to Anticipating Thoughts of the Powerful // *Ethnos*. 2023. Vol. 88, No. 4. P. 724–748.
- Strathern M. Qualified Value: The Perspective of Gift Exchange. Chapter 7 // *Barter, Exchange and Value: An Anthropological Approach* / ed. by C. Humphrey, S. Hugh-Jones. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 169–191.
- van Enk G.J., de Vries L.J. *The Korowai of Irian Jaya: Their language in its cultural context.* Oxford; New York: Oxford University Press, 1997.
- Woodburn J. Egalitarian Societies // *Man*. 1982. Vol. 17, No. 3. P. 431–451.

References

- Graeber D. (2015) *Dolg: pervye 5000 let istorii* [Debt: The First 5000 Years] / Translated from English by A. Dunaevf. Moscow: Ad Marginem Press.
- MacCannell D. (2016) *Turist. Novaia teoriia prazdnogo klassa* [The Tourist: A New Theory of the Leisure Class] / Translated from English by A. Bоровикова, E. Izotov. Moscow: Ad Marginem Press.
- Mauss M. (2014) *Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po sotsial'noi antropologii* [Societies. Exchange. Personality. Works on Social Anthropology] / Translated from French by A. Gofman. Moscow: KDU.
- Sahlins M. (1999) *Ekonomika kamennogo veka* [Stone Age Economics] / Translated from English by O.Iu. Artemova et al. Moscow: OGI.
- Comaroff J.L., Comaroff J. (2009) *Ethnicity, Inc.* Chicago; Illinois: University of Chicago Press.
- Gregory C.A. (2015) *Gifts and Commodities.* Chicago: HAU Books.
- Kirsch, S. (2001) “Property Effects. Social Networks and Compensation Claims in Melanesia, *Social Anthropology*, Vol. 9, no. 2, pp. 147–163. doi: 10.1017/S0964028201000118.
- Peebles G. (2010) The Anthropology of Credit and Debt, *Annual Review of Anthropology*, Vol.39, pp. 225–240.
- Peterson N. (1993) Demand Sharing: Reciprocity and the Pressure for Generosity among Foragers, *American Anthropologist*, Vol. 95, no. 4, pp. 860–874.

- Shiffrin S.V. (2008) Promising, Intimate Relationships, and Conventionalism, *Philosophical Review*, Vol. 117, no. 4. DOI: 10.1215/00318108-2008-014
- Stasch R. (2009) *Society of Others: kinship and mourning in a West Papuan place*. Berkeley; California: University of California Press.
- Stasch R. (2014) Toward Symmetric Treatment of Imaginaries: Nudity and Payment in Tourism to Papua's "Treehouse People", *Tourism Imaginaries: Anthropological Approaches*, edited by Noel B. Salazar and Nelson H. H. Graburn, 1st ed., Berghahn Books. P. 31–56.
- Stasch R. (2016) Dramas of otherness: "First contact" tourism in New Guinea, *HAU: Journal of Ethnographic Theory*, Vol. 6, no. 3, pp. 7–27.
- Stasch R. (2023) Anarchists for the State: From Egalitarian Opacity to Anticipating Thoughts of the Powerful, *Ethnos*, Vol. 88, no. 4, pp. 724–748.
- Strathern M. (1992) Qualified Value: The Perspective of Gift Exchange. Chapter 7. In: *Barter, Exchange and Value: An Anthropological Approach*, ed. by C. Humphrey, S. Hugh-Jones. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 169–191.
- van Enk G.J., de Vries L.J. (1997) *The Korowai of Irian Jaya: Their language in its cultural context*. Oxford; New York: Oxford University Press.
- Woodburn J. (1982) Egalitarian Societies, *Man*, Vol. 17, no. 3, pp. 431–451.

Сведения об авторе:

БЕЛЯКОВА Екатерина Михайловна – младший научный сотрудник отдела Австралии, Океании и Индонезии, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: belyakova.kunstkamera@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Ekaterina M. Belyakova, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: belyakova.kunstkamera@gmail.com

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 23 августа 2024 г.;
принята к публикации 18 декабря 2024 г.*

*The article was submitted 23.08.2024;
accepted for publication 18.12.2024.*

Научная статья
УДК 303.446.22; 7.067
doi: 10.17223/2312461X/46/9

Музыкальное прошлое как часть культурного наследия североанглийских рабочих городов: пример Салфорда

Александра Сергеевна Колесник¹

¹ *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, aleksa-kolesnik@yandex.ru*

Аннотация. За последние 30–35 лет существенно трансформировались представления о культурном наследии. Это связано с расширением понимания культурной ценности объектов, которые имеют отношение как к недавнему прошлому, так и к маргинализированным ранее культурным формам (прежде всего, к популярной культуре). Проекты регенерации британских городов в 1980–2000-е гг. демонстрируют разные способы маркирования городского прошлого в качестве культурного наследия. Так, в регионе Северной Англии, где города серьезно пострадали от кризиса деиндустриализации, в понятие «культурного наследия» было включено богатое музыкальное прошлое региона, которое стало не простым дополнением городской истории, а мощным ресурсом ее развития. Социальный клуб «Salford Lads' Club» («SLC's») в Салфорде (Большой Манчестер) представляет собой яркий пример совмещения социального и музыкального прошлого, являясь местом сохранения и поддержания истории рабочего класса данного региона и в то же время одним из ключевых мест в истории популярной музыки Великобритании. Отличительной чертой клуба являлась организация ежегодных туристических походов, ставших разновидностью молодежной работы, ее воспитания и дисциплинирования, а также способом поддержки детей рабочих семей (пост)индустриальных городских районов Большого Манчестера. Вместе с тем «Salford Lads' Club» также стал значимым местом для музыкальных фанатов. С появлением фотографии британской рок-группы «The Smiths» на фоне главного входа клуба в буклете к альбому «The Queen Is Dead» (1986) «SLC's» оказался местом паломничества поклонников группы со всего мира. В ходе реализации проекта регенерации Большого Манчестера, начавшегося в 2000-е гг., клуб стал одним из знаковых символов как новой городской исторической политики, так и переосмысления культурного наследия региона Северной Англии.

Ключевые слова: музыкальное наследие, рабочее наследие, Северная Англия, Салфорд, The Smiths

Благодарности: Работа выполнена по гранту РНФ № 22-28-02064 «Особенности дискурса национальной/гражданской идентичности в in-between пространствах “иммигрантских” сообществ (на материалах “британских мусульман” в современной Великобритании)», рук. Д.Н. Караваева.

Для цитирования: Колесник А.С. Музыкальное прошлое как часть культурного наследия североанглийских рабочих городов: пример Салфорда // Сибирские исторические исследования. 2024. № 4. С. 212–229. doi: 10.17223/2312461X/46/9

Original article

doi: 10.17223/2312461X/46/9

Musical Past as Cultural Heritage in North English Working Towns: The Case of Salford

Alexandra S. Kolesnik¹

¹ National Research University "Higher School of Economics",
Moscow, Russian Federation, aleksa-kolesnik@yandex.ru

Abstract. Over the past 30–35 years, the concept of cultural heritage has undergone significant transformation. This shift reflects an expanded understanding of cultural value, encompassing both the recent past and previously marginalized cultural forms, particularly those associated with popular culture. British urban regeneration projects from the 1980s to the 2000s exemplify diverse approaches to framing the urban past as cultural heritage. In Northern England, where cities were deeply affected by the deindustrialization crisis, the concept of "cultural heritage" came to include the region's rich musical history. This history became not merely a complement to urban narratives but a powerful resource for development. The Salford Lads' Club (Greater Manchester) serves as a prime example of this reconciliation between social and musical history. It functions both as a site preserving and sustaining the working-class history of the region and as an iconic landmark in the story of British popular music. The club's hallmark activity was organizing annual camping trips, which served as a form of youth engagement, combining education and discipline with support for the children of working families in Greater Manchester's (post)industrial urban areas. Over time, the Salford Lads' Club also emerged as a significant destination for music fans. This transformation was driven, in part, by the inclusion of a photograph of the British rock band *The Smiths* in front of the club's main entrance in the booklet for their 1986 album *The Queen Is Dead*. This image turned the club into a pilgrimage site for fans from around the world. During the Greater Manchester regeneration project, which began in the 2000s, the Salford Lads' Club became one of the iconic symbols of the region's renewed urban historical policy and a key example of how the cultural heritage of Northern England was reimagined and celebrated.

Keywords: musical heritage, working heritage, Northern England, Salford, The Smiths

Acknowledgements: The research work was supported by the RSF grant № 22-28-02064 "Peculiarities of the discourse of national/civil identity in the in-between spaces of "immigrant" communities (on the materials of "British Muslims" in modern Great Britain)", supervisor D.N. Karavaeva.

For citation: Kolesnik, A.S. (2024) Musical Past as Cultural Heritage in North English Working Towns: The Case of Salford. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 212–229. doi: 10.17223/2312461X/46/9

Введение

История популярной музыки неразрывно связана с городской средой, спецификой ее устройства, функционирования и развития. Появление новых музыкальных площадок, «освоение» музыкантами и их аудито-

рией городского пространства, уличные выступления, а также проведение масштабных музыкальных фестивалей – это лишь некоторые формы взаимодействия популярной музыки и города. Музыкальная деятельность существенно влияет на городскую среду, определяя то, как она используется, интерпретируется и репрезентируется. В свою очередь сама городская среда влияет на практики производства и потребления музыки. Задаваясь вопросом о том, что популярная музыка может «рассказать» о городе, современные исследователи городской среды и музыки изучают, как город формирует музыкальную культуру и как музыкальная история может быть осмыслена в контексте городской истории и наследия. В работах Сары Коэн, Леса Робертса, Марион Леонард, Энди Беннетта и Сюзан Янсен исследуется развитие различных жанров популярной музыки в районах северных английских городов, прежде всего Манчестера и Ливерпуля. Авторы рассматривают, как «музыкальные» кварталы соотносились с рабочими и мигрантскими районами, а также анализируют возможности изучения городской и социальной истории через память о музыкальных событиях и сценах (Cohen, Roberts 2014; Sites of Popular Music Heritage... 2014; Popular Music... 2019).

Как отмечает Мартин Клунап, появление и развитие музыкальных жанров оказали значительное влияние на восприятие и отношение к различным городам (Cloonan 1997: 64). Например, постпанковские портреты упадка городов конца 1970-х гг. с акцентом на социальных проблемах; дистопические образы Бирмингема или Детройта в песнях хеви-метал-групп 1980-х гг., происходящих из промышленных регионов Англии и США; социальные зарисовки городских окраин в текстах рэп- и хип-хоп-исполнителей 1980-х гг., а также ностальгические городские пейзажи брит-попа 1990-х гг. – все эти примеры иллюстрируют массовое восприятие городов, репрезентированное в популярной музыке. Подобно иконическим изображениям Лос-Анджелеса через образы Голливуда и мировой киноиндустрии, такие города, как Нэшвилл, Сиэтл и Мемфис в США или Ливерпуль, Шеффилд и Манчестер в Англии, стали известны как ключевые центры появления и развития популярной музыки. Это нашло отражение как в городской повседневности, так и в репрезентации этих городов. В монографии «Саундтреки: популярная музыка, идентичность и место» («Soundtracks: Popular Music, Identity and Place») географы Джон Коннелл и Крис Гибсон рассматривают примеры различных городов и регионов Великобритании и США, анализируя, как музыкальная история и современные музыкальные сцены влияют на формирование и репрезентацию локальных идентичностей, а также способствуют развитию культурного и музыкального туризма (Connell, Gibson 2002). В целом, исследования в области музыкальной географии уделяют большое внимание тому, как музыкальная индустрия конструирует и транслирует образы городов (Carney 1998; Bull 2000; Music, Space and Place... 2005; Johansson, Thomas 2014).

В этом контексте на протяжении последних нескольких десятилетий наблюдается пересмотр подходов к формированию и составу культурного наследия, а также активное осмысление истории популярной музыки как городского культурного наследия, особенно в США и Великобритании. По мнению Сары Коэн, Джона Шофилда и Бретта Лашуа, эта тенденция ревизии городского наследия является прямым следствием процессов перестройки и перепланировки бывших индустриальных городов (Cohen, Schofield, Lashua 2009: 106). В частности, в промышленных городах Северо-Западной Англии, переживших стагнацию и упадок в 1970–1980-е гг., инициативы городской регенерации повлияли не только на трансформацию физического облика этих городов, но и на переосмысление их истории. В ряде случаев интерес к культурному прошлому стал отправной точкой для стимулирования местной экономики и проектов восстановления, что, в свою очередь, связано с более широкой ревизией понятия «культурное наследие» (Колесник 2022). Обращение к музыкальному прошлому в этом контексте существенно обогатило и трансформировало представление о городском культурном наследии.

Данная статья сосредоточена на анализе изменений в представлении о культурном наследии индустриальных регионов Великобритании за последние 25–30 лет на примере юношеского клуба «Salford Lads' Club» (The Salford Lads' Club) в городе Салфорд (Большой Манчестер). Этот клуб является одним из ключевых мест сохранения и поддержки истории и памяти английского рабочего класса, занимая при этом значительное место в музыкальной истории Великобритании. В работе используются материалы из открытых онлайн-источников, а также результаты собственных наблюдений, сделанных во время посещения «Salford Lads' Club» в 2013 г.

Исследования музыкального наследия

Трансформация представлений о культурном наследии в 1980–1990-е гг., с одной стороны, была связана с появлением новых исследовательских направлений – *heritage studies* и *critical heritage studies* (Колесник, Русанов 2022); с другой – с изменением городской политики в США, Великобритании и ряде европейских стран, направленной на реконструкцию постиндустриальных городов и стимулирование городских культурных индустрий.

Основой современных исследований наследия стало, во-первых, переосмысление концепции культурного наследия и отход от его традиционного понимания как перечня объектов, имеющих ценность в контексте национальной истории. Вслед за американским историком Дэвидом Лоуэнталем (Lowenthal 2015 [1985]) в рамках *heritage studies* и *critical heritage studies* акцентируется внимание на подвижности круга агентов,

вовлеченных в формирование культурного наследия. Этот подход позволил исследователям глубже проследить связь между различными сообществами, участвующими в процессе формирования наследия (эксперты, активисты, обычные горожане, представители администрации), а также обратить внимание на различия в их представлениях о наследии и практиках его поддержания. Так, Грэгори Эшворт, Брайан Грэхэм и Джон Танбридж пишут о «плюрализации прошлого» – оптике разных агентов, вовлеченных в формирование наследие (Ashworth, Graham, Tunbridge 2007).

Во-вторых, значимым стал вопрос институционализации и авторизации культурного наследия в разных национальных и локальных контекстах. Особое место в исследованиях наследия заняли работы австралийского историка Лорыджейн Смит, которая изучает различные способы формирования и использования культурного наследия в разных (и при этом постоянно меняющихся) социальных, культурных, эмоциональных и темпоральных контекстах. Согласно Л. Смит, культурное наследие – продукт культурной политики, а не некое свойство того или иного памятника (Smith 2006).

В-третьих, культурное наследие стало рассматриваться как социальное действие. Это подразумевает критику монополии экспертов, обычно закрепленной на государственном уровне, на право определения и признания объекта частью культурного наследия (Byrne 2008). В данном контексте различные культурные формы и практики (от кино и музыки до фанатских коммеморативных ритуалов) рассматриваются как способы формирования и переосмысления неофициального и неформального культурного наследия.

В поле исследований культурного наследия изучение популярной музыки и связанных с ней культурных практик как культурного наследия – новое направление, которое в большей степени фокусируется на британском и североамериканском музыкальном прошлом. Исследователи рассматривают, во-первых, феномен музыкального наследия и специфику памяти о музыкальном прошлом – круг агентов, которые конструируют такое наследие, формы его авторизации и коммодификации, а также конфликты, возникающие вокруг него (The Routledge Companion to Popular Music... 2018; Popular Music... 2019; Remembering Popular Music's Past... 2019). Во-вторых, изучаются практики закрепления памяти в фанатской культуре – самодельные фанатские мемориалы умершим музыкантам, места памяти музыкальных и фанатских сообществ (клубы, пабы, места встреч), фанатские архивы и коллекции, празднования памятных дат и появление связанных с ними традиций (Sites of Popular Music Heritage... 2014; Roberts, Cohen 2014; Preserving Popular Music Heritage... 2015; Music and Heritage... 2021). В-третьих, исследователи пытаются проследить, как менялись музыкальные места и практики вместе с изменением

городского пространства – как трансформировались концертные площадки и практики посещения концертов и фестивалей, как появлялись музыкальные сцены и как они влияли на город, как на этот процесс влияют новые медиа, как сохраняется память о прошлых музыкальных практиках (Cohen 2012; Lashua 2019).

Особое место в исследовании занимает вопрос репрезентации популярной музыки в музеях (Arnold-Foster, La Rue 1993; Edge 2000; Leonard 2007; Leonard 2010; Curating Pop 2019). Исследователи отмечают, что большинство музыкальных экспозиций представляет собой собрание историй популярной музыки, построенных преимущественно через материальные объекты. Хотя сами объекты весьма разнообразны – от концертных билетов и афиш до музыкальных инструментов и сценических костюмов музыкантов, – эти истории часто выстраиваются по схожим сценариям. Ключевая проблема таких экспозиций состоит, во-первых, в передаче нематериальной природы музыки и опыта ее восприятия в статичном музейном пространстве и, во-вторых, в специфике конструируемых через материальные артефакты нарративов популярной музыки.

Активное присутствие музыкальной тематики в музейном секторе поставило не только вопросы о том, как работать с музыкальными материалами и как их экспонировать, но и о том, как говорить о музыке с помощью языка музейной репрезентации. В 2000-е гг. интерес к популярной музыкальной культуре проявился не только в специализированных музеях, посвященных истории конкретных групп (часто основанных на личных коллекциях), но и в «традиционном» музейном секторе. В 2000–2010-х гг. такие крупные учреждения, как Музей Гамбурга (Германия), Музей современного искусства в Барселоне (Испания), Национальный музей Ливерпуля (Великобритания) и другие, организовали тематические выставки, посвященные популярной музыке. Подобные экспозиции получили статус event-выставок, в рамках которых кураторы стремились воссоздать атмосферу экспонируемой темы и эпохи. Эти музеи оказались тесно интегрированы в городской контекст, демонстрируя свою связь с городами, где они были открыты. Таким образом, они создают единое пространство городской исторической культуры, вплетая популярную музыку в более широкий нарратив об истории и идентичности города.

«Salford Lads' Club» в Манчестере: музыкальная и социальная история

Период упадка промышленных городов на севере и северо-западе Великобритании в 1980-е гг. сопровождался массовым сносом частных и общественных зданий, выселением людей из ветхого жилья и их пересе-

лением в другие районы или переездом в центральные части страны. Роберт Стрейчан и Марион Леонард отмечают, что процесс реконструкции таких промышленных городов, как Ливерпуль, Манчестер, Шеффилд и Бирмингем, породил целый ряд вопросов, связанных не только с выбором подходящих проектов регенерации, но и с сохранением городской истории и поддержанием коллективной памяти (Strachan, Leonard 2010: 3–4). В этом контексте местные социальные организации и клубы стали показательными примерами изменений в характере исторической культуры этих городов, а также трансформации понятия «культурное наследие».

Одним из ярких примеров является деятельность социального клуба «Salford Lads' Club» (сокращенно – «SLC's») в городе Салфорд, Большой Манчестер. Клуб приобрел широкую известность благодаря постпанк-группе «The Smiths» из Манчестера, ставшей одним из самых популярных британских коллективов 1980-х гг. Участники группы неоднократно обращались к социальным и политическим вопросам Северной Англии, поднимали проблемы рабочей молодежи в Манчестере и активно транслировали свою локальную идентичность (Hesmondhalgh 2001: 279–280). В буклет к третьему студийному альбому «The Queen Is Dead» (1986) была включена фотография участников группы на фоне главного фасада «SLC's»: вокалиста Стивена Патрика Моррисси, гитариста Джонни Марра, бас-гитариста Энди Рурка и ударника Майка Джойса. В 1987 г. вышел клип группы на песню «Stop Me If You Think You've Heard This One Before», где музыканты катаются на велосипедах по Манчестеру и Салфорду, позируют у «SLC's», демонстрируя заброшенные здания и пустынные улицы рядом с клубом (The Smiths – Stop Me). Как отмечают Сара Коэн и Лес Робертс, «SLC's» стал местом паломничества для поклонников «The Smiths», превратившись в один из самых знаковых архитектурных объектов Великобритании в 1980–1990-е гг. (Cohen, Roberts 2014: 44–45).

Географически клуб расположен на территории Большого Манчестера – региона Англии с богатой индустриальной историей. «Salford Lads' Club»¹ был основан в 1903 г. братьями из Манчестера Джеймсом и Уильямом Гровз, а открыт в 1904 г. лордом Робертом Стивенсоном Смитом Баден-Пауэллом, популяризатором скаутского движения в Англии в начале XX в., с целью социально-культурного развития рабочей молодежи. За более чем 100-летнюю деятельность клуб выпустил больше 20 000 воспитанников (Salford Lads' Club). Подобно многим молодежным, прежде всего мужским, клубам начала XX в. «SLC's» предложил возможность образования и развития для детей местных рабочих семей из густонаселенных кварталов, окружающих Манчестерский корабельный канал, который был открыт в 1890-е гг. Строительство канала и Салфордских доков было связано с активным процессом индустриализации

в Великобритании, развитием судоходства и необходимостью соответствовать новым нормам грузоперевозок внутри страны.

Деятельность клуба тесно пересекалась со скаутским движением. Наряду с занятиями гимнастикой, футболом, боксом и обучением в вечерней школе важной частью программы было ежегодное проведение кемпингов. Эти поездки, как предполагалось, способствовали развитию духа единства и коллективной сознательности. Кемпинг был распространенной практикой среди английских подростковых клубов, таких как бойскауты, и играл важную роль как социальная практика для детей из семей рабочего класса. Во время кемпингов проводились мероприятия, направленные на развитие дисциплины: совместная уборка, приготовление еды, соревнования и другие коллективные задачи. Первый поход, организованный клубом «SLC's», состоялся в 1904 г. в Лландуласе (Уэльс), заложив традицию, которая передавалась через поколения воспитанников и волонтеров клуба. Как отмечают Люк Диккенс и Ричард Макдональд, развитие гражданской сознательности было ключевой целью подобной деятельности, и именно на это направлялась большая часть воспитательной работы с участниками клуба (Dickens, MacDonald 2015: 378).

С началом индустриального кризиса в 1970–1980-е гг. окрестности Манчестерского корабельного канала – жилые дома, школы, церкви и другие социальные постройки – подверглись массовому разрушению. Интенсивный процесс деиндустриализации региона сопровождался масштабной перестройкой отдельных районов: исчезли целые улицы, а под лозунгом обновления и регенерации города на протяжении десятилетия осуществлялся снос жилых домов. Эта программа подверглась критике за джентрификацию: семьи с низкими доходами были вынуждены переехать, чтобы освободить территорию для строительства новых жилых комплексов с улучшенными условиями. Исследователи отмечают, что такие экономические, урбанистические и социальные преобразования привели к «десимволизации» определенных районов города и, соответственно, к утрате символической значимости социальных групп, в первую очередь рабочего класса (MacDonald, Couldry, Dickens 2015: 104). Одним из последствий кризиса стало закрытие и разрушение многих социальных клубов, что особенно сильно сказалось на культурном ландшафте городов. Брэт Лашуа описывает исчезновение социальных клубов в различных районах Ливерпуля как явление «социального забывания» (*social forgetting*), сопровождающееся разрывом традиций социальной и культурной преемственности, которые ранее поддерживались этими клубами (Lashua 2011: 40). Люк Диккенс и Ричард Макдональд также пишут об «исторической амнезии» (*historical amnesia*), связанной с массовым оттоком рабочих из индустриальных регионов Англии и раз-

рушением социальных связей. Это явление они рассматривают на примере деиндустриализованных районов Большого Манчестера (Dickens, MacDonald 2015: 387).

«Salford Lads' Club» также неоднократно был на грани закрытия, однако небольшая группа волонтеров поддерживала деятельность клуба, в особенности после появления интереса к клубу со стороны поклонников группы «The Smiths» (Couldry et al. 2014: 616). В 1990-е гг. поменялось руководство клуба и управление было передано от семьи его основателей к представителям рабочих слоев, которые ранее сами были воспитанниками клуба. С началом кампании регенерации британских городов в конце 1990-х гг. при поддержке правительства начался процесс восстановления региона Большого Манчестера, а также ревизии его культурного наследия. Для «оживления» города и данного региона в Салфорд были перенесены некоторые кампусы Манчестерского университета, а также многие другие культурные и образовательные учреждения. Так, в 2002 г. был открыт «Imperial War Museum North» (Imperial War...), посвященный истории мировых конфликтов. Расположенный на берегу Манчестерского корабельного канала, который был сильно разрушен воздушными бомбардировками во время Второй мировой войны, музей предлагает посетителям выставки, посвященной последствиям войн в истории Манчестера и других британских городов. Важным символом культурной регенерации Большого Манчестера стала реконструкция «Salford Lads' Club» и открытие там музея, посвященного разным аспектам социальной и культурной истории клуба и Салфорда. В 2003 г. клуб был включен в список фонда «Английское наследие» как здание, имеющее архитектурное и историческое значение (Salford Lad's Club).

Значимым фактором переосмысления культурной значимости «SLC's» стала его тесная связь с музыкальным прошлым Великобритании. В течение длительного времени руководство клуба негативно относилось к вниманию со стороны поклонников рок-группы «The Smiths». Музыкальные туристы, приезжающие к зданию клуба, откалывали куски кирпичей и штукатурки в качестве «трофеев», рисовали граффити, посвященные музыкантам и песням «The Smiths». Изначально администрация «SLC's» пыталась оградить клуб от подобного внимания фанатов. Однако после смены руководства было решено наладить контакт с посетителями. В 2004 г. в бывшем спортзале клуба открылась постоянная выставка, посвященная группе «The Smiths», под названием «The Smiths Room» (The Smiths Room). На выставке представлена обширная коллекция концертных афиш, постеров, флаеров, а также фанатский арт, которые экспонируются наряду с фотографиями учеников и выпускников клуба разных лет, грамотами и сохранившимся спортивным инвентарем. Тем самым «The Smiths Room» стал попыткой объединить историю рабочего класса и популярной культуры, подчеркивая значимость обеих

для промышленного региона Северной Англии. Значимо то, что бо́льшая часть экспонируемых предметов была передана музее местными поклонниками – некоторые объекты сопровождаются трогательными воспоминаниями их бывших владельцев о походах на концерты, получении автографов у музыкантов и покупке пластинок. Музыканты «The Smiths» также принимают участие в судьбе клуба, оказывая финансовую поддержку и занимаясь его продвижением. Четкого нарратива в экспозиции нет. Музей скорее объединяет разрозненные артефакты, связанные с различными аспектами истории клуба, – социальной и музыкальной – через символическое значение самого места. Несмотря на то что деятельность клуба ориентирована на разную аудиторию, по моим наблюдениям, значительную часть посетителей клуба составляют поклонники группы «The Smiths» и музыкальные туристы.

Наряду с регенерацией Салфорда в начале 2000-х гг. в Манчестере был реализован большой проект реставрации и оживления городского пространства. В 2003 г. начал работу район культурных индустрий – Северный квартал (Northern Quarter), расположенный в самом центре города. Во многом именно с этим местом связано развитие и популярность манчестерской музыкальной сцены в 1980-е гг., получившей название «мэдчестер» (Madchester) и представленной такими постпанк- и инди-группами, как «The Smiths», «New Order», «The Stone Roses» и «Happy Mondays». После регенерации квартал стал местом локализации студий звукозаписи, репетиционных точек и новых концертных площадок, что значительно увеличило приток туристов в Манчестер (Montgomery, 2005: 91–92). В то же время популярными среди горожан и туристов оказались экскурсионные туры по Манчестеру и его пригороду, появившиеся в 2005 г., – «Manchester Music Tours» (Manchester Music Tours). Организатором туров был манчестерский музыкант Крейг Джилл, барабанщик инди-рок-группы «Inspiralt Carpets». Группа была основана в 1983 г. и стала одной из наиболее влиятельных на манчестерской сцене 80-х наряду с «Happy Mondays» и «The Stone Roses». Изначально в рамках туров предполагалось посещение мест, связанных с историей музыкальной рок-культуры Манчестера поздних 1970-х и 1980-х гг. Поскольку экскурсии быстро стали популярными не только среди туристов, но и среди горожан, а также имели широкую поддержку со стороны музыкального сообщества города, вскоре тематика туров была расширена. Появились отдельные маршруты, связанные с историей знаковых манчестерских групп «Joy Division», «The Smiths», «The Stone Roses» и «Oasis», включающие посещение Салфорда и «The Smiths Room» и тем самым расширившие музыкальную географию Манчестера.

Примечательна последующая трансформация экспозиционного пространства «Salford Lads' Club». В контексте исследования процессов поддержания коллективной городской памяти и соединения различных

модусов прошлого в данном регионе в 2010–2011 гг. группой исследователей Департамента медиа и коммуникаций Голдсмитского колледжа Лондонского университета был реализован проект «Storycircle» (Dickens, Couldry, Fotopoulou 2015: 98–99). Целью проекта был сбор устных историй английских рабочих, живших в Северной Англии в XX в., для создания онлайн-архива и карты коллективных воспоминаний. Одним из направлений проекта было сотрудничество с членами, воспитанниками и волонтерами «Salford Lads' Club». В рамках работы собирались воспоминания и рассказы о кемпингах и деятельности клуба. Несмотря на распространенную практику организации социальными клубами походов, сохранилось крайне мало информации об этих событиях. «Salford Lads' Club» является одним из немногих клубов, где документировались кемпинги для истории клуба. Записанные воспоминания рассматривались и анализировались наряду с архивными записями с целью идентификации участников тех событий, которым на момент записи уже было около 70–80 лет. В сборе устных историй фокус делался на повседневной составляющей походов и жизни клуба в более широком социальном и культурном контекстах британской истории XX в.

В 2011 г. «Salford Lads' Club» отметил свой 100-й турпоход, к чему была приурочена масштабная фотовыставка «One Hundred Camps», подготовленная участниками исследовательской группы проекта «Storycircle» и включающая фотографии, которые до этого находились в частных коллекциях, открытки и детализированные записи воспоминаний членов клуба о турпоходах, а также 16-часовую документальную хронику о проведении кемпингов в 1920-е гг. Наряду с этим исследователи при поддержке членов клуба всех возрастов (от 13 до 93 лет) записали видеointервью и устные истории, на основе которых был создан короткометражный фильм «Tales from Camp» (Tales from Camp... 2023). В результате в единую группу были собраны отдельные истории с нарративной картографией и фотографии, повествующие о кемпингах в различных местах сельской части Северного Уэльса, острова Мэн и Йоркшира, где проводились кемпинги. Выставка оказалась востребованной среди разных аудиторий: ее посетили представители местных сообществ, фанаты «The Smiths», бывшие члены клуба. Как отмечают участники проекта Л. Диккенс и Р. Макдональд, реактуализация интереса к истории клуба через его значимость в контексте музыкальной истории Великобритании способствовала, в свою очередь, и реактуализации интереса к истории британских рабочих региона Большого Манчестера, а также включению разных поколений этих рабочих в рефлексии о своем прошлом (Dickens, MacDonald 2014: 83–84; Dickens, MacDonald 2015: 386–387).

Вторым аспектом работы участников проекта в рамках подготовки фотовыставки и сбора видеозаписей устных историй стало создание цифровой карты проведенных кемпингов, а также карты изменившейся

местности Салфорда за время существования клуба. Совместно с членами «Salford Lads' Club» и волонтерами исследователи разработали цифровую карту с целью «ухватить и связать» собранные разные устные истории. Созданная на базе платформы Historypin, карта имеет простой интерфейс и возможность редактирования в онлайн режиме по аналогии с Google-картами (Salford map). Пользователи могут самостоятельно добавлять фотографии с описаниями или аудиорассказами. Существует два способа навигации по фото-истории: первая версия содержит все материалы, размещенные разными пользователями, где можно отсортировать фотографии по предмету или теме; вторая предполагает сортировку по дате. Как отмечают исследователи, с одной стороны, совмещение в рамках одной карты разных срезов истории одного и того же места или района с возможностью услышать или прочитать разные точки зрения на какие-то события, выявляет спорные моменты или «моменты напряженности» между разными историями (Couldry et al. 2015: 509–510). Например, на карте сосуществуют фотографии, репрезентирующие разные форматы культурного значения «Salford Lads' Club»: как социального клуба и как культового места в музыкальной истории Великобритании. С другой стороны, «плотность» информации, представленной на цифровых картах, лишь подчеркивает материальную значимость места – клуба «Salford Lads' Club» (MacDonald et al. 2015: 105).

Усилия руководства клуба и участников проекта «Storycircle» по продвижению выставки параллельно с созданием цифрового архива имели целью привлечение внимания широкой общественности к истории кемпинга в подобных социальных клубах как важной альтернативной истории жизни английских рабочих. Интерес же разных музыкальных сообществ к истории группы «The Smiths» и значение «Salford Lads' Club» для музыкальной истории Великобритании, с одной стороны, существенным образом повлияли на историю самого клуба и формат его функционирования. С другой стороны, именно этот фактор позволил рассматривать клуб как объект с множественной историей и определить его как объект городского культурного наследия.

Заключение

Рассмотренный пример «Salford Lads' Club» демонстрирует, как трансформировалось понимание культурного наследия за последние 30–35 лет. Смещение интереса к новым типам историй привело к переоценке роли популярной культуры в формировании культурного наследия, особенно в контексте отдельных социальных групп и регионов.

Прежде всего, музыкальное наследие становится ресурсом для укрепления локальной идентичности и экономического развития. В настоящее время многие города связывают свою репутацию с музыкальными традициями, что способствует развитию культурного туризма. Посещение

знаковых мест, имеющих отношение к популярной музыке, например студии «The Beatles» «Abbey Road» в Лондоне или дома Элвиса Пресли «Graceland» в Мемфисе, привлекает миллионы туристов ежегодно, превращая музыкальное наследие в важный экономический ресурс. В случае «Salford Lads' Club» связь клуба с историей группы «The Smiths» стала ключевым фактором в привлечении внимания к его работе и получения охранного статуса. Переосмысление культурной значимости клуба, связанной с музыкальной историей группы «The Smiths», позволило включить «Salford Lads' Club» в музыкальную историю Манчестера. Это сделало клуб важным объектом музыкального туризма, популярным как среди поклонников группы, так и среди тех, кто интересуется историей британской поп-культуры.

В то же время музыкальное наследие – это способ осмысления и критического переосмысления исторических и культурных процессов. «SLC's» является ярким примером интеграции различных культурных опытов прошлого и настоящего. Несмотря на сложный и травматичный процесс деиндустриализации Северной Англии, сопровождавшийся «исторической амнезией» в данном регионе, клуб продолжает сохранять традиции работы с молодежью. Большинство воспитанников клуба, как и раньше, происходят из рабочих семей и семей мигрантов. Важной частью этого наследия остается практика ежегодных кемпингов, которые не только укрепляют чувство коллективной идентичности, но и связывают разные поколения выпускников клуба. Занимаясь сохранением и поддержанием своей истории, члены и волонтеры клуба также вносят вклад в изучение и репрезентацию социальной истории города. Особое значение в этом процессе приобрело присвоение клубу статуса объекта культурного наследия в 2003 г. Это событие подчеркнуло важность «SLC's» как части исторического и культурного ландшафта региона. Примечательно, что разделения культурных значений клуба, которое могло бы возникнуть между его рабочим прошлым и музыкальной славой, не произошло. Напротив, проекты, такие как «Storycircle», демонстрируют возможности объединения и изучения различных форм коллективной памяти. Эти проекты помогают связать историю рабочего класса, молодежной работы и популярной культуры, создавая целостное представление о «SLC's» как о месте, где пересекается социальная и музыкальная история.

Примечание

¹ Юношеские клубы или клубы для мальчиков были распространены в промышленных городах северной части Англии. Существовали также и клубы для девочек (в Салфорде работал клуб «Salford Girls' Club»). В 1994 г. «The Salford Lads'» стал набирать в ряды своих воспитанников также и девочек.

Список источников

- Колесник А.С. Музыкальное наследие в Северной Англии: примеры Шеффилда, Манчестера и Ливерпуля // *Labyrinth. Теории и практики культуры*. 2022. № 3. С. 35–47.
- Колесник А.С., Русанов А.В. Наследие-как-процесс: дискуссии о концепте культурного наследия в современных социальных и гуманитарных науках // *Вестник Пермского университета. Серия: История*. 2022. Т. 58, № 3. С. 58–69.
- Arnold-Foster K., La Rue H. *Museums of Music: a Review of Musical Collections in the United Kingdom*. L.: HMSO in Association with the Museums and Galleries Commission, 1993.
- Ashworth G.J., Graham B., Tunbridge J.E. *Pluralising Pasts: Heritage, Identity and Place in Multicultural Societies*. L.: Pluto Press, 2007.
- Bull M. *Sounding out the City: Personal Stereos and the Management of Everyday Life*. Oxford: Berg, 2000.
- Byrne D. *Heritage as Social Action* // *The Heritage Reader* / G. Fairclough, R. Harrison, J. Jameson Jr., J. Schofield (eds.). L.; N.Y.: Routledge, 2008. P. 149–173.
- Carney G.O. *Music Geography* // *Journal of Cultural Geography*. 1998. № 18. P. 1–10.
- Cloonan M. *State of the Nation: “Englishness,” Pop, and Politics in the mid-1990s* // *Popular Music and Society*. 1997. Vol. 21, № 2. P. 47–70.
- Cohen S. *Live Music and Urban Landscape: Mapping the Beat in Liverpool* // *Social Semiotics*. 2012. Vol. 5, № 22. P. 587–603.
- Cohen S., Roberts L. *Heritage Rocks! Mapping Spaces of Popular Music Tourism* // *The Globalization of Musics in Transit: Music Migration and Tourism* / S. Krüger, R. Trandafioiu (eds.). N.Y.: Routledge, 2014. P. 35–57.
- Cohen S., Schofield J., Lashua B. *Introduction to the Special Issue: Music, Characterization and Urban Space* // *Popular Music History*. 2009. Vol. 2, № 4. P. 105–111.
- Connell J., Gibson Ch. *Sound Tracks: Popular Music, Identity, and Place*. L.: Routledge, 2002.
- Couldry N., MacDonald R., Stephansen H., Clark W., Dickens L., Fotopoulou A. *Constructing a Digital Storycircle: Digital Infrastructure and Mutual Recognition* // *International Journal of Cultural Studies*. 2015. Vol. 18, № 5. P. 501–517.
- Couldry N., Stephansen H., Fotopoulou A., MacDonald R., Clark W., Dickens L. *Digital Citizenship? Narrative Exchange and the Changing Terms of Civic Culture* // *Citizenship Studies*. 2014. Vol. 18, Is. 6–7. P. 615–629.
- Curating Pop: *Exhibiting Popular Music in the Museum* / S. Baker, L. Istvandy, R. Nowak (eds.). L.: Bloomsbury Academic, 2019.
- Dickens L., Couldry N., Fotopoulou A. *News in the community? Investigating emerging inter-local spaces of news production/consumption* // *Journalism Studies*. 2015. Vol. 16, № 1. P. 97–114.
- Dickens L., MacDonald R.L. *“I can do things here that I can’t do in my own life”: The Making of a Civic Archive at the Salford Lads Club* // *ACME: An International E-Journal for Critical Geographies*. 2015. Vol. 14, № 2. P. 377–389.
- Dickens L., MacDonald R.L. *Displaced encounters with the working class city: camping, storytelling and intergenerational relationships at the Salford Lads Club* // *Intergenerational Space* / R. Vanderbeck, N. Worth (eds.). L.: Routledge, 2014. P. 81–95.
- Edge K. *Music in the Museum: Some Problems in Collecting and Interpreting the Technologies of Pop* // *Popular Musicology Online*. 2000. Is. 3. URL: <http://www.popular-musicology-online.com/issues/03/edge.html>
- Hesmondhalgh D. *British Popular Music and National Identity* // *British Cultural Studies: Geography, Nationality, and Identity* / D. Morley, K. Robbins (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 279–280.
- Imperial War Museum North. URL: <http://www.iwm.org.uk/visits/iwm-north>
- Johansson O., Thomas L.B. *Touring Circuits and the Geography of Rock Music Performance* // *Popular Music and Society*. 2014. Vol. 37, Is. 3. P. 313–337.

- Lashua B.* Oral Histories of the Vanishing Social Clubs of Liverpool 8: Mapping Black Musical Experience through Collaborative Inter-Generational Documentary Filmmaking // *Identities, Cultures and Voices in Leisure and Sport* / B. Watson, J. Harpin (eds.). New Jersey: Leisure Studies Association, 2011. P. 39–60.
- Lashua B.* Popular Music, Popular Myth and Cultural Heritage in Cleveland: The Moondog, the Buzzard and the Battle for the Rock and Roll Hall of Fame. Bingley: Emerald Group Publishing, 2019.
- Leonard M.* Constructing Histories Through Material Culture // *Popular Music History*. 2007. Vol. 2, № 2. P. 147–167.
- Leonard M.* Exhibiting Popular Music: Museum Audiences, Inclusion and Social History // *Journal of New Music Research*. 2010. Vol. 39, № 2. P. 171–181.
- Lowenthal D.* The Past is a Foreign Country. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
- MacDonald R.L., Coudry N., Dickens L.* Digitisation and Materiality: Researching Community Memory Practice Today // *The Sociological Review*. 2015. Vol. 63. P. 102–120.
- Manchester Music Tours. URL: <https://manchestermusictours.com>
- Montgomery J.* Cultural Quarters in Dublin, Sheffield, Manchester and Adelaide // *City Edge: Case Studies in Contemporary Urbanism* / E. Charlesworth (ed.). L.: The Architectural Press, 2005. P. 84–101.
- Music and Heritage: New Perspectives on Place-Making and Sonic Identity* / L. Maloney, J. Schofield (eds.). L.; N.Y.: Routledge, 2021.
- Music, Space and Place: Popular Music and Cultural Identity* / Sh. Whiteley, A. Bennett, S. Hawkins (eds.). Aldershot: Ashgate, 2005.
- Popular Music, Cultural Memory, and Heritage* / A. Bennett, S. Janssen (eds.). L.; N.Y.: Routledge, 2019.
- Preserving Popular Music Heritage: Do-it-Yourself, Do-it-Together* / S. Baker (ed.). L.; N.Y.: Routledge, 2015.
- Remembering Popular Music's Past: Memory-Heritage-History* / L. Istvandy, S. Baker, Z. Cantillon (eds.). L.: Anthem Press, 2019.
- Roberts L., Cohen S.* Unauthorising Popular Music Heritage: Outline of a Critical Framework // *International Journal of Heritage Studies*. 2014. Vol. 20, № 3. P. 241–261.
- Salford Lads' Club // *Historic England*. URL: <https://historicengland.org.uk/listing/the-list/list-entry/1390580>
- Salford map // *Historypin*. URL: <https://www.historypin.org/en/salford-local-history-library-s-collection/geo/53.4791,-2.295709,5/bounds/44.720445,-12.117486,60.741078,7.526068/paging/1>
- Sites of Popular Music Heritage: Memories, Histories, Places* / S. Cohen, R. Knifton, M. Leonard, L. Roberts (eds.). L.; N.Y.: Routledge, 2014.
- Smith L.* The Uses of Heritage. L.; N.Y.: Routledge, 2006.
- Strachan R., Leonard M.* Introduction: Creativity, Representation and Place // *The Beat Goes on: Liverpool, Popular Music and the Changing City* / M. Leonard, R. Strachan (eds.). Liverpool: Liverpool University Press, 2010. P. 1–10.
- Tales from Camp // The Salford Lads' Club YouTube Channel. URL: <http://www.youtube.com/user/TheSalfordladsclub/videos>
- The Routledge Companion to Popular Music History and Heritage* / S. Baker, C. Strong, L. Istvandy, Z. Cantillon (eds.). L.; N.Y.: Routledge, 2018.
- The Salford Lads' Club. URL: <http://salfordladsclub.org.uk/>
- The Smiths – Stop Me If You Think You've Heard This One Before (Official Music Video) // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SckD99B51IA>
- The Smiths Room // The Salford Lads' Club. URL: <https://salfordladsclub.org.uk/visit/the-smiths-room/>

References

- Arnold-Foster K., La Rue H. (1993) *Museums of Music: a Review of Musical Collections in the United Kingdom*. London: HMSO in Association with the Museums and Galleries Commission.
- Ashworth G.J., Graham B., Tunbridge J.E. (2007) *Pluralising Pasts: Heritage, Identity and Place in Multicultural Societies*. London: Pluto Press.
- Baker S. (ed.) (2015) *Preserving Popular Music Heritage: Do-it-Yourself, Do-it-Together*. London; New York: Routledge.
- Baker S., Istvandity L., Nowak R. (eds.) (2019) *Curating Pop: Exhibiting Popular Music in the Museum*. London: Bloomsbury Academic.
- Baker S., Strong C., Istvandity L., Cantillon Z. (eds.) (2018) *The Routledge Companion to Popular Music History and Heritage*. London; New York: Routledge.
- Bennett A., Janssen S. (eds.) (2019) *Popular Music, Cultural Memory, and Heritage*. London; New York: Routledge.
- Bull M. (2000) *Sounding out the City: Personal Stereos and the Management of Everyday Life*. Oxford: Berg.
- Byrne D. (2008) Heritage as Social Action. In: *The Heritage Reader*. Ed by G. Fairclough, R. Harrison, J. Jameson Jr., J. Schofield. London; New York: Routledge, pp. 149–173.
- Carney G.O. (1998) Music Geography, *Journal of Cultural Geography*, no. 18, pp. 1–10.
- Cloonan M. (1997) State of the Nation: “Englishness,” Pop, and Politics in the mid-1990s, *Popular Music and Society*, vol. 21, no 2, pp. 47–70.
- Cohen S. (2012) Live Music and Urban Landscape: Mapping the Beat in Liverpool, *Social Semiotics*, no. 22, vol. 5, pp. 587–603.
- Cohen S., Knifton R., Leonard M., Roberts L. (eds.) (2014) *Sites of Popular Music Heritage: Memories, Histories, Places*. London; New York: Routledge.
- Cohen S., Roberts L. (2014) Heritage Rocks! Mapping Spaces of Popular Music Tourism. In: *The Globalization of Musics in Transit: Music Migration and Tourism*. Ed. by S. Krüger, R. Trandafoiu. New York: Routledge, pp. 35–57.
- Cohen S., Schofield J., Lashua B. (2009) Introduction to the Special Issue: Music, Characterization and Urban Space, *Popular Music History*, no. 4, vol. 2, pp. 105–111.
- Connell J., Gibson Ch. (2002) *Sound Tracks: Popular Music, Identity, and Place*. London: Routledge.
- Couldry N., MacDonald R., Stephansen H., Clark W., Dickens L., Fotopoulou A. (2015) Constructing a Digital Storycircle: Digital Infrastructure and Mutual Recognition, *International Journal of Cultural Studies*, vol. 18, no. 5, pp. 501–517.
- Couldry N., Stephansen H., Fotopoulou A., MacDonald R., Clark W., Dickens L. (2014) Digital Citizenship? Narrative Exchange and the Changing Terms of Civic Culture, *Citizenship Studies*, vol. 18, is. 6–7, pp. 615–629.
- Dickens L., Couldry N., Fotopoulou A. (2015) News in the community? Investigating emerging inter-local spaces of news production/consumption, *Journalism Studies*, vol. 16, no. 1, pp. 97–114.
- Dickens L. MacDonald R.L. (2014) Displaced encounters with the working class city: camping, storytelling and intergenerational relationships at the Salford Lads Club. In: *Intergenerational Space*. Ed. by R. Vanderbeck, N. Worth. London: Routledge, pp. 81–95.
- Dickens L., MacDonald R.L. (2015) “I can do things here that I can't do in my own life”: The Making of a Civic Archive at the Salford Lads Club, *ACME: An International E-Journal for Critical Geographies*, vol. 14, no. 2, pp. 377–389.
- Edge K. (2000) Music in the Museum: Some Problems in Collecting and Interpreting the Technologies of Pop, *Popular Musicology Online*, iss. 3. URL: <http://www.popular-musicology-online.com/issues/03/edge.html>.

- Hesmondhalgh D. (2001) British Popular Music and National Identity. In: *British Cultural Studies: Geography, Nationality, and Identity*. Ed. by D. Morley, K. Robbins. Oxford: Oxford University Press, pp. 279–280.
- Imperial War Museum North. URL: <http://www.iwm.org.uk/visits/iwm-north>.
- Istvandity L., Baker S., Cantillon Z. (eds.) (2019) *Remembering Popular Music's Past: Memory-Heritage-History*. London: Anthem Press.
- Johansson O., Thomas L.B. (2014) Touring Circuits and the Geography of Rock Music Performance, *Popular Music and Society*, vol. 37, iss. 3, pp. 313–337.
- Kolesnik A.S. (2022) Muzykal'noye naslediye v Severnoy Anglii: primery Sheffilda, Manchester i Liverpulya [Musical Heritage in Northern England: The Cases of Sheffield, Manchester and Liverpool], *Labyrinth. Teorii i praktiki kul'tury*, no. 3, pp. 35–47.
- Kolesnik A.S., Rusanov A.V. (2022) Naslediye-kak-protsess: diskussii o kontsepte kul'turnogo naslediya v sovremennykh sotsial'nykh i gumanitarnykh naukakh [Heritage-as-process: discussions about the concept of cultural heritage in modern social sciences and the humanities], *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya*, vol. 58, no. 3, pp. 58–69.
- Lashua B. (2011) Oral Histories of the Vanishing Social Clubs of Liverpool 8: Mapping Black Musical Experience through Collaborative Inter-Generational Documentary Filmmaking. In: *Identities, Cultures and Voices in Leisure and Sport*. Ed. by B. Watson, J. Harpin. New Jersey: Leisure Studies Association, pp. 39–60.
- Lashua B. (2019) *Popular Music, Popular Myth and Cultural Heritage in Cleveland: The Moondog, the Buzzard and the Battle for the Rock and Roll Hall of Fame*. Bingley: Emerald Group Publishing.
- Leonard M. (2007) Constructing Histories Through Material Culture, *Popular Music History*, no. 2, vol. 2, pp. 147–167.
- Leonard M. (2010) Exhibiting Popular Music: Museum Audiences, Inclusion and Social History, *Journal of New Music Research*, vol. 39, no. 2, pp. 171–181.
- Lowenthal D. (2015) *The Past is a Foreign Country*. Cambridge: Cambridge University Press.
- MacDonald R.L., Couldry N., Dickens L. (2015) Digitisation and Materiality: Researching Community Memory Practice Today, *The Sociological Review*, vol. 63, pp. 102–120.
- Maloney L., Schofield J. (eds.) (2021) *Music and Heritage: New Perspectives on Place-Making and Sonic Identity*. London; New York: Routledge.
- Manchester Music Tours. URL: <https://manchestermusictours.com>.
- Montgomery J. (2005) Cultural Quarters in Dublin, Sheffield, Manchester and Adelaide. In: *City Edge: Case Studies in Contemporary Urbanism*. Ed. by E. Charlesworth. London: The Architectural Press, pp. 84–101.
- Roberts L., Cohen S. (2014) Unauthorising Popular Music Heritage: Outline of a Critical Framework, *International Journal of Heritage Studies*, vol. 20, no. 3, pp. 241–261.
- Salford Lads' Club, Historic England. URL: <https://historicengland.org.uk/listing/the-list/list-entry/1390580>.
- Salford map, Historypin. URL: <https://www.historypin.org/en/salford-local-history-library-collection/geo/53.4791,-2.295709,5/bounds/44.720445,-12.117486,60.741078,7.526068/paging/1>.
- Smith L. (2006) *The Uses of Heritage*. London; New York: Routledge.
- Strachan R., Leonard M. (2010) Introduction: Creativity, Representation and Place. In: *The Beat Goes on: Liverpool, Popular Music and the Changing City*. Ed. by M. Leonard, R. Strachan. Liverpool: Liverpool University Press, pp. 1–10.
- Tales from Camp, The Salford Lads' Club YouTube Channel. URL: <http://www.youtube.com/user/TheSalfordladsclub/videos>.
- The Salford Lads' Club. URL: <http://salfordladsclub.org.uk/>.
- The Smiths – Stop Me If You Think You've Heard This One Before (Official Music Video), YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SckD99B51IA>.
- The Smiths Room, The Salford Lads' Club. URL: <https://salfordladsclub.org.uk/visit/the-smiths-room/>.

Whiteley Sh., Bennett A., Hawkins S. (eds.) (2005) *Music, Space and Place: Popular Music and Cultural Identity*. Aldershot: Ashgate.

Сведения об авторе:

КОЛЕСНИК Александра Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент Школы исторических наук факультета гуманитарных наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: aleksa-kolesnik@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Alexandra S. Kolesnik, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russian Federation). E-mail: aleksa-kolesnik@yandex.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 21 июня 2024 г.;
принята к публикации 19 декабря 2024 г.*

*The article was submitted 21.06.2024;
accepted for publication 19.12.2024.*

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Review

UDC 39:930.2

doi: 10.17223/2312461X/46/10

Recent Books on Digital Research Methodology for Social Scientists: An Overview

Sergei V. Sokolovskiy¹

¹ *Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, SokolovskiSerg@gmail.com*

Abstract. The article presents a brief consideration of recent methodological publications on digital methods in social sciences and humanities, written by the leading specialists in the field of contemporary digital media research. The methods discussed are often subdivided into two main groups, the first one referring to uniquely digital methodologies applied by social scientists for understanding digital technologies and their roles in such disciplines as science and technology studies, techno-anthropology, anthropology and sociology of media, etc.; the second one, pertaining to traditional methods of social and cultural research, is applied to new cyber-media and thus adapting and transforming these methods to what is perceived (compared to classical fieldwork sites and locations) as a radically new environment. The review is focused on the current needs of digital anthropological research, although it is not limited to socio-cultural anthropology and ethnology. As each of the publications and/or methods discussed is adjusted to a certain range of objects or subjects of study that could be thematically classified, their inclusion in this review pays attention to such thematic fields as cyberidentity, users' interests and behavior, digital mediation, ethics of online research, and societal and technological innovation and change.

Keywords: digital media, cyberidentity, digital technologies, culture of everyday, online research methods, digital anthropology, Internet studies

For citation: Sokolovskiy, S.V. (2024) Recent Books on Digital Research Methodology for Social Scientists: An Overview. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 230–239 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/46/10

Обзор

doi: 10.17223/2312461X/46/10

Новые книги по методологии цифровых исследований в социальных науках. Обзор

Сергей Валерьевич Соколовский¹

¹ *Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия, SokolovskiSerg@gmail.com*

Аннотация. Представлен краткий обзор последних публикаций по цифровым методам в социальных и гуманитарных науках, написанных ведущими специали-

стами в области современных исследований цифровых медиа. Обсуждаемые методы часто подразделяются на две основные группы. Первая относится к уникальным цифровым методологиям, применяемым исследователями для понимания специфики цифровых технологий и их роли в таких дисциплинах, как исследования науки и техники, техноантропология, антропология и социология медиа и т.д.; вторая группа объединяет вполне традиционные методы изучения общества и культуры, которые могут использоваться в отношении новых кибермедиа в результате их адаптации и трансформации к тому, что воспринимается (по сравнению с классическим полем и местами полевых исследований) как радикально новая среда. Обзор ориентирован на текущие потребности цифровых антропологических исследований, хотя и не ограничивается социокультурной антропологией и этнологией. Поскольку каждая из обсуждаемых публикаций и/или методов адаптирован/а к определенному кругу объектов или предметов исследования, охватывающих несколько тематических областей, их включение в данный обзор учитывает такие темы, как киберидентичность, интересы и поведение пользователей, цифровое опосредование, этика онлайн-исследований, а также социальные и технологические инновации и изменения.

Ключевые слова: цифровые медиа, кибер-идентичность, цифровые технологии, культура повседневности, методы онлайн-исследований, цифровая антропология, интернет-исследования

Для цитирования: Sokolovskiy S.V. Recent Books on Digital Research Methodology for Social Scientists: An Overview // Сибирские исторические исследования. 2024. № 4. С. 230–239. doi: 10.17223/2312461X/46/10

The exponential growth of Cyber-Universe has become an established and thus trivial fact, but its consequences for everyday life, culture and social relations remain under-researched, whereas the traditional methods of social sciences and humanities, dealing with the transformations of social life and daily routines, are sometimes inadequately adapted for the new realities. During the last quarter of a century social scientists in order to grasp the specifics of new media have drastically reformed their methodological toolkits and have redrawn the boundaries of their respective disciplines and domain specializations, all with the aim to accommodate the novel behavior patterns, rules and procedures that the new information technologies have demanded from various societies and cultures across the globe. The relevant bibliography, even if we take into consideration only books on digital methods in social sciences, thus neglecting the related publications on methods designed specifically for humanities, is vast and rapidly growing with every passing year. So, for a novice it is indispensable to get some navigation assistance in proliferating digital methodologies.

The author of this review aims to meet such a need, but due to the limitations of the article size restricts his analysis in terms of *focus* (the books on methods for anthropologists, rather than for sociologists, or political scientists, have been selected), of *scope* (only ten books have been picked among many others; the criteria of choice are explained below) and *availability* (all books under review have digital editions and are readily available either for online reading or purchase).

What a neophyte of digital research needs is a compendium that covers every method and each stage of every procedure along with the bibliographies for each of the methods or subjects. Fortunately, such a compendium exists, although it is an almost 700-pages volume with 36 chapters, written by 70 scholars and covering all the necessary steps in sufficient detail, from research planning and design to results analysis, from sample methods to research ethics, and from assessing data quality to using AI for data mining. Its first edition with 27 chapters appeared in 2008. It has been thoroughly revised and supplemented by nine new chapters when its second edition has been published in the famous SAGE reference series as “*The SAGE Handbook of Online Research Methods*” ten years later (Fielding, Lee, Blank, 2018). This handbook has been a great success (it has more than a thousand citations), and social science scholars have extensively used it during the pandemic years, when much of field research went online. Its editors have created a unique website with resources that have been specifically designed to online support of digital studies (<https://study.sagepub.com/onlineresearchmethods2e>). The handbook is comprehensive not only in terms of methods and procedures, but also in terms of disciplines covered. Among its contributors there are sociologists, human geographers, media and information studies scholars, psychologists, demographers and statisticians, economists and specialists in business and organization studies, criminologists, computer studies experts, and finally several anthropologists, including such world renowned authors as Michael Fischer, director of the Centre for Social Anthropology and Computing, vice president of the Human Relations Area Files at Yale, and the author of the book *Applications in Computing for Social Anthropologists* (1994). The sheer scope of overview of relevant methods makes SAGE Handbook the first choice among reference guides in the area of social science digital research tools. An anthropologist would certainly appreciate the chapter on the modes and varieties of virtual ethnography, written by Christine Hine. Other pertinent materials include chapters on textual analysis of blogosphere, online research methods of cybergaming, online interviewing and focus groups, cartographic representations of online data, and artificial intelligence in web research.

Another volume on ethnographic methods in the context of network research is *The Routledge Companion to Digital Ethnography* (Hjorth e.a., 2017). Unlike the handbook discussed above, this is a more theoretically and problem-oriented collection of texts on digital research methods. The authors of its 44 chapters are engaged in the debate on what digital ethnography means and how it transforms the concept of anthropological fieldwork (Part I of the book); they analyze the transformations of social fabrics of human groups and societies due to the introduction of new information technologies (Part II); tackle the thorny issues of visibility, voice, online power and authority (Part III), and wrestle with the ideas of place, mobility and co-presence in virtual environment (Part IV). They present research on play and gaming on

the web (Part V), delve into online arts, including photography and film-making (Part VI), assess online infrastructures, such as digital archives, both textual and musical, and mobile financial instruments, etc. (Part VII). Two final parts of the *Companion* are devoted to politics (media activism, political agency, environmental policies, etc.) and to the issues of digital design. The first part that deals with theoretical issues would be especially stimulating for both young and experienced virtual media anthropologists; it features inputs from such leaders in this field as George Marcus, Mike and Kim Fortun, Christine Hine and John Postill.

For those media anthropologists, who want to probe deeper into the history and current state of media studies, there is a seven-volume online edition of *The International Encyclopedia of Media Studies* (Valdivia, 2014), featuring more than two hundred articles by 230 international scholars from across the globe and covering a wide array of subjects from media audiences and media production to media effects and futures. All volumes of this *Encyclopedia* are thematic, and the seventh one is devoted to research methods in media studies; its chapter 22 covers digital ethnography of media practices and contains an overview of relevant methods (Ardévol, Gómez-Cruz, 2014). The chapter authors provide an overview of the different approaches to digital ethnography depending on the object of study, including (1) the ethnography of online communities, virtual worlds, and social media sites; (2) the connective ethnography proposal through online and offline field settings; and (3) the ethnography of everyday life and the issue of audiences and creative practices in digital media. They also discuss methodological issues relating to conduct of online ethnographic fieldwork, with such issues as participant observation, interviews, as well as digital tools for registering, analyzing, and presenting data. However, one should keep in mind that the focus of this entire collection is on media studies in general, not only on digital media, and the anthropology of media is not emphasized by its various contributors.

Beyond such large-scale reference sources on digital methodology there are collective monographs on methods and quite a number of books by individual authors that merit a digital media anthropologist's attention. I would mention only one such monograph, written by an team of leading anthropologists Tom Boellstorff, Bonnie Nardi, Celia Pearce, and T.L. Taylor, with a foreword by George Marcus, *Ethnography and Virtual Worlds: a Handbook of Method* (Boellstorff et al. 2012). Chapters 4–7 of this book provide a step-by-step description of online ethnographic research, starting with preparation and research design (ch. 4), going in detail into the specifics of participant observation in virtual worlds, including the issues of fieldnotes and data organization (ch. 5), outlining the web interviewing and interview transcription (ch. 6), as well as a diverse array of other relevant data collection methods, such as capturing chatlogs, screenshots, audio and video files, etc. (ch. 7). The book includes also chapters on ethics, data analysis and the

research results writing up. George Marcus compares this book to the *Notes and Queries on Anthropology*, the famous handbook of methods that has served for many generations of ethnographers (Marcus 2012: xiii).

As for the books by individual authors there is yet one more reference source on methods, written by British internet researcher Catherine Dawson (2020) that contains description of sixty various methods for online research, including digital and mobile ethnography; ethno-mining; link analysis; mobile phone interviews; online experiments, online interviewing and focus groups; online observation; smartphone app-based research; social media analytics, etc. Interestingly, there are separate entries for digital and online ethnographies: the author views the term ‘digital ethnography’ as an umbrella notion, encompassing “all forms of digital technology-based ethnography including online, mobile and offline ethnography involving digitalization” (p. 93); the alternative terms include *virtual ethnography*, *network ethnography* or *netnography*, *cyber ethnography*, and *web ethnography* or *webnography*. A standard entry or a chapter of this book contains a definition of the term under consideration, a description of procedures, practices, or technologies it implies, some examples of application of the method or a family of related methods, and a list of relevant publications.

There is a number of authors who have made especially significant contributions to the field of digital ethnography, exploring its applications, challenges, and ethical considerations. Within a short overview it is impossible even to mention all the leading scholars in this field, so I mention here only a few of them, whose impact on the digital research methodology seems to me especially noteworthy, and whose books should be read by every student of digital anthropology. My list of names starts with American scholar Annette Markham, Chair Professor of Media Literacy and Public Engagement at Utrecht University, Professor at RMIT University in Melbourne, and senior research fellow at the Center for Information Policy Research at the University of Wisconsin-Milwaukee, a specialist in internet research ethics, who has authored and edited several books, including *Life Online: Researching Real Experience in Virtual Space*, focused on user experiences (1998); *Internet Inquiry: Conversations about Method* (Markham, Baym, 2009), a book of interviews with the leading digital media scholars; and *Metaphors of Internet: Ways of Being in the Age of Ubiquity* (Markham, Tiidenberg 2020), whose authors explore currently dominant metaphors for Internet and the transformations of its experience. For much of her career as a digital scholar she has been specializing in adapting methods to study the impact of digitalization on identity formation and organizing practices.

Among influential authors, whose books on digital research are viewed as contemporary classics of digital ethnography and could be recommended for every student of cyberspace, is Christine Hine from University of Surrey, UK. She has published *Virtual Ethnography* (2000), and *Ethnography for the*

Internet: Embedded, Embodied and Everyday (2015). In these books she has thoroughly analyzed such methodological issues as the nature of virtual objects in ethnography, the crisis in online ethnography in terms of face-to-face interaction, authenticity and identity in internet contexts, the place of internet in ethnographies of the everyday, etc. She has also edited, individually or as a member of editorial teams, several volumes of article collections, including *Virtual Methods. Issues in Social Research on the Internet* (2005) and *Digital Methods for Social Science. An Interdisciplinary Guide to Research Innovation* (Snee et al. 2016). Both edited collections have covered a wide range of topics from the role of maps in virtual research to the intriguing issue of fieldwork boundaries in cyberspace, and such innovative research methods as asynchronous interviewing and photo elicitation. The methods discussed in these books include various ethnographic approaches, participant observation, interviews, surveys, time and media diaries, trace data, and online experiments. Specifics of digital worlds in comparison to traditional anthropological field research such as the changed conditions of fieldwork, of interviewing, and data collection, the (in)visibilities of online fields, and the relevant aspects of research ethics (anonymity, informed consent, the distinction between public and private spaces) have also been considered by the authors of these volumes. Hine in her introductions focuses specifically on the relationship between the ethnographic method and Internet studies. She distinguishes three main approaches, which she defines as 1) virtual ethnography, 2) connective or online/offline ethnographies, and 3) ethnographies of Internet in everyday life, each approach demanding specific research methods, albeit sometimes applied to the same research case (Hine 2005: 1–16).

The research by E. Gabriella Coleman, a professor at Harvard University, is well known among online scholars and could be recommended for her ethnographic approach to digital media, particularly in the context of cultural politics and vernacular cultures. Her specific focus is the hacking culture, on which she has written several books and articles, including *Phreaks, Hackers, and Trolls* (2012); *Coding Freedom: The Ethics and Aesthetics of Hacking* (Coleman 2013); *Hacker, Hoaxer, Whistleblower, Spy: The Many Faces of Anonymous* (Coleman 2015). In these books she explores the cultural and moral practices of hackers, including ethics and aesthetics of hacking, and the social contexts in which hackers operate. She delves into the world of the group *Anonymous*, examining various faces and roles that this group has taken on over the years, particularly in the context of free and open-source software movement. She has also studied the intersection of hacking, phreaking, and trolling, examining the cultural contexts in which these activities occur (Coleman 2012). In her book on participation, co-edited with several of her colleagues (Barney et al. 2016), she examines the participatory condition in the digital age, highlighting the ways in which digital technologies have changed the modes we interact with information and with other people. Her

publications are full of methodological insights and comprehensively described cases of methods implementation and thus could serve as useful guide for digital research students (e.g. her review *Ethnographic approaches to digital media* (Coleman 2010) is an excellent introduction into digital research methods).

Another sociocultural anthropologist, Heather Horst, from Western Sydney University focuses her research on material culture, digital media, and technology, particularly in Pacific Island contexts. She has co-authored several books pertaining to digital communication technologies: (with Daniel Miller) *The Cell Phone: An Anthropology of Communication* (Horst, Miller 2006), and as a collective authors team member *Hanging Around, Messing Around and Geeking Out: Kids Living and Learning with New Media* (Ito et al., 2010). Horst has also taken part in an innovative collective compendium *Digital Ethnography: Principles and Practices* (Pink et al., 2016), which covers such domains of digital research as experiences, practices, things, relationships, social worlds, localities, and events. She has also co-edited (again with Daniel Miller) an article collection *Digital Anthropology* (Horst, Miller 2012), and with Robert J. Foster *The Moral Economy of Mobile Phones: Pacific Island Perspectives* (Foster, Horst 2018)¹. The first collection includes an important contribution by Tom Boellstorff (the author of the famous *Coming of Age in Second Life: An Anthropologist Explores the Virtually Human*), titled *Rethinking Digital Anthropology* (2012: 39–60). According to Boellstorff digital anthropology is not a discipline (in opposition to virtual anthropology, which is), but a special technique, predicated on online participant observation (p. 40).

Besides *Coming of Age*, an ethnography that documents Tom Boellstorff's three-years long fieldwork as a player in cyber-game *Second life* (2008) and his co-authorship in the already mentioned handbook of online research methods (Boellstorff et al. 2012), he (with Bill Mauer) co-edited an article collection *Data, Now Bigger and Better!* (Boellstorff, Maurer 2015) that discusses the salience of big data for society; its authors seek “to contribute to a vitally important debate over the relationship between data, power, and meaning in the contemporary world” (p. 3). His most recent book on gaming *Intellivision. How a Videogame System Battled Atari and Almost Bankrupted Barbie*, co-authored with Braxton Soderman (Boellstorff, Soderman 2024) covers an overlooked videogame system made by Mattel Electronics and sold from the late 1970s to early 1980s. The book chronicles in great detail the period in the history of US video games industry when video-gaming moved the arcades into the home. Based on over 150 interviews with programmers,

¹ Another useful book, demonstrating how a cell phone has altered our everyday life has been written by an Italian scholar Maurizio Ferraris (translation by Sarah de Sanctis [Ferraris 2014]).

engineers, designers, marketers, and executives, it is an example of multi-sited ethnography and anthropology of materiality, completed with history of all the relevant events in cultural and economic context in the early games industry.

As we all very well know, the choice of methods for online (as practically for any other kind of) research depends to a very large degree on the subject (thematic area) and objects of a particular research project. An anthropologist may study business culture or religion, online communities or smartphone users, media audiences or online behavior, solidarity and identity politics on the web or alienation and race issues, rituals or folklore, cyber-sport or gaming, digital materiality or intangible heritage, etc. Each such field with its methodological and conceptual toolkits now, after more than thirty years of web research and digital studies development, has been comprehensively covered in academic publications, that is why the reading of reference books on methods should always be supplemented for each particular case by a thorough acquaintance with the work of scholars, who have made substantial contributions to this particular research domain and whose sometimes idiosyncratic methodologies might be borrowed and refined for further research.

There are many more excellent authors, whose names have been mentioned in this review only in passing (such as Sarah Pink, or Daniel Miller), or even not mentioned at all (such as Chris Kelty, whose book *Two Bits. The Cultural Significance of Free Software*, 2008, although not immediately relevant to the methodological literature discussed here, is definitely a must for understanding the information technology behind the digital reality [Kelty 2008]). Besides books there are thematic academic journals, such as *New Media and Society*, that certainly merit attention of a social scholar with an interest in web-mediated research. This review has not touched as well upon the more specific literature, tailored to the needs of many special anthropological subdisciplines. For instance, anthropologists, specializing in the study of religion/s, who want to enrich their toolkit by methods of online research, might find useful a chapter on digital ethnography, written by Anna Neumaier and published in *The Routledge Handbook of Research Methods in the Study of Religion* (2022), in which she discusses specifics of online research of religious communities with a particular focus on virtual field construction and research ethics. But any review is a product of selection and constraint. The reviewer hopes that the books and authors included in this overview would serve as a comprehensive and up-to-date introduction into the online research methodology not only for anthropologists, but also for social scholars of many disciplinary interests.

References

- Ardévol E., Gómez-Cruz E. (2014) Digital Ethnography and Media Practices (ch. 22). In Darling-Wolf F. (Ed.). Vol. VII. *Research Methods in Media Studies*. John Wiley & Sons

- (Valdivia A.N. (Gen. ed.) *The International Encyclopedia of Media Studies*, in 7 vols.). URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/book/10.1002/9781444361506>.
- Barney D., Coleman, G., Ross, C., Sterne, J., & Tembeck T. (Eds.). (2016) *The Participatory Condition in the Digital Age*. Minnesota: University of Minnesota Press.
- Boellstorff T. (2008) *Coming of Age in Second Life: An Anthropologist Explores the Virtually Human*. Princeton: Princeton University Press.
- Boellstorff T. (2012) Rethinking Digital Anthropology. In Horst, H., & Miller, D. (Eds.). *Digital Anthropology*. N.Y.: Berg. pp. 39–60.
- Boellstorff T., Nardi, B., Pearce, C., & Taylor, T.L. (2012) *Ethnography and Virtual Worlds: a Handbook of Method*. Princeton: Princeton University Press.
- Boellstorff T., & Maurer B. (2015) *Data, Now Bigger and Better!* Chicago: Prickly Paradigm Press.
- Boellstorff T., & Soderman B. (2024) *Intellivision. How a Videogame System Battled Atari and Almost Bankrupted Barbie*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Coleman E.G. (2010) Ethnographic approaches to digital media. *Annual review of anthropology*, 39(1), pp. 487–505.
- Coleman E.G. (2012) Phreaks, hackers, and trolls. In M. Mandiberg (ed.). *The social media reader*. N.Y.: New York University Press. pp. 99–119.
- Coleman E.G. (2013) *Coding freedom: The ethics and aesthetics of hacking*. Princeton: Princeton University Press.
- Coleman E.G. (2015) *Hacker, hoaxer, whistleblower, spy: The many faces of Anonymous*. N.Y.: Verso books.
- Dawson C. (2020) *A-Z of digital research methods*. N.Y.: Routledge.
- Ferraris M. (2014) *Where are you? An Ontology of the Cell Phone*. N.Y.: Fordham University Press.
- Fielding, N.G., Lee, R.M., & Blank, J. (Eds.) (2018) *The SAGE Handbook of Online Research Methods*. L.: SAGE.
- Fischer, M. (1994). *Applications in Computing for Social Anthropologists*. L.: Routledge.
- Foster R.J., & Horst, H. (Eds.) (2018) *The Moral Economy of Mobile Phones: Pacific Island Perspectives*. Acton: ANU Press.
- Hine, C. (2000) *Virtual Ethnography*. L.: Sage.
- Hine C. (2015) *Ethnography for the Internet: Embedded, Embodied and Everyday*. L.: Bloomsbury.
- Hine C. (Ed.). (2005) *Virtual Methods. Issues in Social Research on the Internet*. N.Y.: Berg.
- Hjorth L., Horst, H., Galloway, A., & Bell, G. (Eds.) (2017) *The Routledge Companion to Digital Ethnography*. N.Y.: Routledge.
- Horst H. (ed.) (2009) *Hanging Out, Messing Around and Geeking Out: Kids Living and Learning with New Media*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Horst H., & Miller, D. (2006) *The Cell Phone: An Anthropology of Communication*. Oxford: Berg.
- Horst H., & Miller, D. (2012) *Digital Anthropology*. N.Y.: Berg.
- Ito M., Baumer, S., Bittanti, M., boyd, d., Cody, R., Herr-Stephenson, B., Horst, H., Lange, P., Mahendran, D., Martínez, K., Pascoe, C., Perkel, D., Robinson L., Sims, C., & Tripp, L. (2009) *Hanging Out, Messing Around, and Geeking Out: Kids Living and Learning with New Media* Cambridge, MA: MIT Press.
- Kelty, C. (2008). *Two Bits. The Cultural Significance of Free Software*. Durham: Duke University Press.
- Marcus G. (2012) Foreword. In Boellstorff T. e.a. (Eds.). *Ethnography and Virtual Worlds: a Handbook of Method*. Princeton: Princeton University Press, pp. xiii–xvii.
- Markham A. (1998) *Life Online: Researching Real Experience in Virtual Space*. N.Y.: Altamira press.
- Markham A., & Baym, N. (Eds.) (2009) *Internet Inquiry: Conversations about Method*. L.: Sage.

- Markham A., & Tiidenberg, K. (Eds.) (2020) *Metaphors of Internet: Ways of being in the age of Ubiquity*. L.: Peter Lang.
- Neumaier A. (2022) Digital Ethnography. In Engler, S., & Stausberg M. (Eds.). *The Routledge Handbook of Research Methods in the Study of Religion*. N.Y.: Routledge. pp. 217–228.
- Pink S., Horst, H., Postill, J., Hjorth, L., Lewis, T., & Tachi J. (2016) *Digital Ethnography: Principles and Practices*.
- Snee H., Hine, C., Morey, Y., Roberts, S., & Watson, H. (Eds.) (2016) *Digital Methods for Social Science. An Interdisciplinary Guide to Research Innovation*. Houndmills: Palgrave Macmillan.
- Valdivia A.N. (Gen. ed.) (2014) *The International Encyclopedia of Media Studies*, in 7 vols. L.: John Wiley & Sons.

Сведения об авторе:

СОКОЛОВСКИЙ Сергей Валерьевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). E-mail: SokolovskiSerg@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Sergei V. Sokolovskiy, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: SokolovskiSerg@gmail.com

The author declares no conflict of interests.

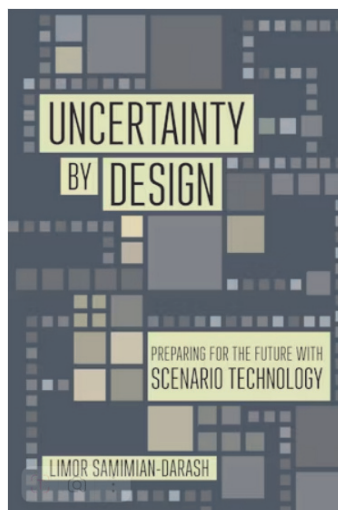
*Статья поступила в редакцию 7 октября 2024 г.;
принята к публикации 19 декабря 2024 г.*

*The article was submitted 07.10.2024;
accepted for publication 19.12.2024.*

Рецензия
УДК 001.18
doi: 10.17223/2312461X/46/11

Сценарии будущего в антропологической оптике

Samimian-Darash, Limor.
Uncertainty by design: preparing for the future with scenario technology. Ithaca [New York]: Cornell University Press, 2022. xv, 185 pp. ISBN 9781501762482 (pdf). Series: Expertise: cultures and technologies of knowledge.

Для цитирования: Функ Д.А. Сценарии будущего в антропологической оптике (Рец. на: Samimian-Darash, Limor. Uncertainty by design: preparing for the future with scenario technology. Ithaca [New York]: Cornell University Press, 2022. xv, 185 pp. ISBN 9781501762482 (pdf). Series: Expertise: cultures and technologies of knowledge) // Сибирские исторические исследования. 2024. № 4. С. 240–245. doi: 10.17223/2312461X/46/11

For citation: Funk, D.A. (2024) Scenarios for the Future in Anthropological Optics (Review of Samimian-Darash, Limor. Uncertainty by design: preparing for the future with scenario technology. Ithaca [New York]: Cornell University Press, 2022. xv, 185 pp. ISBN 9781501762482 (pdf). Series: Expertise: cultures and technologies of knowledge). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 240–245 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/46/11

Имя Лимор Самимиан-Дараш, доцента Еврейского университета Иерусалима, хорошо известно всем, кто интересуется феноменом неопределенности с точки зрения антропологии, главным образом благодаря ее совместной работе с Полом Рабиноу “Modes of Uncertainty: Anthropological Cases”, вышедшей почти 10 лет тому назад (Samimian-Darash, Rabinow 2015). Новая книга, в отличие от предыдущей – сборника статей, является авторской монографией.

Неопределенность будущего, впрочем, и настоящего тоже, – одна из важнейших проблем, с которой человечество сталкивается на всем протяжении своего существования. Можно ли предвидеть будущее, как

наилучшим способом и при этом обоснованно можно представить альтернативные его варианты, как подготовиться к нежелательным (только ли нежелательным?) событиям и как вести себя, когда это произойдет, – вот лишь небольшой список всем нам известных вопросов к будущему. В последние несколько десятилетий в мировой управленческой практике стал активно использоваться термин «сценарии», или «сценарное планирование». Этот термин возник изначально в сфере безопасности и гражданской обороны, но в настоящее время он активно используется в различных областях знания и в экспертных работах, в частности в контексте анализа изменений климата, в здравоохранении, энергетике. С помощью сценариев не только государства, но и крупные корпорации и даже местные организации пытаются сейчас представить себе будущее и неким образом подготовиться к нему. В антропологии этот подход начал использоваться в сфере оценок социального воздействия управленческих решений (хотя не столь часто, как можно было бы), но до сих пор с точки зрения нашей науки он практически не осмыслялся. Книга Самимиан-Дараш посвящена именно этому. Как пишет сама автор, она видит свою задачу в проблематизировании различных способов, с помощью которых общества концептуализируют неопределенное будущее и действуют в нем, и в попытке понять, как и почему возникли определенные социальные технологии, которые влияют на то, как мы воспринимаем наш мир, т.е. в попытке пролить свет на сценарии как на конкретную технологию систематического осмысления, видения и подготовки к будущим неопределенностям (р. 1).

Книга прекрасно структурирована и не в последнюю очередь именно поэтому легко читается. Впрочем, есть еще одно, что значимо облегчает восприятие в общем-то непростого теоретически насыщенного текста. Это способ донесения мысли до читателя, избранный автором. Практически каждое обобщение продолжается одним, двумя, а порой и тремя уточнениями, начинающимися с *i.e.* (т.е.), *in other words* (иными словами), *put (it) differently* (выражаясь иначе) и т.п. Мысль, кажущаяся поначалу сложной, выражается всякий раз не просто проще, но как бы с иных позиций, с применением иной исследовательской оптики и, соответственно, иного исследовательского языка.

Предваряют основную часть книги введение (pp. 1–22) и первая глава. Во введении автор говорит о задачах предпринятого исследования и представляет базовые теоретические концепты, на которые она опирается. В частности, феномен неопределенности Самимиан-Дараш предлагает делить на возможную (*possible*) и потенциальную (*potential*). По ее мнению, возможная неопределенность зависит от прошлых знаний, расчетов и оценок (в частности шансов на реализацию конкретного риска). Она в целом сопоставима с риском, и поэтому для работы с ней существуют

различные соответствующие технологии. Потенциальная же неопределенность, напротив, проистекает не из вопроса о том, будет ли реализована та или иная будущая возможность (как в случае с возможной неопределенностью), а из виртуальной области, способной порождать самые разные варианты актуализации (р. 11). Именно с последней связано сценарное планирование, родившееся в начале 1960-х гг. как ответ на необходимость подготовки к возможной ядерной войне. Сценарии для автора – это выражение новой формы управления, в которой неопределенность является способом верификации, юрисдикции и субъективации. При этом сценарии не выражают ни механизм предсказания, ни основанную на риске рациональность расчета и оценки будущего неопределенности. Скорее, эта основанная на неопределенности технология принимает потенциальность будущего, его неопределенность и порождает неопределенность в своих способах верификации, юрисдикции и субъективации. Вместе взятые, эти различные элементы отражают форму, которую автор называет неопределенностью по замыслу (*uncertainty by design*) (pp. 18–19).

Продолжает вводную часть первая глава («Хроника: проблематизация сценарного мышления», pp. 23–36), в которой детально представлены основные подходы в истории сценарного мышления, связанные с именами американского экономиста и футуролога, сотрудника корпорации RAND и первого директора Гудзоновского института Германа Кана и французского топ-менеджера компании Shell Пьера Вака. Если в работах Кана, разработавшего сценарный подход, впервые было предложено сместить взгляд в рассуждениях о будущем с поиска того, как узнать будущее, к тому, как думать о будущем, т.е. использовать сценарии как уникальное средство осмысления будущего с помощью воображения, то в работах второго был предложен выход технологии сценариев за рамки простого способа противостояния внешнему неизвестному будущему, что способствовало развитию неопределенности как образа мышления.

Последующие четыре главы основаны на собственном полевом материале автора. В них детально разбираются сценарии в области безопасности, энергетики и здоровья, а также практики их создания и реализации на примере израильского Национального агентства по управлению чрезвычайными ситуациями (NEMA, National Emergency Management Authority) (гл. 2 «Построение нарратива: воображение правдоподобного будущего», pp. 37–54 и гл. 3 «Упражнения: практика неопределенностей», pp. 55–71), Европейского регионального офиса Всемирной организации здравоохранения (гл. 4 «Субъективация: принятие неопределенности», pp. 72–96) и Мирового энергетического совета (гл. 5 «Симуляции: возможности и ответы», pp. 97–116). Не только знакомство с имеющимися письменными источниками, как опубликованными, так и первичными документами названных выше организаций, но также и даже,

скорее, в первую очередь опора на проведенные экспертные интервью и результаты включенных наблюдений автора, сопровождаемые в тексте фотографиями, таблицами и рисунками, делают эти главы прекрасным пособием по тому, каким именно образом антрополог может работать со столь непростыми материалами.

Размышлять о будущем без использования концепта времени и/или, применительно к сценарному планированию – темпоральности (восприятию времени) – просто невозможно. Так или иначе автор затрагивает это измерение во всей книге, но, кроме того, специально рассматривает эти категории в сценарных технологиях в отдельной главе (гл. 6 «Сценарии, темпоральность и неопределенность», pp. 117–129). Сценарные технологии, как считает Самимиан-Дараш, включает в себя два временных измерения. Первое – это «мышление (по типу) будущее-сейчас» (*future-now thinking*), или «настоящее будущее» (*present future*). Соответствующие сценарии создают настоящее будущее, перенося воображаемые будущие повествования (нарративы, создаваемые в процессе работы аналитических центров и групп) в настоящее и воплощая их в жизнь с тем, чтобы лучше выявить те проблемы, которые иначе вряд ли были бы идентифицированы. Второе – это «будущее настоящее» (*future present*), которое относится к «настоящему» настоящему (“*real*” *present*), но которое произойдет лишь в будущем. Признавая воображаемое будущее и реализуя его в настоящем, обращаясь к будущему настоящему и принимая его потенциальность и открытость, темпоральность сценариев работает, таким образом, одновременно и с реальным, и с виртуальным, отстраняясь при этом от любой линейной концепции времени (оба названных измерения не являются линейными). В этой главе, обращаясь к рассмотренным ранее кейсам, автор приходит к чрезвычайно важным, на мой взгляд, выводам о том, что «темпоральность того или иного подхода к сценарному планированию влияет на контуры неопределенности, наблюдаемые в каждом конкретном случае. Более того, различные форматы или конфигурации сценарных технологий перестраивают способы нашего понимания неопределенности, которая теперь становится не только внешней проблемой будущего, но и внутренним продуктом сценарной технологии. Таким образом, неопределенность конструируется, циркулирует и создается различными способами в рамках различных форматов сценарных технологий» (p. 129).

Несмотря на убедительность и, так сказать, позитивность всех использованных в книге кейсов, автор на всем протяжении книги остается критически мыслящим исследователем. В заключительной главе (гл. 7 «Выводы и критические ограничения», pp. 130–147) она детально обсуждает критические ограничения технологии сценариев, выявившиеся в ходе использования сценариев и симуляций во время пандемии COVID-19.

В завершении Самимиан-Дараш еще более повышает теоретический градус текста, предлагая на суд читателей свои размышления о том, как наука сочетается с воображением. Исходной точкой ее рассуждений в эпилоге («Сценарии и динамика между наукой и воображением», pp. 148–158) стал вопрос «Если воображение действительно отражает горизонт открытости и неопределенности, а практика воображения увеличивает возможные варианты будущего и множественные субъективные видения, то как это проявляется в рамках современных научных рациональностей, представлений и методов?» Кратко, но последовательно и убедительно рассматривая роль воображения в науке, начиная с эпохи романтизма XVIII в., когда оно играло чрезвычайно значимую роль, автор показывает последующие трансформации. В XIX в. оно стало рассматриваться как нечто внешнее по отношению к науке или даже несовместимое с ней и хотя в середине XX в. роль воображения была как бы заново открыта, оно все же оставалось в рамках “art”, т.е. со своими методами и практиками, отличными от “science”. Нечто сходное, но за более короткий промежуток времени произошло с ролью воображения и в сценарном планировании. Если изначально оно рассматривалось как решение проблем, которые не могли быть решены наукой того времени, то по мере развития техник сценарного планирования и выражения их в терминах психокогнитивного, поведенческого и количественного научного дискурсов, т.е. встраивания их в современную научную рациональность, воображение было скрыто, удалено или и вовсе стало ненужным. Исходя из того, что то, что определяется как научное или считается таковым, тоже меняется, автор все же полагает – и ее анализ работы специалистов по сценарному планированию подтверждает правомочность такого взгляда, – что воображение не ограничивается искусством, а является как бы центральной частью или даже методологией планирования при исследовании неизвестного нам будущего, т.е. практическим научным элементом.

Представленная книга не просто дает ответы социального антрополога на злободневные вопросы, связанные с попытками оптимального планирования будущего. Она, что гораздо важнее, заставляет читателя думать о том, как рождается знание, наука в целом, и именно потому книга может быть интересна самому широкому кругу специалистов, причем не только антропологам.

References

Samimian-Darash, Limor, and Paul Rabinow, eds. *Modes of Uncertainty: Anthropological Cases*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2015.

Дмитрий Анатольевич Функ

Сведения об авторе:

ФУНК Дмитрий Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией социокультурной антропологии, Московский государственный лингвистический университет (Москва, Россия); профессор, Северо-Восточный федеральный университет (Якутск, Россия). E-mail: d_funk@iea.ras.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Dmitri A. Funk, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation); The North-Eastern Federal University in Yakutsk (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: d_funk@iea.ras.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 7 ноября 2024 г.;
принята к публикации 19 декабря 2024 г.*

*The article was submitted 07.11.2024;
accepted for publication 19.12.2024.*

Научный журнал

**СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH**

2024. № 4

Редактор Ю.П. Готфрид
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик Д.Э. Уигет

Подписано в печать 19.12.2024 г.
Формат 70×108¹/₁₆. Печ. л. 15,3. Усл. печ. л. 19,9. Гарнитура Times.
Тираж 50 экз. Заказ № 6191. Цена свободная.

Дата выхода в свет 31.01.2025 г.

Отпечатано на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел.: 8(382-2)–52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru